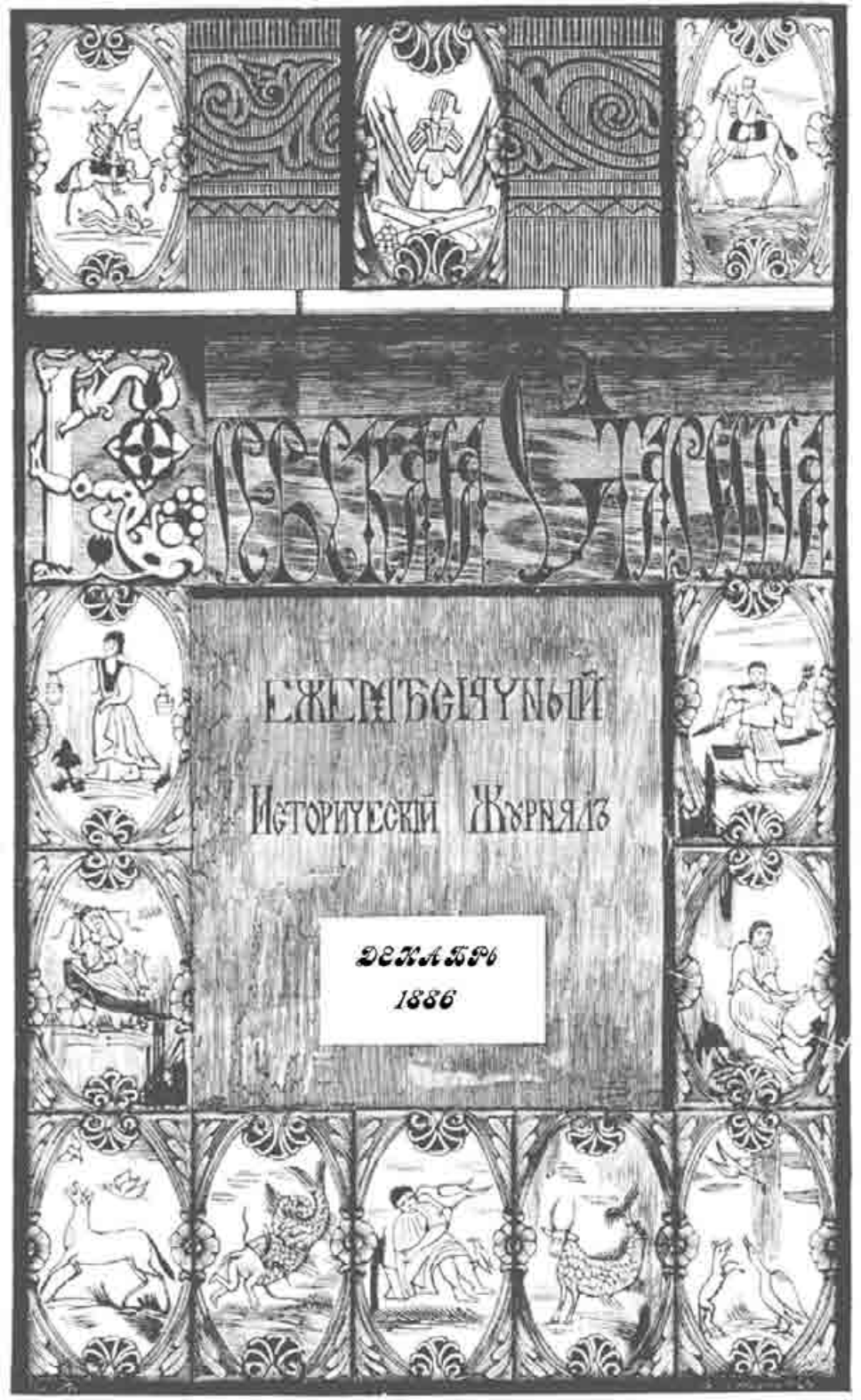

Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Декабрь
1886

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVI. 1886 г.

Сентябрь, 1886 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г ШЕВЧЕНКА. III. НАЙМИЧКА *(Повѣсть) Окончаніе* 1

II. ШАГИНЪ-ГИРЕЙ, ПОСЛѢДНІЙ КРЫМСКІЙ ХАНЪ. (Историческій очеркъ). **Ѳ. Лашкова**. 37

III. ВѢДЬМА. (Полѣсскій разсказъ.) *(Окончаніе)* 81

IV. ЖИТІЕ СКОВОРОДЫ, ОПИСАННОЕ ДРУГОМЪ ЕГО, М. И. КОВАЛѢНСКИМЪ. Съ предисловіемъ **Н. Сумцова** . . . 103

V. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Русская православная старина въ Замостьѣ. Магистра священника Александра Будиловича. Изданіе холмскаго св. Богородичнаго братства. Варшава. 1886 г. —*П. Голубовскаго.*—б) Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII ст. (1715—1774 г.), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кіевскаго губернскаго архива А. А. Андріевскимъ и изданные императорскимъ одесскимъ обществомъ исторіи и древностей. Одесса. 1886 г.—*И. Каманина.*—в) Сѣверный Вѣстникъ 1886 г., № 3-й, стр. 51—72.—Басня Богдана Хмельницкаго. Ст. Г. Ц.—*А. С—ка* 151

VI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) О новооткрытомъ славянскомъ богѣ Раѣ.—*Д. Кравченка.*—б) Къ біографіи В. Н. Забѣлы.—*М. Комарова.*—в) Неизданное стихотвореніе Е. П. Гребенки. —Сообщ. *М. Комаровъ.*—г) Судьба табачной фабрики, заведенной при Петрѣ I-мъ въ Ахтыркѣ.—*А. Твердохлѣбова.*—д) Гетманъ Разумовскій въ нуждѣ.—*А. Т.*—е) Къ исторіи южно-русскихъ братствъ.—ж) Изъ записной книжки южно-русскаго священ-

ника 1725 г.—Сообщ. *В. А.*—з) Къ портрету Иліи Ѳедоровича Новицкаго 163
Приложенія: а) ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1754 г) (*Продолженіе*). . . . . 352—384
б) Портретъ полковника Иліи Ѳедоровича Новицкаго.

Октябрь, 1886 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. IV. БЛИЗНЕЦЫ 199
II. КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ (*Продолженіе*). 252
III. МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. **Н. Ѳ. Сумцова** 265
VI. ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА. (*Продолженіе*). 299
V. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО. (*Продолженіе*) 320
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ, константиновскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ Н. Янчукъ. Москва. 1886 г.—*В. Г.*—б) Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго. А. Скальковскаго. Изданіе третье. Часть III. Одесса. 1886 г.—*И. Каманина.*—в) Списокъ церквей и духовенства холмско-варшавской епархіи. Варшава. 1886 г.—*К. Цыбульскаго* 368
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Гайдамацкій бандуристъ.—*В. Ястребова.*—б) По поводу «Турецкихъ анекдотовъ въ украинской народной словесности».—*О. L.*—в) Къ исторіи скельскаго монастыря.—*А. Твердохлѣбова.*—г) Раскольничьи слободы въ черниговщинѣ въ первой половинѣ XVIII в.—д) Два слова о цыганахъ въ предѣлахъ бывшей Гетманщины.—е)Цѣлебныя воды въ Константиноградѣ.—ж) Поимка Гаркуши въ Ромнѣ.—з) Двѣ сахарно-заводскія пѣсни.—Сообщ. *М. Васильевъ* . . 379
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1754 г.) (*Продолженіе* . . . . . 385—416

Ноябрь, 1886 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. IV. БЛИЗНЕЦЫ. (*Продолженіе*) 409
II. ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА. (*Окончаніе*) 445
III. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО. (*Продолженіе*) 472
IV. КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ. (*Окончаніе*). 500
V. МАЗЕПА И ЕГО «ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА». **И. Каманина** . 522
VI. «КІЕВСКІЙ СТОЛЪ» РАЗРЯДНАГО ПРИКАЗА. **Н. Оглоблина**. 572
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Ród Gedimina, przez Józefa Wolfa. Krakow. 1885 г.—б) Записки императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Т. XIV. Съ 6-ю литографированными листами. Одесса. 1886 г.—в) Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XIII. Акты главнаго литовскаго трибунала. Вильна, 1886 г.—*И. Каманина* . . 553
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Замѣчательный праздникъ въ г. Холмѣ.—*О. П.*—б) Значеніе сельской громады въ судебномъ процессѣ конца XVII в.—*Николая Бакая.*—в) Еще о Гаркушѣ.—*А. Т.*—г) Два документа къ исторіи черниговской типографіи.—Сообщ. *А Лазаревскій.*—д) Рескриптъ императора Павла объ опредѣленіи малороссійскаео дворянства въ военную службу.—е) Ордеръ правителя малороссіи А. Румянцева объ устройствѣ пѣвческой школы въ Глуховѣ.—ж) Голодъ въ Полтавщинѣ въ 1833 и 34 гг. и мѣры принятыя противъ него.—Малорусскія пѣсни у велико-русскихъ крестьянъ.—*Н. А. Добротворскаго* 561
XI. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1278—1753 г.) (*Продолженіе*). . . . . 417—465
XII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Декабрь, 1886 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. БЛИЗНЕЦЫ. (*Окончаніе*). 589

II. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО (1771—1846 г.) *(Окончаніе)* 627
III. КІЕВСКІЯ СМУТЫ СРЕДИНЫ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ. **А. Андріевскаго**. 664
IV. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА Д. ПР. ТРОЩИНСКАГО КЪ КН. Я. И. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ. 709
V. РѢЧЬ АВТОРА «ЯБЕДЫ», В. В. КАПНИСТА, ВЪ ПОЛТАВСКОМЪ ДВОРЯНСКОМЪ СОБРАНІИ. 717
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Уніатское богослуженіе въ XVII и XVII вѣкахъ по рукописямъ виленской публичной библіотеки. Изслѣдованіе И. Ѳ. Одинцова, Вильна. 1886 г.—*К. Цыбульскаго.*—Литературный сборникъ, издаваемый галицко-русскою матицею иодъ редакціей Б. Дѣдицкаго. Вып. I. Львовъ 1886 года.—*W.*—Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ Амфіана С. Лебедева. Москва. 1885 года.—*И. Каманина.*—г) Вліяніе русской колонизаціи на природу Ставропольскаго края, Д. Л. Иванова («Извѣстія имп. рус. географ. общества, 1886. Т. III, стр. 225—255).—*Н. С.* . . . . , 723
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣсколько словъ польскому рецензенту малорусскихъ книжекъ. — *Б. Познанскаго.*—б) Историческая справка о глушковской суконной фабрикѣ.—*Н. Добротворскаго.*—в) Уцѣлѣвшіе остатки архива К. Г. Разумовскаго.—*Н. Бакая.*—г) Къ исторіи малорусскихъ ремесленныхъ издѣлій.—*Н. Сумцова.*—д) Колоколъ «Кизикерменъ».—*В. Е. Бучневича* — е) Эпизодъ изъ предсмертной борьбы Запорожья за цѣлость своихъ владѣній.—*А. Твердохлѣбова.*—ж) Къ одословной гетмана Ивана Мазепы.—з) «Мазепа» г. Чайковскаго.—*В. Г.* 747
IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.
X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) *(Окончаніе)*. . . . . 465—524
XI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

БЛИЗНЕЦЫ.

(ОКОНЧАНІЕ) [1]).

Со времени неудавшейся экскурсіи въ деревню, Ватя не выѣзжалъ уже изъ Оренбурга ажъ до тѣхъ поръ, пока ему въ одно прекрасное апрѣльское утро не объявили, что онъ командируется съ транспортомъ на Раимъ.

О, какъ живописно описалъ онъ это апрѣльское утро въ своемъ дневникѣ! Онъ живо изобразилъ въ немъ и невиданную имъ киргизскую степь, уподобляя ее Сахарѣ, и патріархальную жизнь ея обитателей, и баранту, и похищенія, словомъ все, что было имъ прочитано у П. И. Выжигина, даже до четырехъ странъ свѣта, рѣшительно все припомнилъ.

Отправивши субботній, учетверенный листокъ на почту, Ватя явился, куда слѣдуетъ, по службѣ и на другой день по утру у Орскихъ воротъ ефрейторъ скороговоркою спрашивалъ:

— Позвольте узнать чинъ и фамилію, и куда изволите слѣдовать.

Изъ воротника шинели довольно грубо вылетѣли слова:

— Лекарь Сокира въ Орскую крѣпость. Пошелъ!

И тройка понеслась черезъ форштатъ мимо той церкви и колокольни, на которую Пугачевъ встащилъ двѣ пушки, осаждая Оренбургъ.

До станицы Островной онъ только любовался окрестностью Урала и заходилъ только въ почтовыя станціи, и то, когда хотѣлось пить, но подъѣзжая къ Островной, онъ вмѣсто сѣрой обнаженной станицы увидѣлъ село, покрытое зеленью, и машинально спросилъ ямщика:

— Здѣсь тоже оренбургскіе казаки живутъ?

— Тоже, ваше благородіе, только что хохлы.

Онъ легонько вздохнулъ.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., ноябрьск. кн., стр. 409—444.

— А почтовая станція здѣсь?

— Дальше, въ Озерной.

— Тамъ тоже хохлы живутъ?

— Нѣтъ-съ, наши русскіе.

Подъѣзжая ближе къ селу, ему дѣйствительно представилась малороссійская слобода: тѣже вербы зеленыя и тѣже бѣленькія въ зелени хатки, и даже дѣвочка въ плахтѣ и полевыхъ цвѣтахъ гонитъ корову. Онъ заплакалъ при взглядѣ на картину, такъ живо напоминавшую ему его прекрасную родину.

У первой хаты онъ велѣлъ остановиться и спросилъ у сидящаго на призьбѣ усача, можно ли будетъ ему переночевать у нихъ.

— Можна, чому не можна. Мы добрымъ людямъ рады.

Онъ отпустилъ ямщика и остался ночевать.

Здѣсь онъ впервые въ оренбургскомъ краѣ отвелъ свою душу родною бесѣдою, а чтобы болѣе оживить несловоохотливаго хозяина (какъ и вообще земляки мои то онъ спросилъ, чи есть у нихъ шинкъ?

— Шинку то у насъ, признаться, нема, а такъ люде добри держать про случай.

Ватя послалъ за водкою, попотчивалъ хозяина и хозяйку, а маленькому Ивасеви далъ кусочекъ сахару.

Хозяинъ сталъ говорливѣе, хозяйка проворнѣе заходила около печки съ чаплѣею. Только одинъ Ивась стоялъ, воткнувши въ ротъ пальцы вмѣстѣ съ сахаромъ, и изъ подлобья посматривалъ на гостя.

Не замедлили цыплята закричать за хатою и также не замедлили явиться на столъ съ парою свѣжепросольныхъ огурчиковъ къ услугамъ гостя.

— Закушуйте, будьте ласкави,—говорила хозяйка, ставя на столъ цыплята,—а я тимъ часомъ побижу до Домахи, чи не позычу съ 10 яець, а то въ насъ признатьця уси выйшли.

И она проворно вышла изъ хаты.

На другой день по утру хозяинъ нанялъ Ватѣ пару лошадей до станціи, а догадливая хозяйка поднесла ему въ складнѣ на дорогу пару цыплятъ жареныхъ, 10 яицъ и столько-же свѣжепросольныхъ огурцовъ. Принимая все это, Ватя спросилъ, что онъ имъ долженъ за все.

— Та признатьця намъ бы ничого не треба, та думка така, що треба-бъ дитыни чоботки купить.

Онъ подалъ ей полтинникъ.

— Господь зъ вами! та ёму й за гривенничокъ Вакула пошие.

— Ну, тамъ соби якъ знаешъ, сказалъ Ватя и простился со своими гостепріимными земляками.

Переночевалъ онъ еще въ Губерлѣ (предпослѣдняя станція предъ Орскою крѣпостью), собственно для того, чтобы полюбоваться на другой день губерлинскими горами. На другой день передъ вечеромъ онъ былъ въ виду Орской крѣпости.

Вотъ какъ онъ разсказываетъ въ своей «Мухѣ» впечатлѣніе, произведенное видомъ этой крѣпости.

«23 апрѣля. До 12 часовъ я гулялъ въ губерлинской рощѣ и любовался окружающими ее горами, чистой рѣчечкой Губерлей, прорѣзывающею рощу и извивающеюся около самыхъ казачьихъ хатъ. Пообѣдавши остатками подарка моей догадливой землячки, я оставилъ живописную Губерлю. Нѣсколько часовъ подымался я извилистою дорогою на губерлинскія горы. У памятника, поставленнаго въ горахъ, на дорогѣ, на память какого-то трагическаго происшествія, я напился прекрасной родниковой воды. Поднялся на гору, и тутъ открылась плоская однообразная пустыня, а среди пустыни торчитъ одинокая будочка, а около нея высокій шестъ, обернутый соломою. Это казачій пикетъ. Проѣхавши пикетъ, я началъ спускаться по плоской наклонности къ станціи Подгорной и перемѣнивъ здѣсь лошадей, подымался часа два на плоскую возвышенность, съ которой открылась душу леденящая пустыня. Спустя минуту, послѣ тягостнаго впечатлѣнія, я сталъ всматриваться въ грустную панораму и замѣтилъ на срединѣ ея бѣленькое пятнышко, обведенное краснобурою лентою.

— А вотъ и Орская бѣлѣетъ,—сказалъ ямщикъ, какъ бы про себя.

— Такъ вотъ она знаменитая Орская крѣпость, почти въ слухъ проговорилъ я, и мнѣ сдѣлалось грустно, невыносимо грустно, какъ будто меня, Богъ знаетъ, какое несчастіе ожидало въ этой крѣпости, а страшная пустыня, ее окружающая, казалась мнѣ разверзстою могилою, готовою похоронить меня заживо. Въ Губерлѣ я былъ совершенно счастливъ, вспоминалъ васъ, мои незабвенные, воображалъ себѣ, какъ Степанъ Мартыновичъ читаетъ Тита Ливія подъ липою, а батюшка слушаетъ его, дѣлаетъ иногда свои замѣчанія на римскаго витію-историка, и вдругъ такая перемѣна! Неужели такъ сильно дѣйствуетъ декорація на воображеніе наше? Выходитъ, что такъ.

Подъѣзжая ближе къ крѣпости, я думалъ (странныя думы), поютъ ли пѣсни въ этой крѣпости и готовъ былъ, Богъ

знаетъ что прозакладывать, что не поютъ. При такой декораціи возможно только мертвое молчаніе, прерываемое тяжелыми вздохами, а не звучными пѣснями. Подвигаясь ближе и ближе по широкому, едва зеленью подернутому лугу, я ясно уже могъ различить крѣпость: бѣлое пятнышко—это была небольшая каменная церковь на горѣ, а краснобурая лента—это были крыши казенныхъ зданій, какъ-то: казармъ, цейхгаузовъ и проч.

Переѣхавши по деревянному, на весьма жидкихъ сваяхъ, мостику, мы очутились въ крѣпости. Это обширная площадь, окруженная съ трехъ сторонъ каналомъ аршина въ три шириною, да валомъ съ соразмѣрною вышиною, а съ четвертой стороны Ураломъ. Вотъ вамъ и крѣпость. Не даромъ ее киргизы называютъ Ямамъ-кала. По моему, это самое приличное ей названіе. На мѣстѣ этой Ямамъ-калы предполагалось когда-то основать областной городъ. Хорошъ былъ бы городъ! хотя, правду сказать, и Оренбургъ малымъ чѣмъ выигрываетъ въ отношеніи мѣстности. Вотъ что оживляло первый планъ этой сонной картины: толпа клейменыхъ колодниковъ исправляла дорогу для пріѣзда корпуснаго командира, а ближе къ казармамъ на площади маршировали солдаты. Проѣзжая тихо мимо марширующихъ солдатъ, мнѣ рѣзко бросился въ глаза одинъ изъ нихъ, высокій, стройный, и—странная игра природы! чрезвычайно похожъ на брата Зосю. Меня такъ поразило это сходство, что я цѣлую ночь не могъ заснуть, создавая самыя несбыточныя исторіи на счетъ брата; да еще вонючая татарская лачуга, отведенная мнѣ въ видѣ квартиры, окончательно разогнала мой сонъ.

31 апрѣля. Съ больною головою явился я сегодня къ коменданту, а отъ него пошелъ познакомиться къ собрату по наукѣ. Собратъ по наукѣ показался мнѣ чѣмъ-то въ родѣ жердели спѣлой и послѣ обоюдныхъ привѣтствій сказалъ мнѣ, въ видѣ комплимента, что я чрезвычайно похожъ на одного несчастнаго, присланнаго недавно сюда изъ Астрахани. Я спросилъ его, что значитъ слово «несчастный». Онъ пояснилъ мнѣ, и я, простившись съ нимъ, пошелъ искать баталіонную канцелярію. Въ канцеляріи у писаря спросилъ я, нѣтъ ли въ ихъ баталіонѣ недавно присланнаго рядоваго Зосима Сокирина. Писарь отвѣчалъ: есть, и взглянувши мнѣ въ лицо, прибавилъ: Зосимъ Никифоровичъ.

— Можно ли мнѣ прочитать его кофирмацію?

— Можно-съ.

И я прочиталъ вотъ что: «по конфирмаціи военнаго суда за разные противузаконные и безнравственные поступки записывается въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ Зосимъ Сокиринъ съ выслугою».

— Нельзя мнѣ видать этого рядоваго? спросилъ я у писаря.

— Можно-съ. Извольте слѣдовать за мной, отвѣчалъ услужливый писарь и провелъ меня въ казармы.

Я не описываю вамъ нечистоты и смрада, возмущающихъ душу и вѣчно присущихъ всѣмъ казармамъ. Не читайте маменькѣ, ради Бога, этого письма! Она, бѣдная, не перенесетъ этого тяжкаго удара. На нарахъ въ толстой грязной рубахѣ сидѣлъ Зося и, положа голову на колѣни, какъ титанъ Флоксмана, пѣлъ какую-то солдатскую нескромную пѣсню. Увидя меня, онъ сконфузился, но сейчасъ же оправился и заговорилъ.

— А, это ты братъ, Ватя?

— Я.

— А это я, сказалъ онъ, вытягиваясь передо мною во фронтъ.

Меня въ трепетъ привело его непритворное равнодушіе. Я былъ ошеломленъ его отвѣтомъ и движеніемъ и долго не могъ сказать ему ни слова. А онъ все стоялъ передо мною на вытяжку, какъ бы издѣваясь надо мною. Наконецъ я собрался съ духомъ и спросилъ его, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Нужно,—отвѣчалъ онъ, не перемѣняя позиціи.

— Чего же тебѣ нужно?

— Денегъ.

— Но я много не могу тебѣ предложить.

— Сколько можешь.

Я далъ ему десяти-рублевый билетъ.

— Спасибо, братъ,—сказалъ онъ, принимая деньги и потомъ прибавилъ: мы ей протремъ глаза.

Уходя изъ казармъ, я просилъ его, чтобы онъ заходилъ ко мнѣ въ свободное время, пока я уйду въ степь.

Бывало мнѣ иногда грустно, тяжело грустно, но такой гнетущей грусти я никогда еще не испытывалъ. Мнѣ казалось, что я видѣлъ Зосю во снѣ, что на самомъ дѣлѣ невозможно такое превращеніе въ человѣкѣ, такое помертвѣніе всего человѣческаго. Придя на квартиру, я посмотрѣлъ свой бумажникъ и, не находя

10 рублей, убѣдился, что это дѣйствительно Зося. Боже мой! Что же тебя такъ страшно превратило? Неужели воспитаніе? Нѣтъ, воспитаніе скорѣе ничего не сдѣлаетъ изъ человѣка, или только опошлитъ его, но превратить его въ грубое животное никакое воспитаніе не въ силахъ.

— Что же, наконецъ, довело тебя до этого жалкаго состоянія, мой бѣдный Зося? спрашивалъ я самъ себя и не могъ въ себѣ найти отвѣта».

Во всѣ остальные дни пребыванія своего въ Орской крѣпости въ дневникѣ Вати ничего интереснаго не было записано. Транспортъ собирался въ крѣпость и готовился къ 12 мая выступить въ степь, слѣдовательно, кромѣ башкирцевъ, телѣгъ, верблюдовъ, казаковъ, солдатъ, онъ ничего больше не видѣлъ, а видѣнное имъ въ эти дни весьма неинтересно, особенно на бумагѣ. Братъ навѣстилъ его только одинъ разъ съ какимъ-то пьянымъ офицеромъ, съ которымъ онъ былъ на ты, и просилъ у него денегъ сначала 100 рублей, потомъ 50, потомъ 25 и наконецъ 10. Десять Ватя обѣщалъ ему дать завтра, когда онъ отрезвится. Зося божился, что онъ совершенно трезвый; товарищъ его честью даже ручался, что у Зосима росинки во рту не было, а не то чтобы.... Видя недѣйствительность ручательства благороднѣйшаго малаго, Зося попросилъ у брата цѣлковый на выпивку, въ чемъ ему Ватя благоразумно не отказалъ, а иначе онъ могъ бы довести пьянаго звѣря до неистовства, а тамъ недалеко и до полиціи, однимъ словомъ заключеніе визита могло выйти самое сценическое.

Взявши цѣлковый, Зося ловко щелкнулъ пальцемъ, проговоря: «живемъ»! и сдѣлавъ налѣво-кругомъ, вышелъ изъ комнаты.

Чудакъ, а благороднѣйшій малый! говорилъ его товарищъ, раскланиваясь съ Ватей.

Это было послѣднее свиданіе Вати съ братомъ въ Орской крѣпости.

Спустя дня два послѣ этого грустнаго свиданія, Ватя служилъ за Орью напутственный молебенъ, а черезъ полчаса огромной темною массою транспортъ двинулся въ степь, подымая сѣрыя облака пыли. Спустя еще полчаса, изъ-за Ори начали возвращаться въ крѣпость провожавшіе транспортъ, но между ими не видно было

чудака, но благороднѣйшаго малаго. Ватя безприв'ѣтный исчезалъ въ облакахъ пыли.

Въ послѣднемъ письмѣ изъ Орской крѣпости, Ватя писалъ своимъ хуторянамъ, чтобы они долго не ждали отъ него «мухи», что онъ выходитъ въ степь, а въ походѣ и при такомъ огромномъ транспортѣ ему, можетъ быть, некогда будетъ и подумать о письмѣ; «а когда возвращусь изъ Раима, прибавлялъ Ватя, тогда, дастъ Богъ, опишу вамъ все мною видѣнное съ возможными подробностями». Но случилось такъ, что онъ долженъ былъ въ раимскомъ укрѣпленіи смѣнить лекаря N. и остаться вмѣсто его въ степи въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Вотъ что писалъ онъ потомъ:

«Мои милые, мои незабвенные хуторяне!

Я обѣщался вамъ описать подробно свой походъ по возвращеніи въ Оренбургъ. Но мнѣ суждено туда возвратиться не скоро: я смѣнилъ здѣсь товарища и останусь въ укрѣпленіи, пока суждено будетъ кому нибудь смѣнить или замѣнить меня, а пока это случится, я обѣщаю вамъ по прежнему посылать мою уже «Раимскую муху» съ каждою почтою; но такъ какъ почта приходитъ и отходитъ не въ опредѣленное время, то вы и не безпокойтесь о неаккуратномъ появленіи моей мухи на вашемъ благодатномъ хуторѣ. 12 мая транспортъ, въ числѣ 3,000 телѣгъ и 1,000 верблюдовъ, выступилъ изъ Орской крѣпости. Первый переходъ, съ непривычки, можетъ быть, я ничего не могъ видѣть и слышать, кромѣ облака пыли, телѣгъ, башкирцевъ, верблюдовъ и полуобнаженныхъ верблюдо-вожатыхъ киргизовъ, словомъ первый переходъ пройденъ былъ быстро и незамѣтно. На другой день мы тронулись съ восходомъ солнца. Утро было тихое, свѣтлое, прекрасное, я ѣхалъ съ передовыми уральскими козаками впереди транспорта за полверсты и вполнѣ могъ предаваться своей тихой грусти и созерцанію окружающей меня природы. Это была ровная, безъ малѣйшей со всѣхъ сторонъ возвышенности и, какъ бѣлой скатертью, ковылемъ покрытая необозримая степь. Чудная, но вмѣстѣ и грустная картина! Ни кусточка, ни балки, совершенно ничего, кромѣ ковыля, да и тотъ стоитъ, не пошевелится, какъ окаменѣлый, ни шелесту кузнечика, ни чиликанья птички, ни даже ящерица не сверкнетъ передъ тобою своимъ пестренькимъ граціознымъ хребтомъ: все, кромѣ ковыля, умерщевлено, нѣмо все и бездыханно, только сзади

тебя глухо стонетъ какое-то исполинское чудовище, это двигающійся транспортъ. Солнце подымалось выше и выше, степь какъ будто начала вздрагивать, шевелиться, еще нѣсколько минутъ и на горизонтѣ показались бѣлыя серебристыя волны, и степь превратилась въ океанъ-море, а боковые аванъ-посты начали расти, расти и мгновенно превратились въ корабли подъ парусами. Очарованіе длилось не долго; черезъ полчаса степь приняла опять свой безотрадный монотонный видъ, только боковые козаки попарно двигались, какъ два огромныя темныя дерева. Изъ-за горизонта начала показываться бѣлая тучка. Я ужасно обрадовался этому явленію, все-таки разнообразіе. Начинаю любоваться ею, а она лукавая вдругъ расплывется въ воздухѣ, то снова вдругъ покажется изъ-за горизонта.

— Вишь ты, собаки, что выдумали?—проговорилъ одинъ козакъ.

— А что такое, Дій Степанычъ? спросилъ у него другой.

— Рази ослѣпъ, не видишь, степь горитъ.

— И всамдѣль горитъ; вишь собаки!

Я сталъ внимательнѣе всматриваться въ горизонтъ и дѣйствительно вмѣсто тучки увидѣлъ бѣлые клубы дыма, быстро исчезающіе въ раскаленномъ воздухѣ. Къ полдню пахнулъ на встрѣчу намъ тихій вѣтерокъ, и я почувствовалъ уже легкій запахъ дыма. Вскорѣ открылась серебрянная лента Ори, и далеко выдавшійся къ намъ на встрѣчу заливъ освѣжилъ воздухъ; я вздохнулъ свободнѣе, и пока транспортъ раскидывался своимъ исполинскимъ каре вокругъ залива, я уже купался въ немъ. Пожаръ былъ все еще впереди насъ, и мы могли видѣть только одинъ дымъ, а пламя еще не показывалось изъ-за горизонта. Съ закатомъ солнца началъ освѣщаться горизонтъ блѣднымъ заревомъ; съ приближен!емъ ночи зарево краснѣло и къ намъ близилось; изъ за темной горизонтальной, чуть чуть кое-гдѣ изогнутой линіи начали показываться красныя струи и язычки. Въ транспортѣ все затихло, какъ-бы ожидая чего-то необыкновеннаго. И дѣйствительно, невиданная картина представилась моимъ изумленнымъ очамъ: все пространство, видѣнное мною днемъ, какъ бы расширилось и облилось огненными струями почти въ параллельныхъ направленіяхъ. Чудная, неописанная картина! Я всю ночь просидѣлъ подъ своей джеломейкою и, любуясь огненною картиною, вспоминалъ нашего почтеннаго ху-

дожника Павлова; онъ часто мнѣ говорилъ: «учись, учись рисовать, эта наука никакой наукѣ не помѣшаетъ».—И правда, какъ бы теперь было кстати это прекрасное искусство!

Вблизи транспорта, на темной, едва погнутой линіи, на огненномъ фонѣ показался длинный рядъ движущихся верблюжихъ силуэтовъ. Тутъ мнѣ не на шутку стало досадно, что я не умѣю рисовать. Верблюды двигались одинъ за другимъ по косогору и исчезали въ красноватомъ мракѣ, точно китайскія тѣни. На одномъ изъ нихъ между горбовъ сидѣлъ обнаженный киргизъ и импровизировалъ свою однотонную, какъ и степь его, пѣсню. Картина была полная, и я въ изнеможеніи тутъ-же подъ джеломейкою уснулъ. Во снѣ повторилась таже огненная картина съ прибавленіемъ Содома и Гоморры Мартенса. Меня разбудилъ вѣстовой, транспортъ готовъ былъ двинуться, я успѣлъ еще кое-какъ выпить стаканъ чаю, пока убирали мою джеломейку, сѣлъ на коня и поѣхалъ съ передовыми козаками.

Мы долго ѣхали по обгорѣлой степи, и теперь-то, глядя на эти чорныя безконечныя равнины, я убѣдился, что не во снѣ, а настоящій пожаръ я видѣлъ вчера. Къ полдню мы подошли опять къ берегамъ Ори и расположились на ночлегъ. Слѣдующій переходъ мы шли въ виду Ори и степь казалась разнообразнѣе, кой-гдѣ выдавались косогоры, мѣстами даже бѣлѣли обрывы береговъ Ори, иногда показывался камышъ и даже кусты саксаула. Переправившись на другой берегъ Ори, транспортъ опять раскинулъ свое гигантское каре.

По обыкновенію транспортъ снялся съ восходомъ солнца, только я не по обыкновенію остался въ арріергардѣ. Орь осталася вправо, степь принимала по прежнему свой однообразный, скучный видъ. Въ половинѣ перехода я замѣтилъ, что люди начали отдѣляться отъ транспорта, кто на конѣ, а кто пѣшкомъ, и всѣ въ одномъ направленіи. Я спросилъ о причинѣ сего у ѣхавшаго около меня башкирскаго тюря, и онъ сказалъ мнѣ, указывая нагайкою на темную точку: «*мана аулья агичъ*» (здѣсь святое дерево). Это слово меня изумило: какъ! въ этой мертвой пустынѣ дерево? и ужъ конечно, коли оно существуетъ, такъ должно быть святое. За толпою любопытныхъ и я пустилъ своего воронка. Дѣйствительно, верстахъ въ 2-хъ отъ дороги, въ ложбинѣ, зеленѣло тополевое старое дерево.

Я засталъ уже вокругъ него порядочную толпу, съ удивленіемъ и даже (такъ мнѣ казалось) съ благоговѣніемъ смотрѣвшую на зеленую гостью пустыни. Вокругъ дерева и на вѣткахъ его навѣшаны набожными киргизами кусочки разноцвѣтныхъ матерій, ленточки, пасмы крашенныхъ лошадиныхъ волосъ и самая богатая жертва— это шкура дикой кошки, крѣпко привязанная къ вѣткѣ. Глядя на все это, я почувствовалъ уваженіе къ дикарямъ за ихъ невинныя жертвоприношенія. Я послѣдній уѣхалъ отъ дерева и долго еще оглядывался, какъ бы не вѣря видѣнному мною чуду. Я оглянулся еще разъ и остановилъ коня, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться на обоготвореннаго зеленаго великана пустыни; подулъ легенькій вѣтерокъ, и великанъ привѣтливо кивнулъ мнѣ своей кудрявой головой, а я, въ забытьи, какъ-бы живому существу, проговорилъ «прощай» и тихо поѣхалъ за скрывавшимся въ пыли транспортомъ.

Мы остановились на рѣчкѣ Карабутикѣ, вблизи возвышавшагося въ то время форта. Здѣсь у насъ была дневка, и какъ съ нами слѣдовалъ священникъ, то на другой день былъ пѣтъ молебенъ и освящено мѣсто для форта. Меня, въ числѣ другихъ, пригласилъ строитель форта раздѣлить его походный обѣдъ въ кибиткѣ, и здѣсь то я познакомился съ нимъ, съ единственнымъ человѣкомъ во всемъ безлюдномъ оренбургскомъ краѣ. Послѣ долгой, самой задушевной бесѣды мы съ нимъ разстались уже ночью. На дорогу подарилъ онъ мнѣ бутылку острогону и пару лимоновъ, драгоцѣнный даръ въ такой пустынѣ, какова Каракумы, гдѣ я и оцѣнилъ эту драгоцѣнность по достоинству.

Отъ Карабутика до Иргиза перешли мы еще двѣ небольшія рѣчки, Яминъ-Кайроклы и Якши-Кайроклы. Физіономія степи одна и таже, безотрадная, съ тою только разницею, что кой-гдѣ на плоскихъ возвышенностяхъ чернѣютъ, какъ маяки, киргизскія, изъ камней, или просто изъ камышу и гнили сложенныя «мазарки», какъ ихъ называютъ уральскіе козаки, да еще замѣчательно, что все это пространство усыпано кварцемъ. Отъ чего никому въ голову не придетъ на берегахъ этихъ рѣчекъ поискать золота? Можетъ быть и въ киргизской степи возникъ-бы новый Санъ-Франциско. Почемъ знать!

Пройдя усѣянное кварцемъ пространство, мы перешли въ бродъ рѣку Иргизъ и пошли по лѣвому плоскому ея берегу Вдали

на самомъ горизонтѣ синѣла гора, увѣнчанная могилами батырей и киргизскихъ аулья, называемая «мана аулья», т. е. здѣсь святой. Оставивъ гору въ правой рукѣ, мы остановились на берегу Иргиза вблизи могилы батыря Дустана. Этотъ грубо съ глины слѣпленный памятникъ напоминаетъ общей формою саркофаги древнихъ грековъ.

Мы остановились на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вчера на предшествовавшій намъ транспортъ напала шайка хивинцевъ и нѣсколько человѣкъ захватила съ собою, а нѣсколько оставила убитыми, и здѣсь я въ первый разъ видѣлъ обезглавленные и обезображенные трупы, валяющіеся въ степи, какъ какая нибудь падаль. Начальникъ транспорта приказалъ зарыть ихъ, а священникъ отправилъ панихиду по убіеннымъ. Еще переходъ, и мы въ Уральскомъ укрѣпленіи.

Никогда не забуду того грустнаго впечатлѣнія, какое произвелъ на меня видъ этого укрѣпленія.

Верстъ за пятнадцать мы увидѣли на возвышенности кучку чего-то неопредѣленнаго, и на спросъ нашъ у вожака, что это такое, онъ намъ отвѣтилъ «*Иргизъ-кала*».

Мы подошли на такое разстояніе, что можно было ясно различать предметы. Представьте себѣ на сѣромъ фонѣ кучку сѣрыхъ мазанокъ съ камышевыми кровлями, обнесенную земляннымъ валомъ. Это было первое, мною видѣнное, степное укрѣпленіе, поразившее меня такъ непріятно своею грустною наружностью; и дѣйствительно, оно издали было больше похоже на загоны или кошары, чѣмъ на жилище людей.

Пройдя 4 укрѣпленія, мы два раза останавливались на озерахъ, а третій ночлегъ и дневку провели на рѣчкѣ Амаловны; за этой гнилой рѣчкой начинаются страшные Каракумы (черные пески). День былъ тихій и жаркій. Цѣлый день у насъ только и разговору было, что про Каракумы: бывалые въ Каракумахъ разсказывали ужасы, а мы, разумѣется, какъ небывалые, слушали и ужасались.

Задолго до разсвѣта начали вьючить пасущихся верблюдовъ и мазать телѣги. Начальникъ транспорта торопилъ, чтобы какъ можно раньше сняться и до жаровъ пройти переходъ, но представьте наше удивленіе: когда мы вошли въ песчаные бугры, солнышко уже была довольно высоко, а ожидаемаго жару и упеку не было,

и чѣмъ выше солнце подымалось, нордовый вѣтеръ свистѣлъ и дѣлалось холоднѣе, такъ что къ полдню мы принуждены были вооружиться шинелями.

Трое сутокъ мы не снимали шинелей и надъ разсказчиками про ужасы Каракумъ начали было уже подтрунивать, какъ вдругъ вѣтеръ началъ быстро стихать и къ полдню совершенно стихъ; до колодцевъ оставалось еще десять верстъ, и эти десять верстъ показались мнѣ десятью десять. Жара была нестерпимая. Никогда въ жизни я не чувствовалъ такой страшной жажды и никогда въ жизни я не пилъ такой гнусной воды, какъ сегодня. Отрядъ, посылаемый впереди для расчистки колодцевъ, почему-то не нашелъ ихъ, и мы пришли на гнилую солено-горько-кислую воду, а въ добавокъ ее въ ротъ нельзя было взять, не процѣдивши: она пѣнилась вшами и микроскопическими пьявками. Тутъ-то я вспомнилъ подарки моего карабутецкаго друга и, благодаря его догадливости, съ помощью лимона выпилъ стаканъ чаю. Ничѣмъ такъ быстро не утолишь жажды, какъ горячимъ чаемъ въ прикуску. Тотъ только почувствуетъ всю цѣну сему китайскому продукту, кому пришлось хоть разъ пройти эту киргизскую Сахару.

Транспортъ снялся часа за два до разсвѣта. Ночью по моему самое лучшее проходить Каракумы; ночью не замѣчаешь однообразія песчаныхъ бугровъ и не нуждаешься въ отдаленномъ горизонтѣ, но лошади и верблюды иначе объ этомъ думаютъ: они днемъ, и подъ тяжестью, и на свободѣ, должны сражаться съ своимъ злѣйшимъ врагомъ оводомъ, а ночью врагъ умолкаетъ и они наслаждаются миромъ.

Съ восходомъ солнца открылась предъ нами огромная блѣдно-розовая равнина; это высохшее озеро, дно котораго покрылось тонкимъ слоемъ бѣлой, какъ рафинадъ, соли. Такія равнины и прежде встрѣчались въ Каракумахъ между песчаными буграми, но не такія обширныя, какъ эта, и не были освѣщены восходящимъ солнцемъ. Я долго не могъ отвести глазъ отъ этой песчаной бѣлой скатерти, слегка подернутой розовой тѣнью.

Одинъ изъ козаковъ замѣтилъ, что я пристально смотрю на бѣлую равнину и сказалъ: не смотрите, ваше благородіе, ослѣпнете!—Дѣйствительно, я почувствовалъ легкое дрожаніе свѣта и, зажмуривши глаза, пустился догонять вожака, далеко выѣхавшаго

впередъ; такъ я перебѣжалъ всю ослѣпляющую равнину. На противуположной сторонѣ съ высокаго бугра я любовался невиданною мною картиной, будучи самъ атомомъ этой громадной картины: черезъ всю бѣлую равнину чорной полосою растянулся нашъ транспортъ, т. е. половина его, а другая половина, какъ хвость черной змѣи, извивался, переваливаясь черезъ песчаные бугры. Чудная, страшная картина! Блестящій бѣлый фонъ картины опять началъ дѣйствовать на мое зрѣніе, и я скрылся въ песчаныхъ буграхъ.

Въ вечеру многіе явились ко мнѣ за медицинскимъ пособіемъ; они ничего, кромѣ сѣраго тумана, не видѣли, на глазахъ не было никакого знака ихъ слѣпоты, и я имъ на другой день закрылъ глаза волосяными черными сѣтками, тѣмъ дѣло и кончилось.

Бугры начали сглаживаться, начали показываться довольно широкія равнины. Вправо отъ дороги мы уже третій день видимъ синюю гору, и она, кажется, какъ будто отъ насъ уходитъ.

По мѣрѣ того, какъ сглаживались песчаные бугры, обозначалась широкая бѣлая лента лошадиныхъ и верблюжьихъ остововъ, протянутая чрезъ Каракумы.

Еще переходъ, и мы увидѣли на горизонтѣ къ югу едва замѣтную синюю горизонтальную линію,—то было Аральское море. Унылый транспортъ мгновенно оживился, какъ бы почувствовалъ свѣжесть въ воздухѣ, отрадное дуновеніе моря.

На другой день мы уже купались въ Сирыгеганикѣ (заливъ Аральскаго моря). Еще одинъ день слѣдовали мы по берегамъ гнилыхъ соленыхъ озеръ того же залива и вышли опять на равнину, покрытую кустарникамч саксаулу. Этотъ и слѣдующій переходъ до озера Камышлы-баша (заливъ Сыръ-Дарьи) мы проходили ночью, потому что не было возможности пройти днемъ: жару было въ тѣни 40°, и въ раскаленномъ пескѣ въ продолженіи 5 минутъ яйцо пеклося въ смятку. Послѣдній переходъ мы прошли ночью. Съ восходомъ солнца мы близко уже подошли къ раимскому укрѣпленію. Видъ со степи на укрѣпленіе грустнѣе еще, нежели на Калу-иргизъ.

На ровной горизонтальной линіи едва возвышается надъ валомъ длинная, камышемъ крытая казарма,—вотъ и все. На встрѣчу намъ вышелъ почти весь гарнизонъ. Блѣдныя, безотрадныя, точно у арестантовъ, лица! Мнѣ сдѣлалось страшно.

— Не свирѣпствуетъ ли у васъ какая-нибудь эпидемія? спросилъ я у одного офицера.

— Слава Богу, благополучно, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Подъѣзжая къ самому укрѣпленію, открывается зеленая широкая полоса камыша и кой-гдѣ изъ темной зелени выглядываетъ серебристая Сыръ-Дарья.

И такъ я на Раимѣ.

Между двумя широкими озерами высовывается высокій мысъ, на которомъ построено укрѣпленіе, называемое Раимъ, отъ *Абы*, воздвигнутой здѣсь за сто лѣтъ надъ прахомъ батыря Раима, остатки которой вошли въ черту укрѣпленія.

Подробнѣйшее описаніе моего теперешняго мѣстопребыванія пришлю вамъ въ слѣдующемъ листкѣ, а теперь молюсь Богу о вашемъ здравіи, мои милые, мои незабвенные хуторяне, и прошу васъ, не забывайте меня въ сей безотрадной пустынѣ.

P. S. Степанъ Мартыновичъ пускай подробно опишетъ мнѣ, какова его школа и пасѣка, а Карлу Осиповичу просто кланяюсь: ему, я знаю, писать некогда».

Года два спустя по полученіи этого письма на хуторѣ, я по обязанностямъ службы долженъ былъ прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Золотоношѣ и въ Переяславѣ. Во время пребыванія моего въ Переяславлѣ я почти ежедневно посѣщалъ хуторянъ, какъ старыхъ и близкихъ моихъ друзей и, разумѣется, всегда участвовалъ почти въ публичномъ чтеніи «Раимской мухи». Я говорю: почти публичномъ чтеніи, потому что Никифоръ Ѳедоровичъ читалъ ее всѣмъ, кто посѣщалъ его хуторъ. Слѣдя впродолженіи зимы за «мухой», я замѣтилъ въ ней какое-то унылое, монотонное жужжаніе, чего, разумѣется, хуторяне и не подозрѣвали. Первые листы свои изъ степи онъ еще кое-какъ разнообразилъ, напримѣръ, описывая бытъ кочующихъ полунагихъ киргизъ и сравнивая ихъ съ библейскими евреями, а аксаколовъ ихъ съ патріархомъ Авраамомъ. Иногда касался онъ слегка обитателей самаго укрѣпленія, сравнивая ихъ съ разнохарактерной толпой, выброшенной на необитаемый островъ, а помѣщенія юмористически сравнивалъ съ хижиной, которая не защищаетъ ни отъ солнца, ни отъ дождя, ни отъ холода и рождаетъ въ несмѣтномъ количествѣ блохъ и клоповъ; въ этихъ помѣщеніяхъ, писалъ онъ, отъ скорпіоновъ и тарантуловъ разстилаютъ на земляномъ полу войлокъ, котораго они, по сказаніямъ киргизъ, страшно боятся, потому что отъ войлока пахнетъ бараномъ, а баранъ, какъ извѣстно, лакомится ими, какъ мы (не въ осудъ будь сказано) устрицами.

Въ одномъ изъ листковъ своихъ описываетъ Ватя (тоже въ юмористическомъ тонѣ) земляка своего, находившагося при описанной экспедиціи на Аральскомъ морѣ и возвратившагося въ укрѣпленіе съ широчайшей бородой. Уральскіе козаки (не исключая и офицеровъ) приняли его за своего разстригу-попа, за вѣру пострадавшаго; землякъ-то, видите, былъ изъ числа несчастныхъ и, знай, благословляетъ ихъ большимъ крестомъ, да собираетъ посильное подаяніе натурою, т. е. спиртомъ, и эта комедія продолжалась до тѣхъ поръ, пока ротный командиръ не приказалъ ему сбрить бороду. Съ бородой, разумѣется, и поклоненія и приношенія прекратились. Писалъ впрочемъ объ немъ Ватя, что это человѣкъ не глупый, что онъ сошелся съ нимъ весьма близко, такъ близко, что если бы не этотъ словоохотный и образованный землякъ, то ему пришлось бы назваться самымъ неистовымъ камедуломъ, и что этотъ счастливый землякъ сообщилъ ему о берегамъ и островахъ Аральскаго моря такія дѣльныя геологическія свѣдѣнія, что за нихъ самъ Мурчисонъ сказалъ бы спасибо. Счастливымъ же считалъ Ватя земляка потому, что, не смотря на его грустное положеніе, настоящее и будущее (ему было уже за 50 лѣтъ), не слышалъ отъ него въ самой откровенной бесѣдѣ ни малѣйшаго ропота на судьбу свою, почему шутя и называлъ его кантонистомъ, т. е. повитымъ, вмѣсто пеленки, солдатской шинелью.

Въ послѣднемъ письмѣ Ватя прислалъ и печатный приказъ по отдѣленію Орскаго корпуса, гдѣ было напечатано, что Зосимъ Сокиринъ производится изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики за отличіе, причемъ замѣчалъ, что Зося этому не мало и радуется и удивляется, и самъ себя спрашиваетъ, чѣмъ онъ могъ отличиться. А самое послѣднее письмо Вати, въ которомъ онъ только писалъ, что въ укрѣпленіи свирѣпствуетъ скорбутъ, а лошади отъ сибирской язвы десятками падаютъ, читалъ уже Степанъ Мартыновичъ лежащему на смертномъ одрѣ Никифору Ѳедоровичу. На другой день послѣ этого надъ Никифоромъ Ѳедоровичемъ совершено было елеосвященіе, а на третій день въ 3 часа по полуночи онъ отослалъ свою чистую душу на лоно Авраамле.

По духовному своему завѣщанію Никифоръ Ѳедоровичъ назначилъ душеприкащиками меня и Степана Мартыновича, такъ какъ Карлъ Осиповичъ уѣхалъ зимою на побывку въ свой Дарпатъ, да

тамъ и остался. Въ завѣщаніи онъ за Парасковьей Тарасовной утверждаетъ власть матери только въ отношеніи Саватія, о Зосимѣ же ни слова не упоминаетъ; завѣщаетъ, чтобы отпѣваніе совершено было въ церкви Покрова, чтобы историческій образъ Покрова пресвятыя Богородицы на время отпѣванія поставленъ былъ въ головахъ около его домовины (за что приноситъ на церковь Покрова 2 пуда желтого воску и пудовый ярого воску ставникъ передъ образъ Покрова), чтобы бренные останки его были преданы землѣ непремѣнно въ пасѣкѣ, а надъ его могилою была посажена липа въ головахъ и черешня въ ногахъ, чтобъ каменнаго креста въ Трактемировѣ не заказывали, потому, говоритъ, что камень только лишняя тяжесть на гробѣ грѣшника, а чтобъ повѣсили на липѣ и черешнѣ образъ святыхъ Зосимы и Саватія и чтобъ ежегодно въ день Покрова служили панихиду по его душѣ грѣшной и по душѣ праведнаго И. П. Котляревскаго, и чтобы разъ въ годъ кормили сытно нищую братію и кто пожелаетъ: сто душъ! Гусли же и лѣтопись Конисскаго завѣщаетъ положить въ шкафъ съ книгами, замкнуть и ключь по почтѣ переслать Саватію. А еще прибавляетъ: «кто дерзнетъ (кромѣ моего Саватія) наложить святотатственную руку на сіе неоцѣненное мое сокровище, да будетъ проклятъ»! Маринѣ Никифоръ Ѳедоровичъ завѣщалъ по смерть ея выдавать ежегодно 10 р. с., а Степану Мартыновичу 25 и 25 ульевъ пчелъ единовременно.

Похоронивши, буквально по завѣщанію, своего найлучшаго друга, я вскорѣ уѣхалъ въ Кіевъ, на мѣсто службы, поручивъ Степану Мартыновичу писать ко мнѣ ежемѣсячно подробно обо всемъ, что дѣлается на хуторѣ.

Каждое первое число я аккуратно получалъ письмо отъ почтеннѣйшаго моего товарища. Письма его, разумѣется, не сверкали ни ослѣпительной молніей ума и воображенія, ни ученостью, ни новымъ взглядомъ на вещи, ни новыми идеями, ни даже блестящимъ слогомъ, какъ напримѣръ «Письма изъ-за-границы» законодателя русскаго слова, или задушевнаго друга и помощника его («Письма изъ Финляндіи»). Нѣтъ, въ письмахъ моего товарища ничего этого не просвѣчивало. За то въ его нехитрыхъ посланіяхъ, какъ алмазъ въ коронѣ, добродѣтели горѣли и свѣтилась его непорочная душа. Прочитывая его письма, я какъ-бы самъ присутствовалъ на

хуторѣ, малѣйшія подробности видѣлъ, какъ, напримѣръ, неосторожную Марину, пришедшую на досугѣ въ пасѣку, пчела за носъ укусила, и она была такая смѣшная, что даже Парасковья Тарасовна улыбнулась.

Распустивши свою школу на Пасху, Степанъ Мартыновичъ больше уже не собиралъ ее, чтобы имѣть болѣе времени для наблюденій за пасѣками и вообще по хозяйству на хуторѣ; а это потому, что Парасковья Тарасовна совершено отъ всего отказалась и порѣшила уже принять чинъ инокини, только не во Фроловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, а въ чигиринской богоспасаемой пустыни. Она совсѣмъ было собралась туда и паспортъ взяла и котомку сшила, только вдругъ, какъ съ неба упалъ, явился на хуторѣ Зосимъ Нокифоровичъ. Явился, и все пошло вверхъ дномъ. Сначала онъ скрывалъ свои гнусныя страстишки, потомъ слегка началъ обнаруживать, а потомъ завелъ въ домѣ кабакъ и игорное сборище, отрѣшилъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла по хозяйству стариннаго своего товарища и наконецъ выгналъ изъ дому почтеннѣйшую кроткую старушку Парасковью Тарасовну. Она, бѣдная, пріютилась въ школѣ у сердобольнаго Степана Мартыновича и болѣе трехъ лѣтъ слушала неистовыя пѣсни пьяныхъ картежниковъ. Я хотѣлъ вступиться за права законнаго наслѣдника, но она меня умоляла не трогать Зосю, авось либо само все придетъ къ лучшему концу.

Прошелъ еще и еще годъ, а лучшаго конца не было. Наконецъ я рѣшился написать Саватію письмо, которымъ совѣтовалъ ему, что если онъ хочетъ успокоить послѣдніе дни своей матери и сохранить хотя малую часть своего наслѣдія, то взялъ бы, если можно, отставку, а нельзя, то шестимѣсячный отпускъ и, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, пріѣзжалъ бы на хуторъ.

Саватій такъ и сдѣлалъ, взялъ отставку, потому что срокъ службы, назначеный за воспитаніе правительствомъ, былъ конченъ и слѣдовательно онъ могъ располагать собою по произволу. По пріѣздѣ своемъ на хуторъ онъ тоже долженъ былъ пріютиться въ школѣ, потому что въ домъ страшно было войти. Сначала онъ обратился къ [redacted] не [redacted] ему такое словцо, какого не найдете въ [redacted] городничаго. Тогда Саватій обратился къ [redacted] и въ силу духовнаго завѣщанія былъ вве-

день во владѣніе хуторомъ и принадлежащимъ ему добромъ; а Зосимъ былъ изгнанъ съ посрамленіемъ.

Возмутилось безмятежное кроткое сердце Саватія, когда онъ подошелъ съ ключемъ въ рукахъ къ завѣтному шкафу, стерегущему святыню, въ немъ хранимую, проклятіемъ умирающаго человѣка. Возмутилось его благородное сердце, когда онъ прикоснулся къ замку, уже сломанному; возмутилось его бѣдное сердце, когда онъ, растворивъ шкафъ, увидѣлъ завѣтныя гусли, на которыхъ бряцалъ вдохновенный, какъ Давидъ, Григорій Гречка, а иногда и маститый благородный отецъ тихими аккордами возмущалъ невозмутимое сердце своей подруги и безмятежно благородное сердце своего единаго друга Степана Мартыновича. Гусли были разбиты; струны живыя изорваны, а прекрасное изображеніе плящущихъ пастушекъ запятнано горячей табачной золою; священная псалтирь отца, Геродотъ—его единая радость, лѣтопись Конисскаго, на половину были изорваны для закуриванія трубокъ.

Увидя все это, Саватій остолбенѣлъ; слезы градомъ покатились по его мужественнымъ блѣднымъ щекамъ, и онъ тихо, едва внятно проговорилъ: Богъ вамъ судія! Вандалы! Варвары!

На третій день послѣ этой сцены получилъ я разбитыя гусли съ письмомъ въ Кіевѣ и тотчасъ же отдалъ ихъ искусному гардировщику, а когда они были готовы и струны натянуты, я уложилъ ихъ въ ящикъ, взялъ отпускъ на 28 дней и уѣхалъ въ Переяславъ, т. е. на хуторъ. Я засталъ моихъ друзей еще въ школѣ, но домъ былъ уже вычищенъ, выбѣленъ, а къ утру слѣдующаго дня приглашено уже духовенство, т. е. соборный протоіерей съ причтомъ и покровскій отецъ Яковъ, тоже съ причтомъ, чтобы освятить обновленное жилище. Раскупорили гусли, и откуда взялась радость и веселіе! Саватій, легонько касаясь струнъ, запѣлъ своимъ прекраснымъ теноромъ свою любимую пѣсню:

Чи я така уродилась,
Чи безъ доли охристилась,
Чи такіи кумы брали,
Таланъ-долю одибрали!

Степанъ Мартыновичъ ему тихонько вторилъ, а Парасковья Тарасовна, сидя въ уголку, на-взрыдъ плакала.

На другой день, часу около десятаго, явилось духовенство съ крестами и хоругвями. Освятивши домъ, совершили крестный ходъ вокругъ хутора и пасѣки, съ пѣніемъ псалмовъ и стихиръ; самъ протоіерей, почерпнувъ воды изъ Альты и осѣня ее знаменіемъ животворящаго креста, кропилъ сначала всѣхъ предстоящихъ, а потомъ каждаго по одиночкѣ, по совершеніи-жъ священнодѣйствія, разоблачась, благословилъ ястія и питіе и сѣлъ за трапезу, а за нимъ сѣлъ и прочій чинъ духовный и свѣтскій. Парасковья Тарасовна просто помолодѣла; она вспомнила бывалые свои религіозные пиры и какъ во время оно обходила столъ кругомъ съ бутылкой и рюмкой, умаливая каждаго гостя хоть «покуштовать». Гости, разумѣется, по обыкновенію отнѣкивались; одинъ только либералъ, стихарный соборный пономарь, не отнѣкивался.

Когда же трапеза приблизилась къ концу и ничего уже не подавалось съѣдобнаго, опричъ сливянки, тогда духовенство, не выходя изъ-за стола, встало и возгласило стройнымъ хоромъ:

Спаси уповающихъ на тя,
Мати незаходимаго солнца!

По окончаніи гимна и послѣобѣденной благодарственной молитвы духовенство благодарило хозяевъ и снова сѣло на мѣсто, уже не трапезы ради, а ради назидательной бесѣды. Нижній чинъ духовный, какъ-то: дьячки, пономари и прочій клиръ, вышли изъ свѣтлицы и, погулявши малый часъ по саду, пошли на леваду, а тамъ стоялъ ожередъ только вчера сложеннаго сѣна; вотъ они съ общаго согласія расположились въ тѣни и почили сномъ праведныхъ, всѣ до единаго.

Въ свѣтлицѣ же бесѣда длилась почти что до вечерень; было говорено много о предметахъ, касающихся общежитія, а также о предметахъ, касающихся философіи и богословія, особенно отецъ Никаноръ, молодой священникъ, богословъ, говорилъ много и все изъ писанія, и все по римски, гречески и еврейски всѣхъ писателей христіанской древности такъ и валялъ наизустъ; старцы, дивяся его великому геніусу, только брадами бѣлыми помахивали и значительно посматривали другъ на друга, какъ бы говоря: вотъ такъ голова!—а Парасковья Тарасовна, слушая витію, только плакала. Степанъ Мартыновичъ, можетъ быть, больше всего собора разумѣлъ говорящаго, но не обнаруживалъ этого ни единымъ движе-

ніемъ; когда же Парасковья Тарасовна заплакала, то онъ началъ утѣшать ее, говоря, что отецъ Никаноръ читаетъ совсѣмъ не жалобное, а болѣе сатирическое. Тутъ отецъ протоіерей, чтобъ положить конецъ сей слезоточивой трагедіи, попросилъ подать себѣ гусли. Гусли поданы, и онъ всталъ, расправилъ руками бѣлоснѣжную свою бороду, завернулъ широкіе рукава своей фіолетовой рясы, возложилъ персты своя на струны и тихимъ старческимъ голосомъ запѣлъ:

О всепѣтая Мати!..

Къ нему присоединился соборъ духовенства, Саватій и даже самъ Степанъ Мартыновичъ. Сверхъ ожиданія пѣніе было тихое и прекрасное. Послѣ этого гимна были пѣты еще канты духовнаго содержанія; дошло наконецъ и до пѣсенъ мірскаго, житейскаго содержанія. Уже начали было хоромъ:

Зажурилась попадя
Своею бидою....

Но отецъ протоіерей, видя близкій соблазнъ и недремлющія силы врага человѣческаго, повелѣлъ садиться въ брички и рушать во свояси, что къ немалому огорченію Парасковьи Тарасовны и было исполнено.

Причетъ же церковный вышелъ изъ-подъ сѣна уже въ сумерки и, не заходя на хуторъ, перелѣзъ черезъ тынъ и выйдя на шляхъ, ведущій къ городу, съ общаго согласія запѣлъ хоромъ:

Жито мати, жито мати,
Жито не полова...

Вечеръ былъ тихій и Степанъ Мартыновичъ, подойдя къ Альтѣ, остановился и долго слушалъ стихающую вдали пѣсню и никакъ не могъ догадаться, кто-бы это могъ пѣть такъ сладкогласно.

Исполнивъ священный долгъ душеприкащика, возложенный на меня покойнымъ другомъ моимъ, Н. Ѳ. Сокирою, я на другой день послѣ описаннаго мною праздника уѣхалъ въ Кіевъ. Саватій Сокира мнѣ чрезвычайно понравился своими правилами, образомъ взгляда на вещи вообще и на человѣка въ особенности, своимъ юношескимъ дѣвственнымъ взглядомъ на все прекрасное въ при-

родѣ. Когда онъ говорилъ о закатѣ солнца или о восходѣ луны надъ сонным озеромъ или рѣкою, то я, слушая его, забывалъ, что онъ медикъ и радовался въ душѣ, что физическія науки не погасили въ его великосильной душѣ священной искры божественной поэзіи.

Прощаясь съ нимъ, я не могъ ему, по праву старшинства, ничего лучше посовѣтовать, какъ слѣдовать влеченію собственныхъ чувствъ и убѣжденій и только завѣщалъ ему писать ко мнѣ, какъ можно чаще.

По пріѣздѣ въ Кіевъ выгрузили изъ моей неточанки и трехведерную кадушку бѣлаго, какъ сахаръ, липцу. Это, говоритъ мой Ярема, подарокъ Степана Мартыновича. Они сами поставили и крѣпко наказали, чтобы не говорить вамъ ни слова.

— Ну, спасибо ему, что полакомилъ насъ съ тобою стариковъ. Нужно будетъ и ему что нибудь послать? а? Какъ ты думаешь, Яремо?

— Разумѣется, нужно: мы съ вами не скотина какая нибудь безчувственная.

— Да что же послать-то такое? Право не придумаю. Заказать развѣ Сенчилѣ образъ для его пасѣки? Такъ образъ у него есть хорошій. Да! онъ какъ-то говорилъ, что ему хотѣлось-бы прочитать Ефрема Сирина. Прекрасно, возьми, Яремо, эти деньги и эту записку и ступай въ лавру и спроси тамъ отца типографа, отдай ему все это, а отъ него возьми большую книгу и принеси домой.

Черезъ нѣсколько дней Степанъ Мартыновичъ сидѣлъ въ своей пасѣкѣ и искалъ у Ефрема Сирина, отъ чего вышла такая противуположность между родными братьями, а прочитавши отъ доски до доски, крѣпко призадумался. Послѣ долгаго раздумья онъ написалъ письмо отцу типографу, прося его прислать ему Іустина философа, на что и прилагаетъ 5 р. сер. Но какъ Іустина философа не нашлось въ кіево-печерской книжной лавкѣ, то Степанъ Мартыновичъ и остался при своемъ убѣжденіи, что такія чудеса совершаются токмо единою всемогущею волею Божіею и что онъ не подозрѣваетъ даже ниже малѣйшаго вліянія человѣка на человѣка.

Вмѣсто Іустина философа отецъ типографъ прислалъ ему акафистъ пресвятой Богородицы Одигитріи и кіевскій Патерикъ, изъ

котораго онъ почерпнулъ прекрасныя назидательныя идеи и рѣшился по гробъ свой подражать святому прекрасному юному отроку праведнаго князя Бориса.

Впродолженіи года получилъ я всего два письма отъ Саватія Сокиры, и тѣ безъ всякаго внутренняго содержанія. Письма эти напоминали мнѣ школьника, пишущаго письмо къ своимъ родителямъ по диктовкѣ своего наставника; впрочемъ онъ самъ чувствовалъ пустоту своихъ писемъ, извинялся тѣмъ, что матеріаловъ еще не накопилось для порядочнаго письма, говоря, что самая скучная, монотонная исторія—это исторія самаго счастливаго народа. За то аккуратно каждый мѣсяцъ снабжалъ меня длинными посланіями почтеннѣйшій Степанъ Мартыновичъ. Всѣ происшествія, не имѣющія никакого отношенія къ моимъ хуторянамъ, онъ описывалъ съ усыпляющими подробностями, напримѣръ, что наканунѣ Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня у пріятеля моего мѣщанина Карпа Зозули кобыла ожеребилась буланымъ жеребчикомъ, а у сосѣда нашего той же ночи волъ украденъ. Что же касалось собственно хуторянъ, тутъ плодовитости его не было предѣловъ. Словомъ, онъ воображалъ себя душеприкащикомъ, а меня своимъ товарищемъ.

Въ одномъ изъ своихъ нелаконическихъ писемъ Степанъ Мартыновичъ такъ описывалъ мнѣ появленіе Зосима на хуторѣ.

«Постучался онъ въ двери моей школы, когда я уже совершалъ молитвы на сонъ грядущимъ и читалъ уже третій кондакъ акафиста пресвятой Богородицы Одигитріи. Страхъ и трепетъ прійде на мя.

— Кто тамъ? воскликнулъ я во гнѣвѣ.

— Отвори, говоритъ, Христа ради, Степанъ Мартыновичъ!

— Я чувствую, что называетъ меня по имени, взялъ каганецъ, пошелъ и отворилъ двери. Свѣтъ помрачился въ очахъ моихъ, когда увидѣлъ я едва рубищемъ прикрытаго, входящаго въ школу, блуднаго сына Зосю.

— Что, говоритъ, не узналъ меня, дядюшка? А, каковъ я молодецъ?

— Очамъ своимъ не вѣрю, говорю я.

— Ну, такъ ощупай хорошенько и рукамъ повѣрь.

— Не вѣрю! проговорилъ я снова.

— Я, говоритъ онъ, твой бывшій ученикъ, а теперь заслуженный воръ, пьяница и привилегированный картежникъ—Зосимъ Сокиринъ. Ну, теперь знаешь?

— Знаю, говорю я.

— А коли знаешь, такъ и толковать больше нечего; посылай за сивухой. Разумѣешь? За водкой; да поищи, нѣтъ ли гдѣ заплесневѣлаго кныша отъ прошлогодней хавтуры.

— Горилки, говорю, нѣтъ, а послать некого.

— Давай денегъ, я самъ пойду.

Я далъ ему на кварту денегъ, и онъ поспѣшно удалился. Досталъ я изъ коморы меду, хлѣба, поставилъ на столъ и хотѣлъ было продолжать акафистъ, но духъ мой былъ возмущенъ и помышленія мои были омрачены внезапнымъ видѣніемъ. Долго ходилъ я по школѣ, какъ въ лѣсу неисходимомъ, а Зося не являлся. Свѣча передъ образомъ догорѣла, я другую засвѣтилъ, и та уже на половинѣ, а Зоси нѣтъ, какъ нѣтъ. Господи, думаю себѣ, живый на небесѣхъ, серцевѣдче нашъ! Не навожденіе ли сатанинское было надо мною? И прочитавши «Да воскреснетъ Богъ», я успокоился духомъ, прочиталъ снова акафистъ пресвятой Богоматери Одигитріи, осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ двери, окна и коменъ, проговорилъ трижды «Да воскреснетъ Богъ» и отошелъ ко сну.

На другую ночь повторилось то-же самое видѣніе, на третью то-же, и я все ему даю на кварту горилки, и оно исчезаетъ. Я сообщилъ о семъ видѣніи Парасковіи Тарасовнѣ, и она бѣдная изъявила желаніе провести ночь въ моей школѣ, чтобъ увидѣть сіе видѣніе.

Въ вечеру мы съ Парасковьей Тарасовной вышли изъ хутора, какъ будто на проходку. Саватій былъ въ городѣ по долгу службы. Когда смеркалося, мы пришли въ школу, я засвѣтилъ свѣчу и, доставъ Патерикъ, началъ читать, утѣшенія ради, житіе преподобнаго мученика Мойсея Угрина, за цѣломудріе пострадавшаго отъ нѣкія блудныя болярини. И дочиталъ уже, какъ онъ, прекрасный юноша, въ числѣ прочихъ плѣнныхъ, по раздѣлу достался на долю вдовы воеводини, лицемъ зѣло красныя, а сердцемъ аспиду подобныя. Первая услышала стукъ въ двери Парасковья Тарасовна, а потомъ уже я; закрывши книгу, я пошелъ отворять дверь, и она вышла за мною, чтобы спрятаться въ сѣняхъ и не быть видимою; но когда я отворилъ дверь, съ каганцемъ въ рукѣ, и она увидѣла омрачепное развратомъ лице своего Зоси, то вскрикнула и повали-

лась на землю, лишенная всякаго чувствія. Онъ же рыкнулъ на меня, аки левъ свирѣпый:

— А, подлецъ, христопродавецъ, ты меня продать хотѣлъ, говори: кто здѣсь, а не то тутъ тебѣ и аминь.

И такъ сдавилъ мнѣ горло, что я едва выговорилъ: твоя мати.

— А, когда она только, то это хорошо: мнѣ давно съ ней переговорить хотѣлось; гдѣ она?

Я посвѣтилъ ему каганцемъ и указалъ на распростертую на землѣ Парасковью Тарасовну. Онъ, взглянувъ на нее, проговорилъ:

— Ничего, пусть отдохнетъ, а мы съ тобою побесѣдуемъ. А что, исполнилъ ты мое приказаніе? Сегодня послѣдній срокъ: деньги, или молись Богу, говоритъ.

Въ это самое мгновеніе Парасковья Тарасовна застонала, я вышелъ въ сѣни, взялъ ее бѣдную на руки и, какъ дитя малое, положилъ на мое суровое ложе; немного погодя, она пришла въ себя и проговорила:

— Зосю мой, Зосю мой! сыну мой единый!

— Я здѣсь, маменька, что прикажете?

Она взглянула на него и залилась горькими слезами. Онъ долго, молча, смотрѣлъ на ея горькія слезы и наконецъ проговорилъ:

— Вотъ что маменька! ни обмороки, ни слезы, ни молитвы, ни даже ваши проклятія не въ силахъ поколебать меня; это все вздоръ, чепуха! Одно, скажу вамъ, что меня можетъ обратить на путь истинный, это деньги и только одни деньги; дайте денегъ и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Да и въ самомъ дѣлѣ, за что же я лишенъ своего наслѣдства? Вѣрно, по протекціи вашей! Ну теперь и раскошеливайся!

— Зосю мой! сыну мой единый! проговорила она снова...

— Нечево тутъ единый! Я тебѣ такой-же сынъ, какъ ты мнѣ мать. Ну, поворачивайся, Степанъ Мартыновичъ; она тебѣ послѣ отдастъ.

Досталъ я изъ бодни все, что у меня было, и передалъ ему въ руки. Онъ взялъ деньги, пересчиталъ ихъ и спросилъ:

— Больше нѣтъ?

— Нѣту, говорю, всѣ до единаго пенязя.

— Смотри, врать грѣшно; ты самъ меня училъ. Ну, на первый разъ достаточно. Теперь маршъ на Пидварки! Теперь я имъ покажу, кто я таковъ! До свиданья, маменька, потрудитесь заплатить долгъ.

И съ этимъ словомъ онъ вышелъ изъ школы. Парасковья Тарасовна еще разъ проговорила: Зосю мой! сыну мой единый, и упала на постель, аки мертвая.

Оставя ее въ безпамятствѣ, пошелъ я на хуторъ дать знать Саватію Никифоровичу о случившемся и просить помощи; оказалось, что онъ, возвратясь изъ города, легъ спать, не зная того, что матери дома нѣту, и думая, что она тоже спитъ. Когда я возвратился въ школу, Парасковья Тарасовна уже сидѣла на кровати и тяжко плакала. Я не разсудилъ утѣшать ее въ горести, а, засвѣтивши свѣчу передъ образомъ, началъ читать акафистъ Божіей Матери Одигитріи; она тоже встала на ноги и, горько плача, молилась. По акафистѣ прочелъ я еще канонъ Божіей Матери, а потомъ молитвы на сонъ грядущимъ и съ колѣнопреклоненіемъ прочелъ молитву: «Господи, не лиши меня небесныхъ твоихъ благъ». По отпустѣ я молча вышелъ изъ школы, а когда возвратился, то она уже спала сномъ праведницы на моемъ старческомъ одрѣ. Я тихо раскрылъ Ефрема Сирина и, охраняя сонъ праведницы, сидѣлъ за книгой до самаго утра.

По утру пошли мы на хуторъ, и я разсказалъ Саватію все случившееся въ ночи; онъ же въ отвѣтъ на мой разсказъ только заплакалъ.

Въ вечеру того же дня Саватій получилъ предписаніе отъ городничаго произвести медицинское освидѣтельствованіе, по долгу службы, надъ обезображеннымъ тѣломъ, найденнымъ въ пусткѣ покрытки N. на Пидваркахъ.

Прочитавши сіе предписаніе, онъ молча посмотрѣлъ на Парасковью Тарасовну, а та залилась слезами и проговорила:

— Зосю мой, сыну мой единый!

Между прочими мелкими событіями на хуторѣ, сообщилъ мнѣ почтенный мой сотоварищъ и это довольно крупное событіе, но самъ Саватій не писалъ мнѣ объ этомъ ни слова, ни даже о томъ, что онъ занимаетъ теперь мѣсто уѣзднаго врача въ г. Переяславѣ.

Далеко, очень далеко отъ моей милой, моей прекрасной, моей бѣдной родины, я люблю иногда, глядя на широкую безлюдную степь, перенестись мыслью на берегъ широкаго Днѣпра и сѣсть гдѣ-нибудь, хоть, напримѣръ, въ Трахтемировѣ, подъ тѣнью развѣсистой вербы, смотрѣть на позолоченную закатомъ солнца панораму, а на темномъ фонѣ этой широкой панорамы, какъ алмазы, горятъ переяславскіе храмы Божіи, и одинъ изъ нихъ ярче всѣхъ сверкаетъ своею золотою головою: это соборъ, воздвигнутый Мазепою. И много, много разныхъ событій воскресаетъ въ памяти моей, когда я воображаю себѣ эту волшебную панораму. Но чаще всего я лелѣю мое старческое воображеніе картинами золотоглаваго, садами повитаго и тополями увѣнчаннаго Кіева. И послѣ свѣтлаго, непорочнаго восторга, навѣяннаго созерцаніемъ красоты твоей неувядающей упадетъ на мое осиротѣвшее старое сердце тоска, и я переношусь въ вѣка давно прошедшіе и вижу его, сѣдовласаго, маститаго и кроткаго старца съ писанною большою книгою въ рукахъ, проповѣдующаго изумленнымъ дикарямъ своимъ и кровожаднымъ и корыстолюбивымъ поклонникамъ Одина. Какъ ты прекрасенъ былъ въ этой ризѣ кротости и любомудрія, святый мой и незабвенный старче!

И мы уразумѣли твои кроткіе глаголы, и тебя, какъ стараго и ненужнаго учителя, не выгнали и не забыли, а одѣли тебя, какъ Горыню богатыря, въ броню крѣпкую. Сначала осуровили твое кроткое сердце усобицами, кровосмѣшеніями и братоубійствами, сдѣлали изъ тебя настоящаго варяга и потомъ уже надѣли броню и поставили сторожить порабощенное племя и пришельцами поруганную, самимъ Богомъ завѣщанную тебѣ, святыню.

Кто, посѣщая кіево-печерскую лавру, не отдыхалъ на типографскомъ крыльцѣ, про того можно сказать, что былъ въ Кіевѣ и кіевской колокольни не видалъ. Мнѣ кажется, нигдѣ никакая внѣшность не дополнитъ такъ сердечной молитвы, какъ видъ съ типографскаго крыльца. Я долго, а можетъ быть и никогда не забуду этого знаменитаго крыльца.

Однажды я, давно когда-то, отслушавъ раннюю обѣдню въ лаврѣ, вышелъ, по обыкновенію, на типографское крыльцо. Утро было тихое, ясное, а передъ глазами вся черниговская губернія и часть полтавской. Я хотя былъ тогда и не меланхоликъ, но передъ

такой величественной картиной невольно предался меланхоліи. И только было началъ сравнивать линіи и тоны пейзажа съ могущественными аккордами Гайдна, какъ услышалъ тихо произнесенное слово: *мамо*.

— Мнѣ, мамо, всегда тажется, что я на этомъ крыльцѣ какъ-бы слушаю продолженіе обѣдни, говорилъ чей-то голосъ.

Я оглянулся невольно. Грѣшно прерывать нескромнымъ взглядомъ такое прекрасное настроеніе человѣческой души, но я согрѣшилъ, потому что говоръ этотъ поразилъ меня паче всякой музыки. Говорившая была молодая дѣвушка, стройная, со вкусомъ и скромно одѣтая, но далеко не красавица; а кого она называла мамой, это была женщина высокаго роста, сухая, смуглая и когда-то блестящая красавица. Она была въ черномъ шерстяномъ капотѣ или длинной блузѣ, опоясана кожанымъ поясомъ съ серебрянною пряжкою; голова накрыта была, вмѣсто обыкновенной женской шляпы, бѣлымъ, широкимъ, безъ всякихъ украшеній, чепцомъ. Я, не знаю почему, не предложилъ имъ скамейку, а они тоже, не знаю почему, съ минуту молча посмотрѣли на пейзажъ и ушли. Я тоже всталъ и ушелъ за ними.

Они прошли лаврскій дворъ, тихо разговаривая между собою, и вышли въ святыя ворота Николы Святоши, и я за ними. Они вышли изъ крѣпости, и я за ними. Они пошли по направленію къ «Зеленому трактиру», и я за ними. Они вошли въ ворота трактира, и я тутъ только опомнился и спросилъ у самого себя, что я дѣлаю. И не рѣшивши вопроса, я вошелъ въ трактиръ и сталъ разбирать іероглифы, выведенные мѣломъ на черной доскѣ. По долгомъ разбираніи таинственныхъ знаковъ, я разрѣшилъ наконецъ тайну, что такой-то № занятъ такой-то съ воспитанницею, и хотя и теперь даже не могу похвалиться знаніемъ тактики въ дѣлѣ волокитства, а тогда и подавно, но разобравши хитрое изображеніе, я, и самъ не знаю, какъ, очутился въ общей столовой и спросилъ себѣ, тоже не знаю чего-то, а съ слугою заговорилъ тоже о чемъ-то, случившемся когда-то. Послѣ всего этого я зашелъ къ здѣсь-же на Московской улицѣ квартировавшему моему знакомому, художнику Ш., недавно пріѣхавшему изъ Петербурга, поговорилъ съ нимъ объ искусствахъ вообще, о живописи въ особенноети и, думая пойти въ лавру, пошелъ въ садъ. Здѣсь видимо предопредѣленія дѣло.

Хожу это я себѣ по большой аллеѣ одинъ одинешенекъ (день былъ будній) и присяду иногда, чтобы полюбоваться Старымъ Кіевомъ, освѣщеннымъ заходящимъ солнцемъ; только смотрю, изъза липы, изъ боковой аллеи, выходятъ мои утреннія незнакомки. Тутъ я всталъ, вѣжливо раскланялся и предложилъ имъ скамейку отдохнуть немного, извиняясь, что по утру этого не сдѣлалъ на типографскомъ крыльцѣ. Онѣ молча сѣли, и сестра милосердія (какъ я тогда думалъ) спросила у меня:

— Вы, вѣроятно, живописецъ?

Я отвѣчалъ: да.

— И рисуете виды Кіева?

Я отвѣчалъ: да.

Послѣ длинной паузы она спросила:

— Вы давно уже въ Кіевѣ?

Я отвѣчалъ: давно!

— Нарисуйте для меня этотъ самый видъ, которымъ мы теперь любуемся, и пришлите въ «Зеленый трактиръ» въ № N. N.

Рисунокъ акварельный былъ у меня давно начатъ, я его тщательно окончилъ и на первомъ планѣ между липами нарисовалъ моихъ незнакомокъ и себя тоже нарисовалъ сидящимъ на скамейкѣ, въ поэтическомъ положеніи, въ соломенномъ брылѣ.

На другой день по утру я сидѣлъ съ оконченнымъ рисункомъ на типографскомъ крыльцѣ и дожидался моихъ незнакомокъ, какъ будто онѣ мнѣ велѣли самому принести рисунокъ не въ Зеленый трактиръ, а на типографское крыльцо. Не успѣлъ я помечтать хорошенько, какъ незнакомки мои явились.

— А! вы уже здѣсь? почти воскликнула старшая.

— Здѣсь, отвѣчалъ я.

— Давно?

— Давно, отвѣчалъ я.

— Да и портфель съ вами, вы вѣрно рисовали?

— Нѣтъ, не рисовалъ,—и вынулъ изъ портфеля рисунокъ, заказанный ею вчера.

Она долго молча смотрѣла на рисунокъ и на меня, потомъ взяла мою руку и крѣпко пожала, сказавъ притомъ:

— Благодарю васъ—и будемте знакомыми, хорошими пріятелями

и, если можно, друзьями,—а это, кажется, возможно! прибавила она, глядя на свою молодую подругу.

— Сядемъ-те, отдохнемъ немного, сказала она же, и мы всѣ трое сѣли.

Послѣ непродолжительнаго молчанія она обратилась ко мнѣ съ такими словами:

— А знаете ли, Глафира у меня выиграла сегодня пари. Мы съ нею вчера спорили. Я увѣряла ее, что вы идіотъ, а она доказывала противное.

— Благодарю васъ, сказалъ я младшей, а старшей отвѣчалъ: не стоитъ благодарности, послѣ чего мы всѣ расхохотались и сошли съ типографскаго крыльца.

Слѣдующую осень прожилъ я у нихъ въ деревнѣ и уже называлъ ихъ своими родными сестрами, а къ концу осени старшую называлъ уже мамою, а меньшую невѣстою. Я совершенно былъ счастливъ. Весной они пріѣхали въ Кіевъ, но, увы, меня тамъ уже не было. Я далеко уже былъ весною и о мелькнувшей радости вспоминалъ, какъ о волшебномъ очаровательномъ снѣ.

Вотъ почему такъ любо мнѣ вспоминать о типографскомъ крыльцѣ.

Много лѣтъ и зимъ пролетѣло послѣ этого событія надъ моею одинокою, уже побѣлѣвшею головою. Я опять въ Кіевѣ и опять посѣщаю завѣтное крыльце, и теперь, наканунѣ праздника Успенія Богородицы, послѣ ранней обѣдни, вышелъ я на типографское крыльце и, любуясь пейзажемъ, вспомнилъ то счастливое, давно мелькнувшее мгновеніе и какъ-бы слушалъ голосъ ангела, произносящаго слово «мамо». Я такъ предался воспоминанію, что мнѣ какъ-бы дѣйствительно послышалось это дѣтское милое слово и такъ живо, что я оглянулся, и представьте мое изумленіе: изъ корридора на крыльце выходила Парасковья Тарасовна, за нею, какъ журавль, шагалъ другъ мой и сотоварищъ Степанъ Мартыновичъ, но такимъ щеголемъ, что если-бы не жиденькая бѣлая бородка, то я подумалъ-бы, что онъ просто жениться пріѣхалъ въ Кіевъ. Сюртукъ на немъ длинный изъ гранатоваго дорогаго сукна, шляпа черная пуховая съ широкими полями, сапоги, правда, личные, но тщательно вычищенные, а патерица просто архіерейская, съ серебряннымъ набалдашникомъ. Франтъ да и только.

Послѣ первыхъ привѣтствій и лобызаній я усадилъ ихъ на скамейку и спросилъ, давно-ли они въ Кіевѣ.

— Уже третій день, отвѣчалъ Степанъ Мартыновичъ, и привезли вамъ письмо отъ Саватія, та не можемъ найти Рейтарскую улицу, она гдѣ-то на Старомъ Кіевѣ, а мы еще тамъ не были. Сегодня думаемъ идти на акафистъ Варвары Великомученицы, а завтра, если Господь дастъ, пріобщимся святыхъ Таинъ Христовыхъ здѣсь въ лаврѣ, и тогда уже думали искать Рейтарскую улицу, а Господь далъ такъ. что и искать ее не нужно: вы сами намъ ее покажете. Письмо-бы я вамъ и теперь отдалъ, да оно у меня въ шкатулкѣ на квартирѣ, а квартира наша здѣсь-же на Печерскомъ, въ домѣ мѣщанки Сиволапихи.

Слушая этотъ монологъ, я смотрѣлъ на Парасковью Тарасовну: она сидѣла, закрывши очи, и казалась уснувшею страдалицей; на кроткомъ лицѣ ея написано было такъ много сердечнаго горя, что я не могъ смотрѣть на нее и обратился съ новымъ вопросомъ къ Степану Мартыновичу:

— Ну, что у васъ хорошаго на хуторѣ творится?

— Хвала милосердному Богу, все хорошо и все благополучно; скоро думаемъ совершить бракосочетаніе, но объ этомъ вамъ самъ Саватій Никифоровичъ подробно пишетъ.

— Куда-же вы намѣрены теперь пойти?

— А мы думаемъ, если Господь благословитъ, поклониться святымъ угодникамъ печерскимъ. Только теперь тѣсно, и мы подождемъ, пока благочестивые поклонники выйдутъ изъ пещеръ, и тогда думаемъ просить отца келаря повести насъ самому, или-же послать съ нами кого изъ братіи.

Мнѣ былъ знакомъ отецъ Досифей, настоятель больничнаго монастыря, и я отправился къ нему просить оказать намъ великую услугу и просить, кого слѣдуетъ, чтобы дозволено было посѣтить намъ пещеры не въ числѣ многочисленныхъ богомольцевъ. Просьба моя была уважена, и съ нами послали въ провожатые маститаго старца отца Іоакима.

Поклонившись святымъ угодникамъ печерскимъ, мы отправились на квартиру. Взявши письмо, я оставилъ своихъ пріятелей и пошелъ домой, да по обыкновенію зашелъ въ садъ, сѣлъ на своей любимой скамеечкѣ и, раскрывши письмо, читалъ вотъ что:

«Безцѣнный друже отца моего и мой заступниче и покровителю!

Простите меня великодушно за мое долгое молчаніе, ничѣмъ не извиняющее мою лѣнивую натуру. И то правда, что писать письмо безъ содержанія—тоже самое, что переливать изъ пустаго въ порожнее. Правда, матеріалы случалися для откровеннаго дружескаго письма, но матеріалы такого рода, что не подымалося перо сообщать ихъ кому-бы то ни было. Теперь же грустныя тяжелыя тучи скрываются за горы и на горизонтѣ показывается Аврора, предшественница моего свѣтлаго невозмутимаго счастья. Проще сказать, я женюсь. Невѣста моя живетъ теперь съ своею матерью въ школѣ добраго, моего оудущаго посаженаго отца, Степана Мартыновича и дожидаетъ вашего благословенія. Пріѣзжайте, мой благодѣтель, и благословите ее сироту на великій путь новой улыбающейся жизни. У нея, кмкъ и у меня, отца нѣтъ, только мать осталася, и мы съ согласія матерей нашихъ рѣшили, чтобы ее благословили вы, а меня мой единственный благородный мой другъ и наставникъ Степанъ Мартыновичъ. Пріѣзжайте хоть только взглянуть на мою прекрасную невѣсту.

По обязанности уѣзднаго медика я часто уѣзжаю, а потому теперь хуторъ нашъ перешелъ во владѣніе Степана Мартыновича и кажется скоро, совсѣмъ его передамъ. А если хотите знать о моемъ сватовствѣ, то вотъ какъ оно случилось

Однажды по обязанностямъ службы ѣду я прочелочною дорогою; была грязь; лошадка обывательская едва передвигала ноги; смеркало, дождикъ накрапывалъ, словомъ перспектива была неотрадная. Возница мой тоже, не видя въ будущемъ ничего отраднаго, предложилъ мнѣ подночевать.

— Да гдѣ-же, говорю я, середъ шляху, что-ли?

— Крый Боже, середъ шляху. Нехай лыхи татары ночуютъ въ таку непогодь середъ шляху, а мы звернемо—онъ бачите лисокъ?

— Бачу, говорю я.

— Отъ-же въ тимъ лиску есть хуторъ пани Калитихи. Отъ вона насъ и пустить ночувать.

— Добре, говорю я; звертай зъ шляху!

— Стрывайте, отутъ буде шляшокъ.

Проѣхавши съ полверсты, я увидѣлъ едва замѣтную дорожку,

ведущую къ сказанному хутору. Мы поѣхали по этой, едва замѣтной дорожкѣ и вскорѣ очутились въ лѣсу. Возница мой началъ насвистывать какую то заунывную пѣсню, а я задумался, Богъ знаетъ, о чемъ.

— Сей лисъ зоветця, пане, «Лапинъ ригъ», проговорилъ возница, а за що ёго такъ зовуть, то Богъ ёго знае. Кажуть стари люде, що тутъ живъ колись давно розбойникъ Лапа и що велики сокровища поховавъ тутъ у озерахъ, а ще стари люде говорять, що якъ высохнуть ти болота та озера, то можно буде мишками золото носить. Богъ ёго знае, коли то те буде, а онъ и хутиръ.

Дѣйствительно огонь показался между деревьями, и вскорѣ мы подъѣхали къ затвореннымъ воротамъ. Собаки страшнымъ лаемъ насъ встрѣтили, потомъ раздался женскій, довольно грубый голосъ:

— Хто тутъ?

— Благословить, матушка, переночувать на вашимъ хутори, отвѣчалъ мой возница.

— Боже благослови, тилько сами вже одчиняйте ворота, бо мои наймиты вечеряють, имъ николы, а я не въ силахъ.

Возница мой слѣзъ съ телѣги, отворилъ ворота, втащилъ меня съ телѣгою и своею лошадкою на дворъ, снова затворилъ ворота и, обращяясь къ хозяйкѣ, сказалъ:

— Добрывечиръ, матушко!

— Добрывечиръ, добрый чоловиче! видкиля Богъ несе?

— Та отъ везу панка зъ Глемязова, та бачите, яка непогодь.

Я тоже подошелъ къ хозяйкѣ и сказалъ:

— Позвольте, если можно, переночевать у васъ.

— Извольте, съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчала она мнѣ съ едва замѣтнымъ малороссійскимъ акцентомъ, прошу покорно въ комнату.

Я взошелъ на крылечко. На порогѣ меня встрѣтила дѣвушка со свѣчой въ рукѣ, по крестьянски одѣтая, но опрятно и даже изысканно; отступая назадъ въ комнату, она сказала чисто по русски: «прошу покорно»! изъ чего я заключилъ, что это не служанка.

Войдя въ комнату, мы остановились другъ противъ друга и простояли до тѣхъ поръ, пока не вошла хозяйка хутора въ комнату и не сказала:

— Наташа, что же ты не просишь гостя садиться? Стоитъ себѣ со свѣчею, какъ пономарь. Рекомендую вамъ, это полтавская институтка. Прошу покорно, садитесь. И Богъ ихъ знаетъ, чему они ихъ учатъ въ томъ институтѣ! Ну, я уже по хозяйству у своей и не спрашиваю, да хоть бы человѣка чужого умѣла привитать, а то стоитъ себѣ!

Окончивъ эту нотацію, говорившая, очевидно мать, обращаясь къ дѣвушкѣ, сказала ей что-то шопотомъ, и та вышла въ другую комнату. Въ слѣдъ за нею ушла и сама она, сказавши: «извините насъ!»—Я между тѣмъ сталъ осматривать комнату. Комната была для хутора довольно большая и по величинѣ своей низкая, но чистая и опрятная; мебель старинная и разнохарактерная; на стѣнѣ висѣлъ въ черной деревяной рамѣ портретъ Богдана Хмельницкаго, а на кругломъ столѣ, рядомъ съ какимъ-то вязаньемъ, лежала книжка «Отечественныхъ Записокъ», развернутая на Давидѣ Копперфильдѣ. Въ это время вошла хозяйка. Я теперь только обратилъ на нее должное вниманіе. Это была женщина высокаго роста, полная, но не до безобразія, съ лицемъ довольно еще моложавымъ и добродушнымъ; одѣта она была на манеръ богатой мѣщанки, или солидной попадьи, и если-бъ у нея на головѣ вмѣсто платка былъ корабликъ, то я подумалъ-бы, что это явилась передо мною съ того свѣта какая-нибудь сотничиха или полковница.

— Что это вы,—сказала она, снявши со свѣчи,—любопытствуете, что читаетъ моя Наташа? Да, она у меня, слава Богу, большая охотница читать, да и меня на старости пріучила, такъ что мнѣ и скучно сидѣть съ работой безъ чтенія; думаю на будущій годъ выписать еще »Современникъ», а то одной книги въ мѣсяцъ для насъ мало, мы ее наизусть выучиваемъ.

Вскорѣ былъ поданъ чай, точнѣе самоваръ, а вслѣдъ за самоваромъ вышла и Наташа, одѣтая уже барышнею.

— Не втерпила таки, проговорила мать, улыбнувшись, и потомъ прибавила:

— Наливай же чаю, Наталочко!

— Я ее, знаете, пріучаю понемногу къ хозяйству, сказала она, обращаясь ко мнѣ.

— И прекрасно дѣлаете, отвѣтилъ я; зачѣмъ онѣ только костюмъ перемѣнили, имъ нашъ народный костюмъ къ лицу.

— Мнѣ она сама больше нравится въ простомъ платьѣ, такъ вотъ пойдите, поговорите съ нею.

Наташа краснѣла, краснѣла и наконецъ покраснѣла, какъ вишня, и выбѣжала изъ комнаты.

— Ахъ, ты безсережная! проговорила ей мать вслѣдъ и принялась сама разливать чай.

Незнакомки мои принадлежали къ числу тѣхъ немногихъ людей, съ которыми сходишься при первомъ свиданіи. Въ продолженіе трехъ часовъ я съ ними совершенно освоился и со всѣми подробностями узналъ ихъ домашній бытъ, наклонности, привычки, доходы и расходы и даже часть ихъ біографіи.

Елена Петровна Калита, вдова небогатого помѣщика нашего уѣзда, воспитывалась тоже въ институтѣ, только хуторъ, какъ говоритъ она, перевоспиталъ ее по своему.

— А когда Наташа родилась у насъ, то мы съ покойнымъ моимъ Яковомъ того же дня положили, чтобы каждый годъ удѣлять изъ нашихъ бѣдныхъ доходовъ маленькую сумму собственно для воспитанія Наталочки. Отъ и воспитали,—прибавила она шутя, а она не умѣетъ и чаю налить.

Послѣ ужина я съ ними простился, чтобы завтра съ разсвѣтомъ пуститься въ дорогу.

И дѣйствительно передъ восходомъ солнца я оставилъ хуторъ. Меня проводили за ворота стадо индѣекъ и стадо гусей; кромѣ ихъ, никто еще на хуторѣ не шевелился. Лошадки отдохнули, возница мой повеселѣлъ и, еще не садясь въ телѣгу, насвистывалъ какую-то пѣсенку.

Выѣхавши за ворота, онъ поворотилъ вправо, а мнѣ казалось, что нужно взять влѣво; но такъ какъ мы вчера ночью пріѣхали на хуторъ, то я и не могъ утвердительно сказать, которая наша дорога, а потому и разсудилъ положиться на опытность возницы, говоря самъ себѣ: онъ же меня завезъ на хуторъ, онъ и вывезетъ. Пустивъ возжи, словоохотный возница, послѣ панегирика хозяйкѣ хутора и ея дочкѣ, сталъ мнѣ описывать ея богатство.

— Оце все, шо тилько окомъ скинешъ лису—все ін, а лисъ то лисъ,—дубъ, на голо дубъ, хочь бы тоби одна погана осика! Та що тутъ лисъ? А други добра, а степы, а озера, а ставы та млины, та що й казати! Сказано пани, такъ и есть... А ще я вамъ скажу...

Тутъ лошади остановились; возница, увлекшись разсказомъ, не посмотрѣвши вокругъ себя, прикрикнулъ на лошадей, лошади дернули, и задняя ось отскочила, а я вывалился съ телѣги. Тогда онъ закричалъ тпрууу... скажени!.. и, посмотрѣвши вокругъ, проговорилъ:

— Отъ тоби й на... дивися... проклятый пень де ставъ, якъ разъ посередь шляху; я ще вчора думавъ, шо мы въ цимъ діявольскимъ лиси де небудь, та зачепимось—воно такъ и сталось.

— Що жъ мы теперь будемо робить? спросилъ я.

— А Богъ ёго знае, що тутъ робить! отвѣчалъ возница и, подумавши, прибавилъ:

— Охъ, головко бидна, сокиры нема, а тобъ поваливъ дуба, отъ тоби и вись! Вернимося на хутиръ, тамъ чи не дамо якои рады.

Я обрадовался, не знаю почему, этой благой идеѣ и, разумѣется, безпрекословно изъявилъ согласіе, и пока возница укладывалъ колесо на телѣгу, я тихо пошелъ между деревьями по направленію къ хутору.

Солнце уже прорѣзывало золотыми полосками чащу лѣса, когда я подошелъ къ живой изгороди хутора. Тутъ я остановился, чтобы подумать, въ которой рукѣ я оставилъ дорогу. Въ эту минуту разлился какъ-то чудно по лѣсу прекрасный дѣвичій голосъ. У меня сердце замерло, и я, какъ окаменѣлый, стоялъ и долго не могъ вслушаться въ мелодію. Голосъ ко мнѣ близился, я уже сталъ разбирать слова пѣсни:

Ой ты, козаче, ты, зеленый барвиночку!

Хто-жъ тоби постеле въ поли билую постиленьку.

Голосъ становился слабѣе и слабѣе и наконецъ совсѣмъ замолкъ. Я, освободившись отъ обаянія лѣсной музы, пошелъ около изгороди и вскорѣ очутился на хуторѣ. Первое, что мнѣ попалося на глаза, это была выходившая изъ садовой калитки Наташа. Она мнѣ показалася настоящею богинею цвѣтовъ: вся голова въ цвѣтахъ, между волосами, вмѣсто жемчугу, бусы изъ бѣлыхъ черешень. Будь она одѣта барышней, эффектъ былъ бы не полный; но къ наряду крестьянки такъ шли эти цвѣты и черешневые бусы, что пестрѣе, гармоничнѣе и прекраснѣе и въ жизнь свою я ничего не видывалъ. Она, съ минуту постоявши, исчезла за калиткой, а на крыльцѣ показалась мать, одѣтая по вчерашнему. Увидя меня, она громко засмѣялась и проговорила:

— Что, далеко уѣхали?

Я привѣтствовалъ ее съ добрымъ утромъ и вошелъ на крылечко.

— Что, небось съ нами не скоро раздѣлаетесь? говорила она, смѣясь. Прошу покорно,—прибавила она, указывая на скамейку.

Я сѣлъ.

— Наталочко! закричала она: скажи Одарци, нехай самоваръ вынесе сюды на ганокъ! и прибавила: я съ нею такъ привыкла къ своему простому языку, что иногда и гостей забываю!

— Я самъ чрезвычайно люблю нашъ языкъ, особенно наши прекрасныя пѣсни.

Вслѣдъ за Одаркою, выносившею самоваръ, потупя голову, скромно выступала зардѣвшаяся Наташа.

— Слышишь, Наталочко, они тоже любятъ наши пѣсни! А ужъ она у меня такъ и во снѣ ихъ, кажется, поетъ и, знаете ли, ни одного романса не знаетъ. По возвращеніи изъ Полтавы пѣла бывало иногда какой-то «Черный цвѣтъ», а теперь и тотъ забыла.

Я разсѣянно слушалъ и любовался Наташей, и мнѣ почти досадно было, зачѣмъ она опять нарядилась барышней.

— Ахъ я божевильная! воскликнула вдругъ хозяйка,—а ты, Наталочко и не напомнишь. Вѣдь сегодня суббота, а мы въ субботу собирались ѣхать въ Переяславъ. Одарко!

— Чого? тихо спросила появившаяся въ дверяхъ служанка.

— Скажи Корніеви, щобъ бричку лагодивъ и кони годувавъ, а пообидавши, рушимъ въ дорогу.

— Добре, сказала Одарка и скрылась.

— Какъ же это хорошо, что я во время вспомнила. Если вы не торопитесь, то обѣдайте съ нами и будьте нашимъ кавалеромъ до города.

— Даже и въ городъ, если вамъ угодно.

До обѣда я гулялъ съ Наташей въ саду и около хутора, осматривали и критиковали ихъ уютный прекрасный хуторъ. Показывала она мнѣ въ саду и собственное хозяйство, т. е. цвѣтникъ; правда, въ немъ не было большихъ рѣдкостей, за то была чистота, какой не найдете и у голландскаго цвѣтовода. Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на ея незатѣйливый цвѣтникъ.

— Я мамѣ,—говорила она самодовольно, каждое утро съ мая и до октября мѣсяца приношу букетъ цвѣтовъ. А барвинокъ у насъ зеленѣетъ до глубокой осени; а съ весны такъ онъ еще подъ снѣгомъ зеленѣть начинаетъ; я ужасно люблю барвинокъ.

— Да, барвинокъ превосходная зелень.—А имѣете ли вы плющъ?

— Нѣтъ, не имѣемъ.

— Такъ я обѣщаю вамъ нѣсколько отсадковъ.

— Благодарю васъ.

Я только вслухъ обѣщалъ ей плющъ, а втихомолку обѣщалъ много разныхъ цвѣтовъ и даже выписать цвѣточныхъ сѣмянъ изъ Риги; но, не знаю, почему, мнѣ не хотѣлось сказать ей объ этомъ.

Послѣ обѣда безъ особенныхъ сборовъ мы сѣли въ бричку, а Одарку усадили въ мою реставрированную телѣгу и пустились въ путь. Къ вечеру мы были уже въ Переяславѣ, и мнѣ большого труда стоило залучить моихъ новыхъ знакомыхъ къ себѣ на хуторъ; наконецъ они согласились. Прогостили они у насъ два дни и такъ подружились съ матерью, что разстались со слезами. Маменька была въ восторгѣ отъ своихъ друзей, и въ продолженіе этихъ двухъ дней была бы совершенно счастлива, если-бы не свѣжее воспоминаніе о покойномъ Зосѣ, которое не даетъ ей покою ни днемъ, ни ночью.

Взаимныя наши посѣщенія продолжались безъ малаго годъ и кончились тѣмъ, что я уже другой мѣсяцъ въ роли жениха и совершенно счастливъ. Пріѣзжайте, благословите мое счастіе, а чтобы не откладывать въ долгій карманъ, то соберитесь на скорую руку и пріѣзжайте вмѣстѣ съ маменькой и моимъ посаженымъ отцомъ и другомъ Степаномъ Мартыновичемъ. Пріѣзжайте, незабвенный мой, искренный друже; многое не пишу вамъ собственно потому, чтобы удивить васъ прекрасною неожиданностью. До свиданія!

Вашъ почтительный сынъ и искренній другъ С. Сокира».

Сборы въ дорогу стараго холостяка немногосложны. Ярема мой все устроилъ, а я только потрудился влѣзть въ нетычанку, и мы въ дорогѣ.

Вслѣдъ за мною пріѣхала на хуторъ и Парасковья Тарасовна съ своимъ чичероне Степаномъ Мартыновичемъ. Къ свадьбѣ было все приготовлено, и мы въ первое же воскресенье поѣхали къ заутрени, потомъ къ обѣднѣ въ церковь Покрова, а послѣ обѣдни

«скрутили», съ Божіимъ благословеніемъ, нашихъ молодыхъ и задали пиръ на всю переяславскую Палестину, словомъ пиръ такой, что Степанъ Мартыновичъ, не смотря на свои лѣта и санъ, ни даже на свой образъ, пустился танцовать «журавля».

Послѣ свадьбы я прожилъ еще недѣли двѣ въ школѣ Степана Мартыновича и былъ свидѣтелемъ полнаго счастья своихъ названныхъ дѣтей.

Парасковья Тарасовна вполнѣ раздѣляла мою радость, только иногда, глядя на юную прекрасную подругу своего Саватія, шопотомъ сквозь слезы повторяла:

— Зосю мой! Зосю мой! Сыну мой единый!

20 іюля.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(Окончаніе) [1]).

1816-й годъ наступилъ благополучно, и я, покупая для себя и людей хлѣбъ, исправлялъ винокурню по силѣ. Въ ожиданіи-же весны чаялъ скоро видѣть и постройку моей згорѣвшей мелницы, но мой племенникъ здѣлался бездѣльникъ, умышленно постройкою медлилъ, чтобы его мелницы, Лазаревская и Куцовская, болше имѣли помолщиковъ. Постройка-жъ вся ведена была не противу контракта, и вся не прочна и не чиста, за что въ мысляхъ моихъ и положилъ я его въ подрядахъ проучить, дабы въ молодости дознавши опытомъ, при старости былъ лутче. Но мысли за моремъ, а смерть за спиною, говорится присловица. Сынъ мой Александръ еще съ генваря мѣсяца страдалъ лихорадкою и простудою силно, а съ іюля, съ первыхъ чиселъ, слегъ уже и въ постель и, часъ-отъ-часу изнемогая, приближался къ смерти; наконецъ 12-го числа іюля сообщенъ онъ святыхъ Таинъ и особорованъ масломъ, 19-го испустилъ духъ, 1-го часа въ 45-ть минутъ по полудни, а 20-го погребенъ близъ гроба матери своей, съ правой стороны, въ каменномъ склепѣ. Господи, упокой душу его со святыми! Онъ былъ любезный мой сынъ. И такъ я зъ сего часа остался только съ однимъ сыномъ

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., ноябрьск. кн., стр. 472—499.

Петромъ и четырмя дочерми: Любовью, Александрою, Екатериною и Варварою провождать сію горестную и многомятежную жизнь, пока Богъ дни мои продлитъ.

Августа 19-го числа умре и пріятелница моя, княгиня Маргарита Григорьевна, после родовъ дочери, и погребена въ деревни Ковылиной въ саду, принадлежащемъ князю Якову Михайловичу Друцкому-Соколинскому.

Въ семъ-же мѣсяцѣ имѣлъ проѣздъ чрезъ Курскъ изъ Воронежа, зъ полуденныхъ губерній, великій князь Николай Павловичъ и, пробывъ въ Курскѣ двои сутки, отправился въ Москву.

Я въ сіи дни былъ здоровъ, и чуть толко мелница моя начала дѣйствовать на одинъ камень, то племенникъ мой вздумалъ по старинному со мною пошутить, и какъ не противу контракта была мелница построена, то я платежемъ 500 р. денегъ удерживался, а онъ, приславши людей своихъ, забралъ помолной хлѣбъ и велѣлъ снять передней камень и увезти въ свою деревню Лазаревку; о чемъ когда подалъ я исправнику Мухину объявленіе о учиненномъ у меня грабежѣ, то началось слѣдствіе и выемкою грабежа онъ и мать его споличены съ людми, а грабежъ мнѣ возвращенъ, дѣло же, по уликѣ ихъ законопротивнаго поступка, пошло по своимъ инструкціямъ, какъ должно быть, и это при старости безпокойство.

Я прожилъ при мелницѣ до 20-го числа августа, а по дѣлу сынъ мой Петръ ѣздилъ въ Корочу по часту. Потомъ, пріехавши домой, началъ оправлять винокурню въ надеждѣ, что Богъ мнѣ поможетъ курить и безъ денегъ, что и збылося истинно, ибо до новаго года было вино не выходно и безъ продажи, а съ новаго года и то и другое исправилось и пошло въ ползу. И после сего и многихъ моихъ печалей наступилъ и

1817-й годъ благополучно. Генваря-жъ 1*9*-го умре и другой мой благодѣтель, князь Яковъ Михайловичъ Друцкій-Соколинскій, ѣдучи съ Тиму, въ селѣ Остабномъ, въ домѣ священника тамошнего, скоропостижно. Его оттоль сынъ мой Петръ, тайно увезши, похоронилъ въ селѣ Прилепахъ близь гроба отца его и бабки княгини Надежды Михайловны, за олтаремъ. И такъ въ семъ роду

осталась толко полугодовая дочь его наслѣдницею. Въ мартѣ же мѣсяцѣ княгиня Анна Евдокимовна, мать его, просила меня писмомъ пріехать въ Ковылино для распоряженія оставшей экономіи, и когда я туда пріехалъ, то она, пославши предводителю Раевскому прозбу, приняла на себя опекунство малолѣтней своей внуки, а меня упросила быть попечителемъ. И такъ мы съ нею, по полученному изъ опеки указу, все княжое имѣніе и приняли по описи, а по принятіи отправились въ свои домы, гдѣ бывши въ движеніи по экономіи, іюня 19-го заболѣлъ я силнымъ кашлемъ съ лихорадкою и великою мокротою, зъ слабостію же желудка. Сія болѣзнь продолжалась и до Петрова дни, и мало-мало не отправился на тотъ свѣтъ. Но всемогущая десница дала и еще время для покаянія. Во время же исправленія здоровья ѣздилъ къ мелницѣ своей, а потомъ зъблизжилось время годовое по умертвіи любезнаго сына моего Александра, коему въ самый день его преставленія, то есть 19-го іюля, здѣлалъ поминованіе, на которомъ какъ я послѣ болѣзни моей не могъ еще пить водки и ничего другаго хмельнаго, то попы и гости, отобѣдавши, скоро и розошлись. Слава Богу о всемъ!

Винокуреніе-же сей зимы продолжалось благополучно и выходно, почему прокуривъ до назначенного срока маия по 1-е число, винокурню и остановилъ, но вину хода никакова въ сіи мѣсяцы не было, почему и нуждался денгами силно. Весна-же наступила сухая и хлѣбу хорошу быть отняла надежду, почему и цѣна оному возвысилась до 8-ми рублей.

Въ продолженіе-жъ бывшей зимы и весны приступали ко мнѣ разныя болѣзни, а болше страдалъ болью въ животѣ, къ чему прибавилъ боли и паденіемъ съ лошади, и отъ всѣхъ сихъ избавлялъ меня Богъ попасть въ руки врачей, которыхъ духъ мой всегда терпѣть не можеть.

29-го-жъ апреля умре предобродѣтелный нашъ старикъ архіепископъ и кавалеръ Ѳеоктистъ на 96-мъ году отъ рожденія своего, коего да упокоитъ Господь съ праведными въ лонѣ Авраамли. Потомъ наступило паденіе и нашихъ привилегій, ибо состоявшимъся уставомъ и учрежденіемъ о винокуреніи велѣно живущимъ на сло-

бодскихъ земляхъ войсковымъ жителямъ курить вино на поставку въ винные магазейны казенные, а не для волной продажи. И по сему учреждены и въ Слоновки питейныя домы съ продажею казеннаго вина, цѣною по семи рублдй, чемъ и последнее пропитаніе отнято. Привилегія уничтожена, и кто не взялъ поставки, то и винокурни запечатаны, а по сему и у меня, съ протчими на ряду, винокурня 2-го октября запечатана, и я сѣлъ какъ ракъ на отмели, что-жъ впредъ послѣдуетъ, Богу себя вручаемъ. За симъ послѣдовала царская милость и велѣно указомъ, чтобъ намъ, ползовавшимся винокуреніемъ, оставить себѣ для домашнихъ обыходовъ генваря съ 1-го по десяти ведръ. Слава Богу и о семъ, и наше намъ-же и пожаловано, пока привычку возмемъ до кабацкаго сквернаго вина.

Декабря 28-го умре въ Ковылиной покойнаго князя Якова Михайловича тесть, Егоръ Ивановичь Остеръ-Гаузенъ, имѣвшій чинъ подполковника. Я, какъ надъ тѣмъ имѣніемъ попечитель, долженъ былъ туда ѣхать и его, какъ долгъ велитъ, похоронить, что 31-го числа и исполнилъ. И такъ сими произшествіями благополучно 1818-й годъ и окончился.

1819-й годъ. 2-го числа генваря, возвратясь я съ Ковылиной, нашелъ Слоновку подобную монастырю, представляющему видъ перваго понедѣльника великой четыредесятницы: кабаки открылись, вино дорого, непривычки ко онымъ жителей и отнятіе волности вселило въ людей уныние и съ нимъ принужденная возстановилась скупость, по притчинѣ дороговизны вина и сквернаго его запаха, съ обмѣрами и разными изворотами кабатчиковъ. Но продливши мѣсяцъ январь, мало-по-малу начали изъ уныния выходить и привикать къ горестямъ, съ упованіемъ, что вся строяй на ползу Богъ пошлетъ и намъ, вмѣсто винокуренія, другой способъ къ пропитанію нашему.

Сего-жъ года въ генварѣ мѣсяцѣ началъ я чувствовать въ себѣ каменную боль, которая съ теченіемъ времени и умножалась, но все еще была сносна. Что-жъ впредъ послѣдуетъ, воля да будетъ Всевышняго Создателя!

Въ маѣ-же мѣсяцѣ увидѣли мы на полуношной сторонѣ неба, въ девятомъ часу по полудни, комету, касающуюся своимъ свѣтлымъ хвостомъ и стоявшую почти чрезъ цѣлой мѣсяцъ близъ полярной звѣзды. Потомъ, во исходѣ мѣсяца іюля, стала невидима, и что она значила, вѣдомо только единому Богу. Я-жъ суевѣрія объ ней, содержимаго просто-

людинами и предразсудковъ многихъ людей, знающихъ и науки, за истинныя не пріемлю. И такъ въ жизни моей видѣлъ я уже три кометы, исъ коихъ первая, предъ турецкою войною стоявшая, видима была на горизонтѣ прямо стоявшаго человѣка надъ головою его, а вторая предъ второю французскою съ нами войною, третья-же сія, видѣнная сего 1819-го года, въ мѣстѣ полярной звѣзды бывшая.

Сентября 2-го курскій преосвященный Евгеній для осмотра по епархіи своей прибылъ и въ Слоновку, предъ захожденіемъ солнца, и бывши въ церкви, по отправленіи своихъ молитвъ, отправился по пути въ слободу Пещанку, гдѣ ночевалъ, а въ городѣ Новомъ Осколѣ служилъ литургію и оттоль отправился по пути-жъ до Старого-Оскола и Тиму; потомъ 28-го освятивши въ слободѣ Халани нововыстроенную каменную церковъ, прибылъ 30-го числа паки ночью въ Слоновку. А 1-го октября, отслуживши въ слоновской церквѣ литургію, возвратился въ Бѣлгородъ чрезъ слободу Старицу, гдѣ его преосвященству подлежащая на рѣкѣ Донцѣ имѣется мелница. Господи, управи путь его! Онъ въ служеніи важенъ, но въ обхожденіи съ духовенствомъ и свѣтскими людми горячъ и много говорливъ.

Осень нынешняго года была мокрая и безъпогодная, потомъ весма морозная, безъ санной пути, даже до Николаева дни, отчего люди въ пропитаніи себя и скота имѣли великую нужду, а хлѣбу цѣна возвысилась было до десяти рублей; а потомъ, когда настала санная путь, то унизилась до шести рублей. Поставщики наши въ казну вина потерпѣли убытокъ, а меня Богъ сохранилъ, потому что я поставки не бралъ, винокуренія не производилъ и съ казною знакомства не имѣлъ, зная бывшія и потерпѣнныя мною въ прежнюю поставку великія убытки, которая была послѣдней 1788 года.

Отъ іюля мѣсяца и до окончанія года былъ я здоровъ и исправлялъ малую свою экономію по силѣ, безъ всякаго излишества расходовъ, дабы не прійти въ крытику ядовитаго зуба, людей грызущихъ всякой и малѣйшей порокъ людскій. А за симъ наступилъ и 1820-й годъ, который подкрѣпилъ себя силными и лютыми морозами, начавшимися еще зъ 7-го числа ноября, имѣвшими малую перемѣну зъ силными дождями, бурями и метелми съ ковзелицею. Въ разсужденіи-же внутренныхъ моихъ и частыхъ болѣзней никогда не полагалъ я и не мыслилъ дожить сего 1820-го года, отъ рож-

денія моего числящимся семдесять первымъ. Но слава всемогущему и всесилному Богу! я въ сіе самое время пишучи 11-го числа января не толко живъ, но и всесовершенно здоровъ и малопечаленъ, что-жъ впредь со мною ни послѣдуетъ, Богу себя въ святый Его промыслъ вручаю.

Предъ окончаніемъ-же зимы въ послѣднихъ числѣхъ февраля и до половины марта снѣги выпали великія, потомъ начались дожди и туманы, а потомъ теплыя дни съ утренниками, отчего послѣдовала великая полая вода, подобно бывшей въ 1784-мъ годѣ, и поднималась отъ лѣтняго теченія въ рѣкѣ вода аршинъ на шесть, залила многія въ низменныхъ мѣстахъ домы и винокурни, и если-бы не воспящаема была утренниками, то бы великія послѣдовали отъ оной разоренія, подобно тѣмъ, какія сего года были причинены отъ наводненій рѣкъ Дуная и Рейна, о чемъ писано было въ Вѣдомостяхъ Московскихъ, сего года изъдаваемыхъ неоднократно. Привилегіи наши не возвратились, а цѣна вину прибавилась еще на ведро по рублю. И такъ мы нынѣшней годъ покупаемъ вино полугарное по осми рублей, а пѣнное по 10 рублей, протчее-же по уставу, какъ корчемствы, такъ и поставки строго наблюдаемы были, но.... и корчемство кое-гдѣ возникало по обыкновенію, неудержимо бо есть сіе зло отъ начала міра.

Благословенный нашъ императоръ Александръ и нынѣшней годъ имѣлъ проѣздъ изъ Тамбова въ Воронежъ, а изъ Воронежа въ Курскъ, исъ Курска-же чрезъ Белгородъ въ городъ Чугуевъ, по притчинамъ, намъ неизвѣстнымъ; а отътоль чрезъ Могилевъ въ Варшаву, гдѣ велѣно или подлежитъ быти собрану сейму. Онъ путь свой продолжалъ съ поспѣшностію и великимъ смиреніемъ и ко всѣмъ своимъ вѣрноподаннымъ съ великою милостію и щедрыми подарками.—Урожай хлѣбу сего года былъ посредственъ, но во многихъ мѣстахъ градъ много опустошилъ полей, отчего и дороговизна хлѣбу здѣлалась вдругъ, ибо изъ пяти рублей начали оный продавать въ сентябрѣ мѣсяцѣ уже по десяти рублей и выше, чемъ поставщики, взявшія великое число поставить въ казну вина и низкою цѣною, весма опечалились. При семъ можно для памяти обявить, что огородная зелень силно была сей годъ хороша и между тѣмъ при собраніи съ овощника моего картофеля, буряковъ, моркови и капусты, сыскалась у меня одна рѣдка вѣсомъ въ двад-

цать пять фунтовъ, а въ окружности мѣрою одинъ аршинъ, двѣ четверти съ вершкомъ. Величина сего рода овощи насъ удивляла, почему и поставлена была оная въ залѣ для смотрѣнія всякому на многое время.

Филиповъ постъ продолжался силными морозами, потомъ метелми и наконецъ и паки лютыми морозами. На канунѣ-же праздника Рождества Христова началась оттепель, согнало снѣгъ и здѣлалась полая силная вода, продолжавшаяся и до половины января, чемъ сей 1820-й годъ и кончился благополучно. Хлѣба цѣна была аржанаго до 10-ти рублей. Поставки слоновскія кончились и всѣмъ казеннымъ жителямъ отъ оной отказано по той притчинѣ, что взявшія великимъ количествомъ поставщики цѣну очень понизили и, въ разсужденіи дороговизны хлѣба, чуть-ли не для своихъ великихъ убытковъ, что увидимъ впослѣдствіи.

1821-й годъ начался теплымъ временемъ съ полою водою, потомъ умѣренною стужею, отъ чего было въ переѣздѣ чрезъ рѣки весма затруднително. Полая вода, после вдругъ стаявшаго остального снѣга, была силная и поднималась сверхъ прошлогодней болше четверти аршина, отъ которой мелницы много и пострадали, въ томъ чмслѣ и моя простояла отъ дружнаго половодья мало не двѣ недѣли. Весна вскрылась ранняя и сухая, отчего ржи весма были худы и малорослы съ мелкими колосками, а ярынныя отъ суши и вѣтровъ имѣли худыя всходы, а равно и ростъ такой-же. Тутъ начали пріѣзжать покупщики хлѣба изъ далнихъ великороссійскихъ мѣстъ и изъ подъ Москвы, которыя въ маѣ мѣсяцѣ возвысили цѣну аржаному и въ нашихъ мѣстахъ до 13-ти, а гречу до 7 р., пшено и пшеница также цѣны своей не уступали по притчинѣ неурожая, а за симъ и поставщики болшаго количества вина начали чувствовать свои убытки и здѣлались неисправными, а чорный народъ оголодѣлымъ и унылымъ. Скотъ рогатый въ разсужденіи неурожая сталъ весма дешевъ. Я, видя, что у меня сѣна было накошено толко 70 копенъ, искалъ случая купить для лошадей и еще, а проѣзжая отъ мелницы своей, увидѣвъ на логу Холковскомъ берущаго мужика сѣно, пошелъ вспросить о продажѣ оного изъ любопытства. Мужикъ на продажу склонился, и я у него купилъ два стога, за сто двадцать рублей, почему сею покупкою и убавилъ на сердцѣ моемъ много печали. Труды людей въ собираніи хлѣба озимаго безъсѣменнаго были велики и безънадежны, но

нужда есть преизрядный учитель. Отъ сего неурожая проявились воровства и у меня однажды господа воры посѣтили мелницу и увезли помолщиковъ хлѣба мѣшковъ зъ семнадцать, которымъ и слѣдовъ сыскать не могли. Полевая работа кончилась, и хлѣба ни въ полѣ, ни въ гумнахъ стало не видно, а кормъ скоту такъ вздорожалъ, что за возъ соломы осенью платили по пяти и по шести рублей, а сѣна, и то негоднаго, возъ по 11-ти и по 10-ти рублей, хлѣбъ аржаной по 13 и 14 рублей, гречаной 8 и 9-ть рублей за четверть. Скотъ рогатой, можно сказать, почти никакой цѣны не имѣлъ, потому что пара быковъ лутчихъ, стоящихъ хозяину дву сотъ рублей, платима была не болше 80-ти, а иногда и 50 руб., корова 10 или 15 рублей, и протчая, и протчая.

Сего года исторія покажетъ, какъ греки 368 лѣтъ бывши завоеваны турками, вздумали оружіемъ отыскивать своей волности и, вооружа силно флотъ, разбили турковъ на сушѣ и морѣ. Турки оныхъ безъ разбора пола и возраста убивали, а греки турокъ еще и болше не щадили. Многія-же тысячи грековъ прибѣжали подъ защиту Россіи, просили помиловапія и пищи, почему, по волѣ императора, посредствомъ духовенства и собраны были отъ доброхотныхъ дателей многія тысячи и онымъ въ милостыню отданы; въ томъ числѣ и отъ меня грѣшнаго посилное подаяніе къ нимъ поступило. И симъ-же лѣтомъ пріявшій отъ султана мученическую смерть цареградскій патріархъ Григорій привезенъ на кораблѣ въ городъ Одессу, погребенъ съ подлежащею ему честію. Державы россійская и австрійская за единовѣрцовъ своихъ грековъ вступились сего-жъ лѣта силно, но войны еще не начинали, а чинили грекамъ великую помощь какъ въ подвозѣ хлѣба, такъ и аммуниціею, и симъ многія тысячи спасли отъ смерти.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ господа воры и еще посѣтили мою мелницу не сроднымъ ворамъ воровствомъ, но примѣтнымъ насиліемъ, и увезли хлѣба болѣе семи четвертей. По моему замѣчанію были сіи воры съ моихъ ближнихъ родныхъ сосѣдъ. Богъ ихъ проститъ, ибо голодомъ сами они и ихъ люди объяти были силно.

Зима къ намъ и въ декабрѣ еще не являлась и путь была грязна и скучна до безконечности, а отъ сего въ Филиповъ постъ и рыбы изъ Дону въ привозѣ не было, чемъ мы нѣсколко и голодали. Въ генварѣ мало получили мы снѣгу и на рѣкѣ лду; сего

послѣдняго едва мы поспѣшили набрать въ свои ледники, съ 15-го же февраля какъ снѣгъ, такъ и ледъ пропали совершенно, и къ 27-му февраля уже санная путь совсѣмъ пропала, а наступила слякоть и грязь съ распутицею, и по причинѣ дороговизни или совсѣмъ неимѣнія скотскаго корму скотина страдала голодомъ. Цѣна же хлѣбу была четверть аржаного отъ 10-ти и до пятнадцати рублей; много страдали неимущія отъ голода, но Господь Богъ всѣмъ былъ промышленникъ и податель, маніемъ питая всяческая, питаль и свое созданіе ему извѣстными судбами.

Много и въ сіе время страдали отъ турокъ греки и принимали мученическую смерть убійствомъ и распятіемъ на крестахъ. Жены и дѣвицы были поругаеми, огнемъ сожигаеми и убиваеми разными орудіи и случаеми, а по сему ихъ греческій синодъ и опредѣлилъ, по случаю великой ихъ нужды, посты сократить и разрѣшить, дѣвъ и женъ обруганныхъ и обезъчещенныхъ не почитать безъчестными, патріарха умученного Григорія и протчихъ отъ духовнаго чина почитать мучениками и во святихъ, и протчая къ сему нужная постановленія здѣланы по правиламъ и законамъ.

Наступило въ апрелѣ мѣсяцѣ время сѣять, и хотя была сей мѣсяцъ великая засуха и посѣянному ярому хлѣбу противна, но у кого были остатки сѣменъ—сѣяли, положась на Бога и его великия милости. Однако прежнихъ годовъ препорція не висѣяна, и поля остались не засѣяни въ прежнею мѣру; и голодъ умножился, мелницы остановились безъ помолщиковъ, и вода шла безъ дѣйствія мелничныхъ колесъ. Моленія въ церквяхъ хотя и были, однако разгнѣванный грѣхами нашими Богъ не внималъ онымъ и дожжа не было, а продолжались до маия морозы. Помилуй, Владыко, и не погуби созданія твоего гладомъ, ибо ты еси милосердъ, аминь!

Преосвященный нашъ Евгеній произведенъ архіепископомъ и переведенъ во Псковъ, куда марта 30-го и выѣхалъ изъ Белагорода благополучно, а на мѣсто его пріѣхалъ въ Бѣлгородъ Владиміръ епископъ и сѣлъ на престолѣ курскомъ и бѣлоградскомъ.

Дожжи въ маѣ начались и хлѣбъ и траву мало поисправили. Но продолжавшіяся морозы и студеныя вѣтры пчеламъ много вредили и привели въ безъсилие въ низменныхъ мѣстахъ. Маия 9-го садовую овощъ всю морозомъ искоренило, яко то: яблони, вишни, теренъ и протчее все погибло; огурцы и съ ними всю протчую

огородину истребило, а хотя и прилагали стараніе насаживать другія сѣмена, но тщетно, ибо засуха и жары то искоренили. Но хлѣба озимыя и раннія ярыя подавали надежду, что отвратится голодъ, а покосъ зѣло огорчалъ, потому что трава уцѣлѣла толко отъ суши по логамъ и лугамъ, а протчее все исчезло.

Въ іюлѣ наступила ненастная погода, и хлѣба вдругъ изъ ничего, а найпаче рожъ и греча оказались весма урожайны, чемъ люди были весма обрадованы, и изъ пятнадцати рублей въ нашихъ мѣстахъ продаваемаго за четверть цѣна унизилась до пяти рублей, а равно и для скота кормъ сталъ въ умѣренной цѣнѣ. Всѣ воскликнули: слава Богу! слава Его Всемогуществу! милостивъ есть и щедръ питающый всяческая маніемъ и всемогуществомъ силы своея. Многогорестныя-же греки, страждующія подъ игомъ горестей, до сего времени имѣли удачныя съ турками битвы, но нынѣ, какъ видно изъ газетъ, начали ослабѣвать, и которыя города имъ досталось покорить, всѣ преданы огню и мечу, не взырая ни на полъ людей, ни дѣтей. Помогателямъ-же въ ихъ войскахъ, другихъ державъ людямъ, взятымъ въ полонъ, отрѣзивали носы и уши и, выколовъ глаза, отпущали во свои мѣста. О варварское злое дѣло! Какъ-же могли они безъглазыя сыскать себѣ путь? Но Богъ, въ нюже меру мѣрили грекамъ, отмѣритъ и имъ.

Нашъ императоръ и другихъ державъ короли и протчія германскаго союза самодержавци положили здѣлать конгресъ и съѣхались въ Германіи. Но что отъ ихъ съѣзда произойдетъ, исторія въ свое время покажетъ.

Я въ сіе время страдалъ закоснѣлою въ животѣ моемъ болѣзнію съ желтяницею, и все тѣло мое казалось, какъ желтый воскъ; и какъ къ сей болѣзни я уже привикъ, то и лѣкарствъ никакихъ не употреблялъ, и толко имѣлъ надежду на всемогущество Божіе. Богъ-бо есть истинный врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ, а по сему, чая скоро кончины животу моему, написалъ и сію молитву:

«О всесвятый, всесилный, триипостасный и всемогущій Боже! Боже праведный и хвалный, Боже великій и крѣпкій, Боже превѣчный! Услыши грѣшнаго мужа молитву въ часъ сей, се бо уже и конецъ жизни моей приближися, сердце охладнѣваетъ къ любви дѣтей, ближнихъ и яже суть въ мірѣ. Нѣмѣютъ уста, хвалящія въ молитвахъ тебе, Всеблагаго Бога; одрахлѣваютъ и руки, кои

простирались на дѣла и дѣянія; малодвижущіи стали ноги, поспѣшавшія на молитвы церковныя; очи стали слезоточащи съ тупымъ зрѣніемъ ко чтенію божественныхъ и нравоучительныхъ книгъ. Нелюбимъ сталъ міръ и яже суть въ мірѣ. Здравіе и все тѣлосложеніе одрахлѣло, ожестѣло и многоболѣзненно стало. Зубы испадоша, обоняніе погибло; власы изъ черныхъ стали бѣлы, а все сіе не явно-ли предвѣщаетъ приближеніе смерти моей? Что-жъ убо чаю и на что надѣюся? Токмо зову: Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя и изведи исъ темницы грѣховной душу мою исповѣдатися имени твоему! Ты убо реклъ еси, Владыко, всепречистыми усты твоими, яко «всякъ слушаяй словесе моего и вѣруяй пославшему мя, на судъ не прійдетъ, а прейдетъ отъ смерти въ животъ». Вѣрно слово всяко Владыки, Создателя моего! Се-же вѣрую несумѣнно въ пославшаго тебе, чрезъ что и чаю избавленъ быти вѣчныя муки и огня геенскаго и получити одесную тебя стояніе. Благословенъ бо еси Господи Боже, препѣтый и превозносимый во вѣки! Вдохни въ мя крѣпость твоея силы, и аще что лютящъ или нехотящъ согрѣшихъ, прости и сохрани душу мою святу и представи ю твоему престолу, совѣсть имущу чисту, и буди милостивъ мнѣ! И егда разлучиши душу мою отъ тѣла, то да не узритъ душа моя мрачнаго взора лукавыхъ демоновъ, но да пріимутъ ю ангелы Твои, свѣтлыя и пресвѣтлыя, и доведутъ до славы царствія твоего небеснаго. А оставшія по мнѣ чада, родственники, рабы и вся православныя христіяни помяни и милостивъ имъ буди, презырая вся ихъ согрѣшенія и ущедряя земными благами, дондеже и тіи живы будутъ, по смерти же ихъ сподоби одесную тебя стоянія, яко благословенъ еси во вѣки, аминь».

1822-го годя, ноября 20-го дня.

Конецъ года сего былъ весма студеный; великия морозы, но безъ снѣгу, котораго мы около Рождества Христова получили мало и напали ѣздить санми. Тутъ мой прежде нареченный зять Смоленскій началъ и опять свататся за Варвару, коей, усмотря ея желаніе, велѣлъ я дать руку и съ помощію Божіею начали приготовлятся къ свадбѣ. И симъ 1822-й годъ кончили, славу Богу, благополучно.

1823-й годъ. Какъ скоро проводили празникъ Рождества Христова и дождали новаго года, то въ первое воскресенье, бывшее

7-го числа января, обвѣнчавъ молодыхъ, принялись гулять свадбу, которое гулянье продолжалось съ визитами, свиданьями, благодареньми и протчимъ до двадесятого. И все сіе происходило радостно, мирно и тихо, что и моему сердцу дѣлало великую въ печалехъ отраду и забытіе болѣзней. Начало-жъ и сего года было сильными морозами и метелми со стужею и вѣтрами. Но цѣна хлѣбу весма унизилась и даже до четырехъ рублей за четверть аржаного, до двухъ съ полтиною грешневаго, а пшеница и пшено до десяти. Какъ обрадованъ бѣдный народъ, страдавшій прошлаго года отъ дороговизны и голода, получа такое Божіе милосердіе, давшее во всемъ изобилие и отъ войны миръ и тишину!

Декабрь и январь прололжались силно лютыя морозы, отчего и мелница моя въ подступѣ воды замерзла, а хлѣбъ собранный Петромъ моимъ по неосторожности проданъ, почему въ февралѣ и принуждены стали для людей и себя покупать. О, какъ не вкусенъ и не споръ покупной хлѣбъ! Избавъ, Боже, впредъ отъ покупки онаго и дай намъ нашъ насушный, сладкій, вкусный и приятный, яко-же подавалъ еси на всякъ день прежде.

По вскрытіи весны и полой воды почти не было, и хлѣбу явилась дешевизна такая, что въ мартѣ уже начали продавать четверть ржи въ три рубли и менше. Сего мы никогда не воображали, чтобы после такой высокой цѣны могла послѣдовать вдругъ такая низкая. Но власть Всемогущаго Бога творитъ, еже хощетъ. Весною и лѣтомъ продолжалась великая суша, и хлѣба, а найпаче гречихи, пропали совсѣмъ, отъ пчелъ также роевъ и меду не было, почему и хлѣба яроваго собрали очень мало, а по собраніи оказалось и соломы для корму скоту тожъ очень мало. Народъ приунылъ, но цѣна низкая не возвышалась.

Сего-жъ года, іюля 21-го господинъ фелдмаршалъ Флавіанъ Вилгельмичъ Сакенъ посѣтилъ меня вторично проездомъ въ Острогожскъ для осмотра собранныхъ тамо полковъ. Онъ разговаривалъ со мною весма ласково и вспомнилъ прежнее свое у меня бытіе. На другой-же день при отъѣздѣ, господинъ фелдмаршалъ, поблагодаря меня въ спални за покойной ночлегъ, когда хотѣлъ выйтить, то я просилъ у него позволенія поцѣловать его руку, но онъ сказялъ мнѣ: «на что тебѣ моя рука, я тебя и такъ поцѣлую». И поцѣловавши два раза, сказалъ: «дни наши остались коротки, и мы

болше уже не увидимся. Прощай!» И зъ симъ словомъ ушелъ и, сѣвъ въ коляску, уѣхалъ. Маия съ 1-го домъ мой ассигнованъ былъ для пріѣзда генераловъ бригаднаго и корпуснаго, по той причинѣ, что въ Слоновки квартировалъ тверской драгунской полкъ и смотры частыя оному и ученья были отъ оныхъ; но, вмѣсто двухъ, были у меня пріѣзжающихъ четыре, а пятой фелдмаршалъ. Они всѣ были до меня ласковы и квартирою довольны, почему и отъѣзжали съ благодарностью. Ученье-же квартирующему полку (котораго полковникъ квартировалъ у Романа Корецкаго) производилось всякой день на лугу противу моего двора надъ Осколомъ, то на горѣ Бѣломестской, а на послѣдокъ лутчимъ мѣстомъ признана гора Осотище, гдѣ и генералной былъ смотръ, а равно слышили и видѣли всякой день музыку полковую, то предъ окнами полковничей квартиры, то, когда пріѣзжали генералы, подъ окошками моего дома; почему два мѣсяца лѣтныя и проводили мы въ веселости. А познакомясь съ офицерами и полковникомъ, имѣли всякой-же день незванныхъ и гостей. Іюля 1-го полкъ выступилъ въ походъ, и мы ученья и смотра, людей и лошадей лишились и остались по прежнему въ деревенской жизни. Зъ сего времени на правой ногѣ моей открылась великая рана и началась великая боль, отъчего и страдалъ я много, но излѣчить оной не могъ. Слава Богу о всемъ, да злопострадаю и я великому Христа Спасителя нашего страданію, о насъ грѣшныхъ страдавшему!

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ посвященъ въ нашу церковь священникъ Іоаннъ Переверзевъ на мѣсто протопопа Бершадскаго, а потомъ и діаконъ другой. И такъ нашъ клиръ нынѣ не полонъ толко однимъ дьячкомъ и однимъ пономаремъ.—Хлѣбу цѣна не возвышалась, а еще упадала. И такъ ржаная мука и рожъ продавалась не свыше трехъ рублей, а протчей противу ржи ниже и выше, какъ нужда кому требовала.—Тутъ на берегу Оскола, близъ моего овсинника, выстроенъ манежъ для ученья будущею зимою и весною лошадей, почему одинъ эскадронъ съ лошадми и прибылъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Слоновку для квартированія.

Сначала осени была погода сухая и началась осень морозами крѣпкими. Потомъ, съ половины ноября и до праздника Рождества Христова, было пять оттепелей и путь санная съ телѣжною толикое число перемѣнялись. Потомъ съ 1-го января послѣдовала на-

стоящая путь санная. Благая и злая, нищета и богатство, животъ и смертъ отъ Вышняго суть; и такъ мы зъ сими перемѣнами 1823-й годъ благополучно проводили, а новаго 1824-го дождали. Слава тебѣ, Боже, о всемъ слава Теаѣ!

Начало сего года съ первыхъ чиселъ было студеное и морозы крѣпкія, но снѣга мало, и путь санная была худа, а съ 12-го числа генваря началась оттепель, и снѣгъ согнало дождемъ, отчего и полевыя рѣки прошли силною водою, а затѣмъ наступила теплота и грязь. Хлѣбу цѣна не возвышалась, а стояла въ низкой и не болѣе 2 р. 50 к. цѣнѣ за четверть. Уже проводили и февраль мѣсяцъ, а снѣгу нѣтъ; и морозы были изрядныя, но стужа умѣренная.—Великій князь Михаилъ Павловичъ обручился, но о свадбѣ еще манифеста не было.—Рыбы за непогодою и безъпутицею донской въ привозѣ почти не было, а которая и была вывезена, но тухлая и къ пищѣ непотребная. По притчинѣ-жъ дешевизни хлѣба и денги въ оборотѣ оскудѣли, и ни на какия товары ходу не было, и черной народъ крѣпко нуждался платежемъ податей, а сребру пріему въ казну не было, отчего великій промѣнъ на ассигнаціи дѣлалъ великую нужду и убитокъ. А мартъ мѣсяцъ показался къ намъ зъ силною грязью, почему и всякой путь проѣзда остановился на сушѣ и рѣкахъ. Кормъ скоту оскудѣвалъ весма и нигдѣ онаго купить было не можно, а смотря на сей въ людяхъ недостатокъ, дожидалъ я и себѣ сего-же жребія. Но внутренно имѣлъ крѣпкое на Бога упованіе и часто мыслилъ и говорилъ сіи слова: «вскую прискорбна еси, душе моя? и вскую смущаешися? Уповай на Бога, яко отъ того есть всегда спасеніе мое».

Великій князь Михаилъ Павловичъ женился, и у насъ было торжество съ тридневнымъ звономъ. Марта съ 10-го были дни весма теплыя и совсѣмъ показалась вешняя погода. Потомъ востала буря, стужа и силныя вѣтры, по продолженіи которой стали дни ненастныя и грязь испортила прежде бывшую путь. Въ ярманку нашу Благовѣщенскую продажа скоту была посредственная и маломало черный народъ сталъ имѣть въ рукахъ денги, которыя совсѣмъ почти было въ забвеніе пришли.

Нужда въ денгахъ и долгъ заставили и меня продать на срубъ изъ моего лѣса сто липовыхъ деревъ, за каждое по 3 р. 75 к.; а получа отъ покупщика, заплатилъ и часть долгу, ку-

пилъ къ мелницѣ камень и нужния къ домашнему содержанію. Позабылъ было и горесть печалей, впредъ уповая на милость Всемогущаго Бога. Но пришло желаніе сыну Петру женитца, а не сыскивалось по праву и достатку невѣсты. Вотъ и опять печаль! Сватались кой-гдѣ, но нами пренебрегали, а въ другихъ мѣстахъ и намъ не нравились невѣсты, ибо не было на то еще Божія опредѣленія и суженаго человѣка, который былъ бы помощникомъ ему и женою. И такъ положили взять терпѣніе до Божія о томъ опредѣленія. 22-го числа марта получилъ я срезъ сына Петра увѣдомленіе, что дочь моя Варвара въ городѣ разрѣшилась отъ бремени и родила мнѣ внука Іоанна. И такъ, слава Богу, сталъ я уже съ сего числа дѣдъ. Слава провидѣнію Божію, слава его всемогуществу и силѣ и волѣ всесвятой!

Въ послѣдующихъ-же мѣсяцахъ достопамятностей никакихъ не послѣдовало, кромѣ того, что по вышедшимъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ послѣдовало было мнѣ въ казну заплатить за сына триста тридцать рублей, а не имѣя наличности, принужденъ былъ занять у смотрителя училища 200 р. Потомъ какъ дѣло длилось переворотами, то я сіи денги употребилъ на другия платежи и молчу до окончанія дѣла, мысля въ себѣ, что Богъ мнѣ во всемъ есть помошникъ и на него все мое упованіе возложено несумѣнно.

Въ первую мою въ Петербурхъ 1791-го года поѣздку, приключившаяся въ правой ногѣ боль въ костѣ, а потомъ въ перемѣнныхъ мѣстахъ раны, столь долгое время мучившая, въ декабрѣ мѣсяцѣ во всемъ изъцѣлилась, и я, увидя всѣ закрывшіяся раны, весма обрадовался и по силѣ моей благодарилъ всемогущаго Бога. Его всесвятая воля не соблаговолила дать исцѣленіе оной отъ многихъ лѣкарей мазьми и пластырми, со внутреннымъ приемами капель разныхъ названій, но повелѣла исцѣлиться прикладываніемъ на корпіи свѣчнаго сала. Такъ легко и безъубыточно, и мною самымъ сіе выдуманно. Слава убо да будетъ Его величеству во вѣки вѣковъ. Дивна дѣла твои, Господи, и вся премудростію твоею твориши, елика хощеши!

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ какъ въ газетахъ, такъ и по разнымъ партикулярнымъ увѣдомленіямъ узнали мы, что въ Санктъ-Петербургѣ 7-го ноября было силное наводненіе, разорившее разныя примор-

скія строенія и селенія въ анбарахъ и рядахъ товары, потопившее множество скота, лошадей и людей, чему всему былъ очевидный свидѣтель императоръ и вся его фамилія. Сей потопъ хотя и продолжался не болѣе 3-хъ или 4-хъ часовъ, но причинилъ на многія милліоны убытка, и на сіи-то великія убытки пожертвовалъ государь для самобѣдныхъ людей одинъ милліонъ безъ возврату. Хлѣбу во весь сей годъ дешевизна прежняя и не свыше 2 р. 50 к., а по сему и ни на какія товары ходу и обороту деньгамъ не было. И симъ мы сей годъ и кончили, а приняли наступившей съ хвалою Бога.

1825-й годъ начался лютыми морозами и снѣжными метелми; тутъ открылась и санная путь, продолжавшаяся по 15-е число марта. А между тѣмъ видѣли мы въ газетахъ наченшееся потерпѣвшимъ отъ наводненія подаяніе, излившееся на оныхъ, яко тогдашняя вода, тысячами и составившее милліоны, и не толко отъ мірянъ всякого званія, но, что удивительно, и духовнаго званія и монашествующія, собравъ имъ чинимое подаяніе, отдавали тоже тысячами.

Симъ окончилось повѣствованіе о жизни и всѣхъ нещастіяхъ родителя моего, бывшаго губернскаго секретаря, новооскольскаго и короченскаго помѣщика, Ивана Осиповича Острожскаго. Съ марта почти мѣсяца началъ онъ страдать болѣзнію каменною, а потомъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ первыхъ числахъ, бывши со мной при мелницѣ, въ короченскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Ивицѣ, силно, отъ сырой тогда погоды и сильныхъ холодныхъ вѣтровъ, простудился и, предчувствуя свою близкую кончину, сперва меня о семъ предъупредилъ и дѣлалъ наставленіе о хозяйствѣ и нужныхъ вскорѣ работахъ для усовершенствованія мелницы, а потомъ, отпустя меня домой, самъ еще дня на два остался тамъ-же и, простясь съ бывшими при мелницѣ и по дорогѣ ему бывшими знакомыми, пріѣхалъ въ домъ 8-го сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы вечеромъ, въ сильной дождь и холодъ, занемогъ и никуда уже не выѣзжалъ изъ дому, но еще хаживалъ въ лѣсъ, а иногда и къ винокуренному мѣсту, тамъ-же на рѣку Осколъ, но весма слабымъ. Съ 6-го-жъ октября совершенно слегъ въ постель и не виходилъ изъ горницы, въ каковой болѣзни октября 10 пріобщился святыхъ

Таинъ въ литургіи, служившейся, по прозбѣ сво, въ придѣлѣ Василія Великаго и всю тую выслушалъ, сначала поддерживаемъ будучи мало. Потомъ какъ еще труднѣй ему здѣлалось, то въ концѣ октября, послѣ заутрени въ воскресный день, въ домѣ своемъ особороваиъ масломъ и вновь приобщенъ святыхъ Таннъ. Послѣ литургіи перешелъ изъ кабинета своего въ спальню и изъ оной уже ни для какихъ нуждъ не выходилъ до 23-го числа октября, а сего числа, въ началѣ 4-го часа пополудни, позвавши меня къ себѣ, спросилъ сими словами: «скажи ради Бога, Петро, дома я или нѣтъ». И когда я сказалъ, что дома и въ Слоновкѣ, то онъ на сіе сказалъ: «давай-же Петро умирать»! Сіи были послѣдніе слова и чрезъ полчаса умре спокойно, жывши на семъ многобѣдственномъ свѣтѣ отъ рожденія своего семьдесятъ пять лѣтъ и пять мѣсяцевъ безъ двухъ дней. А погребенъ 25-го октября близъ церкви, противъ алтарнаго придѣльнаго окна, съ правой стороны церкви устроеннаго во имя святителя Христова Василія Великаго, отъ стѣны придѣльной къ низу на 6 аршинъ отступя. По лѣвую-же его руку, но немного еще ниже его могилы, погребены братъ Александръ и мать моя Пелагея Лаврентьевна, о чемъ было имъ записано выше сего. Дай, Боже, ему получить царствіе небесное и вѣчный покой за всѣ, имъ вытерпѣнные нещастія и добродѣтели, за вѣру въ Бога и за любовь къ ближнимъ!

Теперь приступаю къ произшествіямъ, случившимся въ семъ году въ государствѣ россійскомъ. 1) Государь императоръ Александръ Павловичъ, бывши, по случаю болѣзни супруги его, императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ Таганрогѣ, 19-го ноября, до полудня въ 10-ть часовъ и 50-ть минутъ, отъ простуды и желтой горячки, продолжавшейся 10-ть только дней, умре. 2) Когда о немъ дошло свѣденіе въ Санктъ-Петербургъ, то сенатъ, синодъ, государственный совѣтъ и всѣ полки гвардіи и фамилія императорская принесли на вѣрность присягу цесаревичу великому князю Константину Павловичу; но какъ сей государь еще въ 1823-мъ году здѣлалъ отъреченіе отъ престола, почему и были хранимы нужные о семъ документы въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ сенатѣ, въ синодѣ и государственномъ совѣтѣ, а сверхъ того и по вновь здѣланному имъ отреченію отъ престола, присягнули уже всѣ векому князю нынѣшнему императору Николаю Павловичу. 3) При

приводѣ къ присягѣ сему императору здѣлался въ Санктпетербургѣ разнаго званія отъ несмысленныхъ людей бунтъ, который хотя вскорѣ и прекращенъ, но нѣсколько генераловъ и прочихъ погибло при семъ. Для сего я за нужное нашелъ сюда внести изъ газетъ, мною получаемыхъ за сей 1825-й годъ, нужные о всѣхъ сихъ переворотахъ и смятеніи, прописанные въ нихъ документы для памяти своей и предъ-будущимъ родамъ, кому сія книга достанется по мнѣ.

Хлѣбъ въ семъ году въ Слоновкѣ былъ ржи четверть 2 р. 50 и 25 к.; овесъ отъ рубля двадцати до восмидесяти копѣекъ, греча въ два рубли, что хотя для продоволствія народу и было хорошо, но подати и протчее ввели въ уныніе и бѣдность; къ тому-жъ до первыхъ чиселъ декабря вся осень была дождливая весма и даже корму скотинѣ не доставало и кормили снопами, не молотя. Въ декабрѣ-жъ сначала здѣлались сильные морозы, но безъ снѣгу до 23-го декабря, отъ чего пути, также, какъ и отъ дождей, не было и никто имѣвшійся у себя хлѣбъ никуда не вывозилъ для продажи. Съ 23-го такъже здѣлались метели и продолжались ровно недѣлю, а потомъ уже началась хорошая санная путь, но вода въ рѣкахъ и колодезяхъ такъ упала, что многіе мелницы, особливо округъ Корочи находящіяся, стояли и всю зиму были безъ дѣйствія, а почему и моя мелница никакого дохода мнѣ въ первую зиму моего хозяйства не дала. Но я, уповая на Всемогущаго Бога, при постройкѣ въ домѣ, въ семъ году случившейся, надѣюсь, что воля Всевышняго меня подкрѣпитъ и впредъ не оставитъ своею милостію, а возвратитъ все съ лихвою, о чемъ ежедневно и прошу его святую волю.

(За симъ слѣдуютъ относящіеся къ перемѣнѣ царствованія и произшедшему при семъ бунту документы, которые, какъ извѣстные, опускаются).

Послѣ произшествія 14-го сего мѣсяца спокойствіе возстановлено въ Санкт-Петербургѣ съ такою-же скоростію, какъ и прочностію. Ничто уже не нарушаетъ онаго и столица восприняла прежній видъ. Въ ней не видно ни малѣйшаго безпокойства, ни малѣйшаго движенія. Вездѣ, гдѣ только монархъ является, войска и народъ встрѣчаютъ его величество съ живѣйшимъ восторгомъ и радостными восклицаніями. Таковыми произшествіями окончился 1825-й годъ. Въ началѣ-же 1826-го года были еще въ полкахъ

возмущеніи, но всѣ онѣ, хотя и съ погибелью многихъ военныхъ, уничтожены и прекращены. Виновныхъ же вездѣ отыскивали и въ нарочно учрежденную по сему случаю въ Петербургѣ коммиссію доставляли, гдѣ безъ сумнѣнія получатъ по дѣламъ своимъ должное. Я же, оканчивая сію книгу послѣ смерти батюшки и по прошествіи года, подписуюсь: 12-го класса Петръ Острожскій.

Прибавленія о достопамятныхъ произшествіяхъ.

Въ 1827-мъ году послѣ почти двухълѣтней войны съ Персіею заключенъ миръ, по которому уступлена къ Россіи армянская область и за издержки Персія заплатила золотомъ.

Въ 1828-мъ началась, а въ 1829-мъ году, въ мѣсяцѣ сентябрѣ, окончилась война съ Турціею, и наши войска, покоря многіе города, были у самыхъ вратъ константинопольскихъ; по заключенному же миру присоединено къ Россіи (смотри ниже сего).

Въ 1828-мъ году октября 24-го умре императрица Марія Ѳеодоровна, мать нынѣ здравствующаго императора Николая I-го.

Въ 1829-мъ году въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ усердіемъ доброхотствующихъ и благолѣпіе святыхъ церквей любящихъ слоновскихъ жителей расписаны въ Слоновкѣ всѣ три олтаря изображеніями разныхъ святыхъ. Въ семъ-же году сентября 2-го числа по заключенному Россіею съ турками во второстепенномъ ихъ столичномъ городѣ Адріанополѣ мирному трактату приобрела Россія отъ нихъ крѣпости: Анапу, Поти, Ахалцыхъ, Ацхуръ и Ахалкалакъ и вознаграждены убытки отъ войны полученные взятымъ съ нихъ немалымъ количествомъ денегъ. Также политическое существованіе Греціи признано Портою безусловно, за что главнокомандующіе въ сію войну графъ Дибичь-Забалканскій и графъ-же Паскевичь-Эриванскій награждены чинами генералъ федмаршаловъ.

Въ 1830-мъ году маія 8-го по полудни въ 7-мъ часовъ была принесена въ Слоновку курская икона чудотворная Божіей Матери, которая слѣдовала чрезъ Обоянь, Корочу, Яблоновъ, Михайловку и Бѣломестское; встрѣчали ее за слободою въ полуверстѣ причтъ церковный, съ крестами и иконами, и принесши поставили въ церквѣ и начали всенощную. Потомъ какъ всю ночь, такъ и 9-е число весь день была носима по домамъ для служенія молебней, а 10-го числа по утру отправилась въ Новой-Осколъ и далѣе по здѣшнему

уѣзду и старо-оскольскому, которая икона со дня явленія ея въ здѣшнихъ мѣстахъ никогда не бывала Въ семъ-же 1830-мъ году съ сентября мѣсяца до окончанія проявилась въ Россійской имперіи болѣзнь въ людяхъ, именуемая *холера*, отъ которой во многихъ губерніяхъ умре множество людей, а въ иныхъ мѣстахъ ее вовсе не было, но были отъ чиновниковъ карантинныхъ большіе людямъ притѣсненія: не выпускали изъ селеній и городовъ природныхъ жителей, иностраннымъ былъ запрещенъ въѣздъ во всѣ мѣста, кромѣ тѣхъ, кои выдерживали карантинъ 14 дней. Многихъ лекаря въ карантинахъ нарочно морили, отчего были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бунты народные противъ правительства и оные усмирялись военными съ гибелью народа. По наступленіи-же зимнихъ крѣпкихъ морозовъ всѣ карантины сняты, и гдѣ открылись злоупотребленіи, тамъ многіе чиновники и священники, помогавшіе имъ въ томъ, пострадали по дѣламъ своимъ достойно. Въ концѣ-же сего года отложилось Польское Царство, изъ чего вышла между Россіею и Полшею страшная война и частые стали наборы рекрутъ. Въ семъ-же году по харковскому тракту отъ Слоновки до границы харковской поставлены версты.

Въ 1831-мъ году умре цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ, бывши въ губернскомъ городѣ Витебскѣ, отъ холеры, которая болѣзнь еще въ семъ году страшно продолжается не только во всей Россіи, Полшѣ, но даже въ Австріи, Венгріи и по Германіи, отъ коей въ одномъ Петербургѣ умерли до 10 тысячь человѣкъ.

Хлѣбу цѣна со дня смерти батюшки, то есть, отъ 1825-го года и до конца 1830-го года, была аржаному не свыше 3 р. 50 к., а гречаному по 4 р. и ниже, но осенью 1831-го года возвысилась до 10 рублей и всю зиму продолжалась такъ и выше 12 р., а гречиха 6 р. и 8 р., весною-же или уже по уборкѣ въ 1831-мъ году опять унизилась до 5 р. Въ семъ-же 1831-мъ году тоже отъ холеры умре фелтмаршалъ Иванъ Ивановичъ Дибичь, а при концѣ года умре въ Царскомъ селѣ цесаревича Константина Павловича вторая супруга, княгиня Ловичь, бывшая изъ польской націи. И въ семъ-же году взята войсками нашими Варшава. Начальствовалъ войсками фелтмаршалъ Паскевичь, коему данъ за сіе титулъ князя варшавскаго. И вскорѣ прекратилась съ Польшею война, которая

по прежнему осталась за Россіею; шляхта польская положена въ подушный окладъ и многіе за возстаніе противъ Россіи сосланы въ Сибирь, разстрѣлены и протчее. У государя-же нашего въ семъ году родился сынъ князь Николай Николаичъ, а первый Александръ Николаичъ пожалованъ цесаревичемъ.

Въ 1832-мъ году въ Россіи никакихъ достопримѣчательныхъ случаевъ не послѣдовало, кромѣ того, что императоръ, проѣзжая въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ полуденные губерніи, былъ въ Белгородѣ, Старомъ Осколѣ и Воронежѣ, въ которомъ въ семъ году августа въ 6-й день торжественно открыты мощи угодника Христова Митрофана, перваго епископа воронежскаго, которые были за 128-мъ лѣтъ предъ симъ погребены въ тамошнемъ Благовѣщенскомъ соборѣ въ присудствіи государя царя Петра Перваго.

По возвратѣ-же государя изъ путешествія Богъ даровалъ ему сына Михаила. Въ семъ-же году въ Слоновкѣ церкву и колокольню вновь начали щекотурить и окончили все сіе 1833 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ. Хлѣбъ продавался въ семъ году 6, 7, 8 и 9 рублей. Зима была крѣпко холодная и малоснѣжная.

Въ 1833-мъ году, по прозбѣ турецкаго султана, императоръ Николай Павловичъ послалъ въ маѣ мѣсяцѣ свои войска въ помощь туркамъ противъ взбунтовавшагось египетскаго паши. И наши войска, бывшіе на корабляхъ, изъ Одесса благополучно прибыли въ Цареградъ, сухопутные шли туда-же чрезъ Валахію и Молдавію. Хлѣбъ въ семъ году еще въ концѣ мая началъ дорожать и въ половинѣ іюля продавали уже въ 15 рублей; въ здѣшнихъ мѣстахъ дожжей въ маѣ мѣсяцѣ мало, а въ іюнѣ совсѣмъ ничего не было. Войска, бывшіе въ Цареградѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ и паки возвратились въ отечество наше, потому что султанъ съ египетскимъ пашею помирился весьма постыдно, здѣлавъ тому пашѣ большое награжденіе разными землями, а сыну его также далъ въ удѣлъ особый земли обширные. Хлѣбъ выщше и выщше подымался цѣною, а болѣзнь, именуемая холера, паки возвратилась къ намъ и начала душить народъ, отчего и въ Слоновкѣ ежедневно съ конца іюня мѣсяца есть умирающіе по немалому количеству душъ. Государь императоръ въ семъ-же году ѣздилъ на австрійскую границу чрезъ Пруссію для свиданія съ императоромъ австрійскимъ и съ королемъ прусскимъ. Былъ въ близи Варшавы, но въ нее не поѣхалъ,

хотя и просили ево поляки, но онъ отказалъ имъ въ посѣщеніи до исправленія ихъ буйности и отмѣнной заслуги. Въ семъ же году переведенъ епископъ нашъ Иліодоръ изъ Бѣлгорода на всегдашнее жительство въ Курскъ, монастырь же курскій переведенъ въ Бѣлгородъ въ соборъ и наименованъ оный Святодуховъ монастырь 2-го класса, а изъ монастыря курскаго знаменскаго здѣланъ тамошній соборъ и архіерейское пребываніе. Хлѣбъ къ концу года еще подорожалъ больше. Рожь платилась 25 р. и 26, гречиха 15 р. и 17; ячмень 16 и 17 р., просо 18 р., пшено 24 р., овесъ 10 и 11 р., соломы возъ 2 и 3 р., сѣно по 5 р., отчего многіе изъ малороссійскихъ губерній прибыли къ намъ для закупки онаго, ибо въ ихъ мѣстахъ ничего вовсе не родилось, и нищихъ столько оттоль было, что въ день повсемѣстно десятками были у окошекъ для подаянія. Я-же въ семъ году построилъ себѣ вѣтренную, близъ короченской моей мельницы, еще мельницу, о двухъ поставахъ мукомольныхъ, съ тремя просяными толчеями, которая мнѣ, кромѣ дерева, харчей и трудовъ, стояла 700 р. наличными деньгами, которыя я получая отъ проданнаго мною хлѣба въ семъ году, также жену, дѣтей и себя окопировалъ порядочно на многіе лѣта. Слава Богу о всемъ!

1834-й годъ начался крѣпкими морозами и постоянною погодою, а февраль былъ теплой и вода шла въ низменныхъ мѣстахъ и по селамъ. Хлѣбъ не убавлялся изъ цѣны прошлогодней, а все еще дорожалъ, и требующіе многіе изъ нижнихъ мѣстъ за нимъ по зимнему пути были. Весна, лѣто и осень сухи были и у насъ, хотя мы избавились странныхъ и попрошаевъ, но по засухѣ хлѣбъ избавился только къ осени до 18 р. Гречиха, проса, ячмень вовсе пропали, овесъ былъ посредственный, а коноплей и сѣменъ совсѣмъ мало, даже половины противу прошлогодняго не родилось. Но въ Малороссіи и на Дону, также въ Крыму, былъ всему урожай и дешевизна на все. Войны въ сей годъ, кромѣ Гишпаніи, не было во всей Европѣ, но въ Россіи страшные пожары, опустошили вовсе Тулу, ея фабрики и заводъ оружейный. Москва также раза 4 горѣла. Въ Царицынѣ, Екатеринодарѣ и во многихъ другихъ городахъ были страшные пожары и во многихъ селеніяхъ было тоже. Сего-жъ года сентября 30 переѣхалъ я изъ Слоновки на жительство къ мельницѣ своей близъ Терноваго, состоящей на рѣчькѣ Ивицѣ.

1835-й годъ былъ сухой и холодный и неурожайный. Войны тоже не было. Хлѣбъ былъ до осени въ 15 р. При сильномъ-же и строгомъ взысканіи недоимки и подушныхъ податей понизился съ осени до 5 р., а пшено въ 14 и ниже; гречиха тоже, овесъ 10 р.

Государь императоръ проѣзжалъ по Россіи и былъ въ Курскѣ. Я-же сей годъ понесъ страшные убытки во всемъ, и мельница всю зиму отъ сильныхъ морозовъ простояла. Въ семъ-же году умре въ Слоновкѣ Антонъ Ивановичъ Корецкой 26 декабря, погребенъ на общественномъ кладбищѣ 28 числа.

1836-й годъ начался весьма крѣпкими морозами съ большими снѣгами, которые продолжались до половины февраля, а послѣ онаго вдругъ здѣлалась оттепель; снѣгъ весь въ скоромъ времени сошелъ и земля отъ него очистилась, почему многіе и ждали ранней весны, но вышло напротивъ, ибо морозы до половины мая продолжались, и была весна сія весьма холодная. Съ половины-же мая дожди пошли частые и стало потеплѣй, но не весьма. Хлѣбъ же въ поляхъ хорошъ былъ ростомъ и травы тоже; лѣто и осень погожые съ дождями умѣренными. Во многихъ мѣстахъ Россіи и по Европѣ были бури и сильные грады; войны, кромѣ въ Испаніи между-усобной и въ Португаліи, не было. Хлѣбъ подъ конецъ года по 3 р. ржи, пшеница 10 и 11-ти, гречиха и ячмень по 2 р. продавались.

Въ семъ году, при записаніи моихъ примѣчаній, замѣтилъ я, что многое упущеніе послѣдовало: во первыхъ то, что я прошлаго 1826-го года, февраля 14-го дня, въ воскресеніе, на всеѣдной недѣли, женился, новооскольскаго уѣзда, деревни Цепляевой помѣщицы, вдовы маіорши Варвары Ивановой дочери Ребалиной на дочери дѣвицѣ Марьи Богдановнѣ, съ которою проживя годъ и девять мѣсяцовъ, именно 1827-го года ноября 30-го родилъ сына Андрея, который, проживя годъ и 4 мѣсяца отъ рожденія, умре отъ кори 3-го апрѣля 1829-го года. А сего-жъ года маия 5-го родился второй у меня сынъ, Николай. 1831-го года умре моя сестра Екатерина 25-го генваря и погребена близъ гроба родителя моего, а 27-го того-же генваря родилась у меня дочь Пелагея. 1832-года марта 16-го родился третій сынъ у меня Константинъ. 1833-го года 27-го сентября родилась вторая дочь у меня Александра. 1835-го года марта 14-го дня по переселеніи моемъ на жительство

изъ Слоновки къ мельницѣ, въ короченскій уѣздъ въ село Терновое, въ прошломъ 1834-мъ году въ маѣ мѣсяцѣ, подъ самое Вознесеніе и по выстройкѣ здѣсъ дома, родились у меня двѣ дочери, Наталья и Варвара, которые вскорѣ обѣ умерли, а 1836-го года маія 7-го еще родилась дочь Клавдія, умре-же она 1837-го года сентября 4-го; а 1840 года февраля 20-го родились у меня еще два сына близнецы, Іоаннъ и Левъ. 1841-года декабря 26-го еще родился у меня сынъ Іосифъ, крещенъ-же декабря 18-го дня.

1837-й годъ начался сильными морозами, глубокими снѣгами и метельми, и во всю зиму дороги были несносные отъ глубокихъ и частыхъ ухабовъ; съ трудомъ едва можно было ѣздить какъ большими, такъ и проселочными дорогами съ мукою лошадей и себя. И я сію зиму имѣлъ частые выѣзды по дѣламъ имѣнія, въ опеку мнѣ въ короченскомъ уѣздѣ въ сельцахъ Никольскомъ, Александровкѣ и хуторѣ Паньковѣ отданнаго, куда часто ѣздивъ, такъ-же былъ въ Белгородѣ и Курскѣ: были также и наводненія особливо еще до Рождества Христова. Весна-же началась вѣтрами, сильными холодами и сухостію и продолжалась таковая до маія мѣсяца, но хлѣбъ еще стоялъ въ осенней цѣнѣ, какъ выше обозначено мною въ прошломъ году. И съ начала сего-же года зачалъ я употреблять для чтенія и писанія очки, особливо по вечерамъ не могъ уже ничего простыми глазами читать и писать, да и началъ чувствовать уже себя не въ прежнемъ здоровьи. Сильные обмороки и разслабленіе членовъ чувствовалъ, отъ которыхъ, случалось, и по недѣлѣ леживалъ въ постелѣ, что и продолжалось весь сей годъ со мной, а къ тому-жъ еще претерпѣлъ предъ концемъ сего года многія неудовольствія по опекунскому имѣнію отъ господъ наслѣдниковъ, изъ коихъ одинъ старшій сынъ Петръ за многіе ему мои здѣланные пособія заплатилъ зломъ, лиша меня своей собственности на (*пробѣлъ*) рублей. Но я, всю возложа на Всемогущаго Бога свою надежду, рѣшился раздѣлаться со всѣми долгами, дѣлами, должностями, не ища ни честей, ни прибыли, и употребилъ слѣдующее: во первыхъ, вразсужденіи опеки принялъ терпѣніе и на всѣ наслѣдниковъ Старова притязанія молчалъ и старался съ ними примириться, а во вторыхъ, вразсужденіи исправленія своего состоянія и уплаты долговъ, сталъ замышлять о перестройкѣ мель-

ницы по новому манеру, въ чемъ съ помощію Божіею и успѣлъ, хотя не скоро, о чемъ будетъ говорено при окончаніи работъ.

Въ семъ же году умре сентября 4-го дня любимая моя дочь Клавдія безъ бытности моей въ домѣ; былъ я въ Белгородѣ и сей-же день предъ вечеромъ пріѣхалъ и засталъ ее уже на столѣ лежащую мертвую, а на другой деиь, то есть послѣ литургіи, погребли ее близь церкви въ оградѣ, въ ногахъ первыхъ двухъ моихъ дочерей, Натальи и Варвары. Предъ концемъ сего года хлѣбъ аржаной возвисился до 5 р. за четверть, а протчій въ той же, что и весною, былъ цѣнѣ, и я въ одномъ положеніи здоровья слабаго былъ, но въ опеку еще не ѣздилъ.—Въ декабрѣ згорѣлъ зимній дворецъ въ Петербургѣ, весь безъ остатку.

1838-й годъ начался частыми снѣгами и лютыми морозами, весьма сильными и жестокими вѣтрами; при концѣ-же оной дожди частые. И все лѣто оные же были, даже во время уборки сѣна мѣшали оное собирать, и оставалось до августа послѣднихъ чиселъ не кошеное; а кто скосилъ въ іюлѣ на лугахъ,—попрѣло въ копнахъ, и ранняя уборка ржи въ копнахъ поросла. А въ генварѣ мѣсяцѣ, съ 10 подъ 11 ночью, было чувствуемо почти во всей Россіи, особенно-же въ южныхъ губерніяхъ до Москвы, землетрясеніе. И въ нашихъ мѣстахъ было, но я, хотя еще въ сіе время не спалъ, а сидѣлъ и писалъ книги отчетные черновые, но не чувствовалъ онаго, въ Корочѣ-же во многихъ мѣстахъ было чувствуемо. Хлѣбъ по веснѣ, во время бывшихъ вѣтровъ и дождей до самой уборки, былъ аржаной отъ 5 до 6 р. 50 к., а протчій тоже немного подорожалъ. Государь Императоръ съ совсею фамиліею въ маіѣ мѣсяцѣ выѣзжалъ въ Пруссію и былъ въ Швеціи, а чрезъ мѣсяцъ возвратился въ столицу. Весною были въ Европѣ частые пожары, подобные прошлогоднему, у насъ въ Петербургѣ случившемуся, такъ же и въ протчихъ мѣстахъ: дворцы, биржи, фабрики и большія заведенія на несмѣтную въ оныхъ мѣстахъ погорѣли сумму. Въ окончаніи сего года, именно 12-го ноября, я отправился съ людьми своими въ Курскъ, гдѣ своего родоваго человѣка, 18-го числа того-же ноября, Петра Тимофѣева, отдалъ въ зачетъ въ рекруты за многіе ево воровства, грубость и лѣнь и изъ казны по долгомъ старанiи получилъ за него деньги. А въ концѣ декабря на почтовыхъ пріѣзжалъ изъ Курска и взялъ съ собою жену въ Курскъ, гдѣ уже 1839-го года генваря

16-го отдали мы и ее приданаго человѣка Григорія Гуськова тоже въ рекруты, и за сего жена получила деньги отъ курскаго емщика Ивана, который ево у насъ купилъ и отдалъ своимъ кошелкомъ, а мы 22-го генваря возвратились уже въ домъ.—Сей-же годъ, въ Петровку, я срубилъ въ Слоновкѣ изъ своего лѣса для мельницы анбаръ, 11 арш. въ длину и 11 арш. въ ширину, и какъ пріѣхали изъ Курска, нанялъ терновскихъ однодворцевъ и ево съ досками и деревомъ за 100 р. и перевезли сюда, и началъ становить ево на мѣстѣ; до отдѣлки сего новаго старый все еще существовалъ и на одно колесо мололъ.

1839-й годъ начался крѣпкими морозами, великими снѣгами и Пасха Христова, бывшая марта 26-го числа, со всѣми святками стояла въ крѣпкихъ морозахъ и приятныхъ тихихъ дняхъ; потомъ до половины маія были сильные холодные вѣтры, въ концѣ-же маія немного дожжей, а съ іюня до сентября засуха, и бури поламали вѣтренные мельницы, домы, анбары, лѣса и протчее, и мой вѣтрякъ верхъ и махи сломило. Хлѣбъ въ августѣ началъ продаватся отъ засухи отъ 12 до 16 р., гречиха по 15 р., пшеница 22 р., овесъ 6 р., а посѣву осѣняго до сентября вовсе ничего не было, а потомъ хотя и начали сѣять, но весьма немногіе, и земля у меня осталась въ Слоновкѣ и въ Терновомъ не сѣяна, и никто не взялъ ее; а къ тому-жъ подъ 28-е число октября, въ самую полночь, отъ внезапнаго случая загорѣлась у меня баня, отъ которой весь згорѣлъ у меня домъ и вновь выстроенная мною мельница со всею принадлежностью и имуществомъ: лошадьми, скотомъ, птицею, платьемъ, мебелью, разною посудою, екипажами, сребромъ, образами святыхъ угодниковъ и картинами зъ зеркалами, а всего вообще по худому щету згорѣло у меня на десять тысячъ рублей. Слава Богу за все! Господь далъ, Онъ-же и наказалъ, дабы исправился. Къ щастію, когда уже домъ и все строеніе было въ пламени, на сей часъ жена моя проснулась и меня разбудила, и я успѣлъ дѣтей и себя спасти въ противоположные двери, а если-бы одна минута еще помедлила, то мы всѣ объяты-бы были пламенемъ и тогда-бы не было никакой надежды къ спасенію. Отъ сего-то случая я всю уже зиму питался родственниковъ женинихъ и моимъ провіантомъ, жилъ на квартирѣ и несъ прискорбную жизнь, а дѣтей еще до зимы роздалъ тоже по родственникамъ, дабы смотря на нихъ и

имѣя при себѣ, болѣе не сокрушатся. Сего-же года въ генварѣ умре моя, тетка Авдотья Лаврентьевна Граженская.

1840-й годъ, послѣ выпавшихъ въ декабрѣ прошлаго года большихъ снѣговъ и двухъ ужасныхъ метелей, продолжавшихся отъ 3-хъ до 4-хъ дней, начался теплѣй, были дожжики въ генварѣ и небольшой снѣгъ перепадалъ при умѣренныхъ морозахъ, а хлѣбъ всякій часъ отъ часу дорожалъ въ нашихъ мѣстахъ. При концѣ года совершенный въ нашихъ мѣстахъ и далѣе, особенно въ орловской, московской и около лежащихъ губерніяхъ умножился голодъ; кромѣ ячменю и овса, въ пищу другаго хлѣба не было. Рожь продавалась до 25 р., также и пшеница, изъ Украйны, навезенная продавалась; гречиха 18 р., овесъ отъ 4 до 6 р., ячмень до 12 р., просо въ 16 и 18 р. Въ ноябрѣ весь мѣсяцъ сильные проливные дожди были. Зима жестокая и малоснѣжная до половины, а потомъ метели, особенно въ великій постъ дни по 2 и по 3 нельзя было не только выѣхать, но даже и выходить изъ дому. Мельница моя худо за морозами молола, хотя я имѣлъ, слава Богу, отъ нея пропитаніе; но я еще зиму до поста былъ на квартирѣ, а потомъ переселился въ хату близъ мельницы, оставшуюсь отъ пожара цѣлою.

1841-й годъ начался метелями ужасными съ морозами крѣпкими. Лѣто и весна сухіе, но въ другихъ мѣстахъ, близъ насъ лежащихъ, и по Украйнѣ дожди шли сильные съ градомъ и съ громами, и у насъ было весною три раза наводненіе, и отъ одного, іюня 12-го числа, бывши изъ Слоновки въ дорогѣ, едва я не лишился жизни, настигшею меня на Бесарабовскомъ яру водою. Хлѣбъ сдѣлался было съ іюля дешевле, но вскорѣ отъ засухи пропали ячмень, гречиха, просо и овесъ, то и начала рожь повышатся въ цѣнѣ.—16-го апреля сего года сочетался бракомъ наслѣдникъ императора, цесаревичъ Александръ Николаевичъ, съ герцога Гессенъ-Дармштатскаго дочерью, во святомъ крещеніи наименованною Маріею Александровною, а въ своемъ семействѣ ея имя было: Максиміліана-Вилгелмина-Августа-Софія-Марія; родилась 1824-го года 8-го августа. Въ сей-же день послѣдовалъ милостивый манифестъ и постановленіе о воинахъ съ нижнихъ чиновъ, которымъ положена имъ пенсія и водвореніе съ отводомъ земли и лѣсовъ. Въ сентябрѣ проѣхали чрезъ Курскъ на Чугуевъ *(кто, не означено)*.

Въ сентябрѣ началъ я жыть съ семействомъ въ новомъ домикѣ, построенномъ мною въ сіе лѣто, со многими препятствіями, на берегу рѣки Ивицы, гдѣ стояла прежде моя вѣтренная мельница. Сперва жилъ въ одной комнатѣ, а въ октябрѣ перегородилъ ее и ошелѣвавъ, здѣлалъ три съ одной, довольно просторныхъ и покойныхъ по моему семейству и теплыхъ.—Въ семъ-же году декабря 26-го до свѣта за два часа родился у меня 6-й сынъ Іосифъ. Именины его, сего-же числа, а крещенъ онъ былъ 28-го числа въ воскресенье. Кумомъ былъ корочанскій помѣщикъ, порутчикъ, Василій Матвѣичъ Самойловъ, а кумою свояченя Любовь Богдановна Курчанинова.—Хлѣбъ аржаной при концѣ года упалъ въ цѣнѣ до 8 р., а протчіе хлѣба какъ отъ засухи пропали, то и въ продажѣ почти не было.

1842-й годъ начался крѣпкими морозами бозъ снѣгу и тихою погодою, отчего и мельница моя за морозами худо дѣйствовала до половодной поры, а послѣ сего, по случаю упадка цѣны до 4-хъ рублей аржанаго хлѣба, весма мало завоза было и едва только доставало на свое пропитаніе, а въ продажу ничего не имѣлъ, и все лѣто и осень и до новаго года также худо было ея дѣйствіе, а прибытку ничего. Лѣто было холодное и мокро. Хлѣбъ уродился вездѣ хорошо, но въ одной цѣнѣ былъ повсемѣстно, отчего люди въ продажѣ онаго воздержались.—Въ осени императоръ былъ въ Курскѣ для осмотру войскъ, туда изъ сей и протчихъ губерній собранныхъ. Пробывъ 3 или 4 дни, уѣхалъ на Чугуевъ въ Кіевъ и за границу, а по зимѣ возвратился въ свою столицу. У наслѣдника-же престола Александра Николаича родилась дочь въ августѣ, княжна Александра Александровна. Осень—съ половины ноября частые дожди и грязь; зима—сначала морозы побили всѣ бакши и протчее, а послѣ тепло, и хотя были снѣги, но осенью въ ноябрѣ и въ половинѣ генваря 1843 г. были сильные двѣ половоды, отчего и весь снѣгъ сошолъ. Я-же въ теченіи сего года во всемъ терпѣлъ нужду, особенно на опредѣленіе дѣтей не имѣя ни платья имъ, ни денегъ и за чтобы окопыровавъ опредѣлить, а по сему они и еще сей годъ остались на рукахъ моихъ въ ученіи.—Сего году въ октябрѣ мѣсяцѣ 16-го числа полученъ указъ изъ 7-го департамента сената въ курскую гражданскую палату, отъ 24-го сентября за № 3,767-мъ, коимъ земля Слоновская, по полюбовной

сказкѣ, отъ слоновцевъ данной, утверждена за мною, а Корецкихъ за ними, но предоставлено и еще развестись полюбовно.

1843-й годъ. Генварь весь теплый, пасмурный, тихій и полая вода, отчего всѣ дороги испортились и рыбы въ привозѣ не было. Въ семъ же мѣсяцѣ подъ 20-е число украдено изъ Слоновской церкви болѣе 700 р. денегъ разною монетою, и начались открываться воры, но кто оные, будетъ ниже объявлено. Въ февралѣ сначала до 10-го числа мало-по-малу началъ пропадать снѣгъ, а съ 2-го открылась совершенная полая вода и грязь; рыбы тоже еще не было. Окончился февраль теплою погодою съ утренними морозами, а въ началѣ марта опять снѣги и морозы крѣпкіе съ вѣтрами. Мартъ весь имѣлъ смѣшанную погоду: морозы, вѣтры, грязь, а изрѣдка даже и снѣги; передъ Благовѣщеніемъ я ѣздилъ въ Слоновку и столь принялъ морозовъ, что пріѣхавши заболѣлъ лихорадкою, а дѣти двоешни мои сильно отъ ней страдали ежедневно до конца мѣсяца; іюль сначала и до святой недѣли съ безпрестанными бурями и отчасти съ проливными дождями. Тепла не было и всходовъ яроваго хлѣба тоже до празника не было, а трава не видала зелени. Свѣтлый Праздникъ весь день и ночь буря, преболшой дождь и снѣгъ, затѣмъ я съ семействомъ и въ церкви не былъ, да едва и въ комнатѣ съ нуждою могъ согрѣтся. На святкахъ во вторникъ получилъ изъ Слоновки, что сестра моя Любовь умре 1-го числа сего, то есть апрѣля мѣсяца и уже погребена, куда я, хотя и боленъ былъ весьма, поѣхалъ въ четвергъ и пробылъ тамъ дни 4, а по пріѣздѣ еще получилъ свѣденіе, что 22-го числа умре своякъ мой, жывшій за Белгородомъ, верстахъ въ 8-ми, въ селцѣ Шагоровкѣ, порутчикъ Федоръ Ильичъ Курчаниновъ, бывъ уже престарѣлыхъ лѣтъ и давно болѣнъ. Апрель и до половины маія были погоды перемѣнные: снѣги, дождь, грязь и холодъ; съ половины-же маія зачали только зацвѣтать сады и поправляться всходы яроваго хлѣба. Продажа онаго и озимаго было унизилась, смотря на всходы и надѣясь обильной жатвы. Въ семъ-же майѣ мѣсяцѣ случилось мнѣ поѣхать, для продажи хлѣба и покупки разной въ домъ, въ Корочу, куда по прибытіи взятъ я, по требованію якобы городничаго къ нему, частнымъ приставомъ Дмитріевскимъ, почему я съ нимъ и пошелъ къ городническому правленію; но не доходя еще онаго, открылъ онъ мнѣ, что я не къ городни-

чему, а въ земской судъ требуюсь; почему пришедъ туда и не заставъ никого изъ судей, въ ожиданіи ихъ, принужденъ былъ пробыть тамъ часа два и едва могъ дождать изъ нихъ одного, непремѣннаго засѣдателя, Василія Ивановича Шаликова, который чрезъ секретаря Засѣку объявилъ мнѣ указъ короченскаго уѣзднаго суда, въ которомъ предписано взять меня подъ стражу въ короченскую городовую тюрму, якобы за грабежъ мною винопродавца Ерохина и ослушаніе и грубость становаго пристава Поліевскаго; почему я принужденъ былъ отправится при сообщеніи сперва въ городническое правленіе, а отсель при отношеніи къ смотрителю тюрмы, подпорутчику Матвѣеву, куда прибылъ во 2-мъ часу по полудни маія въ 28-й день, которое число было тогда въ пятницу. И такъ началъ съ сего дни нести иго тюремнаго содержанія въ дворянской комнатѣ, хотя почти и никакого изнуренія не чувствовалъ, но заточеніе сіе и уединеніе весьма прискорбно было для меня, особенно по моей безвинности. Во время нахожденія своего подъ стражею посѣщаемъ былъ безвозбранно женою моею и дѣтьми, которые со мною бывали по нѣсколько дней и почевали у меня. Жена сильно старалась за меня ѣздила въ Курскъ, была у губернскаго предводителя Солнцева, у графа Толстаго, пріѣхавшаго изъ Петербурга для ревизіи по Курску дѣлъ, была и въ уголовной палатѣ, просила обо мнѣ присудствующихъ, но и за всѣмъ симъ до пріѣзда губернатора Устимовича въ Корочу для ревизіи присудственныхъ мѣстъ, то есть до 19-го числа августа, я находился въ содержаніи. По пріѣздѣ-жъ ево, жена моя, явясь къ нему, вмѣстѣ съ предводителемъ короченскимъ Николаемъ Егоровичемъ Гангартомъ, исходатайствовали мнѣ свободу, хотя и съ поручительствомъ до рѣшенія въ палатѣ дѣла. И я, получа свободу, тотъ-же день отправилъ жену въ домъ, а самъ пришелъ уже 10-го числа въ домъ пѣшкомъ и нашелъ дѣтей своихъ меншыхъ всѣхъ здоровыми, а старшихъ сыновей, Николая и Константина, еще 2-го числа августа, стараніемъ жены-же, приняли въ короченское учялище, и поступили они въ науку. Въ продолженіи содержанія своего я былъ посѣщенъ въ тюрмѣ предводителемъ дворянства Гангартомъ, и онъ, узнавъ происшествіе, дѣла и гоненія стряпчаго Карцова и судей на меня, сильно имъ въ квартирѣ своей выговаривалъ и упрекалъ ихъ въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ. Въ сіе-же время въ

началѣ августа умре новооскольскій предводитель дворянства Сергей Петровичъ Волковъ. Боже! дай ему царствіе небесное. Онъ для меня былъ весма хорошимъ всегда и помоществовалъ мнѣ послѣ пожара моего имѣнія.—Погода до конца августа стояла съ конца маія по большей части жаркая, и уборъ былъ хлѣба съ полей хорошій, а урожай ему также былъ хорошій, и цѣна аржаному здѣлалась до 2-хъ рублей за четверть; греча, овесъ и ячмень съ пшеницею тоже весма понизились, но ходу и продажи ему вовся никогда не было, а потому къ мельницѣ моей весма былъ малый завозъ, а какой полученъ былъ, то пошелъ мнѣ въ городъ для уплаты кухаркѣ за ея мнѣ варево, за что я платилъ по 10 р. въ мѣсяцъ. Чаю-же и сахару я не покупалъ, ибо былъ доволенъ присылаемымъ мнѣ короченскими купцами Романенковымъ и Пуголовочныковымъ, которые меня отчасти и харчами снабжали. Изъ родныхъ-же моихъ и женіныхъ вовся у меня никого не было и даже желали, чтобы я былъ лишенъ чести и чиновъ и сосланъ бы былъ въ ссилку, и женѣ даже воспрещали старатся за меня. Но она ихъ и сосѣдей своихъ Шаликовыхъ и протчимъ совѣтамъ не слѣдовала, а сильно старалась объ освобожденіи моемъ и много трудилась для меня, за что я ей весма благодаренъ остаюсь. Дѣло о семъ хотя уголовною палатою рѣшено еще въ 12-й день іюля, но по проискамъ стряпчего Карцова было удержано въ Курскѣ до послѣднихъ чиселъ сентября, да и когда получено уже было въ уѣздномъ судѣ, то становой приставъ Поліевскій, учавствуя самъ въ ономъ напраснымъ меня оклеветаніемъ, удержывался объявлять мнѣ указъ даже до присужденной отставки ево губернаторомъ, то есть до декабря мѣсяца, но я оное, дабы освободится отъ поручительства, просилъ уѣздный судъ объявить мнѣ и выслушавъ 23-го ноября, изъявилъ неудовольствіе, потому что палата, не переслѣдовавъ оное, вмѣнила мнѣ заключеніе тюремное въ штрафъ, со взисканіемъ за бой кабатчика платежа половиннаго имъ податей казенныхъ, и я, не бравъ его на аппеляцію, просилъ сенатъ и министра внутреннихъ дѣлъ о вознагражденіи меня за претерпѣнное безчестіе и убытки.

Во весь сей годъ хлѣбъ былъ: рожь и мука меньше 3-хъ рублей, овесъ, гречиха и ячмень тоже, а пшеница самая лутчая не выше 10 р. Погода съ августа до первыхъ чиселъ декабря была

мокрая, частые дожжи и грязь; декабря съ перваго была съ крѣпкими морозами, а потомъ тепло, безснѣжно и туманно, но вода весьма въ рѣкахъ упала, отчего и мельницы худо мололи. Да и я былъ по прибытіи съ Корочи весьма нездоровъ, хотя и скрывалъ болѣзнь свою отъ жены и дѣтей, и принужденъ былъ болѣе быть въ постелѣ, отчего и недостатки во всемъ большіе несъ; особливо сокрушало меня содержаніе дѣтей въ городѣ, которые съ августа поступили въ училище и, за недосмотромъ моимъ, худо учились и за ними никакого присмотра не было, отъ учителей-же нерадѣніе безъ подарковъ.

1844-й годъ начался крѣпкими морозами съ жестокими вѣтрами и снѣгомъ, ежедневно шедшимъ, а съ полу-генваря потеплѣе, но морозы, съ снѣгами и вѣтрами сильными, продолжались и были дожжи раза два, отчего снѣгъ по ровнымъ мѣстамъ былъ согнанъ вѣтрами въ яры и лѣса, а на поляхъ подѣлалась гололедка.

Въ февралѣ было хотя и довольно крѣпкихъ морозовъ, но холоду вовся не было, а больше дулъ южный вѣтеръ и шелъ дождь отчего съ половины мѣсяца была розтополь и прошли рѣки и была грязь. Хлѣбъ не возвышался, но былъ въ цѣнѣ низкой, также рыба и все продавалось дешево. Но въ деньгахъ сильно нуждались всѣ, особенно-же купечество, торгующее скотомъ, который на здѣшнихъ ярмонкахъ продавался хотя и дешево, но не за что имъ онаго было купить, да и занять вовся не у кого было, что я на себѣ испыталъ и отъ нихъ слышалъ.

Въ мартѣ сначала сильный снѣгъ съ бурею и морозы, и весь сей мѣсяцъ прошелъ съ сильными морозами, крѣпче, нежели оные были предъ Рождествомъ Христовымъ, съ глубокими снѣгами и метельми. На свѣтлой недѣлѣ, послѣ Благовѣщенія и празника Пасхи, ѣздилъ я въ Слоновку, и дорога была такова, которой рѣдко бываить иные зимы и предъ Рождествомъ, чего вовся не помнятъ никто изъ старожиловъ, почему сіе для памяти впредъ мною и записано. Да и старожиловъ сказаніе, что послѣ Благовѣщенія рѣдко проѣздить можно недѣлю на саняхъ, вовсе не исполнилось, ибо сіе записывалъ я въ апрелѣ, а морозы и снѣги вовся не уменшались еще въ апрелѣ до 15-го числа; кромѣ двухъ весьма теплыхъ дней, протчіе всѣ были весьма холодные съ утренними морозами.

Пахать еще не начинали и земля была весьма мокрая, а по дорогѣ на горахъ еще лежалъ снѣгъ и ледъ, и я 14-го числа ѣздилъ въ Заломное и отъ слободы Ивицы до Заломнаго по льду весьма легко ѣхалъ. Полая вода продолжалась съ половины марта и до половины апреля весьма сильная; мельницы во многихъ мѣстахъ порвало по Корочѣ и Ивицѣ, мою-же хотя и размыло, но все вода дѣйствовала, а иные по отполнимъ рѣчькамъ снесло и поопрокидало, а съ 15-го числа наступили сильные восточные и холодные вѣтры и продолжались оные до половины маія. Дожжей вовся не было, а было очень сухо, отчего и яроваго хлѣба посѣвы были весьма рѣдкіе и плохіе, рожь-же и пшеница выпрѣли отъ снѣга; еще и по вскрытіи весны оказались оные худые, рѣдкіе и въ ростъ отъ холодовъ и засухи ничто не пило; сады на цвѣту вѣтрами позадуло, что все продолжалось до Троицына дня, который въ семъ году былъ маія 14-го дня. Съ 20-го-жъ числа пошли дожжи сильные, тучные, съ вѣтрами холодными, но не вездѣ, а только около жительства моего, а далѣе почти ихъ не было, и засуха продолжалась.

Іюнъ мѣсяцъ весь прошелъ по рѣкамъ Донцу и Корочѣ дожжами съ холодными, сильными вѣтрами и весьма холодными ночьми, а въ Слоновкѣ и далѣе вовся сей мѣсяцъ дожжей не было, но страшная засуха.

Въ іюлѣ погода была разная: были дожжи съ громами, было и сухо, вѣтренно-же весь мѣсяцъ. Уборка хлѣба началась и почти вся мѣстами ржамъ и ячменямъ окончена. Мало оныхъ жали, а болѣе по рѣдкости косили: сѣна тоже было умѣренно, и умолотъ не очень выгоденъ начался изъ ржы. Я-же въ первый день сего іюля уѣхалъ съ старшими сыновьями въ Воронежъ, пробылъ тамъ два дни съ половиною, удостоился быть у мощей свят. Митрофанія уже по открытіи ихъ и обрѣтенію во второй разъ. Пріѣхалъ-же оттоль боленъ глазами и спиною и до конца мѣсяца находился больше въ постелѣ.

Въ августѣ по большей части было сухо, вѣтренно, но мало дождей, а 25, 26 и 27-го числа сильно крѣпкіе морозы, потомъ опять ведренно.

Въ сентябрѣ по большей части была непостоянная погода, дожди и холодные вѣтры, было нѣсколько и бурныхъ дней, а морозы по утрамъ хотя изрѣдка и были, но не большіе. Хлѣбъ сталъ дозрѣвать по немногу, а въ Харковѣ и Белгородѣ доходить началъ

Въ октябрѣ отъ Обояни внизъ до Харькова и далѣе и у насъ была погода хорошая, а отъ Курска и далѣе проливные дожди до конца сентября; за недѣлю-же до ноября выпалъ снѣжокъ и были крѣпкіе морозы. Хлѣбъ въ цѣнѣ той-же здѣсь и въ Курскѣ, и я былъ съ 2-го по 16-е число въ Курскѣ для своихъ дѣлъ, гдѣ за грязью мало въ чемъ и успѣлъ и оставилъ до зимы, пріѣхалъ-же я хотя и благополучно, но правая рука начала у меня отъ плеча до локтя сильно ломить въ кости, отчего болѣе лежалъ на лежанкѣ и согрѣвалъ ее.

Въ ноябрѣ сначала дня три шелъ дождь и было тепло, грязь и сильная полая вода; а потомъ во весь мѣсяцъ были жестокіе морозы, сперва съ вѣтрами сѣверовосточными, а потомъ холодъ и тихо; снѣгъ-же выпадалъ самый малый только два раза.

Въ декабрѣ весь мѣсяцъ крѣпкіе морозы, иногда съ вѣтромъ, а больше дни тихіе были и не солнечные. На святкахъ потеплѣло немного. Снѣгу не было во весь мѣсяцъ ни разу, и земля была почти голая, и тѣмъ сей мѣсяцъ и годъ 1844 окончился. Хлѣбъ во весь годъ былъ не свыше 2 р. 50 к. ржы за четверть, гречиха 2-хъ р., ячмень тоже, пшено 8 р. и немного мѣстами болѣе; овесъ до 1 р. 60 к., сѣно за возъ не свыше двухъ рублей хорошаго степнаго, а луговое и ниже; солома до 1 р. 50 к., птица дворовая почти ни по чемъ; свинина не свыше 2 р. 50 к. за пудъ; сало свиное до 12 р. за пудъ. Въ перемѣнѣ правительства ничего не было. Война продолжалась наша съ черкесами жестоко, но ихъ сильно одолѣвали наши войска. Императора меншая дочь Александра была сей годъ въ апрѣлѣ выдана замужъ и на 6-мъ мѣсяцѣ умре, родя сына преждевременно.

1845-й годъ.—*Генваръ* начался крѣпкими жестокими-же морозами при тихой и ясной погодѣ, и весь генварь былъ жестокій морозами, а отчасти при морозахъ дней съ 10 росъ сильный иней. Въ концѣ два дни были сильные бури съ метелью.

Февраль начался тоже крѣпкими морозами, сильнымъ холодомъ и отчасти вѣтръ неболшой. Потомъ весь формально былъ сей мѣсяцъ жестокій съ бурями, сильными снѣгами и заметельми. Одинъ только день былъ съ бурею, даже сильный и вскорѣ перемѣнилось на метель и бурю. Тѣмже и кончился; отъ того самаго весь мѣсяцъ молотби не было, корму скоту не достало, да и лю-

дямъ ѣсть тоже нечего было, а къ концу и подорожалъ хлѣбъ аржаной выше 3 хъ р. и кормъ тоже дорогъ сталъ.

Мартъ до 27-го числа сего мѣсяца были постоянно крѣпкіе морозы и холодъ большой, иногда были и сильные вѣтры; съ 27-го же наступила тепловатая погода, а потомъ вскорѣ сильная оттепель, и рѣки вдругъ вскрылись, и столь была сильная вода и большая, что рѣдкіе и изъ старожиловъ таковую помнютъ, и въ три дня оная кончилась. По здѣшнимъ рѣкамъ льдомъ, который былъ отъ жестокихъ морозовъ толщиною до двухъ аршинъ, збило всѣ мосты и плотины разнесло; мельницы всѣ вдругъ остановились, и какъ въ сіе время приближался праздникъ Пасхи, то въ помолѣ хлѣба весьма народъ нуждался. Хлѣбъ возвысился немного въ цѣнѣ, но корму скоту вовся не было, отчего онъ въ бывшіе въ семъ мѣсяцѣ ярмонки былъ весьма дешевъ.

Апрель начался сушею и вѣтрами, и люди начали еще до празника сѣять по гористыхъ мѣстахъ яровые хлѣба. Потомъ была непостоянная погода: по утрамъ часто были морозы крѣпкіе, дни бурные и дожди частые. Съ хлѣбомъ народъ почти совсѣмъ въ сей мѣсяцъ отсѣялись. Хлѣбъ въ цѣнѣ не возвышался, но и мало ево въ продажу шло. Пшеницы-же озимые оказались пропащими, которые всѣ перепахая и засѣяли яровымъ хлѣбомъ.

Мѣсяцъ маій. Мало дождей; озимые всходы изрядные, а яровые плохи и весьма было холодно весь мѣсяцъ.

Іюнь. Сильная засуха, зной жестокой и отчасти вѣтры. Пчелы роевъ вовся не дали, и хлѣбъ надежду малую подавалъ по своей рѣдости.

Іюль. Засуха. Хлѣбъ оказался вовся безъ зерна почти. Пчелы не дали роевъ; плодовъ садовыхъ весьма мало. Хлѣбъ съ половины поднялся до 7 р., травы хороши и въ погоду убраты, но малы и рѣдки. Въ нижнихъ-же малороссійскихъ губерніяхъ, въ Крыму и далѣе засохло и погибло все, а индѣ градъ выбилъ до чиста, что случилось не въ нашихъ мѣстахъ. На скотъ оказался падежъ, на все дороговизна стала начинатся. Я-же весь сей мѣсяцъ по большей части былъ дома, мало отлучаясь отъ круга дома по нуждамъ. Въ послѣдніе же числа іюля были дней съ 6-ть ужасные бури, а потомъ 28, 29, 30 и 31 дожди частые, и село Сурково 28-го выгорѣло все.

Мѣсяцъ августъ тоже былъ почти весь сухій и вѣтренный, изрѣдка только были въ сторонѣ дожди съ громами, и изъ сихъ одинъ разбилъ и зжегъ до основанія въ селѣ Нижнемъ Березовѣ колокольню и растопилъ всѣ колокола, даже и мѣди половины не оказалось. Въ семъ-же мѣсяцѣ поступило предковъ моихъ Лофицкихъ въ слободкѣ Лазаревкѣ имѣніе изъ роду Лофицкихъ помѣщику Гангарту, по покупкѣ имъ съ аукціона за долги казенные и партикулярные, коихъ на послѣднемъ наслѣдникѣ оказалось болѣе полутораста тысячъ, и сіе имѣніе продано только за 42 тысячи. Бѣдный владѣлецъ, лишенный передъ симъ параличемъ языка, руки и ногъ, почти выгнанный насильно, уѣхалъ къ родственникамъ матери своей Недобровымъ въ тамбовскую губернію оканчивать свои дни, а другое ево имѣніе въ селѣ Суволочномъ, въ тимскомъ уѣздѣ, кому досталось по продажѣ и за какую сумму, неизвѣстно. Здѣсь-же еще продавалась движимость—все за безцѣнокъ и оттого еще половину долгу не уплочено. Хлѣбъ по уборкѣ зачалъ дешевлить мѣстами.

Сентябрь до половины сухой, холодной и частію погода была, а во второй половинѣ были дожди частые попеременно съ ведренною погодою, но въ семъ мѣсяцѣ были и бури, отъ коихъ згорѣла Соколовка и Яблоновъ, дворовъ по 30; и въ другихъ мѣстахъ тоже по короченскому уѣзду были пожари гибельные, отчего и умножилась нищая братія, ибо они не только домовъ, но и всего своего хлѣба въ гумнахъ лишились. Въ семъ мѣсяцѣ былъ императоръ въ Чугуевѣ съ наслѣдникомъ и Константиномъ Николаевичемъ; былъ весьма милосердъ, принимая отъ всѣхъ прошенія, и дарилъ много войску денегъ.

Октябрь до 26-го числа были безпрестанные дожди сильные и грязь. Произшествій замѣчательныхъ не было.

Ноябрь начался морозами, также и въ концѣ октября были оные весьма крѣпкіе безъ снѣгу. А 3-го-же числа пошелъ дождь, да тепло, туманы и тихо, а также и грязь порядочная. И весь сей мѣсяцъ были частію дожди, частію снѣгъ, а большей частію тепло и тихо, но пасмурно и грязь большая. Молодого хлѣба и завозовъ на мельницахъ не было. Въ семъ-же мѣсяцѣ 13-го числа умре Михайла Григоровичъ, послѣдній изъ роду бывшей многочисленной нѣкогда фамиліи Лофицкихъ, а съ симъ и сія фамилія кончилась.

Декабрь: сначала были морозы крѣпкіе, а послѣ Николаева дни здѣлалось легче и весь сей мѣсяцъ былъ посредственный съ небольшими морозами и безъ снѣгу. Я-же сей мѣсяцъ весь и съ половины еще прошедшаго ноября былъ боленъ сперва гимороемъ, а потомъ внутреннымъ нарывомъ въ горлѣ и кишкахъ, отчего страдалъ не мало и жестоко, особенно по ночамъ, въ которые вовся не спалъ. Хлѣбъ стоялъ въ малой цѣнѣ и вовсе ему покупки не было. Произшествій отличныхъ въ семъ году не было тоже.

1846-й годъ, *генваръ*. Двѣ недѣли первыя крѣпкіе морозы съ снѣгомъ и бурями, а потомъ тепло и таяло.

Февраль подобенъ сначала былъ недѣлю, а потомъ все растаяло и въ концѣ ѣздили и на колесахъ.

Мартъ. Два дни первые были холодные, а потомъ тепло, весьняные дни и вода умножилась до 10-го числа, а снѣгъ сошелъ со всѣхъ горъ. Я-же всѣ сіи дни съ 1-го января былъ въ постелѣ и не могъ ни разговѣвшы ѣсть мясного весь мясоѣдъ, да и ничего вовся не ѣлъ, ибо во внутренности былъ нарывъ и весь сильно боленъ, и потому 19-го февраля, съ Божіею помощію, особорованъ святымъ масломъ и приобщенъ святыхъ Таинъ въ домѣ.

КІЕВСКІЯ СМУТЫ СРЕДИНЫ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

Перейдя со всею южною Русью отъ польскаго владычества подъ державу россійскихъ царей, Кіевъ сталъ относительно своей внѣшней и внутренней жизни въ такое исключительное положеніе, какое едва ли когда-либо выпадало на долю какого либо другаго города. Если со времени присоединенія Малороссіи и до андрусовскаго договора Кіевъ служилъ еще яблокомъ раздора между Польшею и Москвою и сочувствовавшими той и другой сторонѣ партіями въ козачествѣ и народѣ малороссійскомъ, то послѣ окончательнаго закрѣпленія его за Россіей въ немъ начинается внутренняя борьба утвердившихся здѣсь разнороднымъ властей, изъ которыхъ каждая представляла собою особый строй жизни, принадлежавшій различнымъ временамъ и мѣстамъ, различнымъ эпохамъ и ступенямъ общественнаго развитія нѣсколькихъ сосѣднихъ племенъ. Еще съ конца XV вѣка въ Кіевѣ на развалинахъ удѣльно-вѣчевой жизни, радикально измѣненной во времена татарскаго и литовскаго владычества, водворилось оригинальное городское самоуправленіе, выросшее правда не на русской почвѣ, но имѣвшее съ нею нѣкоторыя общія черты и данное Кіеву въ видѣ особой привиллегіи, подъ названіемъ магдебургскаго права. И великіе литовскіе князья и польскіе короли, понимая великое значеніе Кіева въ общей жизни всей подвластной имъ Руси, время отъ времени умножали его привиллегіи новыми жалованными грамотами и универсалами и довели его самостоятельность до того, что онъ представлялъ собою какъ бы государство въ государствѣ и ни отъ кого, кромѣ верховной власти короля, не зависѣлъ. Хмельницкій, освободивъ отъ польскаго владычества народъ русскій, не тронулъ старинныхъ при-

виллегій Кіева, но особымъ образомъ подчинилъ его верховной своей власти и придалъ его общественной жизни особый элементъ, какого онъ не имѣлъ доселѣ. Раздѣливъ всю освобожденную имъ страну на 23 полка и давъ ей военно-демократическое устройство, онъ создалъ особый кіевскій полкъ и поставилъ въ Кіевѣ особаго полковника съ тѣми широкими правами, какими надѣлены были и всѣ эти первостепенные въ странѣ чины. Вслѣдъ за симъ и московскіе цари, принимая Кіевъ подъ свою державу, оставили за своею прародительскою отчиною тѣ права и привилегіи, какими она пользовалась издревле, не тронули и привнесеннаго въ ея жизнь козачаго элемента, съ главною юрисдикціею надъ нимъ гетмана, но лишь ввели сюда, и то не вдругъ, свои ратныя силы для охраны своего господства надъ нимъ, для укрѣпленія и защиты его отъ врага, поставивъ надъ ними, какъ было и при польскихъ корольхъ, своего воеводу и перенеся центръ укрѣпленій съ высотъ, господствовавшихъ надъ Подоломъ, на высоты верхняго Кіева, а ратныя силы расположивъ близъ древнѣйшей всероссійской святыни, сердцевины такъ сказать Кіева, святой кіево-печерской лавры.

Такимъ образомъ къ концу XVII и началу XVIII ст. Кіевъ не въ одномъ топографическомъ отношеніи представлялъ собою три особыхъ города, особыхъ по составу населенія, по характеру и формамъ управленія, наконецъ по взаимнымъ отношеніямъ. Печерскъ занятъ былъ по преимуществу ратными силами и селившимся около нихъ пришлымъ людомъ; верхній Кіевъ, который по множеству принадлежавшихъ здѣсь софійской каѳедрѣ монастырямъ и церквамъ земель, митрополитъ Сильвестръ Коссовъ не безъ основанія называлъ своимъ, не смотря на угрозу его биться съ царскимъ воеводою, былъ обнесенъ теперь вокругъ валами и составлялъ крѣпость съ воеводскимъ дворомъ, оружейными и харчевыми складами; нижній Кіевъ или Подолъ былъ въ собственномъ смыслѣ городомъ и здѣсь сосредоточено было все городское населеніе или привилегированное мѣщанство, съ его управленіемъ и торговлею, а рядомъ съ нимъ тутъ же жило особыми дворами и козачество, полковая резиденція котораго перенесена была въ послѣдствіи въ г. Козелецъ, съ оставленіемъ здѣсь лишь одной сотни козачей и сотеннаго управленія. Съ царствованія Петра В. воеводы смѣняются генералъ-губернаторами и хотя власть послѣднихъ относи-

тельно Кіева постепенно разширяется и независимый кіевскій магистратъ подчиняется сенату, но прежній строй жизни въ нижнемъ, а отчасти и въ верхнемъ Кіевѣ не измѣняется. А это былъ тотъ строй жизни, въ которомъ, при недостаточномъ огражденіи личныхъ и имущественныхъ правъ общимъ закономъ, все опиралось на частныхъ льготахъ и привилегіяхъ, данныхъ когда-то и вновь подтверждаемыхъ для каждаго учрежденія и лица. На обширной территоріи Кіева, кромѣ казны, отмежевавшей себѣ особые участки на Печерскѣ и верхнемъ Кіевѣ, главными собственниками являлись: на сѣверо-восточной оконечности кіево-печерская лавра и монастыри выдубицкій и никольскій, въ верхнемъ Кіевѣ софійская каѳедра и михайловскій монастырь, въ нижнемъ Кіевѣ монастыри братскій, петропавловскій и флоровскій женскій, а далѣе отъ него до крайняго сѣверо-запада шли владѣнія кирилловскаго и межигорскаго монастырей, захватывая часть Оболони и верховьевъ Почайны и смѣшиваясь здѣсь съ угодьями городскими и кіево-братскаго монастыря. Козачеству принадлежала ничтожная часть грунтовъ на Подолѣ, а владѣнія городскія, обнимая весь Подолъ, прерывались у горы Щекавицы слободою Плоскою, принадлежавшею кирилловскому монастырю, и тянулись за нимъ подъ названіемъ слободъ: Сырца, Куреневки и Преварки. При неопредѣленности земельныхъ границъ, обозначенныхъ общими межами въ старинныхъ актахъ и подвергавшихся частымъ захватамъ, передѣламъ и отчужденіямъ, при господствовавшемъ тогда неуваженіи къ чужой собственности, волокитѣ въ судахъ и наклонности къ личной расправѣ, между названными собственниками то и дѣло возникали столкновенія въ примѣненіи права пользованія тѣми или другими угодьями и если въ сѣверо-восточномъ углу Кіева печеряне бились съ выдубянами, то на сѣверо-западѣ ожесточенные споры и схватки происходили между монастырями братскимъ, межигорскимъ и другими, въ особенности между магистратомъ, монастырями и козаками. Но не въ этомъ лежитъ главный источникъ смутъ, какими былъ обуреваемъ Кіевъ съ конца XVII и до послѣдней четверти XVIII ст. Названные земельные собственники Кіева были какъ-бы особые мірки, особыя царства, учрежденія привилегированныя, самоуправляющіяся, имѣющія каждая свою судную компетенцію, пользовавшіяся правомъ свободы отъ общенародныхъ сборовъ и по-

винностей, а что всего важнѣе—владѣвшіе въ одинаковой почти степени главною жизненною артеріею того времени, т. е. свободою винокуренія и продажи питей. Эти-то привилегіи въ разнообразномъ примѣненіи ихъ, переплетаясь и осложняясь безчисленными случаями будничной жизни, создавали нескончаемый рядъ споровъ, жалобъ и тяжбъ, кончавшихся нерѣдко ожесточенными схватками, кровопролитіемъ и смертнымъ боемъ. Это была непрерывная, чуть не ежедневная внутренняя смута, въ которой жило чуть не цѣлое столѣтіе населеніе Кіева, пока съ учрежденіемъ намѣстничества не былъ положенъ ей конецъ коренною реформою общественнаго строя во всемъ краѣ и подведеніемъ всѣхъ классовъ подъ одну общую норму и законъ. Нарисовать полную картину этой смуты, не смотря на громадное количество даваемаго кіево-губернскимъ архивомъ матеріала, нѣтъ возможности; а потому мы ограничимся здѣсь изображеніемъ лишь тѣхъ смутъ, какія происходили между кіевскимъ мѣщанствомъ и магистратомъ съ одной и кіевскимъ же козачествомъ съ другой стороны, пользуясь въ этомъ изображеніи лишь находившимися въ нашихъ рукахъ бумагами кіево-губернскаго архива.

Мѣщане и козаки жили, какъ уже выше сказано, исключительно въ такъ называемомъ «нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ». Къ сожалѣнію, о числѣ жителей, принадлежавшимъ къ этимъ двумъ группамъ, имѣются свѣдѣнія довольно скудныя. Изъ составленнаго въ 1707 году реестра, «якъ много обрѣтается козаковъ сотни кіевской», видно, что въ этомъ году ихъ было товарищества комонного 32, пѣшихъ козаковъ 8 и козачихъ вдовъ 6; въ представленіи же гетмана Разумовскаго 1752 года показано козацкихъ дворовъ въ Кіевѣ только 28. Общее число дворовъ Кіево-Подола извѣстно лишь за 1739 г. и тогда ихъ было 2140; но этому предшествовали моровая язва 1710—1711 гг., опустошившая Подолъ, опасенія нашествія турокъ 1713—1716 гг., разгонявшія жителей, и пожаръ 1718 г., истребившій всю почти эту часть города. Предъ моровою язвою 1770—71 гг. всѣхъ жителей на Подолѣ считалось до 20,000, а послѣ нея въ магистратской вѣдомости за 1775 г. число всѣхъ дворовъ на Подолѣ показано лишь 1928; но ни число мѣщанъ, ни число козаковъ отдѣльно не показано, а о первыхъ замѣчено, что они «состоятъ на особливо утвержденныхъ правахъ и привилегіяхъ и потому подушевной ревизіи имъ никогда не бываетъ». Не подле-

житъ однако сомнѣнію, что при всѣхъ перемѣнахъ въ населеніи Кіево-Подола, мѣщанъ въ немъ было несравненно больше, нежели козаковъ. И не смотря на огромное неравенство въ числѣ, оба сословія эти, находясь въ крайне враждебныхъ отношеніяхъ между собою, вели другъ съ другомъ столь упорную борьбу, что разрѣшить ее не могли и самыя высшія власти, магистратъ же кіевскій единственное средство къ прекращенію оной видѣлъ лишь въ совершенномъ выселеніи козаковъ изъ Кіева.

Располагая представить здѣсь, по архивнымъ документамъ, тѣ случаи и факты, въ которыхъ выразилась эта борьба, считаю нужнымъ сгруппировать ихъ по тѣмъ предметамъ, которыхъ касалась она, тѣмъ мотивамъ, изъ-за которыхъ возникала. Это были: 1) отстаиваніе магистратомъ своей «свободы отъ общенародныхъ повинностей», т. е. тѣхъ войсковыхъ сборовъ, какіе существовали вообще въ Малороссіи и какіе козачее начальство силилось установить въ Кіевѣ и особливо его пригородахъ; 2) стремленіе магистрата и всего кіевскаго мѣщанства освободиться отъ власти гетмана, выразившееся въ открытомъ сопротивленіи властямъ; 3) уклоненіе магистрата и мѣщанъ отъ нѣкоторыхъ натуральныхъ городскихъ повинностей и желаніе обязать ими козаковъ; 4) протесты ихъ противъ принятія въ число козаковъ кіевскихъ обывателей, подвѣдомыхъ магистрату и 5) наконецъ стремленіе ихъ же не допускать кіевскихъ козаковъ къ продажѣ питей въ чертѣ городской осѣдлости.

I.

Въ силу историческаго хода событій, сойдясь на территоріи Кіево-Подола, мѣщанство и козачество, одинаково надѣленныя всякаго рода привилегіями, никакъ не могли разобраться въ своихъ взимныхъ отношеніяхъ. Съ одной стороны козачество, считая освобожденный имъ отъ ига польскаго Кіевъ съ предмѣстьями городомъ полковымъ малороссійскимъ и отправляя всѣ функціи правительственной власти въ данной мѣстности по отношенію ко всему населенію, считало себя въ правѣ, не касаясь только привилегированнаго мѣщанства, всѣхъ «посполитыхъ», жившихъ на земляхъ, какъ соб-

ственно городскихъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ и монастырей, вносить въ ревизію для отбыванія общенародныхъ податей и повинностей, равно собирать и съ пріѣзжихъ въ Кіевъ купцевъ и торговавшихъ на кіевскихъ ярмаркахъ установленные въ Малороссіи ярмарковые сборы; съ другой, магистратъ кіевскій, основываясь на имѣвшихся у него королевскихъ и царскихъ грамотахъ, считалъ не только мѣщанъ, но и всѣхъ обывателей, жившихъ на его и на мѣщанскихъ земляхъ, подлежащими исключительно своей юрисдикціи и свободными отъ всякихъ «общенародныхъ податей и повинностей», установленныхъ въ Малой Россіи, равно какъ всякое поползновеніе козацкихъ сборщиковъ на какіе-бы то ни было сборы на ярмаркахъ кіевскихъ признавалъ дѣломъ незаконнымъ, произволомъ и насиліемъ. Хотя право въ этомъ случаѣ было на сторонѣ магистрата; но какъ оно постоянно оспаривалось малороссійскими козацкими властями, то магистрату приходилось постоянно искать подтвержденій и разъясненій онаго, а когда и это не помогало, вступать въ открытую борьбу. Въ подтвержденіяхъ и разъясненіяхъ не было недостатка; но и притязанія малороссійскихъ властей періодически возобновлялись и магистрату нужно было вести постоянную борьбу съ ними, а иногда и отражать силу силой.

Еще въ 1700 г. Петръ Великій особою грамотою подтвердилъ всѣ прежнія права и привилегіи Кіева, а въ 1710 далъ другую такую же грамоту; на эти грамоты обыкновенно и ссылался магистратъ, уклоняясь отъ всякихъ сборовъ, какіе только пыталось наложить на кіевскихъ обывателей полковое управленіе. Въ 1722 году новоучрежденная Малороссійская Коллегія, установляя новую систему сборовъ въ казну, возбудила было вопросъ, не слѣдуетъ ли и въ Кіевѣ брать въ казну тѣ сборы, которые подъ разными наименованіями собираются тамъ магистратомъ: но отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный, и хотя при этомъ Петръ Великій собственноручно написалъ на докладѣ: «прислать съ привилегій копіи и куда держатъ расходъ именно»; но ни этихъ свѣдѣній, ни копій привилегій магистратъ не представилъ, давая на всѣ запросы по этому поводу самые уклончивые отвѣты. Попытки обратить нѣкоторые изъ доходовъ кіевскаго магистрата въ войсковой скарбъ возобновлялись и по упраздненіи Малороссійской Коллегіи, когда всѣ сборы отдавались на откупъ. Можно думать даже, что такія попытки имѣли

иногда успѣхъ. Въ 1743 г. генеральная войсковая канцелярія, настаивая на подчиненіи Кіева общимъ сборамъ въ войсковую казну, заявляла даже, будто «въ г. Кіевѣ у пріѣзжихъ купцовъ съ разныхъ товаровъ отъ возовъ ярмарковое и торговое, а особливо съ имѣющихся тамъ же винокурень и съ шинковъ монастырскихъ, поповскихъ и козачихъ показанщина и покуховное и другіе надлежащіе въ скарбъ войсковый доходы по 1740 годъ неоспоримо собирались, такожъ и бывшимъ съ 740 по 743 г. откупщикамъ запрещенія въ собираніи ими тѣхъ сборовъ въ Кіевѣ не было». Но изъ дѣлъ прежнихъ годовъ мы знаемъ, что магистратъ не переставалъ противиться такимъ сборамъ и къ нимъ не допускалъ. Такъ въ 1736 г. вслѣдствіе возникшихъ по этому поводу пререканій дѣло восходило до сената, отъ котораго и послѣдовалъ 19 октября того-же года указъ, предписывавшій: «кіевскихъ мѣщанъ впредь ни въ какіе наряды, которые имѣютъ быть изъ Малой Россіи козакамъ и посполитымъ людямъ, не включать и никогда съ нихъ денегъ и людей въ помощь малороссіянамъ не требовать, и кіевскому полковнику и старшинѣ и сотникамъ ни въ чемъ до нихъ, кіевскихъ мѣщанъ, дѣла не имѣть... а особливо кіевскаго подгородья Преварки съ принадлежитостями ни въ какіе наряды не включать и въ помощь малороссіянъ ничего съ онаго подгородья не требовать».

Не смотря на столь ясное распоряженіе высшей правительственной власти, генеральная войсковая канцелярія не далѣе какъ въ слѣдующемъ же 1737 году предписала кіевскому полковнику взыскать провіантъ и фуражъ съ той самой Преварки, о которой такъ категорически говорилось въ указѣ предъидущаго года. Въ свою очередь и магистратъ столь же мало обращалъ вниманія на ордеры войсковой канцеляріи, какъ эта послѣдняя на указы сенатскіе. Ея требованію на этотъ разъ рѣшительно воспротивился кіевскій войтъ Павелъ Войничъ и отдалъ въ этомъ смыслѣ приказъ магистратскимъ урядникамъ. Бунчуковый товарищъ Чарнолуцкій, исполняя распоряженіе своего начальства, рѣшился прибѣгнуть къ насилію и для того приарестовать главнаго виновника сопротивленія, самого войта Павла Войнича. 20-го іюня, въ полдень, войтъ шелъ въ магистратъ; завидя его изъ своей квартиры, Чарнолуцкій бросился къ нему съ солдатами и козаками, изругалъ его на улицѣ публично, «какъ безчестнѣе быть нельзя», и засадилъ

въ служительскую избу подъ караулъ. Это было неслыханное оскорбленіе чести привилегированнаго магистрата. Заволновалось мѣщанство и бросилось къ губернатору Сукину. Тотъ потребовалъ освобожденія войта и тѣмъ не менѣе войту пришлось посидѣть подъ карауломъ болѣе восьми часовъ. Мѣщанство послало челобитную на Высочайшее имя; пошла переписка и челобитная въ концѣ концевъ попала въ туже генеральную войсковую канцелярію, которая своимъ указомъ и подала поводъ къ оскорбленію войта. Добился ли отъ нея магистратъ какого либо удовлетворенія, мы не знаемъ; но однажды нанесенное тяжкое оскорбленіе не могло быть забыто; оно зародило общую между мѣщанами и козаками вражду, для которой, какъ увидимъ ниже, было не мало другихъ не менѣе важныхъ причинъ и поводовъ.

Восемь лѣтъ спустя, въ 1745 г. въ Кіевъ явились сборщики Шнурчевскіе и, по данному имъ изъ войсковой генеральной канцеляріи приказу и росписи, начали было собирать съ пріѣзжихъ купцовъ пошлины, а отъ мельницъ на р. Сырцѣ требовать податей. Магистратъ, оставляя въ покоѣ далекій сенатъ, прибѣгъ къ защитѣ кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева. Леонтьевъ не допустилъ Шнурчевскихъ до взиманія сборовъ; но самое дѣло представилъ на разрѣшеніе сената, который указомъ отъ 15-го декабря 1746 г. постановилъ: «до збору съ пріѣзжихъ въ Кіевъ на Подолъ во время ярмарковъ купцовъ ярмаркового и торгового съ продажнихъ товаровъ и до взятья съ магистратскихъ мельницъ и винокурныхъ казановъ податей *губернатору кіевскому* сборщиковъ и откупщиковъ не допущать, а собирать все то по прежнему въ кіевскую ратушу». Такимъ путемъ кіевскій магистратъ, повидимому, болѣе гарантировалъ себя отъ притязаній войсковой власти, но, самъ того не замѣчая, ставилъ себя въ зависимое положеніе, вводя посредствующую инстанцію между собою и сенатомъ, которому одному, и то по волѣ Великаго Петра, онъ былъ въ своихъ дѣлахъ подчиненъ. Время показало, что и эта гарантія была лишь кажущаяся.

Чрезъ полтора съ небольшимъ года по подобному же поводу послѣдовалъ новый указъ правительствующаго сената, отъ 25 августа 1748 г., въ томъ же смыслѣ; имъ еще разъ подтверждалось: «генеральной войсковой канцеляріи впредь находящихся во владѣніи за кіевскимъ магистратомъ сырецкихъ и куреневщицкихъ обы-

вателей описывать и въ ревизію включать не велѣть и въ помощь малороссійскому народу ни въ какіе наряды не располагать, порцей и рацей и прочихъ податей съ нихъ не требовать... И этого смотрѣть и до того не допускать *кіевскому губернатору*».

Казалось бы, что столь категорическое запрещеніе исключало возможность всякихъ притязаній со стороны козацкаго управленія на какіе бы то ни было сборы съ обывателей Кіева, подлежавшихъ юрисдикціи кіевскаго магистрата. И что-же мы видимъ? Въ томъ же 1748 году войсковая генеральная канцелярія предписала кіевскаго полка ревизору, бунчуковому товарищу Дмитрію Несторовичу, «находящихся во владѣніи за кіевскимъ магистратомъ дер. Сирца и Куреневщины во всѣхъ обывателей дворы и избы, *не смотря ни на какія кіевскаго магистрата представленія*, описать и поставить въ ревизію въ приличные по имуществамъ ихъ статьи ко отбуванію всякихъ указно-полагаемихъ податей и повинностей».

Въ 1752 году, по распоряженію гетмана Разумовскаго, назначена была ревизія «о дворовомъ числѣ людей» въ кіевскомъ полку, при чемъ и на предмѣстья г. Кіева наложены были извѣстные платежи, о которыхъ и присланы были въ кіевскій магистратъ особые билеты. Магистратъ, не допуская этой ревизіи своихъ подгородій, опять обращается къ генералъ-губернатору Леонтьеву и, заявляя о пріѣздѣ ревизора, полковаго хорунжаго Федора Шума, проситъ защиты отъ его ревизіи. Кіевская же полковая канцелярія съ своей стороны представляла гетману, что Преварка не есть подгородье и лежитъ отъ города въ восьми верстахъ, гораздо дальше слободы Плоской, которая принадлежитъ Кирилловскому монастырю и отбываетъ всѣ общенародныя повинности, почему и Преварку полковая канцелярія въ ревизію включила и «указанныя дачи» въ войсковый скарбъ наложила [1]). По козацкому толкованію, высочайшая грамота 1743 г. и указъ правительствующаго сената 1746 г. предоставляютъ увольненіе отъ полковыхъ сборовъ только Кіево-Подолу и мельницамъ магистратскимъ, на ратушныхъ грунтахъ построеннымъ, къ посполитымъ же людямъ, живущимъ въ с. Преваркѣ, увольненіе это нисколько не относится.

---

[1]) Въ ревизіи этой показано: въ *Преваркѣ* подданныхъ ратуши кіевской посполитыхъ дворовъ 110, въ д. Сырцѣ 17 и въ Куреневщинѣ 49.

Когда на весь кіевскій полкъ возложена была довольно тяжелая повинность доставлять фуражъ для лошадей прибывшимъ въ Кіевъ переселенцамъ сербамъ, то полковые коммисары требовали доставки этого фуража и отъ подданныхъ магистратскихъ селъ Преварки, Сырца и Куреневщины. Магистратъ рѣшительнымъ образомъ отказался отъ этой повинности; но, по жалобѣ полковника Дарагана, войсковая генеральная канцелярія предписала магистрату упомянутый фуражъ «вистатчать всеконечно, не принося впредь никакихъ отговорокъ», а полковой канцеляріи приказала, на случай «воспященія», «взыскивать съ оныхъ магистратовыхъ подданныхъ тое все, такожъ и другіе всякіе общенародніе указніе дачи, сильными командами, не смотря ни на что». Понятно, что насиліе со стороны козаковъ вызывало лишь большее ожесточеніе со стороны магистрата и его подданныхъ.

Въ виду постоянныхъ жалобъ полковаго начальства, графъ Разумовскій въ 1753 г. представилъ докладъ обо всѣхъ происходящихъ съ магистратомъ пререканіяхъ на Высочайшее усмотрѣніе, высказавъ при этомъ свое мнѣніе, что изъ разсмотрѣнныхъ имъ привилегій и грамотъ вовсе не слѣдуетъ, «чтобъ и подданныхъ кіевскаго магистрата, живущихъ въ с. Преваркѣ и деревняхъ Куреневщинѣ и Сырцѣ, ни до какихъ общенародныхъ малороссійскихъ податей и повинностей не привлекать» наравнѣ съ кіевскими мѣщанами. Но вопросъ этотъ долго еще оставался не разрѣшеннымъ и вызывалъ только распри между козаками и мѣщанами.

Въ 1760 году происходила въ кіевскомъ полку ревизія «убылыхъ» противъ прежней ревизіи дворовъ. Когда полковые комиссары хотѣли было освидѣтельствовать такіе дворы и въ кіевскихъ подгородьяхъ, то магистратъ ихъ къ тому не допустилъ, предупреждая притомъ, что если они сами туда поѣдутъ «и тамо учинится какая отъ жильцовъ тамошнихъ конфузія, онъ въ томъ виновенъ не будетъ и того запрещать не имѣетъ».

Столкновенія магистрата съ полковымъ управленіемъ изъ-за сборовъ съ магистратскихъ маетностей не прекращались и по упраздненіи власти гетмана въ 1764 г. и «исключеніи кіевскаго магистрата и всѣхъ состоящихъ въ вѣдомствѣ онаго людей совсѣмъ изъ малороссійской команды». Въ апрѣлѣ 1766 г. сотни Гоголевской комиссары съ козаками до 20 человѣкъ наѣхали въ

принадлежавшій магистрату на Днѣпрѣ островъ Осетчину и потребовали съ жителей «деньги за провіантъ», а не получивши ихъ, арестовали нѣсколькихъ человѣкъ и отвезли въ Козелецъ, заявивъ, что «когда де подлежащіе денги съ оной Осетчины будутъ присланы, въ то время и оные взятые люди отпущени будутъ». По справкѣ оказалось, что Осетчину впервые заселилъ кіевскій войтъ Дмитрій Полоцкій, которому магистратъ предоставилъ тамъ пользованіе сѣнокосомъ, и что къ небольшому числу бѣдняковъ, жившихъ тамъ въ качествѣ сторожей, никто изъ полковаго начальства не касался до 1747 года; въ этомъ же году назначенный отъ войск. ген. канцеляріи комиссаръ Кандыба, «неправильно посчитавъ ихъ ранговыми войтовскими, записалъ ихъ въ ревизію обывателями кіевского полку»; но затѣмъ во время генеральной ревизіи 1763 г. они исключены были изъ вѣдомства полковой кіевской канцеляріи. Притязаніе ея было незаконное и ей, по жалобѣ магистрата, предписано было: «захваченныхъ магистратскихъ подданныхъ изъ подъ караулу освободитъ немедленно и впредъ собою, безъ вѣдома кіево-губернской канцеляріи, до тѣхъ Осецкихъ жителей, *кои до Малороссіи не принадлежатъ*, не касаться и никакихъ дачъ отъ нихъ не требовать».

Всѣ такого рода пререканія относительно привиллегій магистрата велись ближайшимъ образомъ правящими, такъ сказать, лицами мѣщанскаго и козацкаго сословій, но въ нихъ несомнѣнно заинтересована была и масса этихъ сословій, принимавшая въ этомъ дѣлѣ живое участіе.

II.

Постоянное, въ теченіе болѣе полустолѣтія, нарушеніе войсковою властію привиллегій магистрата, принижая достоинство сего послѣдняго и затрогивая наиболѣе чувствительные экономическіе интересы кіевскихъ мѣщанъ, породило непримиримую вражду между ими и козаками. Мѣщане не могли не видѣть, что всѣ притѣсненія ихъ идутъ отъ полковаго управленія и что это послѣднее находило себѣ поддержку въ самомъ гетманѣ. Понятно, что ничто не могло быть такъ желательно для нихъ, какъ изъятіе Кіева изъ юрисдикціи гетманской. И къ удовольствію ихъ это исполнилось: въ 1761 году Кіевъ изъятъ былъ изъ вѣдомства гетманскаго и подчиненъ непосредственно сенату. Но радость кіевлянъ была непродолжи-

тельна: въ 1762 г. графъ Разумовскій вновь исходатайствовалъ у Петра III возвращеніе Кіева въ свое вѣдомство. Съ воцареніемъ Екатерины мѣщанство кіевское постигло новое огорченіе; вмѣсто выбора войта вольными голосами всего кіевскаго гражданства, какъ было установлено изстари королевскими и царскими грамотами, императрица назначила на эту должность собственною властію секундъ-майора Ивана Сычевскаго. Новый войтъ принялся править вольною общиною по военнымъ артикуламъ, ни во что ставя вѣковыя тридиціи и привиллегіи кіевскаго мѣщанства. Прошло не мало времени и мѣщане убѣдились, что ихъ стариннымъ вольностямъ грозитъ рѣшительная опасность; въ новомъ войтѣ они видѣли «явного недоброхота, обидчика и вредителя»; по ихъ словамъ, «онъ ни о чемъ столь всякихъ мѣръ не употреблялъ, какъ только о томъ, чтобъ какими свободами и вольностями здѣшній городъ пожалованъ и утвержденъ, то ко всеконечному забвенію привесть, а ихъ мѣщанъ къ крайнему озлобленію и отягощенію низвергнуть». Понятно, что такой войтъ вполнѣ сочувствовалъ послѣдовавшему подчиненію магистрата командѣ гетмана; а между тѣмъ мѣщанство, какъ только полученъ былъ въ Кіевѣ указъ 1762 г. о бытіи магистрату въ командѣ гетмана, немедленно составило прошеніе въ сенатъ объ освобожденіи его отъ этой команды. Сычевскій отказался подписать это прошеніе; но оно было отправлено и безъ его подписи. Повезъ его въ Москву райца Федоръ Ризенко, а Сычевскій немедленно далъ знать объ отъѣздѣ его гетману, бывшему въ то время въ Москвѣ. Гетманъ приказалъ разыскать Ризенка; но онъ, узнавши объ этомъ и «опасаясь, дабы за сыскомъ его какова ему штрафа и истязанія не послѣдовало, употребилъ удобовозможные къ сокрытію себе мѣры»,—поспѣшилъ подать привезенное прошеніе и, не ожидая на него резолюціи, выѣхалъ изъ Москвы. Мѣщане заволновались и подали жалобу въ сенатъ на самого Сычевскаго за разныя отъ него обиды и притѣсненія и просили удалить его вовсе, а имъ дозволить выбрать по прежнимъ обыкновеніямъ вольными голосами другаго войта. Это было въ началѣ 1763 г. Между тѣмъ гетманъ еще въ концѣ предъидущаго года распорядился, чтобы къ нему присланы были копіи со всѣхъ имѣющихся въ кіевскомъ магистратѣ грамотъ «о вольности и свободѣ кіевскихъ мѣщанъ», а равно и вѣдомости о доходахъ. Магистратъ медлилъ съ

отвѣтомъ, очевидно, умышленно, ожидая благопріятнаго отвѣта на свое прошеніе, которое вторично поручилъ подать своимъ депутатамъ, отправлявшимся въ декабрѣ того же года въ Москву «для отданія ея императорскому величеству отъ всего города достодолжного поклона и поздравленія» со вступленіемъ на престолъ. Но въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1763 г. гр. Разумовскій вновь приказалъ, чтобы затребованныя имъ отъ магистрата копіи представлены были ему непремѣнно къ 25 мая. Копіи были изготовлены, но при отправкѣ ихъ произошла новая ссора магистратскихъ чиновъ съ войтомъ, которому уже никто изъ нихъ не довѣрялъ. Они требовали, чтобы войтъ подписалъ копіи въ общемъ присутствіи и затѣмъ отправилъ бы ихъ съ нарочнымъ, войтъ же настаивалъ, чтобы всѣ копіи были доставлены къ нему для подписи на домъ, а онъ ихъ отправитъ по почтѣ. Магистратскіе урядники рѣшились отправить копіи безъ подписи войта съ нарочнымъ, а войтъ донесъ гетману объ ослушности магистрата и высказалъ подозрѣніе въ вѣрности самихъ копій. Немедленно присланъ былъ отъ гетмана въ Кіевъ старшій канцелярист Осипъ Туманскій, «для своду и освидѣтельствованія копій привиллегій съ оригиналами», и онъ же привезъ съ собою ордеръ гетмана объ увольненіи отъ должности магистратскаго писаря Якова Давыдовскаго. Вѣсть объ этомъ мигомъ облетѣла весь Кіево-Подолъ и его пригородья и наэлектризовала ихъ населеніе. Всѣ ждали, что учнутъ гетманскій полномочный и ненавистный войтъ,—ждали и не на шутку готовились дать обоимъ сильнѣйшій отпоръ.

15-го декабря Сычевскій и Туманскій пришли въ магистратъ и, приказавъ перенести сундуки съ хранившимися въ нихъ крѣпостями (грамотами) изъ скарбовой избы въ судейскую, запечатали ихъ своими печатями, отобрали ключи отъ правящихъ тогда бурмистра Кулеша и райцы Ризенка и приставили караулъ изъ кіевскихъ козаковъ, пригласивъ для этого въ магистратъ ненавистнаго мѣщанамъ кіевскаго сотника Михаила Гудиму. «Съ того между мѣщанствомъ, а паче между простымъ народомъ, произошло смущеніе; всѣ предъопасеніе имѣли, дабы оные крѣпости чрезъ кого либо, а паче чрезъ тѣхъ же сотника и кіевскихъ козаковъ, *съ которыми магистратъ и гражданство изъ давнихъ годовъ имѣютъ приказную ссору*, подхвачены и безвѣстно унесены не были, и потому единому народъ весь къ магистрату для охраненія тѣхъ

крѣпостей собрался и до того не отходили, пока тѣ сундуки съ крѣпостями, по дозволенію войта и Туманскаго, чрезъ довольное обоихъ ихъ отъ чиновниковъ магистрата и мѣщанъ прошеніе, по прежнему въ скарбовую избу внесены и козачій караулъ изъ магистрата снятъ».

Такъ просто и коротко излагали это дѣло магистратскіе урядники въ своей жалобѣ на войта; но далеко не въ такомъ мирномъ видѣ изображается это «довольное отъ мѣщанъ прошеніе» въ объясненіяхъ войта, которыя онъ давалъ впослѣдствіи. По его словамъ, (и они, кажется, ближе къ истинѣ) вотъ какъ происходило это дѣло. Еще наканунѣ магистратскіе урядники, а больше всего райца Федоръ Ризенко и писарь Яковъ Давыдовскій, намѣренно смущали народъ, внушая, что магистратскимъ крѣпостямъ грозятъ «нѣякійсь вредъ и нарушеніе» и созывая къ магистрату всѣхъ цеховыхъ съ ихъ работниками; чтобы еще болѣе возбудить толпу, бурмистръ и райца усердно раздавали при этомъ горѣлку. 15-го декабря, когда Сычевскій вмѣстѣ съ Туманскимъ прибыли въ магистратъ, то уже застали здѣсь массу народа, толпившагося какъ на улицѣ, такъ и въ самомъ зданіи, при чемъ, по удостовѣренію ихъ, всѣ «имѣли у себя въ пріуготовленіи дубинки и держали подъ полами». Какъ только войтъ приступилъ къ переноскѣ сундуковъ съ крѣпостями изъ скарбовой въ судейскую избу, райца Ѳ. Ризенко отъ имени всѣхъ собравшихся «сталъ сурово и съ крикомъ договаривать Туманскому, что если де крѣпости будутъ переноситься, то отъ народа великое смущеніе послѣдуетъ и до худова случая дойдетъ». Когда же одинъ сундукъ былъ все таки перенесенъ въ судейскую и Туманскій вызвалъ для охраны и поставилъ у входа козачій караулъ, то народъ «началъ избивать козаковъ и съ превеликимъ шумомъ толпиться въ судейскую избу». Никакія убѣжденія со стороны Туманскаго ничего не помогали: народъ бранилъ его, порывался даже бить. Туманскій въ страхѣ сталъ предъ зерцаломъ и во имя императорскаго величества протестовалъ противъ такого насилія предъ находившимися тутъ урядниками; но и этотъ протестъ не произвелъ желаемаго дѣйствія. Тогда Туманскій потребовалъ отъ войта, чтобы онъ вышелъ въ прихожую избу для увѣщанія; но лишь только войтъ переступилъ порогъ и сталъ говорить, какъ сами урядники съ яростію закричали: «мы

тебѣ ни въ чемъ не вѣримъ и сего-жъ часа подаемъ нашъ протестъ въ губернскую канцелярію»; народъ же, увидя войта, съ крикомъ поднялъ на него дубинки и принудилъ его бѣжать въ судейскую. Опасаясь «кровопролитія, а на остатокъ и смертного убивства», войтъ и Туманскій дали знать о происходящемъ караульному офицеру на гауптвахту, прося у него «караульными канонирами обороны». Пришелъ караульный, а съ нимъ еще три офицера, но безъ солдатъ; они стали уговаривать собравшихся разойтись; но тѣ, поднявъ дубинки, всѣ закричали: «ежели вы сюда канонировъ приведете, то мы васъ ни одного не выпустимъ живого». Офицеры «съ немалою опасностію принуждены были ретироваться на свою гауптвахту». Въ виду такихъ обстоятельствъ, переписка и освидѣтельствованіе крѣпостей не могли продолжаться, а потому войтъ, сложивши ихъ по прежнему въ сундукъ, вмѣстѣ съ двумя бурмистрами отнесъ его на прежнее мѣсто. Окружавшая магистратъ толпа кричала: «убъемъ войта, а грамотъ забирать не допустимъ», стоявшіе же въ прихожей и сѣняхъ мѣщане бурмистра и войсковаго канцеляриста, несшихъ сундукъ, при выходѣ ихъ уже изъ скарбовой избы, порядочно «потолкали», а войта и Туманскаго съ крикомъ и бранью не выпускали изъ избы, пока Туманскій не объявилъ во всеуслышаніе, что «освидѣтельствованіе крѣпостей и переписка оныхъ уже оставлены» и производиться больше не будутъ: тогда только народъ «мало утишился, однако при выходѣ войта за полы рвали и осматривали подъ полами крѣпостей, а Туманскаго и по бокамъ подколачивали».

Въ продолженіе всего этого смятенія имя гетмана часто повторялось въ толпѣ въ сопровожденіи бранныхъ, «поносительныхъ» словъ. «Не дижде гетманъ наши животы одъ насъ отбирать», говорили въ толпѣ; а личные враги войта внушали, что «лучше одного войта убить, нежели всего города крѣпости утерять».

Донесши объ этомъ происшествіи гр. Разумовскому и представивъ списокъ зачинщиковъ, Сычевскій заявилъ, что онъ и присутствовать въ магистратѣ теперь боится, и выѣхалъ изъ Кіева на праздникъ Рождества Христова къ тестю своему въ Хороль. Туманскій тоже поспѣшилъ вернуться въ Глуховъ.

Урядники магистратскіе съ своей стороны донесли обо всемъ случившемся гетману, жалуясь ему на дѣйствія войта и Туманскаго.

Получивши всѣ эти донесенія, гр. Разумовскій командировалъ въ Кіевъ генеральнаго войсковаго асаула Скоропадскаго и велѣлъ ему: «забравъ урядниковъ и мѣщанъ, явившихся первѣйшими возмутителями, прислать въ Глуховъ». Скоропадскій прибылъ въ Кіевъ наканунѣ новаго года и немедленно арестовалъ и отправилъ въ Глуховъ множество лицъ, прописанныхъ въ спискѣ Сычевскаго, подъ строжайшимъ карауломъ и многочисленнымъ конвоемъ. Взяты были въ Глуховъ и всѣ подлинныя крѣпости. Магистратскіе урядники подвергнуты были здѣсь не малому униженію, въ концѣ же концовъ гетманъ отрѣшилъ ихъ отъ должностей и предписалъ, чтобы они и «впредъ ни въ какіе по магистрату уряды производимы не были». Крѣпости отданы были тѣмъ же урядникамъ на руки, но не всѣ и, какъ доносилъ объ этомъ впослѣдствіи магистратъ правительствующему сенату, «многое число привилегій королевскихъ и протчихъ удержано».

Получивъ ордеръ объ отрѣшеніи многихъ своихъ членовъ, кіевскій магистратъ, очевидно, глубоко обиженный такимъ къ себѣ отношеніемъ со стороны «вышней малороссійской команды», обратился по этому поводу съ жалобой въ правительствующій сенатъ, ходатайствуя какъ объ отрѣшеніи войта Сычевскаго, такъ и объ освобожденіи его магистрата отъ названной «вышней команды». Но къ этому времени рѣшалась уже безповоротно участь самаго гетманства, а потому и освобожденіе кіевскаго магистрата отъ гетманской власти совершилось въ томъ же году безъ особаго труда.

III.

Отстаивая свои привилегіи, свою свободу отъ общенародныхъ повинностей, кіевское мѣщанство уклонялось подъ часъ и отъ такихъ даже повинностей, которыя по всей справедливости должны были лежать на немъ.

Кому, казалось бы, слѣдовало исправлять дороги въ Кіевѣ, какъ не постояннымъ и кореннымъ жителямъ? И однако-жъ магистратъ ухитрялся и эту работу производить руками козаковъ и ихъ подпомощниковъ. Объ удобствахъ путей сообщенія въ ту пору правда мало заботились, о мостовыхъ же и представленія не имѣли; но была тогда въ Кіевѣ главная дорога, соединявшая Подолъ съ прочими частями города, которая по самому положенію своему, отъ стока водъ,

при усиленномъ движеніи, нерѣдко приходила въ невозможное состояніе и требовала частыхъ и большихъ поправокъ. Это такъ называемый Крещатицкій взвозъ, служившій продолженіемъ Крещатицкой долины и тамъ (кто бы могъ подумать это?), гдѣ нынѣ заведеніе минеральныхъ водъ, спускавшійся до источника Владиміра, а отсюда выходившій на Подолъ. Объ исправленіи этой-то дороги и шло долгое время препирательство между козацкимъ начальствомъ и кіевскимъ магистратомъ, кончившееся для послѣдняго полною неудачею.

Въ 1754 году надъ исправленіемъ крещатицкой дороги, состоявшей въ дачахъ Михайловскаго монастыря, работало не малое время сто одинадцать душъ подпомощниковъ кіевскаго полка. Полковое начальство и тогда уже жаловалось гетману, что такое исправленіе сопряжено съ явною несправедливостію для козаковъ кіевскаго полка, живущихъ тамъ въ маломъ числѣ и въ самыхъ песчаныхъ и найтѣснѣйшихъ мѣстахъ, тогда какъ на сторонѣ магистрата кіевскаго и его подданныхъ огромное многолюдство и никто иной, какъ именно они частыми и ежедневными переѣздами приводятъ крещатицкую дорогу въ невозможное для ѣзды состояніе. Кому-же,—справедливо разсуждало козацкое начальство,—какъ не самому магистрату кіевскому съ его людьми и подданными починять эту дорогу, и просило не привлекать къ тому козаковъ подпомощниковъ, отягощенныхъ, кромѣ указныхъ наряловъ и командировокъ, безпрестанными работами и посылками. Гетманъ уважилъ это ходатайство полковой канцеляріи и обязанность исправлять крещатицкую дорогу возложилъ на кіевскій магистратъ. Не смотря на то, въ 1757 году вице-губернаторъ Костюринъ, по настоянію, какъ можно думать, кіевскаго магистрата, потребовалъ отъ кіевской полковой канцеляріи «выслать потребное число людей кіевскаго полку» для исправленія той-же дороги. Полковая канцелярія, оставивъ это требованіе безъ исполненія, обратилась вновь къ гетману съ просьбой защитить козаковъ отъ повинности, составляющей прямую обязанность магистрата. Гетманъ и на этотъ разъ предписалъ магистрату исправить дорогу собственными средствами, а кіевскому полковнику далъ знать, чтобы онъ впредь «къ починкѣ кіевскихъ тогобочнихъ заднѣпрскихъ дорогъ, въ томъ числѣ и хрещатицкой, отъ кіевскаго полку работниковъ не наряжалъ и не высылалъ».

Это была впрочемъ едва-ли не единственная попытка магистрата свалить свое бремя на чужія плечи, кончившаяся для него полною неудачею; во всѣхъ другихъ подобныхъ своихъ претензіяхъ къ козакамъ или ихъ къ нему онъ торжествовалъ, а иногда доводилъ ихъ до совершеннаго посрамленія.

Была напр. въ Кіевѣ таможня и собирались пошлины, слѣдовавшія въ доходъ малороссійской войсковой казны. Отвозить изъ Кіева въ Глуховъ таможенные сборы лежало издавна на обязанности кіевскихъ козаковъ; кіевское сотенное правленіе стало ходатайствовать, чтобы обязанность эта возложена была на магистратскихъ урядниковъ, выставляя то, что козаки живутъ въ Кіевѣ въ маломъ числѣ, что они во всемъ крайне убогіе, несутъ и безъ того много разнаго рода повинностей, тогда какъ магистратскіе урядники и мѣщане, «во всемъ доволніе и *найлучшой въ Кіевѣ промыслъ содержащіе*, никакихъ общенародныхъ повиниостей не несутъ и живутъ въ домахъ безъ и малѣйшого куда либо ихъ употребленія». Генеральная войсковая канцелярія пробовала было раздѣлить эту повинность между магистратомъ и козаками такъ, чтобы послѣдніе давали отъ себя конвойныхъ, а самая сумма была вручаема одному изъ магистратскихъ урядниковъ или мѣщанъ, для доставленія по принадлежности. Но магистратъ и противъ этого запротестовалъ, выставляя въ свою очередь затруднительность такихъ командировокъ для магистратскихъ урядниковъ и мѣщанъ, которые отягчены постоями, не имѣютъ никакихъ грунтовъ, содержатся лишь съ торгового промыслу, тогда какъ козаки не знаютъ постоевъ, «находятся въ достаточествѣ и имѣютъ доволніе промисли», главнымъ же образомъ ссылаясь на грамоту 1732 года, которою повелѣвалось «магистрата кіевского урядниковъ и мѣщанъ ни въ какія наряды не употреблять».

Генеральная войсковая канцелярія, повторяя свое прежнее предписаніе магистрату, сослалась на «вышнюю команду» гетмана надъ кіевскимъ магистратомъ, по которой магистратъ обязанъ «во всѣхъ его повелѣніяхъ чинить непремѣнное исполненіе»; но магистратъ указалъ ей на то, что въ ея ордерѣ нѣтъ «точнаго повелѣнія самого гетмана»; а когда она обратилась къ гетману, то послѣдній предложилъ полковой канцеляріи «таможенную сумму

принимать и отвозить въ Глуховъ чрезъ козаковъ, а урядниковъ и мѣщанъ кіевскихъ къ тому не употреблять».

Нѣсколько раньше этого кіевскій полковой судъ жаловался на обремененіе его дѣлами о колодникахъ, ему вовсе не подсудныхъ, которыхъ пересылаетъ ему не только кіевская губернская канцелярія, какихъ бы полковъ уроженцами тѣ колодники ни были, но и кіевскій магистратъ, устраняющій себя отъ дѣлъ, ему подсудственныхъ, между тѣмъ какъ для препровожденія всѣхъ такихъ колодниковъ и для ихъ «береженія» употребляются только козаки сотни кіевской. Выступившій съ этою жалобою полковникъ кіевскій Дараганъ просилъ освободить отъ такой несправедливой тягости кіевскихъ козаковъ и возложить ее «на многонародное число подкомандныхъ магистрата кіевскаго, какъ свободныхъ отъ военной службы и указныхъ податей».

Что отвѣчалъ гетманъ полковнику на эту жалобу и на его особое о томъ-же письмо, неизвѣстно; но изъ всѣхъ бывшихъ въ нашихъ рукахъ дѣлъ о колодникахъ не видно, что когда либо магистратъ принималъ участіе въ препровожденіи ихъ въ Козелецъ или Глуховъ. По всему вѣроятію и на этотъ разъ магистратъ выигралъ справу, а козаки остались въ накладѣ.

Но вотъ магистратъ пожелалъ привлечь козаковъ, жившихъ въ городѣ, къ исполненію одной изъ такихъ повинностей, которая по видимому ни какъ не могла ихъ касаться и не только успѣлъ въ этомъ, но, благодаря промаху козачьяго сотника, ловкимъ изворотомъ довелъ его и подкомандныхъ его до публичнаго посрамленія.

Дѣло было еще въ 1748-мъ году. Въ Кіевѣ происходили частые пожары, при чемъ признавалось несомнѣнное присутствіе поджигателей. Кіево-губернская канцелярія предписала магистрату устроить на Подолѣ особые караулы и ночные обходы изъ самихъ жителей. Магистратъ поручилъ тремъ своимъ урядникамъ произвести на Подолѣ перепись дворовъ, какъ собственно магистратскихъ, такъ и другихъ жителей, подъ названіемъ разночинцевъ, и по своему усмотрѣнію назначить изъ всѣхъ жителей десятныхъ, пятидесятныхъ и сотенныхъ досмотрщиковъ для ночнаго караула; отъ каждаго десятаго двора должны были выходить такіе досмотрщики на указанныя мѣста и не только оберегать городъ отъ пожара, но ловить всѣхъ бродящихъ ночью по улицамъ подозрительнихъ людей и доставлять ихъ въ магистратъ

для изслѣдованія. Исполняя это порученіе, магистратскіе урядники зашли въ домъ священника Ильинской церкви Ѳедора Гудима, гдѣ въ числѣ другихъ гостей застали и роднаго его брата—козачьяго сотника Павла Гудима. Послѣдовало угощеніе, а за тѣмъ разговоръ по поводу дѣла. Въ разговорѣ урядники, обращаясь къ сотнику, между прочимъ, сказали: «треба надѣятись и васъ, мосци пане сотникъ, записать». Сотника это взорвало и онъ обругалъ урядниковъ и ихъ начальство непристойными словами, при чемъ о самой магистратской инструкціи выразился непочтительно и образно, сопровождая слова свои неприличнымъ дѣйствіемъ. Урядники доложили обо всемъ магистрату, а магистратъ далъ дѣлу оборотъ, какого конечно не ждалъ сотникъ. Инструкція была дана по распоряженію кіево-губернской канцеляріи, а кіево-губернская канцелярія распорядилась на основаніи высочайшаго указа. Возникало такимъ образомъ дѣло, близкое къ страшному въ то время *слову* и *дѣлу*, касавшееся чести высочайшей.

Чрезъ три дня сотника уже допрашивали секретно въ кіево-губернской канцеляріи въ присутствіи генералъ-губернатора Леонтьева, при чемъ онъ показалъ, что »когда де пьяные мѣщане, заставши его въ гостяхъ у брата, сказали, что и его, сотника, надо записать въ число съ прочими для городовой стражи, то онъ дѣйствительно на нихъ разсердился и войта и бурмистра избранилъ, но дѣйствій описанныхъ въ протестѣ, не производилъ и словъ, помѣщенныхъ тамъ не произносилъ, сказалъ же только, что магистратскія инструкціи никуда не годятся, развѣ де иное что ими подтереть».

Въ тотъ же день были допрошены и всѣ свидѣтели произшедшей ссоры, которые согласно подтвердили показаніе сотника. Доносъ и всѣ «допросныя рѣчи» немедленно отправлены были въ Тайную розыскныхъ дѣлъ Канцелярію, самъ же сотникъ былъ арестованъ на гауптвахтѣ, а доносители заключены въ крѣпость. Отвѣтъ страшной канцеляріи послѣдовалъ довольно скоро и заключался въ слѣдующемъ: «хотя сотникъ Гудимъ точно въ произнесеніи имъ непристойныхъ словъ и не винился, такожъ и свидѣтели о томъ на него точно-жъ не показали; но какъ онъ сотникъ говорилъ другія слова, которыя, по разсмотрѣнію тайной канцеляріи, въ той-же силѣ состоятъ, какъ оные протестатели показали, для того, дабы впредь отъ произношенія таковыхъ и тому подобныхъ

словъ имѣлъ воздержаніе, учинить ему наказаніе—*бить батогами*, и по учиненіи того наказанія его, сотника, изъ-подъ караула свободить».

Объ исполненіи этого наказанія увѣдомленъ былъ и магистратъ 7-го января 1749-го года. Мѣщанство, конечно, злорадствовало, а битый батогами сотникъ, какъ увидимъ далѣе, съ большимъ еще ожесточеніемъ повелъ борьбу противъ магистрата по другимъ дѣламъ. Но полученный имъ по поводу ночныхъ карауловъ урокъ былъ долгое время въ памяти у всѣхъ, и когда въ 1766 г. начались снова пожары, а по поводу ихъ общіе караулы, и магистратъ также занесъ жалобу на ослушаніе въ семъ дѣлѣ разночинцевъ, а особливо козаковъ, то кіево-губернская канцелярія просто предписала капитану Гребенкину *понудить* къ тому ихъ всѣхъ безъ всякихъ отговорокъ, и мы не видимъ уже никакого протеста со стороны кіевской козачей сотни.

Пытался магистратъ привлечь козаковъ и къ отбыванію постойной повинности, но только тѣхъ, которые, не входя въ составъ кіевской сотни, пріобрѣтали въ городѣ мѣщанскіе дворы. Магистратъ полагалъ, что не *званіе* козацкое освобождаетъ живущаго въ Кіевѣ козака отъ постоевъ, а дѣйствительная козацкая служба, отправляемая лицами, отъ предковъ имѣющими свои козацкіе грунты.

Въ 60-хъ годахъ жилъ въ Кіевѣ своимъ домомъ войсковой канцелярист Михаилъ Леонтоновичъ. Числился онъ на службѣ въ пограничной кіевскаго воеводства коммисіи и какъ дѣла тамъ было мало, то на досугѣ занимался адвокатурою по дѣламъ разныхъ лицъ въ кіевскомъ магистратѣ. Однажды онъ обругалъ здѣсь «матерно» войта Пивоварова, называя его плутомъ и другими непотребными словами; въ другой разъ войтъ въ свою очередь оборвалъ на немъ саблю и посадилъ его подъ караулъ, а за тѣмъ сталъ донимать его постоями. Въ 1767 г. Леонтовичъ пожаловался малороссійской коллегіи; но когда коллегія отнеслась въ кіево-губернскую канцелярію, прося только войти въ разсмотрѣніе этого дѣла, то послѣдняя отвѣтила ей ссылкою на недавній указъ сената, которымъ требовалось отъ нея «ни во что до нихъ (магистратскихъ дѣлъ) не вступаться».

Смущало наконецъ магистратъ и то, что его власти не признаютъ, ни чести ему не отдаютъ какъ тѣ люди козацкаго званія, ко-

торые, пріобрѣтая мѣщанскіе грунта въ Кіевѣ, становились чрезъ это подъ его юрисдикцію, такъ особенно такъ называемые «нововписные козаки» изъ кіевскихъ мѣщанъ и тѣ пріѣзжіе козаки, съ которыми магистрату приходилось имѣть дѣло при исполненіи имъ на Подолѣ своихъ полицейскихъ обязанностей, а такихъ временно проживавшихъ въ Кіевѣ козаковъ было всегда не мало. Изъ числа послѣднихъ магистратъ арестовалъ въ 1760 г. и представилъ на судъ въ кіево-губернскую канцелярію нѣкоего козака Мамая, но винилъ его не за покупку у кіевскихъ мѣщанъ контрабаднаго пороху, а просто за его пренебреженіе къ магистратской полиціи и ея требованіямъ,—за то, что въ квартирѣ своей «днемъ и ночью изъ ружья стрѣлялъ» и что «съ начала прибытія своего въ Кіевъ, равно и по женитьбѣ, *въ кіевскій магистратъ не являлся*». Словомъ: магистратъ не упускалъ случая, чтобы чѣмъ-либо не донять ненавистныхъ ему козаковъ, не выместить на нихъ свою давнюю вражду и злобу. Козаки платили ему тѣмъ же и внутренняя смута росла и не прерывалась.

IV.

При обострявшихся по разнымъ поводамъ и становившихся болѣе и болѣе враждебными отношеніяхъ между кіевскими мѣщанами и козаками, переходы отдѣльныхъ лицъ изъ одного сословія въ другое служили новымъ поводомъ къ спорамъ и смутамъ между ними. Переходы изъ козаковъ въ мѣщане были очень рѣдки, но за то переходы изъ мѣщанъ въ козаки составляли едва ли не постоянное явленіе, и побужденій къ нимъ было не мало. Козачее званіе по традиціи сохраняло еще за собою нѣкоторое обаяніе и вообще считалось почетнѣе мѣщанскаго. Было ли оно выгоднѣе въ матеріальномъ отношеніи, сказать трудно; на недостатки матеріальные, на тяготу жизни одинаково жаловались и козаки, и мѣщане. Но мѣщанину надо было знать какое нибудь ремесло, вести промысла или имѣть грунтъ; отъ козака ничего этого не требовалось, ему нужны были только сабля и мушкетъ, иному еще конь и сбруя да и служба козачья была тогда уже чисто гарнизонною и состоялъ въ посылкахъ, конвояхъ и караулахъ. Было и еще одно преимущество на сторонѣ козачества: мѣщане не могли торговать водкою, это составляло монополію ратуши, а козаки, какъ ни оспаривали

и не отмѣняли ихъ право на это, шинковали если не явно, то тайно. Многое условливалось въ переходахъ изъ мѣщанъ въ козаки личными, иногда чисто случайными обстоятельствами. Кіевское козацкое начальство, имѣя надобность пополнять ряды своей сотни, не только покровительствовало такимъ переходамъ, но даже само разными способами привлекало въ свою среду кіевскихъ мѣщанъ и магистратскихъ служителей, а это вызывало вражду и протесты магистрата, для котораго, при сложившихся уже враждебныхъ отношеніяхъ его къ козачеству, всякій перешедшій въ ряды послѣдняго былъ его врагомъ и лишнимъ корчемникомъ.

На привлеченіе кіевскихъ мѣщанъ въ козачество жаловался еще въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія, въ 1707 году, войтъ Димитрій Полоцкій, заявляя, что сотникъ кіевскій наказной Трофимъ Климовичъ «безъ всякого опасенія, по своей волѣ, мѣщанъ кіевскихъ и музикъ, отначала майстратови прислушаючихъ, зъ подъ юрисдикціи ратушной отриваючи, поворочаетъ оныхъ до компуту козацкого и позволяетъ имъ всякіе медовіе, пивніе, а потаемне и горѣлчаніе отправляти шинки». По этому поводу пріѣзжали въ Кіевъ отъ войсковой генеральной канцеляріи асаулъ енералній Иванъ Ломѣковскій и писарь судовъ енералнихъ Семенъ Савичъ и производили слѣдствіе, согласно представленному войтомъ реестру,— «кто именно и отъ якого часу, съ подъ мѣского права, за побудкою пана сотника, отщепившися, удался до услуги войсковой». Послѣ обстоятельнаго изслѣдованія судъ, признавъ справедливою жалобу войта, рѣшилъ, что за исключеніемъ лишь трехъ лицъ, всѣ остальные, поименованные въ войтовскомъ реестрѣ, люди и музыканты безправно отняты отъ ратуши, а потому онъ ихъ «знову пану войтови и всему магистрату кіевскому подъ ихъ властную юрисдикцію мѣскую присужаетъ, приворочаетъ и въ належитое прежное послушенство подаетъ». Постановленіемъ того же суда предписывалось, чтобы козаки сотни кіевской, жившіе на грунтахъ мѣщанскихъ, вносили «належную до ратуши куницю, если тая здавна передъ симъ зъ тихъ грунтовъ была отбирана повинность, и теперъ всѣ, що до кого доведется, безъ жадной змаги отдавали».

Къ этому приговору приложенъ и именной списокъ всѣхъ кіевскихъ козаковъ, а въ концѣ его написано такъ: «Панъ сотникъ кіевскій не повиненъ жадныхъ людей болшъ въ козацтво пріймати,

толко сихъ, якъ въ семъ реестри есть, такъ конныхъ, пѣшихъ и вдовъ; то, по росказаню волею ясневелможного добродѣя, обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана, Іоанна Илича Скоропадского, приказую. Войска запорожского хоружій енералный Иванъ Сулима».

Вопроса о порядкѣ пополненія козачьяго сословія ни судъ, ни гетманъ не коснулись, вопросъ же этотъ стоялъ въ то время весьма неопредѣленно и не мало заботилъ какъ мѣстную козацкую администрацію, такъ и высшее правительство.

Указомъ Петра Великаго 1723 г. предписывалось опредѣлять въ козаки «точію такихъ людей, коихъ дѣды и отцы и сами прежде были козаками»; указъ же императрицы Анны Іоанновны 1739 г. давалъ возможность записываться въ козаки и всѣмъ тѣмъ, кто владѣлъ козачьими грунтами, между тѣмъ какъ такое владѣніе лицамъ, не принадлежащимъ къ козачьему сословію, воспрещалось статутовымъ правомъ. Возникало потому такое толкованіе этого права, что де самое пріобрѣтеніе козачей земли обязываетъ къ козачей службѣ и дѣлаетъ владѣльца козакомъ; но оно не было узаконено и составляло вопросъ, требовавшій разрѣшенія.

Въ 1749 году кіевская полковая канцелярія, обращаясь къ генеральной войсковой канцеляріи за разрѣшеніемъ вопроса о томъ, «опредѣлять ли въ козаки тѣхъ посполитыхъ, которые на козачихъ грунтахъ живутъ и ради того резону въ козаки просятся», и если это не возможно, то какъ поступать съ тѣми грунтами, которые они пріобрѣли отъ козаковъ покупкою и другими способами. И надо думать, что эти вопросы возбуждались не въ одномъ лишь кіевскомъ полку. Рѣшенія ихъ намъ не удалось найти; но изъ производившихся послѣ сего дѣлъ о переходѣ посполитыхъ и мѣщанъ въ козачество нельзя не видѣть, что пріобрѣтеніе козачьихъ грунтовъ, не смотря на запрещеніе Статута, служило всегдашнимъ, найболѣе естественнымъ и благовиднымъ путемъ и поводомъ для такихъ переходовъ. Бывали случаи перехода въ козаки по обстоятельствамъ случайнымъ и побужденіямъ нечистымъ. Изъ одной жалобы магистрата, поданной въ кіевскую губернскую канцелярію въ августѣ 1753 г., видно, что приняты были въ козаки лица, которыя «къ укрытію своихъ винностей, по которымъ взошли на нихъ въ магистратъ прошенія, съ подъ видѣнія кіевского магистрата въ козацтво удались». Да и вообще, по заявленію магистрата,

къ такому переходу прибѣгали люди «непостоянные» и лѣнивые, искавшіе «легкаго, непостоянству ихъ удобнаго промисла, чтобъ шинковать горѣлкою». Но что не одни такіе элементы изъ мѣщанъ стремились въ козаки, лучшимъ примѣромъ можетъ служить самъ того времени сотникъ кіевскій Павелъ Гудимъ, который былъ сынъ мѣщанина и служилъ прежде при магистратѣ. Нѣсколько странными и неясными представляются побужденія къ *насильственному* привлеченію въ козачество; а между тѣмъ нельзя и не повѣрить искренности жалобъ на это со стороны самихъ потерпѣвшихъ. Чрезвычайно любопытна и характерна попытка кіевскихъ козаковъ привлечь въ свою среду кіевскаго жителя Максима Горбаненка. Жена послѣдняго была по первому мужу козачка и желала, чтобы и второй мужъ ея былъ также козакомъ; но какъ мужъ этому противился, то она задумала устроить это вопреки его волѣ, съ помощію знакомыхъ ей козаковъ, и сама приняла въ этомъ участіе. 6-го августа 1753 г., въ день Преображенія Господня, козакъ сотни кіевской Ѳедоръ Покидко пригласилъ Горбаненка съ женою къ себѣ въ гости «на учту» и, подпоивши, сталъ подговаривать его записаться въ козаки.

— Можно бъ и вписаться, якъ бы похотѣли; толко мой отецъ не былъ козакомъ, то и меня не примуть,—отвѣчалъ на это Горбаненко, лишь бы поддержать разговоръ.

— Хто ни пожелаетъ, въ насъ примутъ, увѣрялъ Покидко и продолжалъ усердствовать въ угощеніи пріятеля, а напоивши до пьяна, водилъ его съ собою, «невѣдомо гдѣ».

Тотъ же настойчивый подговоръ повторился и 9-го августа: Покидко, «почтуя, все намовлялъ, *залецая способнѣйше жить въ козацкомъ званіи*», а въ заключеніе привелъ Горбаненка, совершенно пьянаго, въ козацкую судовню. Бывшіе тутъ козаки записали его въ реестръ и повели къ присягѣ; Горбаненко, «опамятовавшись, отговаривался по тверезу прити» и постарался убѣжать домой, а затѣмъ, опасаясь, чтобы козаки не взяли его изъ дому насильно, босой удралъ на берегъ Днѣпра. Покидко однако не хотѣлъ упустить его изъ рукъ и, въ сопровожденіи жены бѣглеца и другихъ трехъ козаковъ, разыскалъ его на берегу и потащилъ въ судовню. Но Горбаненко опять вырвался, убѣжалъ и скрывался отъ преслѣдованій двое сутокъ, а 11 августа

подалъ жалобу въ магистратъ, заканчивавшуюся такими словами: «яко я нижайшій не козачой сынъ и намѣренія таковаго не имѣлъ и не имѣю, а желаю жить подъ правомъ майдебурскимъ въ юриздицкіи мѣской, въ томъ высокопочтенного магистрата кіевского прошу о таковомъ самоволномъ нахалническомъ козаческомъ дѣйствіи, въ пресѣченіе того, гдѣ надлежитъ, представить».

Другой кіево-подольскій житель «кравецкого цеху» Андрей Борсукъ, въ прошеніи своемъ на высочайшее имя, жаловался на асаула Григорія Голика. писаря Григорія Богословскаго и еще двухъ козаковъ, что они, напоивши его пьянымъ, насильно привели въ церковь и поставили къ присягѣ на службу козацкую. Заявляя, что по слабости здоровья «воинско служить крайне не можетъ», онъ проситъ «отъ козацкой статьи увольнить», чтобъ быть ему въ вѣдомствѣ магистрата, «въ цеху кравецкомъ по прежнему».

Въ 1767 и 68 гг. магистратъ жаловался генералъ-губернатору Воейкову на сотника Павла Гудима и сына его Михаила, за то, что они, вопреки ордеру малороссійской коллегіи, и не думали возвращать въ вѣдомство магистрата незаконно принятыхъ ими въ козаки кіевскихъ жителей. Малороссійская коллегія, по представленію Воейкова, назначила по этому поводу особое разслѣдованіе. Оказалось вновь вписанныхъ въ козаки 16 человѣкъ.

Объ одномъ впрочемъ изъ этихъ лицъ, объ Антонѣ Дмитрюкѣ, кіевское сотенное правленіе заявило, «что де онъ издавна по предкамъ его козакъ и хоружого сотеннаго сынъ и въ ревизіи 764 года точно между козаками въ Кіево-Подолѣ записанъ; но, убѣгая нынѣ козачей службы, отдался подъ вѣдомство магистрата кіевскаго и тѣмъ отъ опредѣленной ему почтальонской должности закрылся». Самъ же Дмитрюкъ заявлялъ, что онъ, принадлежа съ малолѣтства къ мѣщанству и состоя въ кравецкомъ цеху, «хотя между кіевскими козаками чрезъ нѣкоторое время по маловажнымъ услугамъ *козачо и послужилъ*, однакъ въ компутъ козачій не уписанъ и на должность козачую къ присягѣ нигдѣ не приводимъ и ни въ какихъ казенныхъ щетахъ и комисарствахъ не бывалъ и ничимъ по сотенной канцеляріи по козачеству не обовязанъ».

Отстаивая этого Дмитрюка, магистратъ въ репортѣ своемъ Воейкову уже въ концѣ 1771 г. напоминалъ, что де и до сего времени не выполненъ козацкимъ начальствомъ указъ правитель-

ствующаго сената 1760 года, которымъ предписывалось не только «записанныхъ кіевскимъ сотникомъ въ козаки мѣщанъ и слугъ магистратскихъ, немедленно изъ козаковъ выключа, магистрату возвратить», но и всѣхъ козаковъ, «для пресѣченія происходимыхъ у нихъ изъ кіевскимъ магистратомъ и мѣщанами всегдашнихъ, по разнымъ причинамъ, безконечныхъ ссоръ, дракъ и тяжбъ, а оттого чинимыхъ правительствующему сенату и другимъ командамъ не малыхъ жалобами докукъ и затрудненій, изъ Кіева вывесть въ другое малороссійское свободное мѣсто».

Такого рода крайняя мѣра, мысль о которой впервые, впрочемъ, подана была самой же «вышней малороссійской командой», представлялась теперь магистрату единственнымъ средствомъ избавиться отъ безконечныхъ ссоръ съ мѣстными козаками. Поводовъ для этихъ ссоръ, какъ мы видѣли, находилось всегда много; но главнѣйшій между ними, самое основное яблоко раздора, былъ «горѣлчаній шинкъ», т. е. право розничной продажи вина. Къ столкновеніямъ изъ-за этой продажи, рисующимъ найболѣе ярко характеръ сложившихся отношеній между кіевскимъ мѣщанствомъ и козачествомъ, мы и перейдемъ теперь.

V.

Продажа хлѣбнаго вина «роспивочно и на выносъ» въ особыхъ «шинковыхъ домахъ» въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ издавна составляла привиллегію кіевскаго магистрата, много разъ подтвержденную королевскими и гетманскими универсалами, а затѣмъ и высочайшими грамотами [1]). За пользованіе этою привиллегіею магистратъ уплачивалъ въ казну ежегодно 600 рублей и, кромѣ того, обязывался давать поводы для лицъ проѣзжавшихъ, такъ сказать, по казенной надобности, а также принимать и довольствовать всѣмъ необходимымъ проѣзжавшихъ чрезъ городъ чужеземныхъ пословъ.

---

[1]) Привиллегія эта распространялась лишь на нижній городъ Кіево-Подолъ. Въ другихъ частяхъ города существовали казенные кабаки, которые находились въ завѣдываніи особыхъ надзирателей и цаловальниковъ. Казенные кабаки имѣли своихъ „вредителей“ въ лицѣ отставныхъ солдатъ и солдатскихъ женъ, занимавшихся корчемствомъ. Казенная продажа, какъ видно, шла плохо. Въ 70-тыхъ годахъ всѣ кабаки были на откупу и къ этимъ годамъ относится не мало дѣлъ, свидѣтельствующихъ о борьбѣ уже откупа съ корчемствомъ.

Но привиллегія эта порождала ожесточенную борьбу мѣщанства съ козаками, проживавшими въ городѣ, и съ кіевскими монастырями, такъ какъ и тѣ и другіе, имѣя вообще право куренія вина и продажи онаго, желали пользоваться онымъ и здѣсь и вопреки запрещеніямъ явно и тайно шинковали и въ чертѣ Кіево-Подола. Намъ пришлось пересмотрѣть огромную массу дѣлъ о корчемствѣ за 40 лѣтъ прошлаго вѣка, съ 1729 по 1770-й годъ. Изъ этихъ то дѣлъ мы и извлекаемъ сообщаемыя ниже свѣдѣнія.

Еще въ 1729 году кіевскій магистратъ выигралъ дѣло съ козаками въ генеральномъ войсковомъ судѣ, который обязалъ подписками кіевскаго сотника Еремѣя Жилу «зъ отаманомъ и товариствомъ», чтобы они шинковъ не держали и въ домахъ своихъ водки бы никому не продавали. Тѣмъ не менѣе «продерзостніе козаки» продолжали корчемствовать, подрывая интересы магистрата и кіевскихъ мѣщанъ и возбуждая въ этихъ послѣднихъ постоянное противъ себя озлобленіе. Получивъ право производить обыски, «выемки» корчемнаго вина, при содѣйствіи гарнизонныхъ солдатъ, содержавшихъ караулъ на Подолѣ, мѣщане очень часто накрывали противозаконную продажу водки въ козачьихъ домахъ и ни одна почти такая «выемка» не обходилась безъ обоюдной драки.

Въ 1743 году, 8 генваря, производили обыскъ въ козачьихъ домахъ лавникъ Федоръ Малченко съ тремя урядниками и магистратскими слугами и арестовали козака Шпака, захвативъ и найденную у него водку. Сосѣди козаки, узнавши объ этомъ, въ числѣ 20 человѣкъ напали на «магистратовыхъ», отняли у нихъ арестованное вино и, разбивъ посуду, розлили его на землю, а урядника Бурменка, «упхнувъ въ дворъ, съ ногъ збывъ, безъ всякой пощады дубинами и оглоблями били и изувѣчили, голову въ разныхъ мѣстехъ смертными разы проломили». Избили и лавника Малченка «дручьемъ и саблями».

Объ этомъ происшествіи магистратъ подалъ «протестъ» генералъ губернатору Леонтьеву, по приказанію котораго и былъ произведенъ осмотръ побитыхъ. Войтъ Павелъ Войничъ жаловался при этомъ, что при происшедшемъ со стороны козаковъ нападеніи они похвалялись, что «и войта, и бурмистровъ, и райцовъ бить будутъ до смерти, по силѣ будто сотникомъ ихъ Еремѣемъ Жилою и сыномъ его Петромъ привезеннаго указа». Къ слѣдствію, назначен-

ному генералъ-губернаторомъ, привлечены были и сотникъ Петръ Жила и его отецъ, въ качествѣ отвѣтчиковъ. На допросѣ въ кіевской губернской канцеляріи сотникъ говорилъ, что отнюдь не знаетъ такихъ жалованныхъ грамотъ, которыя бы запрещали козакамъ шинкованье въ Кіевѣ, предоставляя это одному лишь магистрату. Указавъ на существованіе шинковъ монастырскихъ, онъ выразилъ удивленіе, «чего ради у кіевскихъ козаковъ ратуша кіевская таковую вольность отъемлетъ, и ссылаясь на высочайшіе указы 1721, 1728 и другихъ годовъ, прибавилъ: «а чтобы изъ той вольности одни только жительствующіе въ Кіевѣ козаки выключены были, о томъ въ оныхъ указахъ не написано». Когда же магистратскій повѣренный доказалъ отвѣтчику, что онъ *не могъ не знать* указовъ, запрещавшихъ «шинковать горѣлкою», тогда Петръ Жила сталъ настаивать на незаконности производимыхъ магистратомъ выемокъ, такъ какъ де «такого обыкновенія, чтобъ суперникомъ за сорою, приходя въ чужіе домы, позволено было за свой интересъ грабить имѣнія, нигдѣ не находится и ни въ которыхъ правахъ того не сыщется». О самомъ происшествіи 8-го генваря сотникъ и его сынъ отозвались невѣдѣніемъ, по объясненію же повѣреннаго обвиняемыхъ козаковъ козаки не нападали на магистратскихъ служителей, а только отъ нихъ оборонялись.

Такъ какъ между челобитчиками и отвѣтчиками возникалъ споръ о самомъ правѣ на шинковую привиллегію и вытекавшее изъ нея право «выемокъ», то дѣло перешло въ высшія инстанціи. 24 октября 1743 г. послѣдовала по этому поводу на имя кіевскаго войта со всѣмъ магистратомъ высочайшая грамота, а 31 октября и особый указъ правительствующаго сената, еще разъ подтверждавшіе названную привиллегію магистрата. Три дня били въ Кіевѣ въ барабаны, три дня во всенародное извѣстіе публиковали, «дабы никто, какъ духовнаго, такъ и мірского чина люди, внѣ и внутрь города Кіева, никакими напитками отнюдь не шинковали, подъ написаннымъ въ грамотахъ штрафомъ», т. е. «забираніемъ всѣхъ напитковъ и взятьемъ денежного штрафа на магистратъ ста рублей».

Но и строжайшія запрещенія не останавливали корчемства козаковъ, борьба съ которымъ велась съ прежнимъ ожесточеніемъ. Дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ и побояхъ, возникавшія во множествѣ

по поводу «выемокъ» между мѣщанами и козаками, большею частію оканчивались ничѣмъ, такъ какъ драки были взаимныя. Возникали эти дѣла по жалобамъ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ.

Въ генварѣ 1748 г. магистратъ жаловался генералъ-губернатору, что сотникъ кіевскій и всѣ козаки «пивомъ, медомъ и горѣлкою безъ всякаго опасенія, не точію въ своихъ дворахъ. гдѣ сами живутъ, шинкуютъ, но еще для такого жъ шинкованя разными пронырними способы въ людей покупаютъ и иными образы набываютъ дворы и въ тѣхъ разные напитки и горѣлку продаютъ». А чрезъ нѣсколько дней онъ-же доносилъ, что когда во время ночнаго «обичайного магистратового обхода» мѣщане зашли въ шинокъ сотника Павла Гудима, то самъ сотникъ съ атаманомъ и множествомъ козаковъ напали на нихъ и «били полусмертнымъ боемъ», при чемъ уряднику Иванову «въ двохъ мѣсцяхъ голову пробили». Въ виду такихъ насилій со стороны козаковъ, магистратъ просилъ на случай выемки въ козачихъ шинкахъ предоставить ему въ помощь болѣе значительную команду солдатъ. Генералъ-губернаторъ удовлетворилъ просьбу магистрата. Но сотникъ Гудимъ не разъ оказывалъ сопротивленіе и солдатской командѣ, не допуская къ освидѣтельствованію своихъ амбаровъ. Теперь однако такое освидѣтельствованіе состоялось, и капитанъ Поповъ нашелъ у него 50 куфъ горѣлки, назначенной къ продажѣ въ раздробъ.

Въ апрѣлѣ того же 1748 года поступила жалоба со стороны козаковъ. Городовой атаманъ кіевской сотни Лукьянъ Круглякъ заявилъ кіево-губернской канцеляріи, что магистратскій потыжникъ Иванъ Кадрина, напавъ на него съ многолюдствомъ, избилъ его до полусмерти.

Дѣло было 25 апрѣля, въ высокоторжественный день коронаціи. По словамъ Кругляка, магистратскіе до самой ночи ходили по козачимъ домамъ для выемки горѣлки, производя при этомъ «наглые нападенія, гвалты, побои и немалые раззореніи». Видя это, онъ-же, «безъ всякой ссоры, но пріятнымъ будто-бы образомъ говорилъ имъ, дабы они для толь высокоторжественнаго дня на козачьи домы нападеній и раззореній не чинили, но, по вѣрноподданнической должности, себѣ и козакамъ дали спокойное торжествованіе». Но тутъ бывшій при Круглякѣ солдатъ, «не говоря никакихъ рѣчей, но чаятельно по вѣрноприсяжной своей должности, ревнуя толикому вы-

сокоторжественному дню, ударилъ потыжника одинажды рукою по щекѣ». Потыжникъ послалъ тогда къ ратушѣ за людьми, которые, прибѣжавъ, напали на Кругляка и насѣвъ на него, били нещадно; затѣмъ и жену его, бросившуюся было къ нему на помощь, тоже избили и изувѣчили.

Такъ изложилъ дѣло Круглякъ. Совсѣмъ иначе разсказывалъ объ немъ Кадрина. По его словамъ, никакого нападенія на атамана сдѣлано имъ не было и никакихъ побоевъ и обидъ ему не нанесено; на оборотъ, когда онъ Кадрина возвращался съ магистратскими слугами съ урочища «Черная», куда по обязанности дневальнаго отправлялся для разнятія драки мужиковъ съ солдатами, то на нихъ напалъ козачій атаманъ съ козаками, бранилъ ихъ «матерно» и бросилъ въ нихъ дубиною. Понятно, что ни та, ни другая сторона дѣйствительной правды не говорила и въ ихъ жалобахъ и объясненіяхъ вѣрно лишь то, что одна другой задали крѣпкую потасовку, большую-жъ потасовку потерпѣла та, которая приносила жалобу.

Такія потасовки происходили постоянно изъ году въ годъ. Въ 1751 году кіево-губернская канцелярія доносила сенату, что, не смотря на всѣ запрещенія, какъ сотникъ Гудимъ, такъ и козаки продолжаютъ корчемствовать, почему и происходятъ постоянныя драки, «а впредь и того опасно, дабы при таковыхъ оного вина выемкахъ и приключаемыхъ за то не малыхъ дракахъ и смертного убивства послѣдовать не могло». По этому поводу сенатъ далъ новый указъ, подтверждавшій вышеприведенный указъ 1743 г. и заканчивавшійся угрозою: «ежели кто и за симъ подтвержденіемъ и запрещеніемъ будетъ виномъ шинковать, того штрафовать». Но эта угроза практическаго значенія не имѣла: вслѣдъ за ея опубликованіемъ магистратъ вновь представилъ генералъ-губернатору списокъ козаковъ-корчемниковъ, но дѣло ограничилось запросомъ къ гетману: «куда и къ кому нынѣ и впредь кіевскихъ сотника Гудима и козаковъ къ оштрафованію отправлять».

Достойно само по себѣ вниманія то, что уличенныхъ въ корчемствѣ кіевскихъ козаковъ отправляли на судъ въ ихъ-же полковую канцелярію, которая всегда готова была ихъ оправдать и защитить. Еще болѣе любопытны дававшіяся въ ней объясненія козаковъ-корчемниковъ. Одинъ напримѣръ просто вралъ, заявляя, что,

будучи сторожемъ въ козацкой судовнѣ, онъ продавалъ только пиво и медъ, горѣлки же не продавалъ, «но толко для потчиванія козакоаъ по бутылкѣ той горѣлки отъ атамана Кругляка принималъ и тѣмъ козакамъ, когда кто придетъ, поднашивялъ»; другой, ни сколько не отрицая имѣвшихся противъ него уликъ въ корчемствѣ, настойчиво утверждалъ, что какъ прежде, такъ и теперь, не только онъ, но и другіе «кіевскіе козаки занимаются продажей горѣлки въ шинкахъ, а это для того, что они, козаки, никакихъ маетностей и вотчинъ и хуторовъ у себе не имѣютъ и ни откуду никакова жалованья и порцеи и рацеи не получаютъ, а всякіе полковые наряды и походы и въ разные мѣста въ посылки всечасто на собственныхъ своихъ со всѣмъ прибором лошадяхъ употребляются и пропитаніе свое имѣютъ изъ собственного-жъ своего иждивенія, *получаемого толко отъ показанной продажной горѣлки*».

Несомнѣнно, что ограниченіе права продажи водки для козаковъ, живших въ Кіевѣ, представлялось несправедливымъ и высшему козацкому начальству и что оно сочувственно относилось къ оправданіямъ приведеннаго характера. Самъ гетманъ, въ томъ-же 1751 году октября 30, а затѣмъ въ слѣдующемъ году генваря 4-го представленіями своими на высочайшее имя ходатайствовалъ «о позволеніи кіевскому сотнику и козакамъ вольнаго шинкованія въ домѣхъ своихъ въ нижнемъ городѣ Кіевѣ, какъ и всѣ прочіе малороссійскіе козаки издревле, по силѣ пожалованныхъ имъ правъ и вольностей, тѣмъ пользуются». Въ подкрѣпленіе своего ходатайства онъ, то приравнивая исключительное право кіевскаго магистрата на продажу водки къ обыкновенной арендѣ, удостовѣряетъ, что кіевскіе козаки «несумнѣнно стали бы больше магистратского, т. е. шестисотъ рублевъ, платить въ казну, ежели бы, отказавъ въ томъ магистрату, дозволить имъ, козакамъ, содержать всѣ шинки, которые онъ содержитъ», то указывая на бѣдственное положеніе кіевскихъ козаковъ, заявляетъ, что при запрещеніи имъ шинковаго промысла они вынуждены будутъ выселиться изъ Кіева, а въ заключеніе жалуется на оказываемую магистрату поддержку со стороны кіевской губернской канцеляріи и проситъ, чтобы впредь уличенные въ корчемствѣ козаки отправляемы были «въ свою команду», т. е. въ генеральную войсковую канцелярію.

По поводу этихъ представленій именнымъ высочайшимъ указомъ на имя гетмана, отъ 26-го февраля 1752 года, еще разъ подтверждалось запрещеніе козакамъ шинковать въ Кіевѣ; а чтобы магистратъ, при выемкахъ корчемнаго вина, не приключалъ козакамъ обидъ и раззореній, генералъ-губернатору Леонтьеву предписываось наблюдать, чтобы въ такихъ случаяхъ магистратъ непремѣнно приглашалъ бы и отъ сотника кіевскаго «по одной сотенной старшинѣ и пристойное число нарочитыхъ козаковъ»; пойманныхъ же въ корчемствѣ повелѣвалось, по изслѣдованіи дѣла, отсылать «для нлдлежащаго наказанія» въ Глуховъ къ гетману. Въ томъ же указѣ въ отвѣтъ на соображенія гетмана высказано было между прочимъ слѣдующее: «вамъ неизвѣстно быть не можетъ, что магистратъ кіевскій за оные шинки и за протчіе свои промыслы, сборы и вольности не одну платитъ сію шестисот-рублевую сумму, но такое малое число за все берется съ него въ разсужденіи другихъ тягостей, которыя на него положены и онъ обязанъ нести, а именно: долженъ онъ проѣзжающихъ чрезъ Кіевъ изъ-за границы и за границу чужестранныхъ пословъ и другихъ чиновъ всѣмъ довольствовать и многое число давать подводъ, строити городъ и исправлять случающіеся потребности съ великимъ иждивеніемъ, одинъ безъ помощи въ томъ козаковъ, въ Кіевѣ живущихъ; чаятельно, что за сіи службы и пожалованъ сей магистратъ подтвержденіемъ такой особливой привиллегіи. Ради сихъ разныхъ, но при томъ основательныхъ резоновъ мы всемилостивѣйше и соизволили по сему дѣлу отправить къ вамъ нашу грамоту отъ 7-го октября прошлаго 1751 года. А понеже вы, нашъ гетманъ, всеподданнѣйше намъ представляете въ пользу кіевскихъ козаковъ, что онымъ, не имѣя у себя грунтовъ и другихъ промысловъ, безъ позволенія шинковать виномъ, пробавиться не можно и службы нашей они отправлять не въ состояніи, развѣ ихъ совсѣмъ изъ Кіева вывесть, того ради единственно пріемлемъ въ разсужденіе ваши представленія; токмо напредъ потребно вѣдать, сколько именно козаковъ въ самомъ г. Кіевѣ на Подолѣ живутъ и чѣмъ до-нынѣ, безъ позволенія горѣлкою шинковать, чрезъ двѣсти лѣтъ довольствовались, и ежели бы такое позволеніе горѣлкою шинковать козакамъ дано было, то переймутъ ли они на себя платить часть положенной на магистратъ платежной въ казну суммы и нести обще съ магистратомъ всѣ

протчіе службы и городскіе должности и расходы, какъ то кіевскій магистратъ до-нынѣ исполняетъ».

Гетманъ не замедлилъ представить требуемыя свѣдѣнія и вновь, ссылаясь на грамоту, данную гетману Скоропадскому 28 марта 1721 года, повторялъ свою просьбу, чтобы кіевскіс козаки не исключались изъ общей козацкой привиллегіи, чтобы и имъ разрѣшено было вольное шинкованье. Въ отвѣтъ на это въ высочайшей грамотѣ отъ 3-го сентября 1752 года было сказано: «такого вольного шинкованья кіевскимъ козакамъ позволить и толь древняго учрежденія, особливо данныхъ магистрату привиллегій и жалованныхъ отъ предковъ нашихъ и отъ насъ самихъ грамотъ, нарушить мы не намѣрены; буде же козаки дѣйствительно не могутъ безъ такого разрѣшенія имъ шинковой продажи прожить и отправлять службы, то на выводъ ихъ, сотника и козаковъ, изъ Кіева мы, всемилостивѣйше соизволяя, на ваше о томъ разсмотрѣніе полагаемъ, и ежели они ножелаютъ, то вы можете ихъ въ какое-либо другое свободное изъ малороссійскихъ мѣстъ перевесть и поселить, давъ имъ надлежащее число противъ протчихъ малороссійскихъ козаковъ земли, которое переселеніе, въ разсужденіи толь небольшаго числа оныхъ козаковъ, и именно только 28 дворовъ, весьма пристойнѣе учинить, нежели для нихъ древнее учрежденіе, а особливо привиллегіи и жалованныя грамоты нарушить и тѣмъ кіевскому магистрату показать неправосудіе».

Верховная власть и гетманъ подходили такимъ образомъ къ радикальному разрѣшенію вопроса объ умиротвореніи такъ давно уже происходившихъ въ Кіевѣ смутъ посредствомъ выселенія оттуда козаковъ; но вопросъ такъ и остался не разрѣшеннымъ, не смотря на ходатайства въ томъ же смыслѣ и магистрата, и борьба козаковъ съ магистратомъ изъ-за «горѣлчаной привиллегіи» продолжалась, принимая тѣмъ болѣе острый характеръ и тѣмъ большіе размѣры, что козаки, считая себя обиженными и нарушая привиллегіи магистрата, находили себѣ поддержку въ своей высшей «командѣ».

Въ 1753 году бывшій при магистратѣ слуга Федоръ Крепакъ, забравъ впередъ за службу свою изъ магистрата деньги, оставилъ мѣсто и, вписавшись въ козаки кіевской сотни, «послѣдуя сотника Гудима и команды его козаковъ продерзостнимъ поступкамъ, завелъ горѣлчаній шинкъ». Узнавъ объ этомъ, магистратъ въ августѣ мѣ-

сяцѣ распорядился произвести «выемку» и, арестовавъ Крепака, посадилъ его въ тюрьму, «яко бѣглеца и должника магистратского. подступъ мѣсту произведшого». Но на защиту Крепака явились козаки и среди бѣла дня, подъ предводительствомъ асаула Григорія Голика, «нахалнически гвалтовнимъ нападеніемъ, при сабляхъ, зъ обухами, зъ пѣрначемъ, зъ молотомъ ковалскимъ и зъ другими, розбою приличными нарядами, набѣжавъ къ турмамъ, стоячихъ тамо двохъ сторожей приарестовали, стращая смертнимъ боемъ, а у турмы разламавъ молотомъ замки и поотбивавъ у туремъ двери реченного Федора Крепака съ турмы вытащили и увели зъ собою, произнося непристойніе на магистратскихъ членовъ и потыжниковъ на здоровье похвалки». При этомъ изъ тюрьмы бѣжали другіе два арестанта.

Не ограничившись освобожденіемъ Крепака, козаки напали на домъ мѣщанина Седневскаго, который донесъ магистрату о корчемствѣ Крепака, и здѣсь, не заставши хозяина дома, «жену его Меланію, по родывлѣ дытыны больную, взяли и, приведъ въ козацкую судовню, били, обнажа, тирански розгами и вяза звернули». Освидѣтельствованная по распоряженію губернской канцеляріи, женщина эта оказалась дѣйствительно больною при смерти.

А на третій день послѣ этого происшествія козаки избили на улицѣ нѣсколькихъ магистратскихъ слугъ, приговаривая: «не трусить горѣлки, мы васъ всѣхъ поединцемъ поберемо». Одного слугу магистратскаго, ѣхавшаго по улицѣ верхомъ, схватили и заперли въ тюрьмѣ при козацкой судовнѣ, а вечеромъ «барбары и кіи ему показывали, запрещая горѣлки трусить, сто барбаръ и сто кіивъ дать похваляясь»; урядники же козацкіе при этомъ били его по щекамъ, говоря: «не токмо ты, слуга, но и бурмистръ и райця здѣсь окованы будутъ». Жена этого слуги, провѣдавъ о происходящемъ въ козацкой судовнѣ, дала знать о томъ магистрату; явились туда на выручку рочные бурмистръ Балабуха и райца Гродовскій съ караульнымъ офицеромъ и солдатами. Но пришедшій при нихъ же сотникъ, не стѣсняясь ихъ присутствіемъ, накинулся на заключеннаго съ бранью и угрозами и если магистратскимъ чинамъ удалось его освободить, то благодаря лишь тому, что въ это время присланъ былъ отъ оберъ-коменданта Костюрина нарочный ординарецъ. Тѣмъ не менѣе на освобожденнаго напали козаки и

на другой день и такъ его избили среди бѣла дня на улицѣ, что нельзя было уже прислать его даже для освидѣтельствованія въ губернскую канцелярію.

Не задолго передъ тѣмъ, всего за нѣсколько дней до описаннаго произшествія съ Крепакомъ, магистратъ обнаружилъ корчемство у самаго сотника Гудима и два раза представлялъ въ губернскую канцелярію его служителей съ корчемнымъ виномъ. Гудимъ обратился тогда же съ равною жалобой на магистратъ въ полковую кіевскую канцелярію.

По поводу произшествія съ Крепакомъ и жалобы сотника полковникъ кіевскій Дараганъ вступилъ въ энергическую переписку съ оберъ-комендантомъ Костюринымъ и магистратомъ. Доказывая Костюрину, что всѣ произведенныя магистратомъ «выемки» въ козацкихъ домахъ есть простое насиліе, отнятіе водки не корчемной, а про свой обиходъ въ домахъ имѣющейся и ссылаясь на недавно послѣдовавшій указъ о томъ, чтобы при «выемкахъ» корчемнаго вина присутствовалъ кто-либо изъ козацкой старшины, онъ требовалъ, чтобы содержащіе на Подолѣ караулъ офицеры не вмѣшивались въ ссоры козаковъ съ мѣщанами, не принимали бы на козаковъ ни отъ кого жалобъ и не препровождали ихъ въ губернскую канцелярію, такъ какъ у нихъ есть своя «команда», которая и разбираетъ всѣ жалобы на козаковъ «правнымъ порядкомъ». Въ частности, по поводу ареста служителей сотника и заключенія ихъ въ тюрьму, полковникъ напоминалъ, что козаки судимы должны быть по малороссійскимъ правамъ, какъ люди шляхетскаго званія. что по силѣ этихъ правъ, до удостовѣренія судомъ въ виновности, они не содержатся въ тюрьмѣ, да и за проступки наказываются сидѣньемъ на пушкѣ или взятіемъ токмо подъ караулъ и что тѣмъ болѣе магистратъ, не имѣющій надъ козаками никакой власти, не имѣлъ права козаковъ сотника въ тюрьму сажать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ отъ магистрата немедленнаго освобожденія арестованныхъ корчемниковъ козаковъ, а равно, чтобы впредь выемки въ козачихъ домахъ производились бы непремѣнно при сотенной козацкой старшинѣ. «Ежели инако будетъ происходить, писалъ въ заключеніе полковникъ, и оніе козаки и сторожъ сотника съ турмы освобожденны, и горѣлка ихъ и протчое возвращенно, и за увѣтче и ихъ безчестіе по ихъ

стану удовлствовано не будетъ, то полковая канцелярія, подкомандныхъ ея не допуская къ обидѣ, принуждена будетъ *равнымъ образомъ поступить*: здѣсь зъ мѣщанъ кіевскихъ, кто будетъ, забравъ, посадить въ острогъ, и о томъ въ сотни здѣшняго полку, а паче въ Борисполь предложить, чтобъ *кого ни попавъ зъ подчиненныхъ магистрату*, забравъ, содержать въ турмѣ непремѣнно».

Эта оригинальная угроза въ оффиціальной бумагѣ свидѣтельствуетъ о крайнемъ обостреніи отношеній между враждующими лагерями. Магистратъ представилъ копію бумаги съ угрозою въ кіевскую губернскую канцелярію, прося ее «мѣщанъ кіевскихъ отъ таковаго затѣечнаго озлобленія и обиды защитить». Но защита бумажная въ эти годы была мало дѣйствительна. Столкновенія изъза корчемства еще больше усиливаются, при чемъ чаще начинаютъ фигурировать въ роли корчемниковъ «нововписные козаки». Тотъ же Федоръ Крепакъ, о которомъ говорено было выше, какъ будто ищетъ такихъ столкновеній и въ теченіи 1753 и 1754 годовъ попадается въ нѣсколькихъ исторіяхъ.

19-го октября 1753 г. магистратскій шинкарь мѣщанинъ Петро Король въ магистратѣ «жалобливе ускаржался, что, сойшовшись съ нимъ на мостовой улицѣ противъ петро-павловскаго монастыря, нововписный козакъ Федоръ Крепакъ выговаривалъ ему: се де той скурвый сынъ, что въ козаковъ труситъ горѣлку,—билъ его, Короля, обухомъ, колѣнами и носцами»; когда же Король пошелъ жаловаться за это къ старому атаману Семену Костовскому, то Крепакъ съ другими козаками, «найшовъ гвалтомъ» на квартиру его, Короля, схватили жену его и, приведши ее въ козацкую судовню, «похваляясь заковать въ ланцугъ, многіе разные нопотребные, а паче срамотніе издѣвки чинили».

Въ декабрѣ мѣсяцѣ произошло цѣлое побоище съ козаками, провозившими водку изъ сосѣдней съ Подоломъ слободы Плоской, владѣнія кирилловскаго монастыря, пользовавшагося, какъ и магистратъ, правомъ вольной продажи водки въ чертѣ своихъ владѣній. Не помогли на этотъ разъ магистратскимъ урядникамъ и присланные для содѣйствія имъ солдаты. Капитанъ Василій Лбовъ писалъ въ своемъ рапортѣ въ губернскую канцелярію, что козаки заранѣе угрожали караульнымъ солдатамъ: «егда де мы будемъ ѣхать мимо онаго караулу съ виномъ и когда магистратскіе урядники и слуги будутъ у насъ отни-

мать вино, чтобы вамъ караульнымъ не вступаться; а егда будете вступаться, то мы ихъ и васъ будемъ бить». И дѣйствительно, 16-го и 17 чиселъ козаки проѣхали мимо караула на нѣсколькихъ возахъ съ виномъ, не смотря на то, что ихъ останавливали магистратскіе урядники и солдаты: козаки, обнаживъ сабли, грозили всѣхъ ихъ изрубить.

Всѣ жалобы магистрата на козаковъ кіевская губернская канцелярія, не входя въ ихъ разсмотрѣніе, стала теперь отправлять въ Глуховъ, откуда и получалось стереотипное увѣдомленіе, что де предписано кіевскому полковнику «учинить надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе». Но наконецъ жалобъ накопилась такая масса, что для разбора ихъ понадобилась и дѣйствительно была учреждена особая коммисія отъ генеральнаго войсковаго суда. Однако и коммисія оказалась безсильною, такъ какъ главный отвѣтчикъ, сотникъ Гудимъ, какъ доносили и магистратъ, и сами члены коммисіи, «многіе упрямости и ослушанія причиняетъ и въ дѣло вступатся не хочетъ». Войсковой генеральный судъ потребовалъ сотника въ Глуховъ; но онъ отправился туда лишь послѣ нѣсколькихъ повтореній этого требованія и далъ такія объясненія въ генеральномъ войсковомъ судѣ, что вернулся оттуда совсѣмъ оправданнымъ и внушилъ своимъ подчиненнымъ еще большее «безстрашіе» относительно корчемства. Когда въ августѣ мѣсяцѣ мѣщане накрыли «горѣлчаній шинкъ» у козака Новиченка, то этотъ послѣдній въ магистратѣ прямо заявилъ, что «сотникъ, атаманъ, всѣ кіевскіе козаки и онъ горѣлкою шинкуютъ» и когда де онъ замѣтилъ идущихъ къ нему магистратскихъ людей, то дѣйствительно стрѣлялъ въ нихъ изъ пистолета, «потому что кіевскій сотникъ П. Гудимъ, за пріѣздомъ зъ дороги Глуховской, приказалъ всѣмъ козакамъ, ежели магистратовые за выемкою горѣлки безъ козака будутъ ходить, то бить ихъ и стрѣлять по нихъ безопасно».

Тогда же арестованъ былъ и другой козакъ, у котораго открытъ «горѣлчаній шинкъ», нѣкто Федоръ Мидзь, и не стѣсняясь, показывалъ при допросѣ въ кіево-губернской канцеляріи, что живетъ у сотника въ качествѣ его шинкаря уже шестой годъ и, получая отъ сотника горѣлку боченками, всегда шинковалъ ею. Такое же показаніе далъ онъ и въ Глуховѣ въ генеральномъ войсковомъ судѣ, куда былъ представленъ вмѣстѣ съ другими 12-ю

козаками корчемниками. Судъ постановилъ наказать его плетьми. Такое же наказаніе предписано было полковой канцеляріи учинить и надъ товарищемъ его Новиченкомъ, бѣжавшимъ изъ Глухова изъ подъ караула. Но это было плохимъ утѣшеніемъ для магистрата, такъ какъ главный виновникъ шинкованія и «вредитель» магистрату, сотникъ Гудимъ, оставался безъ наказанія; а потому магистратскій повѣренный Стефанъ Кисилевскій снова писалъ генеральному войсковому суду, что сотникъ, видя себя безнаказаннымъ, «приходитъ въ вящее дерзновеніе, а чрезъ тое и другіе его подчиненные козаки, смотря на него, горѣлкою шинкуютъ, и просилъ подвергнуть наказанію самаго сотника, такъ какъ въ томъ шинкованьи дѣйствительно онъ, сотникъ, винностію состоитъ, по силѣ же высочайшихъ грамотъ повелѣно самихъ винопродавцевъ штрафовать и тѣлесно наказывать безслабно». По этому поводу состоялось новое постановленіе суда, чтобы находившіеся въ Кіевѣ слѣдователи потребовали отъ сотника отвѣта и, буде оправдается показаніе шинкаря Мидзя, то сотника оштрафовать, т. е. «отобравъ у него шаблю, въ тамошней слѣдственной коммисіи задержать подъ карауломъ чрезъ три дни», прочимъ же всѣмъ козакамъ объявить, что если они будутъ продолжать шинкованье, то «тѣлесное наказаніе ихъ миновать всячески не можетъ».

Привлеченный къ допросу коммисіею, состоявшею изъ полковаго нѣжинскаго судьи Василія Куликовскаго, сотника яготинскаго Стефана Лукомскаго и войсковаго канцеляриста Якова Давидовскаго, сотникъ Гудимъ отвергалъ всѣ предъявляемыя противъ него обвиненія. Коммисія только затягивала переписку, испрашивая дальнѣйшихъ указаній суда и не знала сама, «что далѣе чинить», а сотникъ минуя коммисію, обращался къ полковнику Дарагану, предъявляя-такъ сказать, встрѣчные иски и обвиненія противъ магистрата. Жалуясь на безчинства его урядниковъ, продолжавшихъ производить «выемки» въ козачихъ домахъ безъ депутатовъ отъ сотеннаго правленія, онъ доносилъ, между прочимъ, что магистратскіе урядники въ теченіи двухъ недѣль, начиная съ 7 іюля, собравъ множество цеховыхъ рабочихъ, ходили по козачимъ домамъ безъ депутата отъ сотеннаго правленія, при чемъ въ нѣкоторыхъ домахъ «скрыни келепами розбивали», а гдѣ не заставали хозяевъ дома, тамъ вынимали окна, не находя же нигдѣ водки, забрали на-

ливку вишневку, которая находилась у хозяевъ «для своей домашней обиходки».

Полковникъ, довѣряя донесенію сотника и въ отсутствіи козацкихъ депутатовъ при «выемкахъ» усматривая явное нарушеніе указовъ, просилъ отъ себя генеральный войсковой судъ защитить козаковъ отъ магистратскихъ урядниковъ и мѣщанъ, которые де «не отъ теперъ имѣя на козаковъ необычную злобу, умышленно, подъ видомъ чинимыхъ яко бы выемокъ, явно дѣлаютъ грабительства на имуществѣ и въ домахъ точніе разбойнимъ образомъ воровства и разоренія». При этомъ полковникъ, обращая вниманіе суда не безъуспѣшность прежнихъ своихъ ходатайствъ о защитѣ козаковъ «вышнею командою», рѣшился и предъ нимъ повторить ту же угрозу, съ которою онъ уже обращался въ кіевскій магистратъ, т. е. разрѣшить козакамъ всего кіевскаго полка «пріѣзжающихъ на сію сторону Днѣпра магистратскихъ урядниковъ и другихъ подсудственныхъ магистрату людей на толикую же сумму, сколь онихъ козаковъ состоитъ претенсіи, въ свое время зграбить», находя такимъ образомъ единственное средство разрѣшенія взаимныхъ между козаками и мѣщанами претензій въ кулачной расправѣ. Кромѣ того, видимо ему не нравилось вмѣшательство кіевскаго генералъ-губернатора и губернской канцеляріи въ взаимныя претензіи козаковъ и мѣщанъ и онъ настаиваетъ на томъ, чтобы генеральный войсковой судъ отъ себя ходатайствовалъ объ устраненіи такого вмѣшательства. Судъ однако отнесся къ доношенію полковника весьма неодобрительно: прежде всего онъ нашелъ, что какъ сотникъ, такъ и полковникъ, поступали «непорядочно», принимая жалобы на магистратъ «безъ персональнаго иску самихъ истцовъ», а потому и предписывалъ полковнику выслать названныхъ въ его доношеніи обиженныхъ козаковъ или каждаго съ особымъ исковымъ прошеніемъ, или отъ всѣхъ ихъ одного повѣреннаго, такъ какъ, не имѣя такихъ прошеній и «не учиня о томъ судового процессу», и писать къ оберъ-коменданту Костюрину онъ «признаетъ за неприлично»; затѣмъ относительно намѣренія грабить мѣщанъ судъ замѣчалъ, что «тое полковая канцелярія выдумала несправедливо, ибо по указамъ его императорскаго величества и по правамъ за обиду надлежитъ суда искать, а не

грабительствомъ управляться». Въ отвѣтѣ суда сказалось его недовѣріе къ донесеніямъ полковника, и онъ имѣлъ на это основаніе, видя, съ какимъ упорствомъ кіевскій сотникъ уклоняется отъ суда и слѣдствія, продолжая въ то же время незаконное шинкованье. А объ этомъ шинкованьѣ, не задолго предъ полученіемъ вышеприведеннаго доношенія полковника Дарагана, генеральный судъ слушалъ неблагопріятное для сотника показаніе вторично пойманнаго въ корчемствѣ и доставленнаго въ Глуховъ шинкаря Мидзя; узналъ онъ также, что козакъ Новиченко, въ прошломъ году приговоренный къ наказанію, благодаря потворству полковой канцеляріи, спокойно живетъ себѣ въ Кіевѣ, укрываясь отъ наказанія.

Шинкарь Мидзь, уличенный вторично въ корчемствѣ, заявилъ въ магистратѣ, что «наказанъ де былъ онъ Глуховѣ за горѣлку, а теперъ шинкуетъ вишневкою, якою красною горѣлкою и нынѣ шинкуютъ въ судовнѣ шинкарка Анна, да у шинку близъ церкви Иліи шинкарка Галька, получая эту горѣлку отъ сотника Гудима». Сотникъ въ своихъ объясненіяхъ предъ слѣдственною коммисіей по прежнему во всемъ заперся, заявивъ, что «на шинкъ горѣлки не давалъ, токмо оною горѣлкою ему, Мидзю, плотилъ за работу». Но самъ Мидзь, будучи доставленъ въ войсковой генеральный судъ, показалъ, что, вернувшись послѣ перваго наказанія своего изъ Глухова, жилъ онъ по прежнему въ шинку сотника Гудима, который и приказывалъ ему брать у него для розничной продажи «на шинкъ красную горѣлку, пополамъ съ медомъ розмѣшанную».

Судъ вновь приговорилъ наказать Мидзя «жестоко плетьми», а сотникъ опять избѣжалъ всякаго наказанія, не смотря на настоянія магистратскаго повѣреннаго о привлеченіи къ отвѣтственности именно самого сотника, который де «какъ шинковалъ, такъ и не перестаетъ шинковать». Судъ постановилъ только вызвать вторично сотника въ Глуховъ; но это едва ли имѣло какое-либо значеніе: массу жалобъ на него со стороны кіевскаго магистрата встрѣчаемъ и въ слѣдующихъ 1756 и 1757 годахъ. Состоя самъ подъ «вышнею командою» гетмана и поставленный по искамъ на козаковъ въ зависимость отъ ихъ власти, магистратъ кіевскій безсиленъ былъ въ борьбѣ съ производимымъ козаками корчемствомъ: полковое начальство очевидно мирволило кіевскому сотнику и его коза-

камъ, и они безъ всякаго стѣсненія нарушали права и привиллегіи магистрата.

Когда вышелъ указъ, ограничивавшій винокуреніе производствомъ его только изъ собственнаго хлѣба, то козаки принялись, по силѣ указа, донимать магистратъ. Присланный для ревизіи кіевскихъ винокурень, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1757 г., изъ полковой кіевской канцеляріи бобровицкій атаманъ Андрей Рубанъ, хотя и видѣлъ, что въ подгородьяхъ винокуреніе производилось на мѣщанскихъ винокурняхъ изъ собственнаго, а не изъ покупнаго хлѣба, тѣмъ не менѣе, заявляя, что ему отъ полковаго начальства словесно приказано »ни на что не смотрѣть», совершенно произвольно запретилъ совсѣмъ винокуреніе и насильственно повыдиралъ даже въ винокурняхъ котлы. При этомъ Рубанъ, объѣзжая дворы магистратскихъ урядниковъ, вымогалъ кормъ для себя и для лошадей своихъ и «другимъ непристойнымъ поступкомъ поприключалъ имъ обиды». По этому поводу магистратъ жаловался гетману вообще на дѣйствія полковой канцеляріи, которая де «не столь исполняетъ ясневельможности вашей ордеръ, сколько на оній магистратъ явно посягаетъ».

Не измѣнились отношенія кіевскихъ козаковъ къ магистрату и при новомъ сотникѣ, каковымъ сталъ съ 1760 года сынъ прежняго сотника Михаилъ Гудимъ, отличавшійся такимъ же «безстрашіемъ» въ бояхъ съ магистратскими чинами и людьми, какъ и его отецъ. Въ дѣлахъ о корчемствѣ, относящихся ко времени 1763—1770 год., фигурируетъ неизмѣнно Михаилъ Гудимъ, какъ главный корчемникъ, примѣру котораго подражали и его «подкомандніе». И въ этихъ дѣлахъ все тѣ же драки, свидѣтельствованіе «боевыхъ знаковъ» и переписка, переписка безъ конца.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1763 г. случилось нѣсколько жестокихъ нападеній козаковъ на магистратскихъ урядниковъ и на «мѣскихъ шинкарей», при чемъ не обошлось и безъ смертоубійства: при одномъ изъ такихъ нападеній одинъ козакъ такъ сильно «пхнулъ» тещу мѣщанина Котовскаго, что она, «вдарившись о одвѣрки, отъ того удару и перепуганія того-жъ марта 22 числа умре». Магистратъ, перечисливъ множество такихъ козацкихъ «продерзостей», жаловался гетману, что кіевскіе козаки, «кромѣ тѣхъ отъ ихъ причиненныхъ гвалтовъ, боевъ и разореній, еще, собираясь партіями зъ

разными орудіи, не токмо на подсудственныхъ магистрату, но и на самихъ присутствующихъ въ ономъ не малые произносятъ похвалки, гдѣ ни попавъ, въ смерть бить», шинкуютъ же де козаки, не смотря на всѣ запрещенія, по прежнему «явно и беззазорно, чему найвящшимъ поводомъ и допущеніемъ состоятъ здѣшніе сотникъ Михаилъ Гудимъ и сотенная старшина».

Гетманъ ограничился предписаніемъ полковой канцеляріи поступить съ виновнымн «по силѣ указовъ и малороссійскихъ правъ». «А что касается до чинимаго козаками шинкованья, писалъ гетманъ, то оное, впредь до имѣючого быть разсмотрѣнія магистрата кіевского о томъ привилегій и грамотъ, кои всѣ представить намъ отъ того магистрата велѣно, нынѣ на крѣпко запретить». Но мы видѣли уже, къ какимъ столкновеніямъ мѣщанства съ козаками привело упоминаемое здѣсь разсмотрѣніе магистратскихъ привилегій и грамотъ и какъ мало дѣйствовали на козаковъ запрещенія.

Далеко энергичнѣе расправлялась съ корчемниками кіевская губернская канцелярія, когда магистратъ кіевскій освободился отъ «вышней команды» гетмана, а въ силу этого и отъ всякихъ непосредственныхъ отношеній къ полковому управленію. Въ 1766-мъ году въ генварѣ мѣсяцѣ представлены были отъ магистрата въ кіевскую губернскую канцелярію двѣ козачки, уличенныя въ корчемствѣ. Продержавъ ихъ въ колодничей избѣ три дня, губернская канцеляріи отправила ихъ въ сотенное правленіе при указѣ, въ которомъ, между прочимъ, сказано было, что «ежели и за симъ подтвержденіемъ кто либо въ томъ неуказномъ шинкованіи окажется, оные уже неотмѣнно при публикаціи съ барабаннымъ боемъ имѣютъ быть сѣчены плетьми». Воодушевился въ свою очередь и магистратъ и въ виду того, что при производствѣ въ козачихъ домахъ «выемокъ» требовалось непремѣнное присутствіе отъ сотеннаго правленія депутатовъ, а такихъ депутатовъ сотенное правленіе не давало, безъ нихъ же и караульный офицеръ не давалъ солдатъ и чрезъ то невозможны стали самыя выемки,—просилъ, чтобы разрѣшено было ему производить выемки безъ депутатовъ. Кіевская губернская канцелярія отнеслась по этому предмету въ малороссійскую коллегію, но, не получивъ отвѣта, въ виду повторенія все тѣхъ же жалобъ магистрата, разрѣшила собственною властію производить выемки самимъ магистратскимъ служителямъ съ опредѣленною отъ караульнаго офицера командою.

17-го мая того же года губернская канцелярія препроводила въ сотенное правленіе козака Савицкаго съ предписаніемъ взыскать съ него за незаконное шинкованье штрафъ въ сто рублей, а если онъ заплатить не въ состояніи, то, въ страхъ другимъ, высѣчь его при собраніи всѣхъ козаковъ. Пошелъ дальше и магистратъ и сталъ настойчиво добиваться наказанія главныхъ корчемниковъ—Гудимовъ. Въ томъ же маѣ мѣсяцѣ магистрату удалось арестовать у Павла Гудима нѣсколько боченковъ назначенной на шинкъ горѣлки, и онъ просилъ уже наказать Гудиму *безъ представленія въ малороссійскую коллегію*, такъ какъ отъ этой коллегіи, по его мнѣнію, «получить что либо въ пользу магистрата неуповательно, потому что малороссійская команда, издревле имѣя къ магистрату крайнее недоброхотство, явное оной старшинѣ и козакамъ чинить послабленіе». Губернская канцелярія не рѣшилась однако сама расправиться съ Гудимомъ и опредѣлила «объ немъ въ малороссійскую коллегію еще представить», найденное же у него корчемное вино приказала продать и деньги—половину доставить въ казну, а половину обратить въ доходъ магистрата [1]).

Такимъ исходомъ не могъ быть, конечно, доволенъ Гудимъ и обратился съ жалобой въ малороссійскую коллегію. Тогда только коллегія отозвалась и на всѣ прежнія представленія губернской канцеляріи, предлагая ей приказать магистрату, чтобы «въ случаѣ посылки въ козачіе домы для выемки корчемного вина всеконечно требовать и отъ сотеннаго правленія старшинъ и козаковъ, а безъ оныхъ отнюдь не находить»; что же касается до взятаго у Гудима вина, которое, какъ онъ заявилъ, содержалось у него вовсе не для корчемства, а, выкуренное на собственной его винокурнѣ, запродано было кіевскимъ казеннымъ питейнымъ сборщикамъ, то коллегія предлагала произвести обо всемъ этомъ слѣдствіе при депутатѣ отъ полковой кіевской канцеляріи. Но генералъ-губернаторъ Воейковъ призналъ лишнимъ такое слѣдствіе. Увѣдомивъ объ этомъ малороссійскую коллегію, онъ донесъ въ правительствующій сенатъ,

---

[1]) Вина этого, перемѣреннаго магистратскими урядниками при капитанѣ Гребенниковѣ, оказалось 294 ведра полугару и 8 ведеръ „подлѣйшей горѣлки“. Цѣна полугару 50 к. ведро, а „подлѣйшей“ 38 к. Всего выручено было за вино и посуду 150 р. 30 к. и 1 деньга.

что «асаулъ Павелъ Гудимъ и прежде сего оказывался неоднократно въ такомъ же неуказномъ шинкованіи, о чемъ на него и въ малороссійскую коллегію *до шести разъ писано было*, но онъ, Гудимъ, отъ самовольства своего не переставалъ и чинилъ неуказную винную продажу, почему въ забраніи у него показаннаго вина и посуды причиною самъ онъ, Гудимъ, а не другой кто, и затѣмъ *требуемаго слѣдствія производить резону не предвидится*».

Когда Гудимъ съ тою же жалобой обратился и въ правительствующій сенатъ, то въ отвѣтъ получилъ лишь, что онъ «возвращенія себѣ конфискованнаго у него вина требовать никакова права не имѣетъ, будучи самъ единственною причиною таковаго съ нимъ происшествія». Но еще до полученія этого сенатскаго указа Гудимъ вновь былъ обличенъ въ корчемствѣ, и губернская канцелярія и на этотъ разъ рѣшила «*еще представить* въ малороссійскую коллегію...», хотя и видѣла ясно, что никакого значенія эти «представленія» не имѣютъ, кромѣ безплодной переписки. Съ другими корчемниками козаками губернская канцелярія расправлялась безъ такихъ представленій. Такъ, одна вдова козачка была отправлена ею прямо къ караульному офицеру съ предписаніемъ «оную вдову за то ея неуказное шинкованье тамо на Подолѣ публично плетьми при нарочномъ отъ магистрата наказать», что и было исполнено 30 мая.

Но и съ усиленіемъ наказаній для корчемниковъ корчемство не прекращалось, не прекращались и драки между мѣщанами и козаками, доходившія до кровопролитія, и кіево-губернская канцелярія еще не одинъ разъ то постановляла наказать виновнаго публично плетьми, то опредѣляла «*еще представить* въ малороссійскую коллегію»...

Самое позднее изъ имѣвшихся у насъ дѣлъ о корчемствѣ козаковъ относится къ 1770 году и въ немъ является обвиняемымъ все тотъ же сотникъ Михаилъ Гудимъ: найденное у него корчемное вино было продано съ публичнаго торга по 65 к. за ведро и, какъ слѣдовало по закону, половина вырученной суммы поступила въ казну, а другая половина въ доходъ магистрата.

Только съ открытіемъ намѣстничества, коренныя реформы всей системы мѣстнаго управленія, устранившія особенности прежнихъ общественныхъ отношеній, устранили и самые поводы изображенныхъ выше столкновеній между двумя группами населенія Кіево-Подола, устранили и самое козачество.

А. Андріевскій.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА Д. ПР. ТРОЩИНСКАГО КЪ КН. Я. И. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ.

Въ 1812 г., для отраженія нахлынувшаго на Россію многочисленнаго непріятеля, по недостатку регулярныхъ войскъ, формировались повсюду земскія ополченія на суммы, составлявшіяся изъ добровольныхъ приношеній дворянства, купечества и другихъ сословій. Въ этомъ общемъ патріотическомъ движеніи рѣшились принять участіе и полтавцы. Не смотря на трудное въ ту пору экономическое положеніе губерніи, полтавское дворянство постановило сформировать на свой счетъ и продовольствовать значительное конное ополченіе изъ мѣстныхъ козаковъ. Главнымъ иниціаторомъ и руководителемъ этого дѣла былъ, въ качествѣ миргородскаго помѣщика и губернскаго маршала, Дмитрій Прокофіевичъ Трощинскій, бывшій впослѣдствіи министромъ юстиціи. Не мало стоило ему хлопотъ это почетное и патріотическое дѣло, возложенное на него довѣріемъ полтавскаго дворянства: въ средѣ послѣдняго не было единодушія, обѣщанныя суммы собирались медленно и поступали неисправно, къ тому-же въ его распоряженія то и дѣло вмѣшивался тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ, князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій. Положеніе дѣла ополченія, настроеніе Трощинскаго и отношенія его къ Лобанову-Ростовскому достаточно отражаются въ помѣщаемыхъ четырехъ письмахъ перваго къ послѣднему и даютъ имъ историческій интересъ. Два изъ этихъ писемъ писаны въ Полтавѣ въ одинъ и тотъ же день и помѣчены 30 августа 1812 г.; второе служитъ какъ бы продолженіемъ перваго или припискою къ нему. Лобановъ-Ростовскій требовалъ, какъ видно, отъ Трощинскаго присылки избранныхъ дворянствомъ въ земское ополченіе чиновниковъ для замѣщенія офицерскихъ мѣстъ въ козачьихъ полкахъ; Трощинскій отвѣчаетъ, что такихъ избранныхъ не хватаетъ по разнымъ причинамъ. Вотъ эти два письма.

Милостивый государь, князь Яковъ Ивановичъ!

Ваше сіятельство основательнѣе судить можете о дѣлѣ, которое по запутаннымъ и неудобопонятнымъ военнымъ дѣйствіямъ единственно отъ мѣстныхъ свѣдѣній и соображеній вашихъ зависитъ. Со всѣмъ тѣмъ не обинуясь смѣю повторить, что и новѣйшія предписанія не въ состояніи сдѣлать возможнымъ невозможнаго, каково есть отправленіе съ успѣхомъ здѣшнихъ козаковъ въ Калугу. Они еще не готовы, а чрезъ шесть недѣль не верхомъ, а на саняхъ тамъ воевать должно будетъ.

Относительно до требованія вашего сіятельства моей помощи въ снабженіи формируемыхъ здѣсь козачихъ полковъ чиновниками изъ назначенныхъ по выбору дворянства для земскаго ополченія кандидатовъ, могу удостовѣрить ваше сіятельство, что до сихъ поръ недостаетъ въ ономъ пятидесяти чиновниковъ и нѣтъ способа пополнить сего недостатка, тѣмъ больше, что ежедневно получаю извѣстія о выбытіи изъ нихъ однихъ по болѣзнямъ, другихъ по дальнымъ отлучкамъ, или другимъ законнымъ причиіамъ. Истинно сожалѣю, что не могу въ толь нужномъ дѣлѣ удовлетворить желанія вашего. Для пополненія комплекта чиновниковъ дворянскаго земскаго войска, противъ предположенія моего, принуждены были назначать совершенно неимущихъ, на жалованье коимъ не достанетъ собираемой по опредѣленію дворянства суммы. Я совершенно увѣренъ, что ваше сіятельство не сумнѣваетесь о готовности моей исполнить требованіе ваше, еслибъ только имѣлъ къ тому хотя самомалѣйшую возможность.—Имѣю честь быть съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.

Ославъ это письмо, Трощинскій сообразилъ, быть можетъ, что написанное имъ недостаточно ясно и сильно для отказа въ требованіи генералъ-губернатора, а сверхъ того получилъ, кажется, новыя неблагопріятныя свѣдѣнія о формированіи ополченія и потому поспѣшилъ написать Лобанову-Ростовскому еще слѣдующія строки:

Несчастное продолженіе отступленія армій нашихъ съ одной и медленность въ выводѣ полтавскаго ополченія въ назначенныя ему мѣста съ другой стороны только для меня мучительны, что я отъ досады и огорченія слегъ и уже третій день лежу въ постели. Я не могу надивиться, какъ благородные люди могутъ равнодушны быть въ дѣлѣ толико важномъ, каково есть защита отечества. Всякой часъ получаю отзывы, что избранные чиновники, подъ предлогомъ болѣзней и другихъ причинъ, безстыдно уклоняются отъ службы, а владѣльцы въ поставкѣ

козаковъ и всего принадлежащаго великія остановки дѣлаютъ. Извините, милостивый государь; (болѣе) истины писать не въ состояніи.

Какъ ни волновался Трощинскій и какъ ни хлопоталъ о скорѣйшемъ снаряженіи полтавскаго земскаго ополченія; но этому ополченію не суждено было добраться до театра военныхъ дѣйствій и не только потому, что полтавцы, по своей спокойной натурѣ, не торопились выгонять французовъ изъ Москвы, но и потому, что формированіе ополченія тормозилъ самъ генералъ-губернаторъ князь Лобановъ-Ростовскій, мѣшавшій скорѣйшему окончанію дѣла своими распоряженіями, которыя нерѣдко шли въ разрѣзъ съ планами Трощинскаго. Его иредписаніе о продовольствіи 6,500 лошадей коннаго ополченія во время похода на счетъ земства вывело Трощинскаго изъ терпѣнія и онъ изложилъ Лобанову свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ нижеслѣдующеиъ письмѣ:

Милостивый государь мой, князь Яковъ Ивановичъ!

Въ слѣдствіе отзыва ко мнѣ вашего сіятельства отъ 18 сего мѣсяца о продовольствіи сѣномъ коннаго земскаго ополченія, получилъ я отъ г-на вице-губернатора Бояринова выписку вашего ему о томъ предписанія. Позвольте, ваше сіятельство, съ откровенностью сообщить вамъ по сему предмету мои мысли.

Я увѣренъ, что пожертвованіямъ дворянства здѣшней губерніи на земское ополченіе вы поставляете истинную цѣну; вамъ извѣстно что оно, по недостатку промышленности, довольно скудно и прежними расходами на поставку артиллерійскихъ лошадей, воловъ, фуръ и на уплату за винокуреніе весьма доходы свои истощило. Не смотря на то, при воззваніи къ защитѣ отечества, опредѣлило оно взнесть на земское ополченіе въ два мѣсяца деньгами до четырехъ сотъ тысячъ рублей, поставить 6,500 лошадей съ полною сбруею, по нынѣшнимъ дорогимъ цѣнамъ составляющихъ не менѣе шестисотъ пятидесяти тысячъ рублей, дать на годовое продовольствіе сего войска 80,000 четвертей муки и овса, съ препорціею крупъ, стоющихъ конечно болѣе трехъ сотъ тысячъ рублей, и того, не считая 13,500 козаковъ, одежды ихъ и вооруженія и слишкомъ 500 фуръ съ погонщиками, пожертвовавъ болѣе, чѣмъ на милліонъ триста пятдесятъ тысячъ рублей, кажется, доказало оно въ полной мѣрѣ рвеніе свое къ службѣ государю и отечеству. Продовольствія сѣномъ лошадей ополченія сего не могло дворянство взять на себя, по сущей невозможности, найпаче не зная, куда необходимость заставитъ въ теченіе войны, подвинуть за границы

губерніи столь многочисленную конницу и будетъ ли прокормленіе оной сѣномъ соотвѣтствовать его способамъ, истощаемымъ на защиту престола и отечества. Дворянство думало, что правительству, располагающему симъ ополченіемъ, не не достанетъ средствъ къ прокормленію сѣномъ 6,500 лошадей, куда бы они по обстоятельствамъ войны переведены ни были.

Такъ мыслилъ и я, но напротивъ того вижу изъ предписанія вашего сіятельства г-ну здѣшнему вице-губернатору, что вы повелѣли расположить продовольствіе сіе на народъ и, что еще тягостнѣе, поставкою въ натурѣ сѣна въ четырехъ повѣтахъ, гдѣ земское ополченіе теперь находится. Ваше сіятельство изволите знать, сколь каждая натурою подать обременительна, сколь многія и неудобоотвратительныя сопряжены съ оною злоупотребленія. Могу сказать вашему сіятельству, что подать сѣномъ есть одна изъ обильнѣйшихъ всякаго рода притѣсненіями; а потому, съ полною довѣренностью на справедливость вашу, не обинуюсь представить вашему сіятельству, что таковая рѣзкая мѣра можетъ возбудить ропотъ и въ людяхъ найболѣе расположенныхъ жертвовать общему благу. Сей новый налогъ на состояніе, и такъ уже обремененное оными, не охолодитъ ли самоохотнаго рвенія способствовать, по всей возможности, нуждамъ правительства? И сколь таковое на сердца вліяніе будетъ непріятно и неблаговременно, ваше сіятельство сами легко усмотрѣть можете. Доходы казенные, при нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, остаются найболѣе въ главноначальническомъ вашемъ распоряженіи; обращать оныя, при повсемѣстныхъ на всѣ надобности государственныя богатшихъ состояній пожертвованіяхъ, почти не на что. Ваше сіятельство имѣете право опредѣлить малѣйшую часть оныхъ на сію общественной службы необходимость. Со временемъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ, ежели угодно будетъ государю, край сей можетъ исполнить и сію издержку; а вы избѣгнете, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, непріятностей, неминуемо съ новымъ налогомъ сопряженныхъ и найболѣе лично на васъ отнестись долженствующихъ.

Ласкаю себя надеждою, что ваше сіятельство пріймете благосклонно и сіе внушеніе мое и припишите оное сколько усердію моему радѣть о пользѣ общественной, столько искреннему моему къ достоинствамъ вашимъ уваженію, отличному почтенію и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.—Въ Полтавѣ, сентября 24, 1812 г.

Не меньшія пререканія вышли у Трощинскаго съ Лобановымъ-Ростовскимъ изъ-за пользованія суммами, пожертвованными, вслѣдствіе высочайшаго манифеста отъ 6-го іюля 1812 г., купечествомъ и евреями. Трощинскій, какъ мы сейчасъ увидимъ, полагалъ, что, по смыслу манифеста, право распоряжаться новыми пожертвованіями принадлежитъ ему, Лобановъ же Ростовскій, не сносясь съ нимъ, распредѣлялъ ихъ по своему усмотрѣнію. Это взволновало Трощинскаго и вызвало слѣдующее его письмо къ Лобанову-Ростовскому:

Милостивый государь мой, князь Яковъ Ивановичъ! Извините, ваше сіятельство, что, при многочисленныхъ занятіяхъ вашихъ, я отвлеку на нѣсколько минутъ ваше вниманіе и, къ великому прискорбію моему, на предметъ непріятный. Одна довѣренность на всегдашнее ваше ко мнѣ благорасположеніе ободряетъ меня объяснить и отдать на вашъ судъ дѣло, чувствительно трогающее меня.

Въ опредѣленіи полтавскаго губернскаго правленія, августа 2-го числа, по поводу земскаго ополченія, состоявшемся и мнѣ отъ исправляющаго должность гражданскаго губернатора, господина вице-губернатора и кавалера Бояринова сообщенномъ, по 5-му пункту сказано: «Поелику купеческое и еврейское общества въ натуральную поставку отъ себя для сего ополченія вооруженныхъ людей не входятъ, то, дабы и онымъ обществамъ опредѣлить мѣру участія къ составленію сего ополченія, велѣть городовымъ магистратамъ и ратушамъ, обще съ думами, внушивъ имъ силу высочайшаго манифеста, предоставить, въ теченіи семи дней отъ объявленія сихъ предписаній, сдѣлать отъ себя по состоянію каждаго пожертвованіе деньгами въ пособіе прочихъ вышепоименованныхъ обществъ, какъ для жалованья вооруженнымъ людямъ, *на покупку части оружія, пороха, другихъ военныхъ снарядовъ и прочаго*, на экстраординарные расходы, такожъ и на содержаніе впредь оныхъ, и сколько кѣмъ имянно въ каждомъ городѣ по сему предложенію пожертвовано и собрано будетъ денегъ, донести губернскому правленію со всевозможною скоростью; а деньги, до полученія на щетъ обращенія ихъ надлежащихъ предписаній, хранить въ городскихъ думахъ цѣлостно». По 7-му-же пункту того самого опредѣленія присовокуплено: «такъ какъ слѣдуемое къ поставкѣ отъ вышеупомянутыхъ обществъ число вооруженныхъ людей назначается, по сходству высочайшаго манифеста и указа правительствующаго сената, къ совмѣстному съ избраннымъ отъ дворянства полтавской губерніи войскомъ ополченію, для отраженія врага, и къ отдачѣ съ именными списками въ вѣ-

домство повѣтовыхъ начальниковъ, *подобно чему и суммы, какія только будутъ отъ тѣхъ обществъ взнесены, а отъ купцовъ и евреевъ въ пособіе тому пожертвованы, по собранін губернскимъ правленіемъ о количествѣ оныхъ отъ надлежащихъ мѣстъ свѣдѣній, должны будутъ поступить въ распоряженіе земскаго войска,* то отнестись отъ имени занимающаго мѣсто гражданскаго губернатора къ губернскому маршалу и просить, дабы благоволилъ о принятіи повѣтовыми начальниками въ свое вѣдомство долженствующихъ быть поставленными и отъ прочихъ состояній вооруженныхъ людей сдѣлать имъ предписанія; а относительно суммъ, кому оныя по земскому войску назначите сдать, увѣдомить къ дальнѣйшему на щетъ оныхъ распоряженію».

Въ слѣдствіе таковаго губернскаго правленія опредѣленія, занимающій мѣсто гражданскаго губернатора, господинъ вице-губернаторъ и кавалеръ, отношеніемъ отъ 3-го августа, просилъ моего по симъ предметамъ содѣйствія; и по полученіи отъ 5-го того-жъ мѣсяца согласительнаго моего на то отзыва, по указу губернскаго правленія пожертвованныя на земское ополченіе отъ купцовъ и евреевъ суммы, по отсылкѣ оныхъ къ избраннымъ по повѣтамъ дворянскимъ казначеямъ, поступили въ мое вѣдомство.

Не имѣя отъ вашего сіятельства на таковое, доведенное до свѣдѣнія вашего, опредѣленіе губернскаго правленія никакого возраженія, долженъ я былъ молчаніе почитать за согласіе на учиненное онымъ правленіемъ распоряженіе, а потому соотвѣтственно предназначенію оныхъ пожертвованныхъ на земское ополченіе купечествомъ и евреями суммъ, имѣя оныя въ виду при распоряженіяхъ моихъ относительно какъ до снабдѣнія земскаго войска огнестрѣльнымъ оружіемъ, такъ до устроенія необходимо нужныхъ для онаго госпиталей съ аптекою и для доставленія другихъ надобностей, предписалъ я отъ 8-го сего мѣсяца кременчугскому маршалу отпустить изъ суммы, отъ купечества и евреевъ пожертвованной, 7,500 рублей господину начальнику земскаго ополченія для исправленія вашимъ сіятельствомъ земскому войску присланныхъ и отъ дворянства доставленныхъ пушекъ, а равно и для приготовленія къ онымъ всего, къ военному дѣйствію потребнаго. Въ тоже время предложилъ я и господину полтавскому маршалу на устроеніе лазаретовъ и на содержаніе ихъ со всѣми нужными принадлежностями доставить мнѣ изъ таковой-же, пожертвованной купеческимъ и еврейскимъ обществами, суммы 7,300 рублей. Но, къ великому удивленію моему, сего мѣсяца 17-го числа получилъ я отъ занимающаго мѣсто гражданскаго губернатора, г-на вице-губернатора и кавалера Бояринова отношеніе, которымъ онъ из-

вѣщаетъ меня, что ваше сіятельство предписать ему изволили всѣ пожертвованныя купечествомъ и евреями на земское ополченіе суммы собрать подъ вѣдомство казенной палаты, по поводу высочайшаго рескрипта, къ вашему сіятельству отъ 1 августа послѣдовавшаго и въ копіи при ономъ отношеніи приложеннаго, уполномачивающаго васъ, для отправленія козачихъ полковъ до Тулы и Калуги, употреблять деньги изъ доходовъ казенныхъ палатъ ввѣренныхъ вамъ губерній, или изъ суммъ общественнаго пожертвованія, находящихся въ оныхъ.

Позвольте на сіе представить вашему сіятельству: *первое*, поелику суммы купечествомъ и евреями пожертвованы не для козачихъ полковъ, но во исполненіе высочайшаго манифеста, въ 6-й день іюля состоявшагось, точію на земское ополченіе, и потому въ вѣдомство мое, а не казенной палаты поступили, по разуму словъ самого высочайшаго къ вашему сіятельству рескрипта, едва ли должны быть обращены для отправленія въ Тулу и Калугу козачихъ полковъ прежде недостатка суммъ въ казенныхъ палатахъ, чего предполагать почти невозможно; *второе*, лишеніе сей суммы, о чемъ неугодно было вашему сіятельству предварить меня заблаговременно, поставляетъ меня въ великое затрудненіе замѣнить назначеніе оной другою и стѣсняетъ меня несказанно въ изобрѣтеніи средствъ къ нужному исправленію артиллеріи земскаго войска со всѣми принадлежностями, въ устроеніи равно необходимыхъ лазаретовъ съ аптекою и прочихъ надобностей; *третіе*, весьма прискорбно мнѣ видѣть, что тогда, когда единодушіе всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, начальниковъ и подначальныхъ, необходимо къ изобрѣтенію средствъ для отраженія всеобщаго врага и къ дѣйствованію соглашенными волями и силами къ достиженію единственнаго предмета, защиты отечества, въ то самое время распоряженія мои, къ коимъ давно извѣстнымъ вамъ опредѣленіемъ губернскаго правленія былъ я уполномоченъ, опровергаются начальническою властью вашею, которую достойно уважать научился я прохожденіемъ сорока пятилѣтняго служенія моего, равно какъ не выходить никогда взъ правъ и предѣловъ званія носимаго мною. Ваше сіятельство избавили бы меня отъ сей непріятности, если бы въ началѣ августа, по полученіи высочайшаго рескрипта, изволили меня предувѣдомить, что обстоятельства не позволяютъ вамъ одобрить распоряженіе губернскаго правленія, которое отклонить въ свое время не имѣлъ я никакого права, ниже благовиднаго повода. Сіе заставляетъ меня покорнѣйше просить ваще сіятельство, буде имѣете еще въ виду подобныя сему или совокупно съ губернскимъ правленіемъ, или особенно мои несоглашенныя съ начальническими предположеніями

вашего сіятельства обстоятельства, сдѣлать милость заблаговременно о томъ предварить меня, дабы я могъ достодолжно сообразовать поступки мои съ мыслями и распоряженіями вашего сіятельства, которые единственнымъ предметомъ имѣютъ конечно общественное благо.

Имѣю честь пребыть на всегда съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностью, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.—Въ Кибинцахъ [1]), октября 23, 1812 г.

---

[1]) С. Кибинцы находится подъ г, Миргородомъ. По-нынѣ сохранился построенный тамъ Дмитріемъ Црокоф. Трощинскимъ домъ. Въ настоящее время онъ находится во владѣніи г. А. К. Вульферта.

Рѣчь автора „Ябеды", В. В. Капниста, въ полтавскомъ дворянскомъ собраніи.

Если приведенныя предъ симъ письма Трощинскаго показываютъ отчасти, какъ не торопилось полтавское дворянство встрѣтиться лицомъ къ лицу съ нахлынувшими на Россію непріятельскими полчищами, то помѣщаемая за симъ рѣчь Капниста, сказанная въ полтавскомъ дворянскомъ собраніи, говоритъ о томъ, какъ оно спѣшило устроить просвѣщеніе своихъ дѣтей на счетъ казны. Съ большимъ искусствомъ ораторъ раскрываетъ несообразность намѣреній нѣкоторой части дворянства, принятыхъ по этому предмету въ поспѣшномъ увлеченіи предложеніемъ губернскаго маршала. Помимо этого любопытно видѣть самаго автора «Ябеды» въ роли общественнаго дѣятеля. Вотъ что говорилъ онъ полтавскому дворянству въ собраніи 5 октября 1805 года.

Почтенное благородное общество!

По выслушаніи прошлаго 4 го числа предложенія господина губерскаго маршала, Семена Михайловича Кочубея, о учрежденіи при предполагаемой въ семъ губернскомъ городѣ гимназіи дворянскаго училища и начертаніи о состояніи онаго, хотя просилъ я о дачѣ по крайней мѣрѣ одного дня срока на разсужденіе объ оныхъ и на нужное сообразованіе предположеннаго столь важнаго дѣла; но какъ сіе мое прошеніе не удостоенно было вниманія и приступлено было тотчасъ къ подпискѣ постановленія о раскладкѣ суммы, по оному начертанію положенной, то нахожусь теперь въ необходимости объяснить симъ мнѣніе мое, сколько по краткости времени успѣть можно, и представить на разсмотрѣніе ваше, благородныя собратія!

Нѣтъ сомнѣнія, что всенародное просвѣщеніе есть главное орудіе общаго блаженства, что мы должны съ признательнѣйшимъ благоговѣніемъ принимать сердобольное о семъ раченіе человѣколюбиваго нашего Монарха и стараться содѣйствовать ему въ томъ всѣми нашими способа-

ми. Усовершествованіе прежде бывшихъ университетовъ и устроеніе новыхъ, на которыя благоволитъ онъ жертвовать знаменитыми изъ казны суммами, доказываетъ любовь его къ подданнымъ вообще; но милостивое и лестное благоволеніе, которымъ одобряетъ онъ въ разныхъ губерніяхъ благородными обществами и даже среднимъ состояніемъ основанныя училища, удостовѣряютъ насъ, что ему равно пріятны и частныя благонамѣренія, къ просвѣщенію разныхъ сословій содѣйствующія заведенія. И такъ отъ насъ зависитъ избрать то, которое найболѣе обществу нашему выгоды принесть можетъ, въ полномъ удостовѣреніи, что оно удостоится милостиваго его благовоззрѣнія.

По мнѣнію моему, почтенныя собратія, общественное дворянское училище есть для насъ самое полезнѣйшее. Всякому извѣстно, сколь мало средствъ имѣемъ мы къ воспитанію и ученію дѣтей нашихъ. Различные кадетскіе корпусы, какъ по отдаленности сего края, такъ и по ограниченному числу воспитанниковъ, не могутъ служить прибѣжищемъ всѣмъ, а найпаче бѣднѣйшимъ изъ собратій нашихъ. Московскій университетъ, видя невозможность привлечь дворянскихъ дѣтей къ совмѣстному съ протчими состояніями ученію, за необходимое призналъ завесть особый для благородныхъ пенсіонъ, и нѣкоторые достаточные изъ насъ принужденными себя находятъ за довольно дорогую цѣну отдавать туда для обученія сыновей своихъ, другіе-же богатѣйшіе ищутъ способовъ къ воспитанію ихъ даже въ с.петербургскомъ благоустроенномъ лютеранского общества благородномъ пенсіонѣ. Не лучше ли, вмѣсто того, чтобъ искать столь отдаленныхъ, затруднительныхъ и дорого стоющихъ средствъ, завесть намъ собственное общественное училище, гдѣ бы каждый и самый бѣднѣйшій изъ насъ имѣлъ легчайшій и неубыточнѣйшій способъ образовать умъ и нравственность дѣтей своихъ? Я имѣлъ честь представить начертаніе такого училища благонамѣренно пекущемуся о благѣ нашего сословія, милостивому начальнику нашему, его сіятельству, князю Алексѣю Борисовичу Куракину, отъ котораго, послѣ лестнѣйшаго ко мнѣ одобрительнаго отзыва, было сообщено господину тогдашнему губернскому маршалу Василію Ивановичу Чернышу, господамъ повѣтовымъ маршаламъ и ихъ благороднымъ обществамъ, въ слѣдствіе чего не токмо господинъ губернскій маршалъ отъ имени всѣхъ, въ собраніи тогда находившихся, господъ маршаловъ и дворянства, но и особо многіе изъ нихъ, отъ лица благородныхъ повѣтовыхъ обществъ, удостоили меня ласкательными о благопріятіи предложенія моего отзывами. Изъ сего, благородныя собратія, вы изволите видѣть, что заведеніе дворянского училища былъ и есть предметъ весьма любезный моему сердцу; а потому и увѣритесь, что возраженія мои

на представленное господиномъ нашимъ губернскимъ маршаломъ предложеніе происходитъ не отъ чего болѣе, какъ отъ желанія моего, дабы предполагаемое дворянское училище было сколь можно полезнѣе и благоустроеннѣе.

Для учрежденія онаго, господинъ губернскій маршалъ предлагаетъ, во первыхъ, всеподданнѣйшую прозьбу отъ лица дворянскаго нашего собранія милостивѣйшему государю нашему о повелѣніи выдать намъ на устроеніе дворянскаго училища заимообразно безъ процентовъ шесть сотъ тысячъ рублей на двадцать лѣтъ, что составитъ процентами, въ теченіи оныхъ, еще весьма превосходящій оную сумму даръ монаршій. Чѣмъ болѣе удостовѣренъ я о щедротѣ августѣйшаго государя къ подданнымъ своимъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что таковая прозьба наша не соотвѣтствуетъ рвенію нашему жертвовать собственнымъ имѣніемъ нашимъ къ полезному для насъ заведенію, ибо хотя въ теченіи тогоже времени и взнесемъ мы сумму предполагаемую господиномъ губернскимъ маршаломъ, примѣрно по десяти копѣекъ съ числа нашихъ подданныхъ то оная не составитъ суммы, равной просимой нами въ даръ отъ монарха; слѣдовательно мы обращаемъ половину иждивенія, для нашего дворянского училища нужнаго, на однѣ высочайшія щедроты. Сверхъ сего, вообразя, что если и всѣ протчія губернскія дворянскія собранія, имѣющія на милости его императорскаго величества равныя съ нами права, захотѣли-бъ, по примѣру нашему, утрудить его подобными же прозьбами на таковые же предметы, то щедроты его должны простереться до тридцати миліоновъ рублей.

Въ осторогу вамъ, почтенныя собратія, представляя мысли сіи, присовокуплю къ тому, что по вышеупомянутому предначертанію моему о учрежденіи дворянского училища на четыреста учениковъ, прозьба сія дѣлается не необходимою. Въ объясненіе сего представлю только вамъ, что по начертанію господина губернскаго маршала на пятьсотъ учениковъ потребна высочайшая помощь изъ шести сотъ тысячъ капитала, да изъ процентовъ въ теченіи дватцати лѣтъ почти сугубую сумму составляющая, а сверхъ того шесть сотъ тысячъ рублей дворянствомъ взносимой суммы, что болѣе дѣухъ миліоновъ произведетъ, тогда какъ по моему начертанію на четыреста учениковъ только триста тысячъ рублей, дворянствомъ въ десять лѣтъ взносимой суммы, до нашего наличнаго капитала дватцать тысячъ рублей, потребно будетъ. Всякому изъ васъ, благородныя собратія, ощутительно, что на излишнее противу моего положенія число ста учениковъ предполагаемая болѣе полтора миліона сумма есть совсѣмъ несоотвѣтственна. И для того покорно прошу васъ, почтенное общество, обратить на оное при семъ случаѣ благо-

склонное вниманіе ваше и позволить мнѣ къ подкрѣпленію изображенныхъ въ немъ мыслей моихъ удостовѣрить васъ, что никакой учрежденный при гимназіи для дворянскихъ дѣтей пенсіонъ не можетъ имѣть тѣхъ способовъ и выгодъ, которыя получимъ мы отъ училища заведеннаго, содержимаго, надзираемаго и начальствуемаго, подъ одобрительнымъ покровомъ правительства, самимъ нашимъ обществомъ, имѣющимъ долгъ, по кровной къ воспитанникамъ привязанности, пещись отеческимъ попеченіемъ о возможномъ ихъ успѣхѣ въ наукахъ и въ нравственномъ ихъ образованіи.

Представляя вамъ, благородныя собратія, сіе приверженностію моею къ нашему обществу внушаемое мнѣніе, не могу скрыть сердечнаго прискорбія, съ которымъ вижу, что, по причинѣ малочисленнаго нынѣшняго собранія, не можемъ мы никакого о толь важномъ предметѣ, а найпаче для составленія нужной суммы, учинить рѣшительнаго положенія. Изъ многихъ повѣтовъ, кромѣ господъ маршаловъ и хорунжихъ, не видимъ мы почти ни одного не обязаннаго службою дворянина, малое число на мѣстѣ [и вблизи живущихъ гг: дворянъ составляетъ теперь все наше общество. Нѣтъ сомнѣнія, что они сами изъ уваженія къ множайшимъ отсудственнымъ собратіямъ своимъ, имѣющимъ право учавствовать доброю ихъ волею въ толь достойномъ вниманія ихъ дѣлѣ, не захотятъ быть самопроизвольными поруками общаго ихъ согласія, тогда найпаче, когда многія причины должны извинить малочисленный нынѣшній съѣздъ дворянства.

1-е) Для собранія онаго назначено 3-го число сего генваря, когда указной срокъ для рекрутскаго набора только что окончился, многіе изъ господъ дворянъ можетъ быть еще и по сіе время озабочены поставкою рекрутъ, притомъ хотя бы они и успѣли въ томъ, то, по отдаленности большей части повѣтовъ, не могли они никакъ, по истеченіи узаконеннаго рекрутскому набору срока, успѣть въ два дни пріехать сюда.

2-е) Праздничные дни, для всеобщаго даже и присудственныхъ мѣстъ (отдыха) позволенныя, не успѣли еще окончиться; многіе изъ господъ дворянъ захотѣли, можетъ быть, встрѣтить новой годъ въ отрадномъ кругѣ своего семейства. Удивляюсь, за чѣмъ, безъ малѣйшей благовидной причины къ назначенію столь неудобнаго срока, должны они лищиться всего общественнаго удовольствія.

3-е) Сверхъ сего многіе господа дворяне, видя изъ сообщеннаго имъ пригласительнаго предложенія г. губернскаго маршала, что предметъ съѣзда ихъ относится до окончательнаго положенія въ дворянскомъ училищѣ, и разсудя, что по сему предмету прежде сего учине-

но ими, какъ выше мною упомянуто, въ соотвѣтствующее моему начертанію положеніе, не почли, можетъ быть, за необходимо нужное, послѣ обнаруженнаго своего мнѣнія, съѣзжаться вновь для подтвержденія онаго, не предвидя дѣлаемыхъ въ немъ нынѣ новыхъ и толь важныхъ перемѣнъ.

4-е) По 38-й статьѣ высочайше жалованной дворянству грамоты должно оно собираться по созыву и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора всякіе три года, какъ для ввѣренныхъ ему выборовъ, такъ и для выслушанія предложенія генералъ-губернатора или губернатора. Многіе изъ дворянъ, бывъ приглашены къ нынѣшнему собранію г. губернскимъ маршаломъ, чаятельно подумали, что теперишній, столь затруднительный, съѣздъ ихъ не необходимо нуженъ и потому болѣе, что чрезъ шесть мѣсяцовъ имѣетъ быть собраніе дворянства для возобновленія трехълѣтнихъ выборовъ и что до того времени сужденіе о частномъ и единственно къ общему дворянства относящемся дѣлѣ всяко отложено быть можетъ. Къ сему заключенію наипаче побуждаетъ мысль, что въ теченіи двухъ лѣтъ съ половиною дворянство, бывъ созванно начальствомъ четыре раза, имѣло довольно способовъ, а самый лучшій при послѣднемъ собраніи, вступить въ разсмотрѣніе дѣла по предмету нынѣ возобновленному и учинить рѣшительное о немъ положеніе, когдабы оное не терпѣло ни малѣйшей отсрочки.

Представляя сіи извинительныя причины неприбытія множайшихъ сочленовъ нашего общества, я надѣюсь, почтенныя собратія, что вы благоволите уважить оныя; если же кто нибудь изъ васъ, не смотря на то, пожелаетъ въ нынѣшнемъ столь малочисленномъ собраніи окончить предложенное намъ дѣло, то осмѣливаюсь замѣтить, что оно имѣетъ предметомъ не государственную какую либо повинность, требующую неотложнаго къ исполненію мѣроположенія, но дѣло единственно отъ доброй воли каждаго сочлена нашего зависящее, относящееся до сложенія общественной дворянской казны, которая не иначе, какъ по 54-й статьѣ высочайше жалованной дворянству грамоты добровольными складками составляема быть должна, къ чему не токмо столь малочисленное, но и полное дворянское собраніе не можетъ, кажется, обязать сочленовъ своихъ, ибо можетъ обложить денежнымъ платежемъ дворянина въ одномъ токмо случаѣ, по «86-й» статьѣ тойже высочайшей грамоты, да и то весьма ограниченнымъ образомъ. А по сему имѣемъ ли мы право, располагая по нашему произволу собственностію собратій нашимъ, обязать ихъ къ платежу, можетъ быть, и надмѣрной состоянію ихъ суммы? Кольми паче, можемъ ли мы, по предложенію г. губернскаго маршала, дерзнуть утруждать его императорское величество прозь-

бою отъ имени всего нашего общества о повелѣніи выдать ему изъ казны заимообразно безъ процентовъ столь знаменитую сумму, съ обязательствомъ о непремѣнной оныя уплатѣ въ срокъ, подъ опасеніемъ всей строгости съ казенными взысканіями сопряженной? По моему мнѣнію, благопристойнѣе кажется, не спѣша излишне въ столь важномъ намѣреніи, дать время основаться и обнаружиться общему сословія нашего по сему предмету мнѣнію и представить оное тогда съ полнымъ согласіемъ милостивѣйшему воззрѣнію благотворительнаго нашего Монарха, въ глазахъ котораго добрая воля подданныхъ его къ похвальному подвигу есть достойнѣйшая изъ всѣхъ приносимыхъ общественной пользѣ жертвъ. Съ живѣйшимъ убѣжденіемъ, внушаемымъ преданностію моею къ вамъ и благодарностію за довѣренность, которою толь часто меня удостоивать изволили, прошу васъ, почтенныя собратія, уважить представленіе мое и торопливымъ рѣшительнымъ заключеніемъ мнѣнія вашего не подвергнуть себя весьма удобовозможной попрекѣ отсудственныхъ членовъ нашего общества. Благоволите отложить столь важное разсужденіе о общественной нашей пользѣ до будущаго собранія дворянства, для выборовъ по истеченіи сего трехлѣтія предназначеннаго; шести мѣсячная отсрочка не можетъ остановить добраго предпріятія, а еще менѣе повредить оному. Благоволите сообщить чрезъ господина губернскаго маршала всѣмъ и отсудственнымъ сочленамъ нашимъ, какъ предложеніе его, такъ и сей гласъ мой, пусть и благое намѣреніе созрѣетъ въ сужденіяхъ частныхъ. Оно тѣмъ основательнѣе рѣшено быть можетъ въ полномъ собраніи дворянства, и непринужденная воля каждаго тѣмъ охотнѣе устремится къ достиженію полезнѣйшей и общеодобряемой цѣли.

Статскій совѣтникъ Василій Капнистъ.

1805-го года,
генваря 5-го дня.

Библіографія.

Уніатское богослуженіе въ XVII и XVIII вѣкахъ по рукописямъ виленской публичной библіотеки. Изслѣдованіе И. Ѳ. Одинцова, Вильна. 1886 г.

Авторъ названнаго сочиненія извѣстенъ въ нашей исторической литературѣ двумя солидными изслѣдованіями въ той же области русской церковной исторіи; его перу принадлежитъ книга: «Порядокъ общественнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI в.» (Спб. 1881 г.) и статья въ журналѣ «Странникъ» за 1880 г., подъ заглавіемъ: «Послѣдованіе таинствъ въ церкви русской въ XVI в. по рукописямъ новгородской—софійской и московской—синодальной библіотекъ». Настоящій его трудъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что это трудъ спеціалиста, составленный при томъ по источникамъ первой руки. Правда, унія теперь въ предѣлахъ Россіи не существуетъ и вопросъ объ уніатскомъ богослуженіи не можетъ имѣть практическаго примѣненія; но въ области исторіи онъ сохраняетъ все свое значеніе.

Задачею настоящаго своего труда авторъ поставилъ указать особенности общественнаго и частнаго уніатскаго богослуженія въ XVII и XVIII в., опредѣливъ и ихъ происхожденіе, а это для того, чтобы видѣть, «на сколько богослуженіе русской уніатской церкви, подчинившись богослуженію церкви латинской, сохранило въ себѣ древніе обряды церкви греческой и на сколько оно было близко къ богослуженію восточной Руси». Авторъ впрочемъ слѣдитъ особенности богослуженія уніатскаго не по печатнымъ книгамъ, издававшимся въ уніатской церкви съ разрѣшенія ея высшей іерархіи, а по рукописнымъ чинамъ и послѣдованіямъ онаго, существовавшимъ и бывшимъ въ употребленіи одновременно съ печатными и сохранившимся въ виленской публичной

библіотекѣ. А разница между тѣмъ и другимъ источникомъ весьма существенная: тогда какъ первый представляетъ богослуженіе, какимъ оно должно было быть по намѣренію уніатской іерархіи, второй служитъ показателемъ дѣйствительнаго богослуженія, согласовавшагося со взглядами на него переписчиковъ и владѣльцевъ рукописей.

Изслѣдованію состава и отличій уніатскаго богослуженія въ XVII и XVIII ст. авторъ предпосылаетъ краткій обзоръ православнаго богослуженія въ западной окраинѣ Россіи до введенія уніи, равно происхожденія и значенія рукописей, служащихъ основою его изслѣдованія, а затѣмъ подробно излагаетъ особенности рукописнаго уніатскаго устава и слѣдитъ по рукописнымъ чинамъ и послѣдованіямъ особенности богослуженія вседневнаго, а тякже совершенія по нимъ таинствъ и требъ, въ заключеніе же предлагаетъ нѣкоторые общіе выводы изъ всего сказаннаго имъ.

Сущность всего труда г. Одинцова можетъ быть представлена въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ. Богослуженіе русской церкви съ самаго ранняго времени шло въ своемъ развитіи двоякимъ путемъ: въ восточной Руси оно отражало на себѣ всѣ измѣненія обрядности, происходившія въ церкви греческой, а въ западной Россіи находилось подъ воздѣйствіемъ богослуженія римской церкви и приняло многія его особенности, при чемъ главнымъ реформаторомъ православнаго богослуженія западно-русской церкви въ духѣ латинства былъ будто-бы кіевскій митрополитъ Петръ Могила и только существовавшею до того времени близостію богослуженій православнаго и латинскаго можно объяснить то, что изданный Могилою требникъ, въ которомъ многіе обряды, молитвы и пѣснопѣнія носили на себѣ осязательные слѣды латинства, не вызвалъ ни малѣйшаго протеста въ населеніи края, но съ разу и надолго пріобрѣлъ среди его право гражданства. Сближеніе православной богослужебной обрядности съ латинскою, производившееся путемъ добровольнаго подражанія и заимствованій церкви западно-русской, съ особенною силою проявилось въ той ея части, которая со времени брестскаго собора 1596 г. отступила отъ единства съ нею и приняла унію, служившую, по намѣреніямъ ея творцевъ, мостомъ для перехода отъ православія къ латинству. Тутъ надъ искаженіемъ православной обрядности въ духѣ латинства усиленно работали католики и уніатскіе іерархи. Искаженіе совершалось путемъ прибавокъ и измѣненій на поляхъ рукописныхъ чиновъ и послѣдованій, которые послужили основою для печатныхъ богослужебныхъ книгъ уніатской церкви, и усиливалось съ каждымъ новымъ изданіемъ послѣднихъ. Сумма искаженій однако значительно больше въ книгахъ печатныхъ, нежели рукописныхъ; въ по-

слѣднихъ замѣчается даже такое странное на первый взглядъ явленіе, что чѣмъ ближе рукопись къ началу уніи, тѣмъ искаженій въ ней больше и наоборотъ въ рукописяхъ позднѣйшихъ искаженій меньше и обрядъ уніатскій ближе къ послѣдованіямъ церкви православной. Ту и другую разницу, равно и существованіе рукописныхъ богослужебныхъ книгъ на ряду съ печатными, авторъ объясняетъ всегдашнимъ существованіемъ въ уніатской церкви какъ людей преданныхъ уніи и желавшихъ сближенія ея съ римскою церковью, такъ и другихъ, понимавшихъ гибельную цѣль уніи и старавшихся удержать въ чистотѣ и неприкосновенности древній грековосточный обрядъ.

Слѣдя въ частности измѣненія греко-восточнаго обряда по рукописнымъ уніатскимъ богослужебнымъ книгамъ XVII и XVIII ст., авторъ говоритъ, что измѣненія не коснулись общаго регулятора богослуженія—церковнаго устава, что найбольшее число ихъ сдѣлано въ послѣдованіяхъ литургіи и таинствъ, гдѣ конкретно выражается догматическая сторона религіи, измѣненіе которой было въ видахъ латинянъ, и найменѣе пострадали отъ вліянія латинства обряды, не представлявшіе особенностей догматическаго характера и практиковавшіеся рѣже другихъ, какъ наприм. чинъ освященія воды.

Авторъ разсматриваемой книги отмѣчаетъ наконецъ въ своемъ изслѣдованіи и тотъ достойный особаго вниманія фактъ, что, не смотря на всѣ сдѣланныя уніатами измѣненія въ общемъ составѣ и въ частностяхъ православнаго богослуженія съ цѣлію сближенія его съ богослуженіемъ церкви латинской, въ разсмотрѣнныхъ имъ богослужебныхъ уніатскихъ рукописяхъ сохранилось очень много обрядовъ древне-православныхъ, а между ними много такихъ, которые не встрѣчаются уже нынѣ въ послѣдованіяхъ православной церкви, но только въ древней богослужебной ея практикѣ, какъ напр. благословеніе даровъ на жертвенникѣ во время малаго входа, чтеніе въ алтарѣ «Святый Боже» послѣ Символа вѣры, чтеніе молитвъ предъ причащеніемъ священно-служащихъ, начинаніе литургіи преждеосвященныхъ возгласомъ: «Благословенъ Богъ нашъ», троекратное чтеніе каждой изъ заклинательныхъ молитвъ въ чинѣ крещенія, помазаніе всего тѣла крещаемаго елеемъ и пр. и пр.

Таковы любопытныя наблюденія и выводы, сдѣланные г. Одинцовымъ изъ разсмотрѣнія рукописныхъ памятниковъ уніатскаго богослуженія XVII и XVIII ст., хранящихся въ виленской публичной библіотекѣ.

Нельзя не отдать справедливости его знакомству съ предметомъ, его кропотливому труду, тщательному обслѣдованію всѣхъ особенностей

уніатскаго богослуженія по сравненію съ богослуженіемъ католической и православной церкви и даже церквей юго-славянскихъ, его наконецъ осмотрительнымъ и точнымъ выводамъ. Только изучившему основательно, по первоисточникамъ, исторію богослуженія нашей церкви отъ ея начала до конца XVI в. можно было разобраться въ громадной массѣ мельчайшихъ измѣненій онаго въ церкви уніатской слѣдующихъ двухъ столѣтій, по значительному числу рукописныхъ источниковъ, въ противоположность источникамъ печатнымъ до крайности разнообразныхъ, и отдѣлить въ нихъ то, что имѣетъ общій православный чинъ и характеръ, отъ того, что привзошло отъ церкви латинской, или что сохранилось, какъ остатокъ древне-русскаго православнаго богослуженія.

Намъ кажется, однако, нѣсколько одностороннимъ какъ исходный пунктъ изслѣдованій автора, такъ и та основная точка зрѣнія его на предметъ, которой онъ держится въ нихъ отъ начала до конца.

Едва ли, наприм., можно серьезно говорить о латинствованіи западно-русской церкви еще съ XIII в. на основаніи трехъ только обрядовыхъ особенностей, случайно встрѣчаемыхъ въ одномъ лишь крещеніи, именно въ допущеніи въ немъ обливанія въ замѣнъ погруженія и воспріемниковъ болѣе одного, а также въ употребленіи мура, заимствованнаго у католиковъ. Еще менѣе можетъ быть доказано ея латинствованіе въ послѣдующее время, особливо предъ началомъ уніи, когда одни только слухи объ ней возбуждали общую тревогу во всѣхъ слояхъ западно-русскаго общества. Довольно вспомнить одну попытку польскаго правительства ввести новый григоріанскій календарь, вызвавшую цѣлую бурю въ западно-русскомъ православномъ населеніи и кончившуюся для правительства полной неудачей. Самое объявленіе уніи и ея введеніе, потребовавшее цѣлаго ряда неслыханныхъ насилій и жестокостей, обнаружило всю безпочвенность этой іезуитской выдумки и полную до самоотверженія преданность западно-русскаго народа православію. Автора соблазнилъ требникъ Петра Могилы, носящій, по его мнѣнію, осязательные слѣды латинства, и онъ объясняетъ появленіе этого требника и принятіе его безъ ропота и протеста существовавшею уже къ тому времени «большою близостію богослужебныхъ обрядовъ церкви православной въ южной и западной Руси къ обрядамъ церкви латинской». Но онъ пропустилъ требникъ стрятинскій и другіе предшествовавшіе Могилиному, не изучилъ, какъ слѣдуетъ, этого послѣдняго, не понялъ и вообще личности Могилы и значенія произведенной имъ въ обрядности реформы. Могила не только православнѣйшій изъ православныхъ, но и великій ревнитель и защитникъ православія, и этому дѣлу отдалъ всю свою жизнь. Рѣшившись регулировать и воспоянить обрядность православной церкви, въ виду частыхъ нападковъ на эту сторону

противной партіи, онъ всякій обрядъ, таинство и священное дѣйствіе старался опредѣлить по пріемамъ тогдашней богословской науки со стороны формы и содержанія и если замѣчалъ, что чего либо недоставало для той или другой стороны, то или бралъ готовое и болѣе соотвѣтственное изъ требниковъ греческихъ и даже римскихъ, или же самъ составлялъ недостающія молитвы и пѣснопѣнія. Его требникъ вводилъ единство въ разнообразіе обрядовыхъ принадлежностей, выяснялъ внутренній ихъ смыслъ, восполнялъ подъ часъ недостающее въ ихъ внѣшней сторонѣ. Вся эта сложная работа Могилы показываетъ, что онъ не способенъ былъ на простое заимствованіе, безъ соображенія съ значеніемъ обряда по духу и ученію церкви. Его требникъ кромѣ того обнималъ собою всѣ стороны общественнаго и частнаго богослуженія, всѣ духовныя нужды христіанина въ частнѣйшихъ случаяхъ его семейной и домашней жизни. Равнаго этому требнику по полнотѣ у насъ не было и нѣтъ доселѣ; отъ того онъ принятъ былъ не только въ церкви православной, но даже уніатской; его молитвами на частные случаи обыденной жизни (напр. освященіе дома и т. п.) священники пользовались во все прежнее время, пользуются и теперь, не находя ихъ во всѣхъ другихъ требникахъ.

Итакъ не мнимымъ сближеніемъ православной обрядности съ латинскою въ западно-русской церкви, въ первой пол. XVII ст., надобно объяснять появленіе и сочувственное принятіе могилинскаго требника, а высокими внутренними достоинствами этой богослужебной книги, ея глубоко-православнымъ характеромъ и полнотою, а равно засвидѣтельствованною исторіею наклонностію южно-русскаго народа въ дѣлѣ вѣры и обряда искать духа и смысла, а не буквы. Мы распространились о мнимомъ латинствованіи западно-русской церкви въ періодъ до уніи и въ началѣ ея не потому только, что авторъ повторяетъ здѣсь общеупотребительный и, правду сказать, избитый, хотя и несогласный съ исторіею пріемъ, но и потому, что этотъ пріемъ является въ его изслѣдованіи исходнымъ пунктомъ. Въ противуположность сему, говоря объ обрядности въ восточной Руси, онъ видитъ въ ней только отраженіе измѣненій обрядности греческой церкви, а это въ свою очередь невѣрно исторически. Чтобы не заходить въ глубь исторіи Новгорода, достаточно будетъ указать на долговременную практику въ Москвѣ «чина пещнаго дѣйствія», «Въѣханія Господня» и другихъ обрядовъ, не греческаго, конечно, происхожденія.

Одинаково кажется намъ не совсѣмъ вѣрною и основная точка зрѣнія автора на характеръ обряда. Мѣриломъ православія въ этомъ отношеніи онъ считаетъ обрядную практику въ восточной или центральной

Руси и согласіе оной съ практикою церкви греческой. Недостаточность этого критерія показала намъ реформа Никонова въ связи съ отвѣтомъ ему восточныхъ патріарховъ по поводу возникшей въ церкви русской разности въ обрядахъ; но если бы и въ наше время сличить обряды нашей церкви съ обрядами церкви греческой, то многаго изъ того, что есть у насъ, не оказалось бы у грековъ и на оборотъ. А между тѣмъ съ помощію именно этого критерія авторъ обсуждаетъ обрядность рукописныхъ уніатскихъ богослужебныхъ книгъ и опредѣляетъ близость ея къ обрядности православной и латинской. Внутренняго самостоятельнаго движенія въ ней, хотя бы подъ вліяніемъ постороннихъ воздѣйствій, авторъ также не указываетъ, а видитъ только стремленіе однихъ приблизить ее къ обрядности латинской, другихъ же удержать за нею характеръ греко-восточный.

Скажемъ еще, что, слѣдя въ обрядности уніатской ея церковно-религіозную сторону, авторъ оставилъ безъ вниманія отразившіяся въ ней мѣстныя бытовыя черты, и это тѣмъ болѣе жаль, что собственно для этой цѣли ни самъ авторъ и никто другой не займется пересмотромъ вновь виленскихъ богослужебныхъ рукописей. По этой, какъ и по другимъ указаннымъ выше причинамъ самые выводы автора, при видимой ихъ основательности, не кажутся намъ достаточно полными.

К. Цыбульскій.

Литературный сборникъ, издаваемый галицко-русскою матицею подъ редакціей Б. Дѣдицкаго. Вып. I. Львовъ, 1886 года.

Небольшой объемъ сборниковъ, издаваемыхъ старѣйшимъ львовскимъ издательскимъ обществомъ, ведетъ къ существенному неудобству, отражающемуся на составѣ отдѣльныхъ выпусковъ: является необходимость дробить статьи въ интересахъ разнообразія содержанія книгъ. При значительныхъ промежуткахъ времени, отдѣляющихъ выходъ одного выпуска отъ другого, это неудобство сказывается еще сильнѣе, какъ бы лишая цѣлостности нѣкоторые научные труды. Эти замѣчанія напрашиваются сами собой при чтеніи и настоящаго выпуска «Сборника». Открывается онъ трудомъ о. А. С. Петрушевича о «Словѣ о полку Игоревѣ». Почтенный ученый предполагаетъ предложить исправленное и раздѣленное по стихамъ изданіе текста, съ поясненіями къ нему. Но и текстъ и поясненія появятся въ слѣдующемъ выпускѣ, а теперь помѣщено одно лишь введеніе къ труду. Точно также изъ любопытныхъ записокъ Я. Ѳ. Головацкаго напечатано нѣсколько среднихъ главъ. Только мелкія статьи и замѣтки могли войдти въ этотъ выпускъ «Сборника» цѣликомъ.

Имѣющіе появиться коментаріи о. Петрушевича прибавятъ конечно существенныя черты къ критической литературѣ объ этой, чудесно дошедшей до насъ, загадочной поэмѣ княжескаго вѣка. А литература эта по истинѣ громадна. Гг. Смирновъ и Барсовъ въ своихъ библіографическихъ очеркахъ опредѣлили число издателей, переводчиковъ и изслѣдователей «Слова» цифрою 168. Въ рецензіи трудовъ двухъ названныхъ ученыхъ г. Ждановъ, указаніемъ пропусковъ и дальнѣйшими положеніями, довелъ эту цифру почти до 200. Съ 1880 г., когда писана его замѣтка, появлялись статьи и очерки по тому же предмету и цѣлыя изслѣдованія, какъ напр. книги М. А. Андріевскаго и громадный трудъ Е. Барсова, провосходящій по объему и обстоятельности все, что было извѣстно по этой части до сихъ поръ. Многочисленные изслѣдователи «Слова» давно подѣлились на группы. Есть коментаторы исторической и миѳологической сторонъ памятника и изслѣдователи соотношенія «Слова» съ данными народной поэзіи (Дубенскій, Максимовичъ и др.) Видятъ въ поэмѣ иноземныя вліянія (Веселовскій, Вс. Миллеръ, Барсовъ) и отрицаютъ ихъ (Потебня, Огоновскій и пр.), признаютъ складъ его стихотворнымъ и не признаютъ и т. п. Нечего говорить о чтеніи отдѣльныхъ мѣстъ и словъ текста, а также о вопросѣ относительно времени написанія Пушкинскаго списка: тутъ изломано множество перьевъ и изведено чернилъ цѣлое море.

Въ введеніи къ своему опыту о. Петрушевичъ касается также общихъ вопросовъ, вызываемыхъ «Словомъ»: онъ относитъ Пушкинскій списокъ къ концу XV или началу XVI вѣка; важнѣйшими ошибками прежнихъ издателей признаетъ раздѣленія нѣкоторыхъ словъ на части, неправильныя выведенія словъ изъ подъ титловъ, ошибочное чтеніе или смѣшеніе нѣкоторыхъ буквъ и пр. Текстъ слова онъ считаетъ необходимымъ дѣлить на стихи, такъ какъ этимъ способомъ облегчится исправленіе нѣкоторыхъ испорченныхъ мѣстъ и разстановка словъ посредствомъ замѣченнаго параллелизма стиховъ. Касается онъ также пресловутаго *двоевѣрія* автора «Слова», т. е. присутствія въ его міровоззрѣніи языческаго начала. По этому поводу онъ даетъ вскользь свое толкованіе имени Трояна, четыре раза встрѣчающагося въ «Словѣ» и ставящаго въ такое затрудненіе коментаторовъ.

Просматривая труды русскихъ изслѣдователей, мы видимъ, что они поперемѣнно объявляли этого Трояна то римскимъ императоромъ (Карамзинъ), то славянскимъ божествомъ (Буслаевъ), то давнимъ югославянскимъ царемъ (Вс. Миллеръ и нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи), то наконецъ потомкомъ троянцевъ (гипотеза кн. Вяземскаго и поправка въ ней Веселовскаго; по этому толкованію земля тюрковъ, по-

томковъ троянцевъ, Тархота, на Дону, у пѣвца Игоря явилась землею троянскою). О. Петрушевичъ въ Троянѣ «Слова» видитъ Рюрика, родоначальника династіи, старшаго изъ трехъ братьевъ (трибратичей), получившаго поэтому имя Трояна. Забвеніе имени Трояна онъ объясняетъ мѣрами духовенства, которое хотѣло изгладить память о языческомъ царѣ и сосредоточить народное вниманіе на первомъ христіанскомъ правителѣ, св. Владимірѣ. Этими же мѣрами онъ объясняетъ рѣдкость списковъ «Слова». Выраженіе одного изъ стиховъ поэмы «*рыщя въ тропу Трояню*» даетъ ему поводъ распространиться объ этимологическомъ значеніи имени *Русичей* и *Руси*. Это имя первоначальной воинственной дружины, ставшее впослѣдствіи именемъ племени, онъ производитъ, длиннымъ путемъ сопоставленій, отъ глагола *рискати, ристати*, употребленному въ означенномъ стихѣ Игоревой поэмы. Не надо быть записнымъ филологомъ, чтобъ замѣтить научное увлеченіе автора, приведшее его къ такому толкованію. Еще болѣе натянуто смѣшеніе федерализма съ удѣльною системою въ томъ мѣстѣ введенія о. Петрушевича гдѣ рѣчь идетъ о политическихъ идеалахъ пѣвца «Слова».

Новинкою, хотя и спорною, является догадка изслѣдователя о происхожденіи автора «Слова». Онъ считаетъ его выходцемъ изъ галицкой Руси, отправившимся вмѣстѣ съ дочерью галицкаго князя Ярослава Владимірковича, Ефросиніею, супругою сѣверскаго князя Игоря и вступившимъ на службу въ дружину и совѣтъ этого князя. Къ такому предположенію приводятъ ученаго близкое знакомство пѣвца «Слова» съ политикою и отношеніями къ сосѣднимъ державамъ галицкаго князя Ярослава, встрѣчающееся въ поэмѣ указаніе на мѣстность древняго галицкаго города Плесниска, свѣдѣніе о походѣ полковъ Ярослава на дальній востокъ, въ землю Салтановъ, описаніе плача Ярославны и рельефное изображеніе степей, поразившихъ пѣвца своимъ контрастомъ съ предкарпатской природой.

Напечатанная въ «Сборникѣ» рѣчь уважаемаго галицкаго историка И. Шараневича касается знаменательнаго торжества, отпразднованнаго въ текущемъ году во Львовѣ—300 лѣтняго юбилея ставропигійскаго института, котораго г. Шараневичъ состоитъ въ настоящее время предсѣдателемъ. Въ своемъ словѣ почтенный ученый обращается къ тому далекому времени, когда, при Стефанѣ Баторіѣ, по почину галицкаго шляхетства и мѣщанъ, при содѣйствіи митрополита Рогозы и съ благословенія антіохійскаго патріарха Іоакима, положено было прочное основаніе знаменитому впослѣдствіи просвѣтительному учрежденію. Школа и типографія братства, возникшая въ 1586 году, служили въ отдаленную эпоху свѣтильниками науки, а гуманитарная и научная цѣль брат-

ства группировала вокругъ него общественныя силы какъ собственно галицкой, такъ и южно-русской земли. Помянувъ добрымъ словомъ дѣятельность братствъ, оказывавшихъ великія услуги обществу и народу, историкъ обращается къ тѣмъ основамъ, которыя давали братствамъ силу и возможность въ достиженіи высокихъ задачъ ихъ дѣятельности. Главнымъ образомъ эту силу онъ видитъ въ основаніяхъ общественныхъ, на какихъ учреждались въ ту пору братства. Братства южной Руси возникали въ городахъ, надѣленныхъ Магдебургскимъ правомъ и вполнѣ сообразовались въ своемъ строѣ съ учрежденіями гражданскими. Ихъ автономія или самоуправленіе были только естественнымъ послѣдствіемъ болѣе или менѣе развитой свободы общественныхъ корпорацій, въ основаніе образованія которыхъ ложилось различіе ремеслъ, сословій и вѣроисповѣданій.

Ставропигійское братство, сохранившее во многомъ свой древній уставъ, насчитываетъ въ настоящее время 62 члена. Члены принимаются по выбору. Братство содержитъ школу на 30 бѣдныхъ учениковъ, выдаетъ стипендіи и печатаетъ въ своей типографіи книги для церквей и школъ.

Подъ рубрикой «Матеріалы для исторіи галицко-русской словесности» помѣщено въ «Сборникѣ» продолженіе интересныхъ автобіографическихъ записокъ Я. Ѳ. Головацкаго, носящихъ общее заглавіе «Пережитое и перестраданное». Эти талантливые наброски переносятъ насъ за пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Предъ нами юноша со страстью стремящійся узнать и изъучить свой край и народъ, собрать его духовное добро, его устную поэзію, постигнуть его духовный складъ и характеръ. Тогда не умерло еще въ Галичинѣ крѣпостное право. Въ крестьянскихъ хатахъ, куда стремился любознательный пѣшеходъ, караулило его зоркое око экономa и трудное всегда дѣло собиранія произведеній народнаго творчества осложнялось еще панской подозрительностью. Очень живо разсказаны дни ученія въ Венгріи и новыя скитанія по родной землѣ. Для исторіи духовнаго развитія въ Галиціи записки эти представятъ несомнѣнно огромное значеніе, принадлежа одному изъ дѣятелей, найболѣе своими трудами способствовавшему начаткамъ развитія просвѣщенія своей страны въ народномъ духѣ.

Остальной матеріалъ «Сборника» состоитъ изъ перевода монографіи Костомарова о кн. Даніилѣ Галицкомъ (на какой языкъ?—отвѣчать на это довольно трудно,—сборникъ напечатанъ на діалектѣ, одинаково трудномъ для пониманія какъ мѣстнымъ читателямъ, такъ и русскимъ), замѣтки объ одной археологической находкѣ въ 40 годахъ, біографическаго очерка О. Поляпскаго и небольшой библіографіи. Въ приложеніи

начато печатаніе очень интересной серіи изображеній «Памятниковъ галицко-русской старины» съ объяснительнымъ текстомъ. Въ трехъ имѣющихся таблицахъ, прекрасно исполненныхъ хромолитографіей по рисункамъ г. Чеховича, заключаются изображенія археологическихъ предметовъ, найденныхъ въ раскопкахъ на мѣстѣ древняго Галича. Это кресты и крестики, открытые при раскопкѣ могилъ. Объяснительная замѣтка устанавливаетъ сходство этихъ предметовъ съ такими же найденными на мѣстѣ древняго Плесниска, въ раскопкахъ предпринятыхъ Краковской академіей. Предметы эти относятся къ первымъ временамъ водворенія христіанства на Руси. Тутъ же сообщенъ списокъ предметовъ, найденныхъ проф. В. Б. Антоновичемъ въ раскопкахъ на побережьяхъ Днѣстра и Днѣпра, въ губерніяхъ каменецъ-подольской, волынской, полтавской и кіевской. Нѣкоторые предметы археологіи, бывшіе на львовской археологической выставкѣ, найденные въ галицко-русскихъ мѣстностяхъ, совершенно подобные находкамъ г. Антоновича, представили очевидное доказательство единообразія культуры этой страны въ славяно-язычесяій періодъ съ культурою мѣстностей поднѣпрянскихъ и поднѣстрянскихъ.

W.

Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ, Амфіана С. Лебедева. Москва. 1885 года.

Небольшая книжка (въ 50 стр.) подъ этимъ заглавіемъ представляетъ сборникъ матеріаловъ, собранныхъ авторомъ въ архивахъ курской и харьковской губерній и напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ» (книга 2-я за 1884 г.). Сборникъ дѣлится на нѣсколько отдѣловъ: первый содержитъ въ себѣ матеріалы по исторіи «Липновской Троицкой пустыни» (курской губерніи), рисующіе весьма неприглядныя стороны во внутренней жизни этого монастыря: пьянство, развратъ, хищенія, растраты, неуваженіе къ святынѣ и глубокое невѣжество.

Во второмъ отдѣлѣ подъ громкой и несоотвѣтствующей содержанію рубрикой: «Эпизодъ изъ исторіи борьбы духовной власти въ Россіи съ народно-религіозными обычаями» мы находимъ просто-на-просто борьбу курскаго Знаменскаго монастыря съ Коренной Рождественской пустынью изъ-за доходовъ отъ чудотворнаго образа Знаменія Пресвятыя Богородицы. „Подаяніе уступить обидно“, твердили обѣ стороны и въ этихъ словахъ выразили всю суть своихъ споровъ; при этомъ во взаимныхъ жалобахъ монастыря на пустынь и на оборотъ разсказываются подроб-

ности о перебранкѣ между собою монашествующихъ изъ-за «подаянія», торгъ съ богомольцами за молебны и проч. Борьба окончилась тѣмъ, что святѣйшій синодъ запретилъ хожденіе съ образомъ изъ монастыря въ пустынь, и оно было возстановлено, и то очень не скоро, только по просьбѣ населенія, удовлетворявшаго при этомъ хожденіи свои религіозныя потребности.

Мы не будемъ останавливаться подробно ва этихъ документахъ, какъ не относящихся собственно къ программѣ «Кіевской Старины», а перейдемъ къ обозрѣнію актовъ, спеціально принадлежащихъ къ области исторіи южной Руси. Они составляютъ въ книжкѣ третій отдѣлъ подъ именемъ: «Владѣльческихъ документовъ Сумскаго Успенскаго монастыря» и извлечены г. Лебедевымъ изъ архива харьковской духовной консисторіи. Одинъ изъ этихъ документовъ, поминовенная запись, любопытенъ по тому религіозному чувству и одушевленію, съ какимъ небогатый жертвователь завѣщаетъ святой обители на поминъ своей души послѣднее достояніе, совсѣмъ пренебрегая положеніемъ своей жены, которой предоставляетъ жить «на всей худобѣ, что есть, яко она вѣдаетъ»; второй показываетъ, какъ просто улаживались въ старину дѣла о растратахъ. Ипатій, монахъ Сумскаго Успенскаго монастыря, говоритъ въ своей записи: «считали мене на трапезѣ игуменъ Иларіонъ съ братіею и не досчитали на мнѣ монастырскихъ денегъ 37 рублевъ..... которыхъ денегъ казенныхъ мнѣ старцу нечѣмъ уплатить, то я въ тѣхъ деньгахъ отдалъ свою купчую на комору....» Изъ слѣдующихъ за тѣмъ документовъ мы узнаемъ, что монахи того-же монастыря не считали для себя зазорнымъ пріобрѣтать въ собственность имущество своего должника, когда онъ оказывался несостоятельнымъ къ платежу. Отдачею монастырскихъ денегъ на проценты подъ залогъ недвижимаго имущества занимается также архимандритъ съ братіею; они же употребляютъ и другія подобныя средства для увеличенія своихъ имѣній. Одному монастырскому крестьянину мѣщанинъ заложилъ свой лѣсъ и, не выкупя его, бѣжалъ; тогда монастырь, являясь выразителемъ правъ своего крестьянина на судѣ, хлопочетъ объ укрѣпленіи за послѣднимъ эгого лѣса, когда же процессъ былъ выигранъ, монастырь оставляетъ лѣсъ за собой, а крестьянину сплачиваетъ долгъ, за который лѣсъ былъ ему заложенъ. Завѣщаніе іеромонаха харьковскаго преображенскаго монастыря о распредѣленіи его имущества между сыновьями священниками указываетъ на большое развитіе въ ту пору и въ той мѣстности промышленнаго духа въ бѣломъ духовенствѣ, вполнѣ отдавшемся занятію земледѣліемъ, винокуреніемъ, торговлей и проч.; изъ того же завѣщанія мы видимъ, какъ легко тогда переходили изъ-за прилавка къ

алтарю и какъ мало требовалось для того, чтобы, напр., купецъ сдѣлался священникомъ. Въ завѣщаніи другаго священника (мѣстечка Тарановки зміевскаго уѣзда) мы встрѣчаемся со взглядомъ людей прошлаго вѣка на церковь, какъ на собственность священника, которую онъ могъ передавать даже по завѣщанію сыну или зятю, съ условіемъ иногда, чтобы половина церковныхъ доходовъ шла въ пользу вдовы завѣщателя. Въ настоящемъ сборникѣ нашелъ себѣ мѣсто также документъ, указывающій на мѣры, какія принимало высшее начальство для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ и суевѣріемъ. Генералъ-губернаторъ курскаго намѣстничества проситъ бѣлогородскую духовную консисторію сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы духовенство учило народъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что борьба съ несчастіями и общественными бѣдствіями вполнѣ законна и не противорѣчитъ духу вѣры. Распоряженіе это было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что народъ не хотѣлъ уничтожать саранчи, налетѣвшей на г. Корочу и пожиравшей посѣвы, вѣря, что это сила Божія, наказаніе за грѣхи и что поэтому борьба съ нею не только напрасна, но и богопротивна и можетъ привести къ большимъ еще бѣдствіямъ.

Для исторіи сельско-хозяйственной и заводской промышленности на югѣ Россіи мы находимъ также нѣсколько цѣнныхъ документовъ, какъ напр. бумаги объ учрежденіи Петромъ Великимъ овчарныхъ заводовъ на югѣ Россіи, въ восьми городахъ: Рыльскѣ, Орлѣ, Карачевѣ, Путивлѣ, Курскѣ, Сумахъ, Ахтыркѣ и Бѣлгородѣ. Заводами управляли 13 иноземцевъ, у которыхъ было учениковъ изъ великороссовъ 51 и малороссовъ 54; въ ихъ распоряженіи было 21,074 овцы, а «впредь велѣно содержать 15,000». Ученики набирались въ эту науку, какъ рекруты, съ извѣстнаго числа дворовъ (съ 57 по одному); также доставлялись для овецъ сѣно и солома: сѣна «зеленаго, мелкаго съ листьями полагалось по возу съ полтретья двора и соломы по возу съ 27 дворовъ съ подвозомъ». Ясно, что искуственная поддержка промышленности была бременемъ для населенія и постоянно сокращалась.

О существованіи смальчужныхъ заводовъ въ селѣ Должковѣ (харьковскаго уѣзда) мы узнаемъ изъ напечатаннаго въ сборникѣ письма владѣльца этихъ заводовъ капитана князя Якова Крапоткина къ архимандриту курскаго Знаменскаго монастыря Михаилу; въ этомъ письмѣ князь увѣдомляетъ архимандрита, что онъ заключилъ договоръ съ монастырскими крестьянами о доставкѣ ими въ Орелъ 500 бочекъ смальчуги и проситъ побудить крестьянъ исполнить договоръ аккуратно, прибавляя: «при семъ же чрезъ оныхъ крестьянъ посылаю превелебности вашей барильце водки украинской, которое прошу любительно

приказать принять и дай Боже на здоровье употреблять». Само собою разумѣется, что послѣ такой убѣдительной просьбы договоръ выполнили точно.

Красочный заводъ существовалъ въ монастырскомъ селѣ Смородинномъ (фатежскаго уѣзда), но принадлежалъ не монастырю, а компаніи, которую составляли: графъ Шуваловъ, оберъ-инспекторъ Шемякинъ и купецъ, содержатель фабрики, Антонъ Товлѣевъ; производствомъ работъ занимался англичанинъ Роберть Гриналь; земля для завода была отведена въ монастырскомъ имѣніи по приказанію преосвященнаго. Монастырь, конечно, исполнилъ приказаніе епископа, но дѣлалъ всѣ возможныя препятствія для преуспѣянія фабрики; крестьяне напр. обязаны были доставлять для завода траву на краски; архимандритъ воспрещалъ имъ такую доставку; англичанинъ жаловался Шувалову; Шуваловъ «милостиво увѣщевалъ» архимандрита; архимандритъ оправдывался и «клялся Богомъ Всемогущимъ, что ни тайно, ни явно, ни собою, ни другимъ кѣмъ матеріалъ на фабрикѣ продавать крестьянамъ не воспрещалъ и за продажу никого не наказывалъ ниже словомъ»; а между тѣмъ въ письмѣ къ монаху Христофору, ходатайствовавшему въ Петербургѣ по монастырскимъ дѣламъ, поручаетъ отнесть, кому слѣдуетъ, по полпуду перепеловъ, «чтобы не быть фабрикѣ въ вотчинѣ монастырской».

При богатствѣ и интересѣ матеріаловъ сборника, составитель онаго не всегда заботится о точности и буквальномъ воспроизведеніи ихъ въ печати, жертвуя ими для интереса разсказа. Его книга представляется чѣмъ-то среднимъ между историческимъ разсказомъ и сборникомъ документовъ; это разсказъ, который ведется актовымъ языкомъ; для читателей обыкновенныхъ онъ труденъ по языку, для спеціалистовъ въ немъ многаго не достаетъ. Самый выборъ матеріала и расположеніе онаго, а также объясненія составителя сборника не всегда могутъ похвалиться исторической безпристрастностію. Г. Лебедевъ сокращаетъ подлинники, дѣлаетъ изъ нихъ извлеченія, забывая, что то, что не важно для него, можетъ быть важнымъ и существеннымъ для другихъ.

И. Каманинъ

Вліяніе русской колонизаціи на природу Ставропольскаго края, Д. Л. Иванова (Извѣстія имп. рус. географич. общества, 1886 г. Т. III, стр. 225—255).

Въ воображеніи малорусскаго крестьянина Старопилье—земля, текущая медомъ и млекомъ, и долгое время, нѣсколько десятилѣтій, туда

двигались переселенцы съ разныхъ концовъ Россіи, межлу прочимъ, изъ Малороссіи. Земельное богатство, приволье водъ, лѣса и луговъ, съ рыбой, звѣрьемъ и птицей, отсутствіе систематическаго контроля со стороны начальства, сидѣвшаго въ крѣпостныхъ стѣнахъ рѣдкихъ оффиціальныхъ пунктовъ, наивность «орды», мирнаго кочевника-сосѣда, все это манило людей въ ставропольскій край. Сюда шелъ разный народъ, бродяги и мирные земледѣльцы. Кажется, жить бы здѣсь поселенцамъ, ѣа поживать, да добра наживать. И дѣйствительно, первые поселенцы богато зажили. Но богатство это не было дѣломъ правильной культуры; оно извлекалось изъ земли, съ полнымъ пренебреженіемъ къ ея производительнымъ силамъ, посредствомъ широкаго развитія скотоводства и земледѣльческаго хозяйства исключительно на экстенсивныхъ началахъ, т. е. на подъемѣ цѣлины. Огромныя отары овецъ прошли по полямъ и не оставили былины; рогатый скотъ внесъ разрушеніе въ молодые лѣса и затопталъ ручейки. Наступили засухи, неурожаи, и благосостояніе народа пошло быстро къ упадку. Народъ правильно увидѣлъ въ неурожаяхъ наказаніе Божіе за грѣхи, но онъ не понимаетъ того, что главный грѣхъ состоялъ въ расхищеніи природныхъ средствъ страны. Быстрая колонизація, говоритъ г. Ивановъ, не принесла съ собою ничего такого, что могло бы повести къ улучшенію природныхъ условій, а напротивъ съ такой поспѣшностью приложила свои культурныя знанія къ расхищенію бывшихъ запасовъ, что уже четвертому поколѣнію со времени первыхъ поселеній приходится расплачиваться за недальновидность дѣдовъ... Истребленіе лѣсовъ и растительности, порча почвы разными путями, нераціональная трата воды, отсутствіе правильной охраны и распредѣленія кореннаго сельско-хозяйственнаго достоянія, все это повело къ осушенію страны, и борьба съ природой становится съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе... Обратное выселеніе уже началось, Въ общемъ, богатый земледѣльческій край идетъ къ упадку, не смотря на рѣдкость населенія; климатическія условія все болѣе превращаютъ страну въ непріятную сухую степь... Отдѣльныя усилія являются уже напраспыми въ борьбѣ съ надвигающимся роковымъ возмездіемъ со стороны неумолимой природы.

И такъ столь привлекательный для малороссовъ край, Старопильщина, уже имѣетъ исторію, печальную исторію: не разцвѣтши онъ отцвѣлъ, и новымъ поколѣніямъ переселенцевъ приходится уже тянуться въ безконечную даль, на Амуръ, въ Уссурійскій край, на берега Мургаба и Теджента.

Н. С.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПОЛЬСКОМУ РЕЦЕНЗЕНТУ МАЛОРУССКИХЪ КНИЖЕКЪ.

Въ польскомъ журналѣ «Przegląd Tygodniowy», въ октябрской его книжкѣ за настоящій годъ, мы нашли небольшую библіографическую замѣтку нѣкоего Коровая-Метелицкаго, посвященную произведеніямъ современной украинской литературы. Въ ней онъ рецензируетъ нѣсколько малорусскихъ книжекъ, и въ ряду ихъ, при томъ на первомъ планѣ, ставитъ «Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта, Петра Раевскаго» (Кіевъ и Одесса 1886 г.) и его же «Новыя сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта» (Кіевъ, 1883 г.).

Нельзя вообще не отнестись сочувственно къ тому, что поляки, слѣдя за ходомъ развитія иностранной литературы, не оставляютъ безъ вниманія подъ часъ и болѣе близкой имъ русской литературы и въ частности малорусской. На этотъ разъ вниманіе рецензента не ограничивается простымъ обзоромъ перечисленныхъ имъ сочиненій, но углубляется такъ сказать въ самую суть дѣла, при чемъ рецензентъ высказываетъ мнѣнія, не лишенныя основанія; таковъ, напримѣръ, упрекъ его малорусской пишущей братіи въ односторонности и однообразности избираемыхъ ими темъ. Мы впрочемъ не намѣрены въ нашей бѣглой замѣткѣ касаться общихъ, такъ сказать, принципіальныхъ взглядовъ рецензента на малорусскую литературу, ходъ и условія ея развитія; мы лишь хотимъ сказать нѣ-

сколько словъ по поводу включенія имъ въ число произведеній этой литературы «Сценъ и разсказовъ» П. Раевскаго, какъ прежнихъ, такъ и новыхъ.

Мы всегда были и будемъ далеки отъ признанія въ произведеніяхъ, подобныхъ сценамъ и разсказамъ г. Раевскаго, вообще литературныхъ достоинствъ и сколько нибудь правдиваго изображенія этики малорусскаго простолюдина. Насъ не можетъ къ этому склонить число изданій этихъ твореній; мы привыкли видѣть многосчетныя изданія всей почти лубочной россійской литературы, и въ томъ, что «Разсказы» Раевскаго выдерживаютъ пятое изданіе, мы только съ грустью усматриваемъ неразвитость среды, которую удовлетворяютъ подобныя кривлянья и «варняканья», но далеко не приходимъ къ убѣжденію о популярности, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, подобныхъ произведеній; при томъ же намъ хорошо знакомо дѣло издательства лубочныхъ книжекъ и способъ ихъ распространенія.

Рецензентъ впрочемъ сознаетъ, что называется, пересоленность нѣкоторыхъ разсказовъ г. Раевскаго, но въ то же время думаетъ, что авторъ въ разсказахъ этихъ проявляетъ глубокое знаніе быта и характера народа и разсказанное не сочинялъ, а бралъ изъ жизни. По этому поводу мы позволимъ себѣ спросить г. Коровая-Метелицкаго, изъ какой такой жизни можно почерпнуть темы для разсказовъ, въ которыхъ рисуется какая-то неестественная апатичность собирающихся тушить пожаръ, или равнодушно глядящихъ на утопающаго человѣка? Гдѣ это можно видѣть и слышать глумленіе народа надъ обыкновеннымъ арестантомъ?! А таковы разсказы Раевскаго «На Днѣпрѣ», «Пожарная команда» и «Арестанты». Мы положительно отрицаемъ возможность такихъ чертъ въ какой бы ни было народности и склонны думать, что г. Коровай-Метелицкій мало знакомъ не только съ малорусскимъ, но и съ другимъ какимъ либо народомъ, иначе онъ не вѣрилъ бы правдивости разсказовъ г. Раевскаго и тому, что они заимствованы изъ жизни, а при сличеніи народныхъ анекдоговъ съ его «Сценами и разсказами» навѣрное далъ бы преимущество чисто народной формѣ разсказа, не передѣлываемой такъ неудачно, какъ это сдѣлано г. Раевскимъ въ его разсказѣ «Въ воскресенье утромъ».

Намъ на столько знакома народная жизнь и народные раз-

сказы, какъ изъ непосредственныхъ наблюденій, такъ и изъ всего того, что собрано, а отчасти и обработано въ нашей этнографической литературѣ, что мы находимъ излишнимъ останавливаться долѣе надъ книжками г. Раевскаго, а г. Коровай-Метелицкаго отсылаемъ къ тому изобильному матеріалу по части народной этики, какой даютъ работы людей, которые серьезно, безъ издательскаго барышничества, отдавались изученію народа, записывая буквально слышанное изъ устъ его и подвергая записанное научной обработкѣ. «При «казки и присловья» Номиса, отдѣлъ народныхъ разсказовъ въ журналѣ «Основа», «Записки о южной Руси» Кулиша, Сборники Рудченка, Ефименка, Чубинскаго, Антоновича и Драгоманова, въ такомъ-же родѣ матеріалъ въ «Кіевской Старинѣ» и научныя статьи, какъ «Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности», вотъ гдѣ слѣдовало бы искать уразумѣнія смысла народной жизни, а не въ лубочныхъ разсказахъ и варняканьи г. Раевскаго, повторяющаго далекіе зады 30-хъ и отчасти 40-хъ годовъ и даже рецепты риторики Довгалевскаго—выставлять мужика въ смѣшномъ и глупомъ видѣ.

Научно теперь доказано, что многіе анекдоты общи въ основной ихъ темѣ многимъ народностямъ и только варіируются въ частностяхъ. Мы напримѣръ слышали извѣстный анекдотъ о томъ, какъ мазуръ распрашиваетъ русина о своей потерѣ:

— Czy nie znalazłeś, ciowieku, sakwy bicyskiem związanej, a w niej moculec, dwa nadziewaje i wytsescak!

— Ни, я знайшовъ торбу, батижкомъ завъязану, а въ ній оселедець, два пироги и заяць.

— A, to pozywaj zdrów, bo to nie moje.

Такой же анекдотъ мы слышали въ воронежской губерніи, но только тутъ мазуръ замѣненъ великороссомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ комизмъ приданъ малороссомъ человѣку другой народности. Такой же анекдотъ разсказывалъ П. С. Ефименко въ «Основѣ», записанный имъ въ оренбургской губерніи. Но эти и подобные анекдоты не даютъ намъ права предполагать въ осмѣиваемыхъ людяхъ особой какой либо характерной глупости и en masse неразвитости; они доказываютъ только присутствіе извѣстной доли антагонизма и иронизаціи соприкасающихся народностей.

Въ разсказахъ русиновъ люблинской губерніи, вѣрующихъ въ то, что мазуры родятся слѣпыми, намъ пришлось слышать много указаній на тупость и неразвитость мазуровъ. Мальчикъ-мазуренокъ, разыскивая на ярмаркѣ невиданныхъ имъ никогда русиновъ и знающій о нихъ только то, что они, русины, въ субботу (постный у католиковъ день) ѣдятъ скоромное, натыкается на сидящаго около воза русина, который ѣстъ сало. Увидѣвъ русина, мазуренокъ вопитъ благимъ матомъ: «Wej go tutaj! Wej go tutaj! Patsajta! Oto rusin! A to zupełnie jak człowiek, tylko ze sperke zre! (Гей сюда, сюда! Смотрите! Вотъ русинъ! Да онъ совсѣмъ похожъ на человѣка, только вотъ сало ѣстъ!) Въ этомъ и подобныхъ о мазурахъ анекдотахъ высказываемая точка зрѣнія русиновъ не даетъ намъ права устанавливать такой же взглядъ на мазуровъ и мы всегда воздержимся отъ созданія себѣ типа цѣлой народности по этимъ ироническимъ указаніямъ.

Пора бы, кажется, перестать повторять избитые и вовсе не вѣрные разсказы о физической и умственной неповоротливости малороссовъ, которые, однакоже, составляютъ значительный процентъ войскъ гвардіи, всей кавалеріи и черноморскаго флота, куда со всего контингента набора выбираются найболѣе ловкіе и расторопные новобранцы [1]).

Приведемъ и еще одинъ анекдотъ въ подтвержденіе той же мысли, что нельзя по анекдотамъ дѣлать выводы о характерѣ извѣстнаго народа, безъ точной провѣрки ихъ по другимъ даннымъ и изученія внутренняго ихъ смысла.

На Украйнѣ есть поговорка: «Уманський дурень, що зъ чужого воза бере, а на свій кладе». «Уманскимъ дурнемъ» вообще называютъ человѣка хитраго, пронырливаго, такого, что, какъ говорится, себѣ на умѣ. Но это присказка, а вотъ и сказка. Подходятъ къ Умани два какіе то ремесленника, *варшавяки*, и примомнили себѣ названіе «уманскій дурень», а другой половины поговорки не знали. «Какіе такіе эти дурни», думаютъ «варшавяки», хорошо намъ умнымъ будетъ между ними — заживемъ... А тутъ при самой дорогѣ пашетъ плугомъ чумазый, понурый мужикъ и такъ странно покрикиваетъ на воловъ: «Гей!

---

[1]) „Племенной составъ контингентовъ русской арміи и мужскаго населенія европейской Россіи", А. К. Риттиха. С.-П.-Б. 1875 г.

Гей! Собъ! Цабе»!—«Вотъ и есть одинъ изъ этихъ дурней», думаютъ варшавяки, «подойти, посмотрѣть поближе». Подошли...

— Здравствуй, человѣкъ Божій!

— Здорово! отвѣтилъ понуро мужикъ и опять за свое: «Гей, гей! Собъ, цабе, цабе»!

Перемигнулись варшавяки—чудакъ молъ. Мужикъ замѣтилъ насмѣшливое выраженіе ихъ лицъ и еще болѣе понурился.

— Что это ты дѣлаешь!

— Аже бачте, ору! Гей! гей!

Рады варшавяки: напали сразу, чего искали, смѣшно имъ.

— Вотъ мы хотимъ у тебя попросить совѣта по одному дѣлу,— началъ одинъ изъ варшавяковъ, плохо скрывая улыбку и подмигивая товарищу.

— Да остановись же, потолкуемъ!...

Орачъ остановилъ воловъ и окончательно убѣждается, что эти франты глумятся надъ нимъ.

— Вотъ видишь, мы зашли сюда издалека; такъ посовѣтуй намъ, какъ бы такъ намъ чѣмъ нибудь заняться въ городѣ, чтобы и сытыми быть и что либо еще и пріобрѣсть.

— Гмъ! понурился украинецъ и почесалъ затылокъ.

— Ну, чтожъ?! Посовѣтуй, вѣдь ты самъ «уманскій»... и не докончилъ.

Мотнулъ головою украинецъ, снова глянулъ на ехидныя лица собесѣдниковъ и говоритъ:

— Гмъ! Щобъ и сыти були, та ще й щобъ заробить чого? Гмъ!

— Да, да! Чтобы и сытыми быть и заработать. Да, посовѣтуй.

— Вы отъ що! У мисти у ризникивъ купить хлякивъ (варшавяки смѣются); середину взисте, а хляки продасте, то й голодни не будете и заробитокъ матимете... посовѣтовалъ «уманскій дурень».

Б. Познанскій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ГЛУШКОВСКОЙ СУКОННОЙ ФАБРИКѢ [1]).

Суконная фабрика въ с. Глушковѣ, рыльскаго уѣзда, курской губерніи, основана была въ царствованіе Петра I и, вѣроятно, по

[1]) Матеріалы для этой замѣтки извлечены нами изъ архивовъ глушковской фабрики, которая была посѣщена нами во время мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій въ 1884 году.

его же собственной иниціативѣ, въ 1719 году. Основатель ея былъ, какъ видно изъ документовъ, «состоявшій при ея императорскомъ величествѣ и пользовавшійся особою ея милостію», келлермейстеръ Дубровскій, получившій с. Глушково съ прилегающими къ нему землями и хуторами въ вотчину. С. Глушково, по тѣмъ же документамъ, было населено еще въ 1683 году «черкасами», пришедшими сюда «изъ польской Украины». Получивъ Глушково въ вотчину, келлермейстеръ Дубровскій употребилъ силы своихъ крѣпостныхъ первымъ долгомъ на постройку фабрики и затѣмъ всѣхъ ихъ приписалъ къ фабрикѣ и заставилъ на ней работать. Гдѣ жилъ самъ владѣлецъ фабрики, г. Дубровскій, въ Глушковѣ ли, при фабрикѣ, или въ Петербургѣ, при дворѣ, гдѣ пользовался «особою милостію», неизвѣстно; но только въ 1729 году глушковская фабрика была отнята у него «за жестокое обхожденіе съ мастеровыми», какъ сказано въ цитируемыхъ нами документахъ. Послѣ этого фабрика поступила въ казну, въ вѣдѣніи которой и оставалась до 1732 года. Этотъ фактъ конфискаціи фабрики за жестокое обращеніе съ рабочими и при томъ безъ всякихъ другихъ послѣдствій для владѣльца, свидѣтельствуетъ, что Дубровскій и въ самомъ началѣ не былъ полнымъ владѣльцемъ фабрики, а лишь временно пользовался ею, можетъ быть, даже считался только ея арендаторомъ. Изъ документовъ ничего этого не видно, но судя по той легкости, съ какою она перешла въ казну, догадка наша кажется не безъосновательной, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшая судьба фабрики отчасти также подтверждаетъ, что казна именно смотрѣла на нее, какъ на свою собственность и отдавала ее только во временное пользованіе.

Черезъ три года послѣ конфискаціи ея у Дубровскаго въ 1732 году, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, фабрика была отдана на этотъ разъ, какъ прямо въ документѣ сказано, «въ аренду» московскому купцу Полуярославцеву, который владѣлъ ею въ теченіи 9 лѣтъ. Зятѣмъ она «за дурное содержаніе ея» была въ 1741 году взята у него и до 1752 года оставалась опять въ казнѣ. Въ этомъ же году, по рѣшенію правительствующаго сената, «путивльская суконная фабрика, что въ с. Глушковѣ» передана была также московскому купцу Козьмѣ Матвѣеву, но на этотъ разъ отдана была не въ аренду, а «въ вѣчное и потомственное его, Матвѣева, вла-

дѣніе», «какъ вполнѣ благонадежному и капитальному человѣку», съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы онъ усовершенствовалъ и увеличилъ производительную силу фабрики.

Нужно думать, что условіе это было выполняемо Козьмой Матвѣевымъ честно и добросовѣстно, такъ какъ онъ былъ возведенъ за свою плодотворную дѣятельность по фабрикѣ въ дворянское достоинство, съ распространеніемъ этого послѣдняго и на его потомство.

Суконная глушковская фабрика, говорятъ далѣе документы, называлась тогда «Путивльской», «настоящее же свое названіе»(?) получила съ 1791 года, съ открытіемъ курской губерніи.

Въ этомъ году, съ высочайшаго разрѣшенія, глушковская фабрика перешла отъ Матвѣева, по купчей крѣпости, къ генералъ-аншефу графу Потемкину, и оставалась въ этой фамиліи до 1858 года. Затѣмъ, въ качествѣ приданнаго за княжной Потемкиной, она поступила во владѣніе графа Рибопьера, который въ 1865 году продалъ ее знаменитому кіевскому богачу Артемію Терещенку. Послѣ смерти этого послѣдняго фабрика досталась младшему его сыну Семену Терещенку, который владѣетъ ею и по нынѣ.

Сообщ. **Н. Добротворскій.**

УЦѢЛѢВШІЕ ОСТАТКИ АРХИВА К. Г. РАЗУМОВСКАГО.

Прошлыми каникулами пришлось мнѣ быть въ Гадячѣ, маленькомъ уѣздномъ городкѣ полтавской губерніи. Здѣсь совершенно случайно я узналъ отъ мѣстнаго помощника исправника А. В. Петренка о томъ, что въ подгородномъ селѣ Хитцахъ, въ имѣніи гр. Гендрикъ, сохранились какія-то древнія бумаги К. Г. Разумовскаго, владѣльца во второй половинѣ XVIII в. большей части гадачскаго и зеньковскаго уѣздовъ. Въ числѣ принадлежавшихъ К. Г. Разумовскому селъ находились и Хитцы, переданные позже графу Гудовичу, имѣніе котораго перешло въ настоящее время къ гр. Е. В. Гендрикъ. При такой перемѣнѣ владѣльцевъ, трудно было надѣяться, чтобы могло что-либо уцѣлѣть изъ бумагъ послѣдняго гетмана Малороссіи.

Я поспѣшилъ къ Хитцы и на мѣстѣ убѣдился, что изъ бумагъ давняго владѣльца тутъ все таки кое-что уцѣлѣло, а многое, какъ водится, исчезло. Архивъ, какъ оказалось при моемъ осмотрѣ, помѣщался дѣйствительно въ с. Хитцахъ, въ имѣніи гр. Гендрикъ здѣсь показали мнѣ и сундукъ, въ которомъ прежде хранились бумаги К. Г. Разумовскаго. Сундукъ не большихъ размѣровъ и конечно не могъ вмѣщать въ себѣ всего домашняго архива гетмана; но что здѣсь была часть его, это видно и по тѣмъ остаткамъ документовъ, какіе попались мнѣ подъ руку. Оставшіеся документы находились на чердакѣ амбара въ незакрытомъ ящикѣ, благодаря чему мыши уничтожили большую половину ихъ. Только на днѣ ящика, подъ переѣденными бумагами, сохранилось 5 фоліантовъ, безъ заглавныхъ листовъ, въ 500 и болѣе страницъ, заключающихъ въ себѣ подворную опись крестьянскаго имущества нѣкоторыхъ селъ гадячскаго и зеньковскаго уѣздовъ.

Естественно возникалъ вопросъ: что это за опись и для чего она составлена?

Содержаніе описи, въ связи съ нѣкоторыми другими данными, привело меня къ тому заключенію, что это небольшая частичка генеральной описи Малороссіи, иначе Румянцевской описи, произведенной (1705—1769 гг.) по иниціативѣ перваго генералъ-губернатора въ этомъ краѣ, гр. П. А. Румянцева. Вотъ напримѣръ содержаніе описи села Цѣпковъ. Въ началѣ описи говорится, что село Цѣпки лежитъ во второй полковой гадячской сотнѣ и разстояніемъ отъ Гадяча въ десяти верстахъ, далѣе слѣдуетъ замѣчаніе, что с. Цѣпки, по грамотѣ высочайшей 1764 года, принадлежитъ фельдмаршалу и кавалеру К. Г. Разумовскому и что копіи съ грамоты и указовъ при семъ пріобщаются, а затѣмъ идетъ подробное перечисленіе крестьянскихъ дворовъ, съ указаніемъ на крестьянскія угодья. Порядокъ и содержаніе перечисленія такой: «Дворъ первый; въ немъ хата съ форостяною хижою; сараевъ 2. Оный дворъ отборній отъ козака здешнего Чалого, опредѣленный войтомъ цепковскимъ Филемъ нижеписанному хозяину во владѣніе. Въ томъ (дворѣ) Иванъ Кучеръ захожій, полку прилуцкого, съ села Коренецкого, посполитый, лѣтъ 30; жена его Зеновія, уроженица цепковская, посполитая, лѣтъ 26. Сыны ихъ: Данило 5-ти лѣтъ, Романъ 3. Въ оного хозяина поля и лѣса не имѣется, а заработы-

ваетъ хлѣбъ въ сторонникъ обывателей и покупаетъ. На консистентовъ въ годъ даетъ 1 рубль. Бадается ремествомъ ткацкимъ». При описаніи другихъ крестьянскихъ дворовъ точно указывается число нивъ хозяина, величина которыхъ опредѣляется «днями оранки», а также трехъ-аршинными саженями; затѣмъ перечисляются лѣса «форостяные хмыцкіе и зрубы», наконецъ указывается число хозяйскаго скота: воловъ, овецъ, коровъ и лошадей. Если имѣется пасѣка, то указывается число ульевъ. При тѣхъ дворахъ, гдѣ веденіе хозяйства производится не только наличнымъ составомъ семьи, но и работниками, обозначены условія наймовъ послѣднихъ: годовая плата и содержаніе (деньги и харчи); почти при каждомъ такомъ описаніи двора указывается на существованіе у хозяина «крѣпости» на дворъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ соержаніе найденной мною описи. Сравнивъ это содержаніе съ тѣми инструкціями, которыя давались ревизорамъ, производившимъ генеральную опись, можно видѣть, что на каждый пунктъ инструкціи въ найденныхъ фоліантахъ имѣется отвѣтъ.

Въ инструкціи также требовалось сначала указать разстоянія села отъ полковаго города, обозначить сотню, къ которой принадлежитъ оно и владѣльца его, снять копію съ грамоты, въ силу которой послѣдній владѣетъ селомъ, а затѣмъ точно описать: 1) число хатъ и пристроекъ въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ; 2) семейное положеніе владѣльца двора; 3) число работниковъ и условія найма; 4) имущественное положеніе хозяина: сколько у него земли пахатной и сѣнокосной, лѣсовъ и другихъ угодій; сколько крупнаго и мелкаго скота; какимъ промысломъ занимается и сколько даетъ въ годъ на консистентовъ. И на всѣ эти пункты, какъ я уже сказалъ, въ найденной описи имѣются указанія и въ томъ-же порядкѣ. Кромѣ того, въ одной изъ книгъ встрѣтилась приписка, показывающая, что свѣдѣнія заключавшіяся въ этой книгѣ нужны были для отсылки въ коммиссію генеральной переписи, состоящую въ полку гадяцкомъ, въ дополненіе къ прежде поданной отъ замку гадяцкого вѣдомости, въ которой о пахатныхъ и сѣнокосныхъ земляхъ показано было примѣрно, а «нынѣ, по вымѣрѣ трехъ-аршинными саженями, сколько явилось, значится подъ симъ 1768 годомъ».

На основаніи этихъ данныхъ, я счелъ вполнѣ возможнымъ признать найденную опись за тѣ черновыя вѣдомости посполитыхъ крестьянъ, которыя составлены были К. Г. Разумовскимъ для отсылки въ генеральную коммисію Румянцева. Изъ этихъ вѣдомостей должны были составиться чистовыя; къ сожалѣнію большая часть составленныхъ чистовыхъ вѣдомостей погибла безвозвратно; а сохранившаяся часть (въ архивахъ полтавскаго и черниговскаго губернскихъ правленій и полтавской казенной палаты), не относится къ тѣмъ мѣстностямъ, опись которыхъ имѣется въ найденныхъ вѣдомостяхъ. Вѣдомости эти заключаютъ свѣдѣнія объ экономическомъ бытѣ крестьянъ второй половины XVIII в. слѣдующихъ селъ и мѣстечекъ: Подставокъ, Подолокъ, Цѣпковъ, Сергѣевки, Плѣшивца, Красной Луки и Капустинецъ, гадячскаго уѣзда, д. Груни зеньковскаго уѣзда и м. Зенькова, теперь уѣзднаго города. Есть опись и крестьянъ, жившихъ въ самомъ Гадячѣ, но опись эта составлена настолько небрежно и такъ испортилась отъ времени, что ею воспользоваться почти невозможно. Другія описи сохранились довольно хорошо, написаны четко и благодаря тому, что были переплетены, листы ихъ не разбиты.

По всей вѣроятности, въ недалекомъ будущемъ найденная частичка генеральной описи поступитъ въ архивъ малороссійской коллегіи, находящійся нынѣ при харьковскомъ императорскомъ университетѣ, на что изъявила согласіе и гр. Гендрикъ.

Николай Бакай.

КЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКИХЪ РЕМЕСЛЕННЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

Въ Zeitschrift für Ethnologie» 1886 г., кн. IV, стр. 329, находится краткая замѣтка о томъ, что г. Гартельсъ въ засѣданіи берлинскаго Общества антропологіи, этнологіи и древнѣйшей исторіи 15 мая 1886 г. показывалъ нѣкоторые предметы кустарной промышленности крестьянъ села Ковалевки, вблизи г. Немирова, подольской губерніи. Вниманіе членовъ Общества въ особенности привлекли двѣ вещи: соломенная корзина, изящной формы, сходная съ соломенными корзинами, употребляемыми на о. Мадейрѣ, и деревянный, съ двумя деревянными колотушками, колокольчикъ для

скота, пасущагося въ лѣсу,—колокольчикъ, совершенно сходный съ тѣмъ, какой встрѣчается на о. Суматрѣ. Предметы эти представляютъ новое доказательство того, что народы, отдѣленные одинъ отъ другаго громадными пространствами и никогда не приходившіе въ соприкосновеніе, могутъ обнаруживать большое сходство въ нѣкоторыхъ бытовыхъ чертахъ, напримѣръ въ области ремесленныхъ издѣлій.

По аналогіи явленій не мѣшало-бы на этомъ фактѣ остановиться ярымъ сторонникамъ сравнительнаго метода въ изученіи произведеній народнаго творчества, склоннымъ иногда путемъ переноса и заимствованія объяснять то, что проще могло-бы быть объяснено общностью психологическаго процесса при сходствѣ наблюдаемыхъ явленій и одинаковой степени развитія.

Большая часть предметовъ южно-русской кустарной промышленности, собранныхъ Бартельсомъ, отдана въ берлинскій королевскій музей.

Н. Сумцовъ.

КОЛОКОЛЪ „КИЗИКЕРМЕНЪ“[1]).

Въ г. Полтавѣ, на погостѣ соборной Успенской церкви, вблизи ея колокольни, стоитъ забытый всѣми колоколъ, составлявшій нѣкогда гордость Полтавы, по важности соединенныхъ съ его отлитіемъ воспоминаній. Какъ церковь, такъ и колокольня построены въ 1770 г., но колоколъ гораздо старѣе ихъ и составлялъ достояніе бывшей прежде деревянной того же имени церкви, построенной во 2-й половинѣ XVII ст.

Колоколъ этотъ носитъ названіе «Кизикерменъ» и до 1876 г. находился въ третьемъ ярусѣ полтавской соборной колокольни, а въ этомъ году, въ началѣ апрѣля, былъ оттуда снятъ, по причинѣ продольной сверху до низу трещины, давно въ немъ произведенной по неосторожности и сдѣлавшей его негоднымъ къ употребленію.

---

[1]) Объ этомъ колоколѣ въ „Русской Старинѣ“ за 1876 годъ (октябр. кн., стр. 389—390) была помѣщена замѣтка учителя мѣстной женской гимназіи (нынѣ уже умершаго), Степана Павловича Стеблинъ-Каменскаго; но въ ней какъ надпись, находящаяся на колоколѣ, приведена не точно, такъ и самое описаніе его сдѣлано не полно и не совсѣмъ вѣрно. Настоящая замѣтка была послана нами редакціи „Русской Старины“ еще въ сентябрѣ 1884 года и, не смотря на обѣщаніе редакціи, доселѣ не была напечатана. *В. Б.*

По устройству и внѣшнему виду колоколъ носитъ печать старины: форма его продолговатѣе нынѣшнихъ колоколовъ, стѣнки особенно у кривѣ, несоразмѣрно толсты, поверхность чисто отдѣлана и блеститъ болѣе, чѣмъ на другихъ колоколахъ, языкъ имѣетъ фигуру опрокинутаго вверхъ бураковаго стержня и нѣсколько искривленъ. На наружной поверхности колокола имѣются литыя изображенія Успенія Божіей Матери и проч., сверху и снизу онъ украшенъ рельефной гирляндой изъ листьевъ, а на верхнемъ вѣнцѣ надпись славянскими литерами: „рокꙋ ҂ахчъ (1695) мцы новемрія ѕ (6) дня“; затѣмъ на четвертой сторонѣ находится надпись слѣдующаго содержанія:

Въ року тысяча шестьсотъ девятдесятъ пятомъ
По славномъ Кизикерменѣ отъ христіанъ взятомъ,
За царства россикхъ царей Петра, Іоанна,
За гетманства Мазепы, Богомъ дарованна,
Сооруженъ есть звонъ сей ко Божіей славѣ
До храму Успенія во градѣ Полтавѣ.
Изъ штукъ Казикерменскихъ армянскихъ здобычныхъ,
Зъ придаткомъ матерій, до звона приличныхъ,
Коштомъ его милости войскъ полтавскихъ вожа,
Павла Семеновича, Украины строжа.

Внизу колокола: «Дѣлалъ Аѳанасій Петровичъ».

Изъ этой надписи, между прочимъ, видно, что колоколъ вылитъ изъ пушекъ, взятыхъ русскими изъ крѣпости Кизикерменской (нынѣ Бериславъ, заштатный городъ херсонской губерніи), съ добавленіемъ серебра, котораго, по преданію, полагаютъ до 27 пуд., а жертвователь Павелъ Семеновичъ былъ полтавскій того времени полковникъ Герцикъ, участвовавшій вмѣстѣ съ Мазепою во взятіи Кизикирмена, построившій въ Кіевѣ церковь на Ближнихъ пещерахъ въ 1700 г. и тамъ-же похороненный.

Въ четвертомъ ярусѣ колокольни были городскіе часы, устроенные магистратомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, послѣ постройки колокольни, въ 1801 году. Они существовали, пока не разбился колоколъ «Кизикерменъ», который такимъ образомъ несъ двойную службу: возвѣщалъ городу время, а въ извѣстные дни созывалъ въ храмъ Божій на молитву. Теперь отъ часовъ остался одинъ лишь остовъ: четыре металлическихъ столбика, связанныхъ между собою

вверху и внизу, среди коихъ часы помѣщались, да большой молотъ, спущенный на толстой желѣзной проволокѣ къ краю колокола, а все прочее унесено рукою времени, по всей вѣроятности.

Самый колоколъ довольно великъ и хотя вѣсу въ немъ не означено, но, судя по внѣшности, въ немъ будетъ до 160 пудовъ; а такой колоколъ для тогдашней Полтавы былъ, конечно, рѣдкость по своей величинѣ.

В. Е. Бучневичъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПРЕДСМЕРТНОЙ БОРЬБЫ ЗАПОРОЖЬЯ ЗА ЦѢЛОСТЬ СВОИХЪ ВЛАДѢНІЙ.

Въ послѣдніе годы своего существованія Запорожье проявляло особую энергію въ охраненіи неприкосновенности своихъ территоріальныхъ владѣній. По этому предмету оно вело ожесточенные, доходившіе иногда до кровавыхъ схватокъ споры то съ крымцами и поляками, то съ донцами и водворенными на его же земляхъ сербами, то съ гетманцами и бывшими слободскими козаками, въ ту пору уже войсковыми обывателями, то наконецъ съ русскими военными властями, которыя, не церемонясь уже съ «вольностями» Запорожья, брали его земли и угодья для казенной и собственной надобности, строили на нихъ шанцы и ретраншаменты, заводили поселки и пастьбища и т. д. Запорожье, точно чахоточный на исходѣ легочнаго процесса, мечтало о долгой жизни и оберегало свою «дѣдизну» даже въ ту пору, когда, по пословицѣ, »смерть стояла у него за плечима». И въ силу внутренняго процесса своей жизни оно было уже тогда на переходѣ отъ отжившихъ свое время формъ безженнаго военнаго братства къ мирной осѣдлой жизни. Распространявшееся вокругъ его крѣпостное право гнало къ нему со всѣхъ сторонъ поселенцовъ на его обширныя пустыя земли и давало толчекъ и готовый матеріалъ для такой жизни. Запорожье оселяло по гранямъ своихъ владѣній зимовники и хутора и ими надѣялось отстоять цѣлость своихъ земель, инстинктивно идя на встрѣчу новой жизни. Но, будучи единственнымъ убѣжищемъ свободы для закрѣпощаемаго простолюдья, оно, принимая бѣглецовъ въ свои новооселяемые хутора и зимовники, шло въ раз-

рѣзъ съ общимъ строемъ, господствовавшемъ въ государствѣ, и это главнымъ образомъ сократило его дни.

Колонизацію своихъ окраинъ Запорожье въ послѣдніе годы своего существованія съ лихорадочною поспѣшностію вело преимущественно въ двухъ пунктахъ: со стороны поселенныхъ сербскихъ полковъ и со стороны Слободской Украйны, частнѣе изюмской ея провинціи. Въ первомъ пунктѣ дѣломъ колонизаціи заправлялъ запорожскій полковникъ Гараджа, во второмъ полковникъ Куликъ. Дѣйствіе ихъ обоихъ въ семъ отношеніи обстоятельно и живо очерчены въ статьѣ А. Л. Шиманова «Предсмертная поземельная борьба Запорожья», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1884 г. Въ архивѣ малороссійской коллегіи, хранящемся при харьковскомъ университетѣ, мы натолкнулись на одинъ эпизодъ этой борьбы, едва-ли не послѣдній по времени и свѣдѣнія о немъ хотимъ представить здѣсь для пополненія общей картины борьбы и подтвержденія высказаннаго нами выше взгляда на ея происхожденіе и значеніе.

Дѣло происходило на пограничьи изюмской провинціи съ запорожскими владѣніями, близъ м. Торы, нынѣшняго Славянска. Тутъ были земли и хутора, которые нѣсколько лѣтъ оспаривали другъ у друга войсковые обыватели изюмской провинціи и запорожцы, послѣ того, какъ полковникъ Гараджа, колонизуя этотъ уголокъ, основалъ здѣсь Барвѣнкову Стѣнку, подходившую къ самой Торѣ. Споръ шелъ въ обычной тогда формѣ «гвалтовныхъ наѣздовъ» и сопровождался разбоемъ и грабежемъ: то запорожцы налетали на хутора и земли торянъ и, стараясь вытѣснить ихъ изъ захваченныхъ ими земель, забирали не только имущество ихъ, но самыя избы, то торяне, собравшись съ силами, дѣлали такой же визитъ запорожцамъ и, грабя ихъ имущество, захватывали и ихъ самихъ и представляли на судъ къ своимъ властямъ.

Въ февралѣ 1775 г., въ самый годъ уничтоженія Сѣчи, запорожцы сдѣлали набѣгъ на лежавшіе близъ Торы хутора: Жилалавый, Прилуцкаго, Двуличанскій, Сердюковъ, Бабинъ байракъ, Медковый байракъ и Довгенькій. Избивъ и разогнавъ ихъ жителей, они ограбили у нихъ стогъ сѣна, два десятка ульевъ, 600 головокъ капусты и двѣ большія куфы, забрали даже 6 избъ, лавы и двери. Тогда же составленъ былъ въ торскомъ атаманскомъ правленіи экстрактъ

причиненныхъ запорожцами убытковъ и вмѣстѣ съ жалобой представленъ по начальству. Пока жалоба переходила по инстанціямъ, торяне отплатили тѣмъ же запорожцамъ и сверхъ того захватили изъ нихъ въ плѣнъ 12 человѣкъ. 7-го апрѣля торскій начальникъ, прапорщикъ Боженковъ, представилъ въ Харьковъ захваченныхъ запорожцевъ вмѣстѣ съ экстрактомъ причиненныхъ ими торянамъ обидъ, а 10 апрѣля Кошъ писалъ правящему слободскою губерніею слѣдующее:

«Запорожскаго низоваго войска г. полковникъ Иванъ Куликъ съ старшиною представляетъ рапортами: 1-мъ изшедшаго марта отъ 31 числа, что козакъ де куреня ведмедовскаго Федоръ Дѣденко донесъ ему, полковнику Кулику съ старшиною, яко торскіе обыватели до 30 человѣкъ конно, при всемъ воинскомъ оружіи, на зымовникъ его Дѣденка, въ Сухомъ Торцѣ пониже Черкаскы состоящій, и находившихъся въ томъ зымовникѣ, кои были сонніе, ночью тогожъ 31 марта нахално и разбойнически напавши, взяли *тамошнихъ запорожскихъ козаковъ* 12 человѣкъ, ратищами сторчь, да и плетми немилосердно бивъ, напослѣдокъ въ Торъ отвели и притомъ безвозвратно собственности козацкой забрали: лошадей съ уздами, пѣстолетовъ паръ двѣ, оружинъ двѣ, лядунку просту, подсипку турецку круглу, бурку крымску чорну струковатую, списовъ съ ратищами два, малахаивъ два; о протчемъ же за скоростію упомненно, а объявиться опосля; къ тому-жъ въ хати дверы розламали, окошка и пѣчъ побили и совсѣмъ розорили ее. А козакъ Дѣденко спасся бѣгомъ.

А сего апреля отъ 2-го житель барвѣнковскій Павло Салѣй представилъ оному-жъ полковнику Кулику съ старшиною, яко команда, вооружившись въ Тору, въ хуторъ его, Салѣивъ, на Сухомъ Торцѣ состоящый, въ полуночное время 31 марта жъ нахално и разбойныческо наехавши, имѣющихся въ томъ хуторѣ людей перепужали и разогнали; а дѣвку, которая лежала въ хати близъ окна, выбивши оное, изъ между той нахалной команды одинъ списомъ въ праве плече сылно ранилъ, отъ чего и отъ перепужанья здѣлавшись крайне болною, не надежно, чтобъ она выздоровѣла; причемъ двѣ козы списами покололи и отъездя непристойно словами бранными похвалялись: «мы де всѣхъ васъ перетягаемъ въ Торъ и Бахмутъ, а послѣднихъ списамы вырѣжемъ». А какъ таковъ торянами въ селенія подчиненныхъ войска Запорожского низового нахалной

наездъ и притомъ тамо разоренія, грабительства, разгону и другого безчеловѣчія причиненіе и взятье въ Торъ дванадцяти козаковъ крайною есть обидою не то сымъ козакамъ и тѣмъ здешнимъ подчиненнымъ, но и всему Запорожскому войску такого нахалства крайне не довлѣло чинить въездомъ въ здешніе земли, ибо если бъ въ случаи розъезжіе запорожскіе команды могли таковыхъ наехать, то не иное что слѣдовало, какъ междуубійство. Выдно жъ, что команды не отъ своего самоизволенія, но посланніе,—то въ такомъ случаи просымъ вашего превосходительства пріятнѣйше, благоволите, кому надлежитъ, повелѣть, дабы тѣхъ дванадцять козаковъ къ ихъ мѣсту со всѣмъ, что у нихъ забрано, заразъ отпущенно и отыскавши взявшихъ ихъ нахалныковъ торянъ, приказанно имъ *и еще кому слѣдуетъ*, чтобы оны и обидимыхъ ими *подчиненныхъ запорожскаго войска* всеконечно и неотложно удоволствовали, т. е. погрaбленное у сыхъ подчиненныхъ, имъ въ настоящемъ добрѣ возвратили; а когда уже не въ такомъ состояніи, такъ за тое и за разоренное и за увѣтче дѣвки, когда не умретъ, стойностию денегъ награжденіе учинили, и учиненно-бъ непримѣнно достойное какъ нахалнымъ торянамъ, такъ и тѣмъ, кто ихъ, выдно, посылалъ, наказаніе, дабы они и другіе ни того, ни другого чего судостного дѣлать впредъ не дерзали, какъ добропорядочно не оставте, в. п., и всѣмъ, смежно съ войскомъ запорожскимъ пребывающимъ, предложить, съ запрещеніемъ удержаться и отъ похвалокъ таковыхъ, какіе при нападеніи торяне произнесли, и отъ всякихъ наездовъ».

Въ такомъ же тонѣ повторена была Кошемъ просьба и отъ 13 того же апрѣля, съ тѣмъ добавленіемъ, что во второмъ письмѣ поименованъ прямо въ числѣ нахальниковъ торскій начальникъ, прапорщикъ Боженковъ. Письма Коша оставлены безъ отвѣта, а между тѣмъ 25 апрѣля 1775 г., по предложенію Щербинина, въ слободско-украинской губернской канцеляріи было начато разборомъ дѣло о представленныхъ Боженковымъ 12-ти запорожцахъ, нахавшихъ на землю торскихъ обывателей. Изъ предложенія Щербинина видно, что онъ, чувствуя себя безсильнымъ справиться съ запорожцами, просилъ защиты у Потемкина, Потемкинъ же увѣдомилъ его, что скоро «запорожцы со всѣми ихъ землями имѣютъ вступить во ввѣренную ему губернію, а если бы до того отважились они въѣзжать въ предѣлы слободско-украинской губерніи и чинить разбои,

то о таковыхъ, переловя и допрося, увѣдомлять его». Щербининъ предлагалъ теперь пойманныхъ Боженковымъ запорожцевъ допросить, «какихъ именно мѣстъ уроженцы и какъ давно въ Запорожье пришли, а допрося, чинить съ ними по указамъ». Вотъ кто были эти наѣзжавшіе на торскіе хутора и вотъ какія дали они о себѣ показанія.

1. *Андрей Алексѣевъ Хоменко*, 70 лѣтъ, родомъ изъ села Березовки, сребрянской сотни, прилуцкаго полка, козакъ. Въ 1772 году, по приглашенію запорожцевъ, въ Петровъ постъ, съ козаками, своими родственниками, Федоромъ и Иваномъ Хоменками, пришелъ на зимовникъ на Орель, а оттуда, по повелѣнію полковника Гараджи, перешелъ съ племянниками же въ урочище на Торцѣ. Въ мартѣ 1775 г., на вербной недѣлѣ, наѣхали на эти хутора торская команда въ 30 человѣкъ, ночью, передъ разсвѣтомъ забрала ихъ и представила въ Торъ. У него командою взяты 4 лошади съ ременными уздами, черкесскимъ сѣдломъ, 3 пистолета, 2 ружья, 2 пики; съ хутора Бабиного байрака взялъ избы не онъ, Хоменко, а его родственники; онъ же ни избъ, ни денегъ, ни воловъ не бралъ и никого не «пустошилъ». Жена его, дѣти и пожитки находятся въ селѣ Березовомъ.

2. *Саватій Федоровъ Халимоненко, онъ же Мутинскій*, 47 лѣтъ, изъ села Мутина, глуховской сотни, нѣжинскаго полка, козакъ. Лѣтъ 20 назадъ, вмѣстѣ съ отцемъ, пришелъ на жительство въ запорожское село Кодакъ. Въ послѣднюю турецкую войну былъ въ походѣ подъ Хотиномъ. Послѣ войны поселился на Орели, а оттуда, по повелѣнію полковника Гараджи, перешелъ на жительство въ хуторъ торскаго обывателя Сердюка. Взятъ торянами на байракѣ Хуруячинѣ во время городьбы плетня на покосѣ. Никого не грабилъ и ничего не бралъ, а у него, при арестѣ, взята торскою командой рыжая кобыла, да осталась въ торскомъ хуторѣ двѣ коровы, 13 ульевъ, икона серебрянная съ позолотою. Семейства не имѣетъ, холостъ.

3. *Кондратъ Кириллов Саліенко*, 60 лѣтъ, изъ села Штеповки сумской провинціи, подданный подпрапорнаго Куземенскаго. Зашелъ на Запорожье 28 лѣтъ тому назадъ съ отцемъ и братьями, Никономъ и Павломъ. Когда отецъ умеръ, жили съ братьями въ сергіевскомъ куренѣ около 20 лѣтъ козаками, а потомъ, поженив-

шись, жили въ запорожскомъ же селѣ Романковомъ. Потомъ Гараджа перевелъ ихъ въ Барвѣнкову Стѣнку, а оттуда, по повелѣнію того же Гараджи, перешли жить въ хуторъ торского жителя Савелья Двуличанскаго. Арестованъ ночью. Забралъ избы у Дудника и Калачника, по приказанію Гараджи. Жена съ дѣтьми и пожитками осталась въ Барвѣнковой Стѣнкѣ.

4. *Иванъ Остаповъ Морданенко*, 19 лѣтъ, изъ села Поповки, полтавского полка, подданный полковника зеньковского. Въ Барвѣнкову Стѣнку пришелъ въ 1774 году вмѣстѣ съ отцемъ. Гараджа поселилъ его въ хуторѣ торского жителя Роменского. Взятъ торянами ночью. Взялъ въ Байракѣ Терновомъ избу Дриваня, да избу же въ Байракѣ Долгенькомъ и перевезъ ихъ въ хуторъ Роменского; больше никогда ничего нигдѣ не бралъ. Отецъ, мать и сестра остались въ Барвѣнковой Стѣнкѣ.

5. *Кирило Федоровъ Литвиненко*, 30 лѣтъ, изъ м. Будищъ, полтавского полку, подданный тамошняго намѣстника Сумеона, а прозванія не знаетъ. Отсюда въ 1774 г. пошелъ на заработки въ Барвѣнкову Стѣнку, а потомъ жилъ въ хуторѣ Роменского. Изъ семейства у него осталась въ Будищахъ одна дочь.

6. *Остапъ Семеновъ Чередниченко*, 30 л., подданный помѣщика Зенковского, изъ села Зенковщины. Вмѣстѣ съ Морданенкомъ, въ 1774 г., поселился въ Барвѣнковой Стѣнкѣ, а потомъ перешелъ въ хуторъ Роменского. Ни въ чемъ не виновенъ, холостъ, имущества нѣтъ.

7. *Никита Григорьевъ Кравченко*, 16 лѣтъ, изъ м. Богодухова, ахтырской провинціи, бывшій козакъ. Еще въ малолѣтствѣ выведенъ изъ Богодухова въ запорожское село Новоселовку, гдѣ жилъ до 1772 г., а потомъ съ отцемъ перешелъ въ Барвѣнкову Стѣнку. Арестованъ въ хуторѣ торянина Бѣлоуса. У запорожского козака пасъ скотъ; взятъ съ поля. Отецъ и мать въ Барвѣнковой Стѣнкѣ.

8. *Кондратъ Моисеевъ Талавиренко*, 20 лѣтъ, изъ села Дубовыхъ Грядъ, полтавского полка, подданный обознаго Кочубея. Въ 1770 г., когда шелъ изъ села на мельницу съ братомъ, схваченъ былъ въ полѣ татарами и проданъ въ Бахчисарай. Ушелъ оттуда черезъ 2 года въ россійскую армію князя В. М. Долгорукова, отъ коего получилъ проходный билетъ. Изъ арміи взялъ его бахмутскій

купецъ Суренковъ, и онъ жилъ у бахмутскихъ жителей по найму 3 года, а потомъ зашелъ въ торскіе хутора. Никого не грабилъ и ничего не бралъ. У него же взятъ торянами меринъ гнѣдой, а 4 коровы онъ оставилъ брату Андрею въ Барвѣнковой Стѣнкѣ.

9. *Герасимъ Федосѣевъ Шишченко, онъ же Приблуда*, 80 лѣтъ, козакъ, изъ Миргорода. Назадъ тому 20 лѣтъ, вышелъ въ залинейную слободу помѣщика подполковника Половецкаго, у коего и по-нынѣ находится въ подданствѣ. Въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ, по просьбѣ запорожца изъ Орели Мартиненка, погналъ вмѣстѣ съ нимъ на пастьбу его рогатую скотину и овецъ въ Барвѣнкову Стѣнку, съ условіемъ, что Мартинеико тамъ останется на жительствѣ, а онъ, Шишченко, возвратится домой. Взятъ торянами на пути, вмѣстѣ съ Мартиненкомъ, его племянникомъ и Ситченкомъ, причемъ Мартиненко съ дороги бѣжалъ. Жены нѣтъ, а дѣти живутъ у своего помѣщика.

10. *Степанъ Григорьевъ Ситченко*, 18 лѣтъ, родина его—запорожское село Романково, сынъ запорожца.

11. *Кондратъ Алексѣевъ Давиденко*, 18 л., изъ м. Валокъ, сынъ войсковаго обывателя. Пришелъ въ 1773 г. безъ письменнаго вида иа Орель; жилъ по найму у запорожца Онищенка. Въ торскихъ хуторахъ пасъ скотъ; тамъ осталось у него 2 коровы, сирота, не женатъ.

12. *Осипъ Семеновъ Дорошенко*, 28 лѣтъ, изъ с. Бѣлокъ, ахтырской провинціи, казенный обыватель, безземельный. Вышелъ въ 1773 г. съ билетомъ въ изюмскую провинцію, чтобъ тамъ приписаться на жительство. Жилъ въ наймитахъ. Въ торскихъ хуторахъ жилъ прошлую зиму. Взятъ торянами на пасѣкѣ. Въ Торѣ осталась его кобыла.

Резюмируя всѣ эти показанія, находимъ, что изъ 12 подсудимыхъ собственно запорожскимъ козакомъ былъ только одинъ—Степанъ Ситченко; кромѣ того, два козака, Халимоненко и Шишченко, жили въ Запорожьѣ болѣе 20 лѣтъ и одинъ подданный, Саліенко, 28 лѣтъ, остальные были или слободскіе войсковые обыватели или подданные изъ гетманщины. Всѣ они, очевидно, имѣли намѣреніе основать для себя осѣдлость въ запорожскихъ зимовникахъ и поселились въ спорныхъ хуторахъ, вытѣснивъ изъ нихъ торскихъ обывателей. Дѣйствительно ли они, перейдя черту запо-

рожскихъ владѣній, втиснулись въ слободско-украинскую губернію, это обстоятельство не было даже разбираемо слободско-украинскою губернскою канцеляріею; она просто. по силѣ указовъ 1764 г. декабря 16 и 1765 г. марта 30, признала ихъ бѣглецами и, какъ таковыхъ, рѣшила съ семьями и пожитками водворить на мѣста прежняго ихъ жительства. Въ проступкахъ, взводимыхъ на нихъ, согласно свидѣтельству прапорщика Боженкова, изюмскою провинціальною канцеляріей, губернская канцелярія признала ихъ невиновными и, на основаніи указа отъ 17 марта 1775 года, свободными отъ наказанія. Степану Ситченку, какъ уроженцу Запорожья, данъ былъ билетъ для свободнаго прохода на родину; остальные были препровождены на мѣста прежняго жительства по этапу, за исключеніемъ Хоменка, который, какъ значится въ рапортѣ прапорщика Овсянникова, отъ 17 іюня 1775 г., «въ тюрме... волею умре».

Выручка и доставка по принадлежности каждому изъ осужденныхъ ихъ пожитковъ стоила значительныхъ хлопотъ слободско-украинской губернской канцеляріи. Изъ переписки объ этомъ видно, что прапорщикъ Боженковъ представилъ въ изюмское комисарское правленіе взятые у арестованныхъ имъ и называющихъ себя запорожцами: 8 лошадей, 2 сѣдла, 3 пистолета, 1 ружье, пику, ладунку сафьянную и подсыпку мѣдную. Комисарское правленіе лошадей отдало «стороннимъ» на прокормъ до востребованія, а прочее имущество хранило у себя. Одна темногнѣдаа кобыла оказалась чужою и была предметомъ спора между лицами, непричастными къ настоящему дѣлу; двѣ лошади у содержавшихъ ихъ «не вѣдомо кѣмъ поворовани», три получили Талавиренко, Дорошенко и Халимоненко. Имущество Хоменка за его умертвіемъ, оставлено было для храненія при губернской канцеляріи, а о вызовѣ наслѣдниковъ посланъ былъ указъ въ прилуцкую полковую канцелярію, которая лишь въ концѣ года приняла это имущество для выдачи наслѣдникамъ.

Въ спискѣ Боженкова значилось всѣхъ пойманныхъ запорожцевъ 15-ть, а судилось лишь 12-ть: объ одномъ упоминается вскользь, что онъ бѣжалъ съ дороги; отыскивать остальныхъ не представлялось уже надобности: раньше, чѣмъ настоящее дѣло было закончено, Запорожская Сѣчь навсегда прекратила свое существованіе на островахъ и прибрежьяхъ Днѣпра.

А. Твердохлѣбовъ.

КЪ РОДОСЛОВНОЙ ГЕТМАНА ИВАНА МАЗЕПЫ.

О происхожденіи гетмана Мазепы, званіи и положеніи его отца, а также его родныхъ, мы доселѣ не имѣемъ полныхъ и точныхъ свѣдѣній. Въ лаврскомъ помянникѣ XVII в. находится нѣсколько именъ его рода; но безъ документальныхъ данныхъ трудно судить объ отношеніи означенныхъ ими лицъ къ личности самаго гетмана. Изъ такихъ данныхъ извѣстна мать его, бывшая игуменьею женскаго воскресенскаго монастыря въ Кіевѣ, бывшаго на мѣстѣ нынѣшняго арсенала, извѣстна сестра его, бывшая за Войнаровскимъ, нѣсколько племянниковъ и племянницъ, а брата ни одного, такъ что Иванъ Мазепа былъ единственнымъ сыномъ у отца, едва извѣстнаго по имени и мѣсту жительства въ принадлежавшемъ ему селѣ Мазепинцахъ. Въ числѣ родственниковъ гетмана Мазепы авторъ статьи о немъ, помѣщенной въ ноябрской книжкѣ «Кіевской Старины» (Мазепа и его прекрасная Елена) называетъ нѣкоего Адама Мазепу, но въ какомъ родствѣ состоялъ онъ съ гетманомъ, не опредѣляетъ, а говоритъ только, что это былъ «быть можетъ, неосѣдлый шляхтичъ, который могъ имѣть на Волыни или какое-либо арендуемое село, или частную службу».

Въ инструкціи кіевскихъ дворянъ посламъ, отправленнымъ на варшавскій сеймъ, назначенный на 12 марта 1665 года, мы нашли нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ Адамѣ Мазепѣ. Инструкція эта вписана въ свое время въ житомирскую гродскую записовую книгу, хранящуюся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ подъ № 21 (листъ 103 на об., № 118). Изъ нея видно, что Адамъ Мазепа былъ *осѣдлымъ* дворяниномъ первоначально черниговскаго, а потомъ кіевскаго воеводства, владѣя имѣніемъ Трылисами, былъ женатъ и имѣлъ сына, служившаго *покоевымъ* при королѣ Янѣ Казимирѣ. Имѣніе его Трылисы, по всей вѣроятности, ничто иное, какъ нынѣшнее село Трылисы (Трилѣсы), находящееся въ васильковскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, влѣво отъ кіево-брестской желѣзной дороги (если ѣхать изъ Кіева), между станціями Фастовъ и Кожанка, верстахъ въ 12 отъ Фастова.

Адамъ Мазепа намѣревался просить на предстоявшемъ сеймѣ короля и представителей Рѣчи Посполитой о подтвержденіи своихъ

правъ на Трылисы и другія имѣнія, дарованныя еще прежними королями его предкамъ, право на владѣніе которыми было уже не разъ подтверждаемо королями. Кіевскіе дворяне поручали своимъ посламъ поддержать его просьбу: «такъ какъ всѣ по-нынѣ», писали они въ своей инструкціи, «утѣшаются за свои заслуги и заслуги своихъ предковъ милостью и наградами королей, то и его милость панъ Адамъ Мазепа, *подчашій королевскій*, выказывая по нынѣ свое уваженіе и вѣрность Рѣчи Посполитой и королю и имѣюя сына *при боку панскомъ въ покоѣ его королевской милости*, заслуживаетъ подтвержденія его правъ на владѣніе тѣми имѣніями».

Приведеннымъ указаніямъ инструкціи мы придаемъ особое значеніе въ вопросѣ о родословной гетмана Мазепы. Послѣ того, какъ извѣстно, что у гетмана Мазепы не было братьевъ и что онъ въ 60-хъ годахъ состоялъ *пажемъ* при королѣ Янѣ Казимирѣ, нельзя не остановиться надъ свидѣтельствомъ кіевскихъ пословъ, что у подчашія черниговскаго Адама Мазепы также одинъ сынъ и также находится при «боку» и въ «покоѣ» того же короля и въ тоже почти самое время. Можно было бы прямо поставить вопросъ: не былъ этотъ Адамъ Мазепа отцемъ гетмана Ивана Мазепы? Но есть маленькая разница во времени службы послѣдняго при королѣ въ качествѣ «покоеваго», или камеръ-пажа, и времени нахожденія въ томъ же званіи сына Адама. Въ инструкціи кіевскихъ дворянъ, данной посламъ на сеймъ, созывавшійся на мартъ 1665 г., объ Адамѣ Мазепѣ говорится, *имѣя* сына при «боку» короля, т. е. какъ-бы этотъ сынъ состоялъ еще при королѣ, тогда какъ объ Иванѣ Мазепѣ авторомъ названной выше статьи удостовѣрено, что онъ оставилъ службу при королѣ въ концѣ 1663 г. Согласить эту разность можно или признавъ, что кіевскіе дворяне словомъ *mając*, *имѣя* обозначали недавно бывшее, что не противорѣчило бы правиламъ польскаго языка, или допустить, что Иванъ Мазепа числился еще нѣкоторое время въ свитѣ короля и послѣ того, какъ побдагодарилъ его за службу въ концѣ 1663 г. Разница въ имени легко могла бы быть объяснена существовавшимъ еще и въ ту пору не только у католиковъ, но и у православныхъ обычаемъ носить два имени. Естественно, что въ инструкціи для сейма и короля употреблено имя *Адамъ*, тогда какъ въ дальнѣйшей карьерѣ сына упо-

требленіе этого имени было неудобнымъ и выступило второе имя отца *Степанъ*. Подождемъ однако дальнѣйшихъ розысканій и разъясненій.

«МАЗЕПА» Г. ЧАЙКОВСКАГО.

Неудобство того обстоятельства, когда въ шитьѣ обуви приметъ участіе кухонныхъ дѣлъ мастеръ, вошло въ обиходъ школьной мудрости. Благоразумный пирожникъ на такой рискованный шагъ едва ли и посягнетъ. Но что возбраняется ремесленнику, то разрѣшается художнику. Не даромъ же искусства «свободны»! Между исторіей, владѣющей языкомъ фактовъ, и музыкой—языкомъ звуковъ общаго не много. Но попытки смѣшиванія *do-re-mi-sol* съ дѣяніями людей, оставившихъ слѣдъ въ жизни, начались не вчера и кончатся не завтра.

Подъ звуки унылые и бурные, подъ темпы медленные и быстрые, выступали на сцену и Семирамида и Пуритане, императоръ Титъ и ревнующая Рогнѣда... Въ этихъ попыткахъ бывали удачи. Съ историческимъ лицомъ обращались почтительно и, не заставляя его дѣлать особенныя глупости, сосредоточивали вниманіе на изображеніи времени, на національномъ элементѣ и на области страсти и чувства, единственно доступной музыкѣ. Получалась иллюстрація эпохи, будившая воображеніе, уносившая мысль въ поэтическій міръ. Но на Мазепѣ и въ этомъ тяготѣетъ проклятіе. Какъ не похожъ на себя былъ онъ въ поэзіи у Байрона, Словацкаго, Пушкина, такъ ничтоженъ и печаленъ былъ онъ и на подмосткахъ, куда тащили его сочинители оперы.

Взять историческое лицо, политическаго дѣятеля, игравшаго видную роль въ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ русской исторіи, конечно не было дѣломъ оперная «либретто». Выдвигалась на сцену романическая и темная исторія Мазепы съ Матреной Кочубеевной. Краеугольнымъ камнемъ всѣхъ свѣдѣній служилъ Пушкинъ. Увы! отъ блестящей картины великаго поэта остаются только великолѣпные стихи, образцовыя описанія и талантъ изложенія. Но сколько изъ остального разрушено безъ пощады той особой, которая «спокойно зритъ на правыхъ и неправыхъ», вѣритъ только

голосу подлинныхъ свидѣтельствъ и которая зовется исторической правдой!

Есть скептики, подвергающіе сомнѣнію самый прославленный романъ Мазепы съ Матреной. Они говорятъ, что Мазепѣ, перешедшему за 60 лѣтъ и задумавшему одну изъ сложнѣйшихъ политическихъ комбинацій, было тогда не до любовныхъ интригъ. Сохранившіяся въ копіяхъ письма влюбленныхъ писаны безъ адресовъ. Разбиравшій дѣло Кочубея Головкинъ отослалъ ихъ Мазепѣ, сомнѣваясь, чтобъ они писаны были его рукою. «Цидулы и письма посылаю подлинныя, не переписывая и никому оныхъ не показывая»,—такъ увѣрялъ онъ, снявши уже копіи и какъ бы поставивъ на первый планъ выгоды исторіографіи, а свою репутацію на второй.

У Пушкина и у либретистовъ пытки Кочубея производятся при дворѣ гетмана, значитъ какъ бы въ генеральномъ судѣ. Два вида пытки, допускавшіеся магдебургскимъ правомъ (растягиванье и припеканье свѣчей) производились въ судахъ магистратскихъ исключительно, вѣдавшихъ судебную область. Но допросъ и пытки Кочубея и его товарищей производились въ Витебскѣ Шафировымъ и Головкинымъ. Дѣло длилось съ 21 апрѣля по 28 мая. Протоколы его сохранились въ архивахъ. Тамъ же, въ Витебскѣ, Кованько, Святайло и Яценко приговорены были къ ссылкѣ, а Кочубей и Искра къ смертной казни.

Орликъ былъ генеральнымъ писаремъ и пытокъ не производилъ. На послѣднемъ допросѣ Кочубея, въ Борщаговкѣ, за Бѣлою церковью, присутствовалъ сопровождавшій его Вельяминовъ-Зерновъ. Неизвѣстный козакъ, везущій у Пушкина доносъ Кочубея, у либретиста оперы г. Чайковскаго превратился въ неизбѣжнаго банальнаго юношу, влюбленнаго въ Марію (Матрену). Настоящее имя гонца извѣстно было и во времена Пушкина; это былъ полтавскій выкрестъ, Петро Яценко. Онъ отвезъ второй доносъ, а первый переданъ былъ Кочубеемъ черезъ прохожихъ монаховъ Никанора и Трифилія.

Матрена Кочубеевна увезена не была, а послѣ нѣсколькихъ подговорокъ убѣжала сама въ гетманскій дворъ. Черезъ нѣсколько дней Мазепа, «во избѣжаніе грѣха», отправилъ ее въ домъ родителей съ начальникомъ великорусской стражи Анненковымъ. Къ

разочарованію либретистовъ, она впослѣдствіи прозаически вышла замужъ.

Всѣ эти обстоятельства, выясненныя архивными розысканіями, могли быть неизвѣстны въ двадцатыхъ годахъ великому поэту; но современнымъ драматургамъ и опернымъ композиторамъ считаться съ ними обязательно. Вѣдь отличіе *историческихъ* лицъ отъ людей толпы или отъ поэтическихъ фикцій въ томъ и состоитъ, что о судьбѣ ихъ сохранились достовѣрныя свѣдѣнія, что жизнь ихъ извѣстна въ подлинныхъ фактахъ, которые можно такъ или иначе толковать, но которыхъ нельзя отмѣнять по своему.

Драматическая канва оперы «Мазепа», идущей теперь въ Кіевѣ, одна изъ самыхъ банальныхъ, какія случалось намъ встрѣчать. Зауряднѣе перваго акта трудно что нибудь придумать. Начинается онъ хоромъ дѣвушекъ, обязательно идущихъ на прогулку. Онѣ зовутъ Марію, но она не можетъ съ ними идти: въ домѣ важный гость-гетманъ. Она возвращается въ домъ, но предъ ней выскакиваетъ обязательная, оперная кукла—влюбленный въ нее юноша. Надо спѣть съ нимъ дуэтъ. Маріонетка исчезаетъ и на сцену выходитъ гетманъ съ хозяевами дома и свитой. Онъ доволенъ пріемомъ и желаетъ видѣть танцы. Слѣдуетъ неизбѣжный, какъ фатумъ, балетъ. Гетманъ (въ другихъ операхъ князь, царь, герцогъ) съ главными лицами садится въ сторонѣ, вносятъ традиціонные кубки. Идутъ танцы. За ними объясненіе Мазепы съ Кочубеемъ и ссора (хоръ: «Къ оружію, къ оружію!»). Секстетъ, долженствующій объяснить положеніе дѣла и чувства каждаго лица, но ничего не объясняющій, такъ какъ, по обыкновенію, въ этомъ гамѣ нельзя разобрать ни слова. Шумный выходъ гетмана и свиты со сцены, съ потрясаніемъ мечей....

Все остальное въ томъ же родѣ, отъ первой аріи Кочубея «Такъ вотъ награда за доносъ», до обязательнаго въ концѣ сумасшествія Маріи (Лючіи, Офеліи и т. п.), съ распѣваемой въ такихъ случаяхъ чепухой. У г. Чайковскаго въ этихъ обстоятельствахъ героиня поетъ «Колыбельную пѣсню» на слова выхваченныя изъ извѣстной пьесы Лермонтова. Случается все это одновременно съ полтавской битвой (хотя было въ 1704—5 годахъ). Мазепа, во время бѣгства, встрѣчается съ Маріей.... и исторія обогащается новыми фактами, добытыми изъ оперныхъ архивовъ.

Отъ г. Чайковскаго, какъ либретиста (если либретто принадлежитъ ему), нельзя многаго и требовать. Другое дѣло г. Чайковскій музыкантъ. И въ этомъ случаѣ однако опера не даетъ ничего. Г. Чайковскій-композиторъ очень талантливый и пріобрѣвшій большую извѣстность; но сфера его—чистый лиризмъ, тонкіе оттѣнки современной нервности, элегическіе мотивы. Для созданія драматической музыки у него нѣтъ данныхъ. Попытки его въ этомъ родѣ терпѣли фіаско (оперы Іоанна Д'Аркъ, Опричники), между тѣмъ какъ сочиненія, сродныя его таланту (Евгеній Онѣгинъ, симфоніи и романсы), всегда встрѣчали заслуженный успѣхъ. «Мазепа» вдобавокъ написанъ внѣ времени и пространства. Это нѣчто въ родѣ языка Волапюкъ. Музыка оперы совершенно лишена малороссійскаго колорита. Или созданныя самимъ народомъ мелодіи не заслуживаютъ вниманія ученой композиціи? Что сказали бы однако о живописцѣ, который, взявшись изобразить историческія и бытовыя фигуры извѣстной національности, пренебрегъ бы совершенно физическимъ типомъ народа?

Къ провинціальной сценѣ едва ли примѣнимы требованія строгой археологической постановки пьесъ. Нельзя поэтому подробно разбирать съ этой стороны и постановку «Мазепы». Въ общемъ она прилична. Упущено то, что исполнить было всего легче—костюмировка народной толпы. Одежда украинскаго простонародья начала XVIII вѣка отличалась отъ нынѣшней только нѣкоторыми археологическими подробностями. Но правдивѣе была бы уже современная костюмировка, чѣмъ тѣ невозможныя хламиды, въ какія одѣтъ хоръ; неизвѣстно также, почему народная толпа всегда состоитъ изъ молодыхъ мущинъ и женщинъ, равно и то, почему избѣгается всякое разнообразіе въ одеждѣ и гримѣ. Вѣрно потому, что достигнуть его легко. По той же причинѣ обязательныя въ началѣ XVIII в. восковыя свѣчи замѣнены въ свѣтлицѣ Мазепы стеариновыми. О восковыхъ свѣчахъ упоминаетъ въ своей ремаркѣ даже многоученый авторъ либретто этой обреченной забвенью оперы.

В. Г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ изданіи «Кіевской Старины» 1886 г., въ томахъ XIV, XV и XVI [1]).

А.

Августъ III, кор. польскій, XIV, 347—348.
Аггей, епископъ бѣлгородскій, XIV, 739.
Акиндинъ, печерскій архим., XV, 41, 509, 633.
Александра Павловна, в. княжна, XV, 139—142.
Александра Петровна, в. княгиня, XV, 328.
Александровичъ, Иванъ Ильичъ, подкоморій лубенскій, XIV, 401.
Александровскій, Серапіонъ, митр. кіев., XVI, 518.
Александръ, князь подольскій XIV в., XVI, 307.
Александръ I, имп., XIV, 392—3, XV, 139—140, 399—400, XVI, 489—490, 632, 643.
Александръ II, имп., XIV, 815—816.
Алексѣй Михайловичъ, царь и в. князь, XIV, 488, XV, 402, XVI, 506—507.
Алешки, г., XIV, 659—665, XV, 168.
Алимъ-Гирей, крым. ханъ, XVI, 66, 68.
Амфитеатровъ, Филаретъ, митр. кіев., XV, 387—389, 400, 518, 615, 616, 621, 635.
Анастасія Ярополковна, супруга кн. Глѣба Минскаго, XV, 37, XVI, 504.
Андрей Владиміровичъ, кн., внукъ Ольгерда, XV, 294, XVI, 505.
Андрей Юрьевичъ (Боголюбскій), в. князь, XIV, 487, XVI, 253.
Андріевскій, А. А.; разб. книгъ его: 1) 10 выпускъ истор. матеріаловъ, XIV, 789—794, 2) Матеріалы для исторіи ю.-рус. края XVIII ст., XVI, 155—157.
Анна Іоанновна, императрица, XV, 402—403.
Анненковъ, А. И., харьков. вицегуб., XIV, 589, XV, 138—139.
Антоній, печер. архим. пач XVI ст, XVI, 510.
Антоновичъ, В. Б., проф. у-та св. Владим., XIV, 46, 124—128, 165, 245, 247, XV, 163, 766, 868.
Апостолъ, Даніилъ, гетманъ, XIV, 1, 5, 13, 15, XV, 402, 451, XVI, 399.
Апостолъ, Петръ, лубенскій полков., XIV, 6, 7.

[1]) Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія—страницы тома.

Аракчеевъ, графъ А. А., извѣст. временщикъ Александра I, XIV, 389, XV, 13—16, 659.
Аристовъ, проф.-историкъ, XV, 458.
Арсеньевъ, каменскій воевода, XIV, 587.
Арсланъ-Гирей, крымскій ханъ, XIV, 333.
Аскоченскій, В. И., журналистъ 60-хъ гг., XIV, 482—484, XVI, 112.
Афендики, дворяне; исторія рода, XV, 443—445.
Ахтырка, г., XV, 484.
Аѳанасьевъ, изв. этнографъ, XIV, 243—244.
Аѳанасьевъ, Филиппъ, кіев. свящ. конца XVI ст., XIV, 483.

Б.

Багалѣй, Д. И., проф. харьков. у-та, разб. его книги: матеріалы для исторіи колониз. степной окраины москов. госуд., XIV, 582—588; упом., XIV, 378—380.
Бака, ногайскій князь, XV, 485.
Бакай, с., XV, 485.
Бакота, с. под. губ., XV, 485.
Балабанъ, Гедеонъ, львов. еписк., XIV, 397, XV, 68—69.
Балаклея, с. черниг. губ., XV, 480.
Бальменъ-де, графъ А. Б., курскій намѣстникъ, XIV, 752, 758.
Бантышъ-Каменскій, авт. исторіи Малой Россіи, XV, 8.
Банулеско, Михаилъ, кіев. митр., XVI, 518.
Барановичъ, Лазарь, архіеп. черниг., XIV, 488, XVI, 572—579.
Барсовъ, профес. СПБ. академіи. XIV, 659—670.
Батуринъ, г., XV, 473.
Батюшковъ, П. Н.; разб. издан. имъ книги: 8-й вып. памятниковъ русск. старины въ запад. губ., XIV, 796—804.
Бахты-Гирей, крымскій ханъ, XVI, 53.
Баязетъ II, султанъ турецкій, XIV, 25.
Безакъ, А. П., кіевскій ген.-губ., XV, 626.
Безбородко, графъ, канцлеръ, XVI, 73—74.
Безсоновъ, П. А., проф. харьк. у-та, XIV, 394—398, XV, 482—483.
Бекарюковы, двор XV,янI, 352—е 353.
Беклемишевъ, М., воевода, участникъ крымскаго похода 1687 г., XIV, 273.
Беклемишевы, дворяне, XVI, 549.
Беклешовъ, курскій намѣстникъ, XVI, 344.
Бенкендорфъ, графъ, шефъ корпуса жандармовъ, XVI, 310—311.
Бердовщина, с. полтав. г., 476.
Березань, о. на Днѣпрѣ, XIV, 659—660, 679.
Березняки, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 6.
Березоточи, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 8.
Беренштамъ, В. Л., совр. литерат., XIV, 73, XV, 308.
Берында, Памва, западно-русск. уч. XVII ст., XVI, 512.
Бестужевъ (Марлинскій), Ал-дръ, авт. повѣстей и разсказовъ, XVI, 465.
Бестужевъ-Рюминъ, проф. СПБ. у-та; разб. II тома его Русской Исторіи, XIV, 167—168
Блудовъ, графъ Д. И., министръ внутр. дѣлъ, XV, 158—161.
Богадырь-Гирей, крымскій ханъ, XIV, 345, XVI, 66, 68.
Бодянскій, О. М., историкъ и славистъ, XIV, 112, 397, XVI, 299, 310—316.
Боки, дворяне, XV, 298.
Болеславъ Храбрый, король польскій, XV, 164.
Болховитиновъ, Евгеній, кіевскій митроп., XV, 619, XVI, 508.
Бондаренко, гетманъ, XIV, 405.
Бонякъ, половецкій ханъ, XV, 37, 340.

Бопланъ, авторъ описанія Украины, XV, 42.
Борейки, дворяне, XV, 568—569.
Борейшевичи, дворяне, XV, 298.
Борецкій, Іовъ, кіев. митроп., XV, 262.
Боромля, с. харьков. губ., XV, 464—465.
Борятинскій, кн. Д. А., участникъ крымскаго похода 1687 г., XIV, 238.
Бочекъ, Антоній, моравскій историкъ, XVI, 305—306.
Бразоль, Г. Е.; о книгѣ его «Волостные и земскіе суды», XV, 342—345.
Браницкая, граф. А. В., племянница Г. А. Потемкина, XIV, 388, 817, XV, 389, 729.
Брунъ, Ф. К., соврем. географъ, XIV, 43, 54, 659—660, 667—671, 680—681.
Будиловичъ, А., свящ.; разборъ его книги «Православ. старина въ г. Замостьѣ», XVI, 151—155.
Будищи, с. суджан. у., XIV, 478—479.
Булавинъ, атаманъ донской, изв. бунтомъ при Петрѣ I, XV, 522.
Булатецъ, с., им. Кулябокъ, XIV, 6.
Булгаковъ, рус. посолъ при Портѣ, XVI, 80.
Булгаринъ, Ѳ. В., изв. литерат.; письма его къ А. Я. Стороженку, XVI, 443—460; упом. XV, 655, XVI, 3, 7, 299, 465, 469.
Бурковскій, Юрій, знач. войсковой товарищъ, XIV, 4, 5.
Буромка, с. полтав. губ, XV, 465.
Бутенко, Процикъ, лубен. мѣщан. (1651 г.), XIV, 2.
Бутулинъ, москов. уполномочен. на переяслав. радѣ, XV, 7.
Бѣлозерка, р., XIV, 671—672.
Бѣлосельскій-Большой, кн. Ив., путивльскій воев., XIV, 587.
Бѣлоусовичъ, Лука, печер. архим., XV, 392, 405, 615, XVI, 516—517.
Бѣльскій, Мартинъ, хроникеръ

В.

Валкевичъ, Зосима, печерскій архимандр., XV, 397—399, 402—406, 615, XVI, 501, 508, 517.
Валки, г., XV, 475.
Ванатовичъ, Варлаамъ, кіев. архіеп., XV, 305.
Варлаамъ, печер. игуменъ XI в., XVI, 502, 507.
Василитскіе, дворяне, XV, 298.
Василій, игум. печер., XVI, 509.
Васильевскій, проф. СПБ. у-та, XIV, 660, 683.
Васильковскій, С. И., соврем. художникъ; по поводу его картины, XIV, 174—187.
Васильчиковъ, кн. М. И., кіевск. генер.-губерн., XIV, 711, 716—728, XV, 626.
Вассіанъ, печерскій архим., XVI, 511.
Вейсбахъ-фонъ, графъ, кіевскій ген.-губ., XV, 329 и слѣд., XV, 749—750.
Величко, Самойло, авторъ изв. лѣтописи, XVI, 314—315.
Верба, с., имѣніе Ломиковскихъ, XIV, 11.
Вербицкій, Тимоѳей, ученый XVII в., XVI, 512.
Веселовскій, А. Н., академикъ, XIV, 243, 249—254.
Виленскій Свято-Троицкій монастырь, XIV, 588—592.
Витовтъ в. кн. литовскій, XVI, 305.
Виттъ, графъ, начальн. военныхъ поселеній на югѣ Россіи, XIV, 388 и слѣд., XV, 13—15.
Вишенскій, Іоаннъ, ученый XVII ст., XV, 51.
Вишеньки, с., имѣніе Ломиковскихъ, XIV, 11.
Вишневецкіе, князья, XIV, 45—47, XV, 295.
Вишневецкій, кн. Дмитрій, белзскій воевода, XIV, 45—54, 57, 59, XVI, 529.
Вишневецкій, кн. Іеремія, староста лубенскій, XIV, 118—119.
Вишневскій, Гедеонъ, полт. архіеп., XIV, 818.
Владимиръ Святославичъ в. кн.

Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, в. кн. кіевскій, XIV, 29.
Владиміръ Ольгердовичъ, кн. кіев., XV, 244—245.
Владиміро-волынскій собор. храмъ, XIV, 837—839, XV, 766—769.
Владиславлевъ, В. А., литераторъ 30-хъ гг., XVI, 461—462, 467—471.
Вогюэ-де, французскій изслѣд. рус. литерат., XIV, 381—382.
Водолага, с. харьк. губ., XV, 480.
Воейковъ, А. Ѳ., изв. литераторъ зоилъ, XIV, 299, 460—466.
Воейковъ, кіев. генер.-губерн., XIV, 791, XV, 527, XVI, 467—468.
Войнаровскій, Янъ, владимірскій подстароста, XVI, 532.
Войниловичъ, Ѳеодосій, печер. архимандр., XVI, 510.
Войничъ, Павелъ, кіевскій войтъ XVIII ст., XIV, 791, XVI, 670, 691.
Волланъ-де; о его сборн. угро-рус. пѣсенъ, XIV, 168—172.
Воловичъ, Евстафій, велик. канц. литов., XV, 250, 259.
Володимірскіе, князья, XV, 297.
Волчокъ, с., им. Кулябокъ, XIV, 8.
Волчья, р., XIV, 680.
Волынскій, И. Ѳ., кіев. воевода, XIV, 550.
Вольфъ, Іосифъ; о книгѣ его: «Ród Gedimyna», XVI, 553—555.
Воронецкій, кн. Матвѣй, кіевскій подвоеводій, XIV, 490.
Воронцовъ, кн. М. С., госуд. канц., XV, 402.
Вуяхевичъ, Мелетій, печер. архим., XV, 404, XVI, 507, 514—515.
Выговскій, гетманъ, XV, 452—453.
Выползки, с., XV, 474.
Высь, р., XIV, 675.
Вяземскій, кн. А. А., ген.-прок., XV, 137.
Вяземскій, кн. Г. И., ново-оск. предв. дворян., XVI, 340.

Г.

Гагаринъ, кн. М. П., сибир. губ., XV, 397.
Гай, Людвигъ, хорват. ученый, XVI, 299, 309—310.
Галаганъ, Григорій, прилуц. полк., XIV, 623.
Ганка, чешскій истор., XVI, 299, 300—304.
Гаркуша, Семенъ, изв. разбойникъ, XVI, 404—407, 569—571.
Гедиминовичи, XVI, 553—555.
Гендриковы, графы, XVI, 743—746.
Генрихъ, король польскій, XIV, 490, 492, XVI, 511.
Герберштейнъ, изв. авторъ запис. о Россіи, XIV, 43.
Герцикъ, Павелъ Сем., полковн., XV, 446—448 621, XVI, 748.
Гессе, кіев. губерн., XIV, 711, 717—719, 726, 728.
Гизель, Иннокентій, печер. архим., писат. XVII ст., XIV, 489, XV, 394, 404, 633, XVI, 514.
Гладкій, Матвѣй, миргород. полк., XV, 452.
Гладкій, О. М., атаманъ кошевой, XIV, 85—88, XVI, 449.
Глемязовъ, м. полт. г., XV, 458.
Глинскіе, князья, XV, 237.
Глушково, с. рыльск. у., XVI, 743—746.
Глѣбъ Всеславичъ, кн. минскій, XV, 37—38, 409.
Гоголь, Н. В.; посѣщеніе имъ гадячской ратуши, XIV, 206—208; воспомин. Смирновой, XIV, 381—387; упом., XIV, 397, 409—414, XV, 641—646.
Гоецкіе, дворяне, XV, 296.
Голицынъ, кн. В. В., любимецъ царевны Софьи Алексѣевны, XIV, 268—278.
Голицынъ, кн. Д. М., кіевскій ген.-губерн., XVI, 398, 500.
Головацкій, Я. Ѳ., соврем. ученый, XV, 462, 486, XVI, 731.
Головкинъ, вице-канцл. Петра I, XVI, 143.
Голубевъ, Ст., доцентъ у-та св. Влад. и кіев. акад., XIV, 483—485, 493.

Голубовскій, П. В., авторъ нѣск. статей по др. рус исторіи, XIV, 660, 664, 673—679.
Голубъ, гетманъ, XVI, 307—308.
Голтва, с., XV, 479.
Голшанскіе, князья, XV, 245—246, 297, XVI, 505—506.
Горватъ, кіев. губ. предв. дворян., XIV, 720, 723.
Гордѣенко, К., кошевой атаманъ, XV, 526.
Горленки, дворяне; роспись рода при XV томѣ въ прилож.
Горленко, Іоасафъ, бѣлгородскій архіеп., XIV, 405, 437.
Горленко, В. П.; 2 поѣздки его съ Н. И. Костомаровымъ, XIV, 111—123.
Горностаи, дворяне, XV, 395, 398.
Городецкій, Платонъ, кіев. митр., XV, 615, XVI, 519.
Горскіе, князья, XV, 296.
Горчакова, Е.; о книгѣ ея: «Путеводитель по Кіеву», XV, 150—153.
Гошчинскій, Северинъ, польскій поэтъ, XVI, 788—789.
Грабовскій, Михаилъ, польскій романистъ и критикъ, XIV, 768—770.
Грабовскій, кіев. жандарм. полковникъ, XIV, 711, 723, 724, 728.
Грабянка, гадяцкій полковникъ, XIV, 15.
Гребенка, Е. П., малор. поэтъ; неизд. его стихотворенія, XVI, 176—177; упом., XV, 695.
Грекъ, Никифоръ, экзархъ константинопол. патріарха, XV, 263.
Гречъ, Н. И., изв. литерат., XV, 641, XVI, 299, 458, 467—469.
Грибоѣдовъ, А. С., XVI, 454.
Григоровъ, Василій, кошевой, XIV, 331 и слѣд.
Губское, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 6.
Гугуревичъ, Ѳеодосій, ректоръ кіев. коллегіума, XVI, 488.
Гудимы, Павелъ и Михаилъ, кіев. сотники XVIII ст., XVI, 676, 683—684, 688—689, 693—694,
Гудовичъ, графъ И. В., фельдмаршалъ, XV, 392, XVI, 743.
Гулицъ, Андрей, полков., участн. крымскаго похода 1687 г., XIV, 274.
Гумилевскій, Филаретъ, чернигов. архіеп., XIV, 831—836.

Д.

Давидовскій, Яковъ, войсков. канцелярист, XVI, 676—677, 702.
Давидъ, печер. игум., XVI, 509
Данилевскій, Г. П., совр. роман., XVI, 107, 112.
Даниловъ, стольникъ, участникъ крымск. похода 1687 г., XIV, 275.
Данiилъ Романовичъ, кн. галицк., XV, 293.
Дараганъ, кіев. полков., XVI, 699, 702—703.
Дашкевичи, дворяне, XV, 297.
Дашкевичъ, Н. П., проф. у-та св. Влад.; о его «Замѣткахъ по литовской исторіи», XIV, 164—167; упом., XV, 108.
Дверницкій, Е. Н.; XV, 766.
Двуручная, с., XV, 475.
Девлетъ-Гирей, крымскій ханъ, XIV, 24—25, 48—50, XVI, 50—55.
Дептовка, с. конотоп. у., XV, 751—752.
Де-Рибасъ, адмир. русской службы, XIV, 56.
Деспотовичъ, Іона, печер. архим., XVI, 511.
Джанъ-Мамбетъ, агитаторъ въ средѣ едисанцевъ, XVI, 39—41, 46, 51, 53.
Дзялынскіе, графы, XVI, 308.
Длугошъ, польскій истор., XV, 148—149.
Дмитріевъ, Е., капитанъ, участн. крымск. похода 1687 г., XIV, 276.
Дмитрій, владимірскій и луцкій князь XIV в., XVI, 319.
Дмитровичъ, Дорошъ, полтав. полк.

Днѣпръ, р.; о значеніи его въ народ. поэзіи, XIV, 281—286.
Днѣстръ, р.; тоже, XVI, 286—288.
Добровицкіе, князья, XV, 298.
Довбушъ, гуцул. разбойникъ, XV, 739—746.
Довгаль, Степанъ, XV, 453.
Долгорукая, кн. Нат. Бор., XV, 404, 406.
Долгорукіе, князья, XIV, 815—816.
Долгорукій, кн. В. Д., участникъ крымскаго похода 1687 г., XIV, 268, 275—276.
Долгорукій, кн., начальн. рус. арміи въ войну 1770 г., XVI, 40, 42, 46—51.
Домоткань, р., XIV, 682.
Дорошенко, гетманъ, XV. 522, XVI, 308.
Дороѳеевичъ, Гавріилъ, уч. XVII ст., XVI, 512.
Досиѳей, печер. игум., XVI, 509.
Драгомановъ, М., малорус. этногр., XIV, 245.
Дроздовъ, Филаретъ, москов. митрополитъ, XIV, 383, 385—386.
Друцкіе-Соколинскіе, князья, XIV, 729—734, XVI, 343, 354, 362, 363, 475, 476, 498, 499, 628.
Дубницкіе, дворяне, XVI, 512.
Дубовый, о. на Днѣпрѣ, XIV, 60—62.
Дувинка, с. купян. у., XV, 484—485.
Дудка, Игнатъ, борзен. мѣщан. (1744 г.), XIV, 15.
Думитрашко, К. Д., авторъ малорус. стихотв.; некрологъ о немъ, XV, 188—191.
Дунай въ народн. поэзіи, XVI, 276—281.
Дунинъ, полков. XIV, 330.,
Дунинъ-Борковскій, Василій, генеральный обозный, XIV, 11, XV, 209—210, 396.
Дунинъ-Вольскій, Петръ, польск. подканцлеръ, XIV, 490.
Дурова, Н. А., изв. кавалеристъ-дѣвица, XIV, 398—402.
Дѣвочка, Онисифоръ, кіев. митр.,

Е.

Евгеній, курскій епископъ (1819 г.) XVI, 631, 635.
Евецкій, Ѳ. Ѳ., собиратель и авторъ малорус. думъ и проч., XVI, 305.
Евлашевскій, Ѳедоръ, новгород. подсудокъ XVI ст.; дневникъ его, XIV, 124—160; упом., XV, 265.
Евпраксія Всеволодовна, княгиня, супруга Генриха IV, XV, 36.
Екатерина I, имп-ца, XV, 399—402.
Екатерина II, имп-ца, XIV, 737—738, 743—744, XV, 139, 384, 389, 400, 403, 615, 752, XVI, 38, 45, 54, 68—71, 330, 675.
Елена Павловна, в. княгиня, XV, 139—142.
Елисавета Петровна, имп-ца, XV, 389—390, 393, 401—403, 616, 752, XVI, 508.
Елчаниновъ, Я. В., кіев. комендантъ XVIII в., XV, 391.
Ельцы, дворяне, XV, 296, 305, 312.
Еремѣевичъ. Семенъ, кошевой, XIV, 331.
Ерковцы, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 6.
Есковичъ. Михаилъ, посолъ кн. Д. И. Вишневецкаго къ Іоанну IV, XIV, 45, 478.
Ефименко, П. С., авторъ статей по южнорусской исторіи и этнографіи, XV, 521.

Ж.

Жижемскій, кн. Семенъ, посолъ кн. Д. И. Вишневецкаго къ Іоанну IV, XIV, 48.
Жила, Петръ, кіевскій сотникъ XVIII ст., XIV, 691—692.
Жураковскій, Василій, генеральн. асаулъ, XIV, 1.

З.

Забѣла, В. Н., авторъ малорус. стихотв.; воспоминанія о немъ,

Забѣлы, дворяне, XV, 382—384.
Завадовскіе, графы, XIV, 815.
Загоровскіе, дворяне, XIV, 527—535.
Закотная, с., XV, 465.
Закревскій, Н., историкъ Кіева, XV, 151.
Залескій, Б., польскій поэтъ, XIV, 768—769.
Замостьская старина, XVI, 151—155.
Замысловскій, изв. трудами по истор. и географіи, XIV, 682.
Зарудный, миргород. полковой судья, XV, 454—455.
Засулье, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 6.
Засядко, Яковъ, лубенскій полковникъ, XIV, 2.
Захаржевскіе, дворяне, XVI, 739.
Збаражскій, кн. Владиславъ, кіевскій воевода, XIV, 490—492.
Зеленскій, Дмитрій, лубенскій полковникъ. XIV, 4, 8.
Земка, Тарасій, ученый XVII ст., XVI, 512.
Зеновичи, вол. дворяне, XV, 297, XVI, 505.
Зизаніи, Лаврентій и Стефанъ, южно-рус. ученые XVII ст., 241—242.
Злодіевка, с., XV, 458.
Змѣевъ, В. А., окольничій, участникъ крымскаго похода 1687 г., XIV, 268, 274.
Значко-Яворскій, Мелхиседекъ, игуменъ мотронин. монастыря, XIV, 203, 205, 795
Зубовъ, А. Н., правитель харьк. намѣстничества, XIV, 563, 732, 742, 758, XV, 134.
Зубрицкій, галицкій историкъ, XVI, 299, 308—309, 318—329.

И.

Ивановъ, Д. Я.; о книгѣ его «Вліяніе русской колонизаціи на природу ставропольскаго края, XVI, 735—736.
Ивла, р., XIV, 677.
Игнатій, печерскій архим. нач. XIV ст., XVI, 510, 261—263.
Ида, р., XV, 482—483.
Измайловъ. А. Т., москов. стольникъ XVII в., XVI, 543 и слѣд.
Изъѣдиновы, дворяне, XIV, 745.
Изяславъ Ярославичъ, в. князь кіевскій, XV, 27, 30—31, 33, 39.
Иларіонъ, кіев. митрополитъ, XVI, 502.
Иларіонъ, печерскій архим. XIV в., XV, 298, XVI, 511.
Иларіонъ, печер. архимандритъ XVIII в., XVI, 515.
Иловайскій, Д. И., историкъ; XV, 345—347.
Иловскій, Ал-дръ, полоцкій воевода, XV, 296.
Искра, Иванъ, полков. переяславскій, XV, 409. XIV, 759.

І.

Іоакимъ, печер. архимандритъ XVI в., XVI, 511.
Іоаннъ IV Васильевичъ, царь и в. князь, XIV, 47—51. XV, 243—244.
Іоаннъ V Алексѣевичъ, царь и в. князь, XV, 395.
Іосифъ II, имп. австрійскій, XV, 394.
Іосифъ, печерскій архим., XVI, 511.

К.

Казиміръ Ягеллоновичъ, кор. польскій, XIV, 24.
Казы-Гирей, крымскій ханъ, XVI, 51.
Кайсаровъ, П. С., генералъ отъ инфант., XV, 628,
Калайденцы, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 5.
Каланчакъ, р., XIV, 671—672.
Калміусъ, р., XIV, 680.
Калницкій, самборскій староста, XV, 749.
Калнишевскій, П. И., кошевой, XIV, 605—607. XV, 532—536.

Каневъ, г., XIV, 44—45.
Канцеровскій, о. на Днѣпрѣ, XIV, 57—59.
Капланъ-Гирей, крымскій ханъ, XIV, 309—310.
Капнистъ, В. В., пис.; рѣчь его къ полтав. дворянамъ, XVI, 717—722.
Капустины, князья, XV, 246.
Карлъ XII, король шведскій, XV, 526, 528.
Кармелюкъ, разбойникъ; разсказы о немъ, XIV, 495—560, XV, 371—378, 553—559.
Каховскій, правитель Тавриды при Екатеринѣ II, XV, 74—80.
Каширскіе, князья, XV, 297.
Квитка-Основьяненко, Г., изв. писатель, XV, 640—641.
Квитки, дворяне, XIV, 379.
Кейтъ, генералъ, XIV, 331.
Кеневичъ, критикъ Крылова, XV, 671—672.
Керимъ-Гирей, крымскій ханъ, XVI, 38—40.
Кизаревичъ, Филоѳей, ученый XVII ст., XVI, 512.
Кириловичъ, Іосифъ, ученый XVII ст., XVI 512.
Кириллъ, кіевскій митрополитъ XIII в., XV, 293.
Кириллъ Лукарисъ, константинопат ріархъ, XV, 263.
Кисели, XIV, 827 и слѣд.
Кисель, Адамъ, кіевскій воевода, XIV, 826—831.
Кистяковскій, А. Ѳ., проф. у-та св. Влад., XV, 343—344.
Кишка, Янъ, литов. магнатъ XVI в., XV, 56.
Кіево-печерская лавра; монографія о ней П. Г. Лебединцева, XV, 26—48, 293—306, 384—409, 613—638, XVI, 252—264, 500—521.
Кіевская Академія; о началѣ ея, XIV, 482—494.
Кіев. золот. ворота, XV, 163—168.
Кіевскія смуты прошлаго столѣтія, XVI, 664—716.
Кленачи, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 4, 5.
Климентъ св., римскій папа, XV, 632, 817, 273—274.
Климовичъ, Трофимъ, кіевскій сотникъ, XVI, 686.
Кобринскіе, князья, XV, 297.
Ковалевскіе, дворяне, XVI, 527—532.
Ковалѣнскій, М. И., авторъ біографіи Г. С. Сковороды, XVI, 212—150.
Колокольцевъ, Ѳ. М., сенатскій оберъ-прокуроръ, XV, 137, 143.
Колычевъ, Ѳ. И., суздальскій намѣстникъ, XIV, 131.
Кольбергъ, совр. польскій этнографъ, XIV, 248.
Комары, дворяне, XV, 297.
Конашевичъ-Сагайдачный, Петръ, гетманъ, XIV, 53, 57, 59, 67, 200—201, XV, 6, 191.
Конскія воды, р., XV, 173.
Константинъ VII (Багрянородный), имп. визант., XIV, 41—42, 53, 663, 666—670, 674.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, XV, 139—140.
Копѣскій, Дмитрій, варвинскій сотникъ, XIV, 623.
Конюскевичъ, Павелъ, тобольскій митроп., XV, 405.
Копа, Романъ, печерскій архим., XV, 392, 405, 613, 615, XVI, 507, 515—516.
Копцы, дворяне, XV, 295,
Копыстенскій, Захарія, печерскій архим., XV, 300, XVI, 512—513.
Корецкіе, князья, XIV, 360—361, XV, 132, 138—141, 295, 297, 305, XVI, 331, 338, 341, 378.
Корицкій, Иванъ, опошанскій сотникъ, XIV, 15.
Косташъ, Ал-дръ, бобров. сотникъ, XV, 443.
Костомаровъ, Н. И.; воспоминанія о немъ, XIV, 111—123; упом., XIV, 245—247, XV, 154—156, 345, 736.
Костюринъ, Г. М., кіевскій вицегуб. ,XIV, 328. 335, 791, XVI, 680, 699.
Котельникъ, Гаврило, кіев. мѣщанинъ (1593 г.), XIV, 490.

Котлубаны, р., притокъ Сейма, XV, 478.
Котляревскій, А. А., историкъ и славистъ, XVI, 173.
Котляревскій, И. П., малорусск. пис., XIV, 809, XV, 640—641.
Кошовенко, Василій, сотникъ новослобод. полка, XIV, 341—342.
Кохановскій, Янъ, польскій писатель, XVI в., XIV, 600.
Кочубей, В. Л., генер. обозный, XIV, 404, XV, 409. XVI, 759.
Кошевыхъ запорожскихъ списокъ, XV, 528—530.
Кошицы, дворяне, XV, 299.
Краевскій, А. А.. изв. журналистъ и публицистъ, XVI, 468.
Красноперичъ, Ив., полтав. полковой судья, XV, 480.
Красовскій, А. И., генералъ отъ инфант, XV, 628,
Кременчугъ, г., XV, 484.
Кречетниковъ, калужскій губ., XVI, 73—75, 78—79.
Кроковскій, Іоасафъ, кіевск. митр., XV, 404, XVI, 515.
Крыловъ, И. А., XV, 671.
Крымъ-Гирей, крымскій ханъ, XIV, 229, 342—345.
Кукольникъ, И. В., писатель, XVI, 464.
Кукуево-городище, с. харьков. губ., XV, 484.
Кулажинцы, с., имѣніе Афендиковъ, XV, 444.
Кулаковскій, Василій, нѣжинскій судья, XIV, 2.
Кулешъ, кіевскій бурмистръ, XVI, 676.
Кулишъ, П. А., литераторъ и этнографъ, XIV, 711, 719, XV, 175, 308, 737, XVI, 174—175.
Кулябка, Сильвестръ, СПБ. архіеп., XV, 399.
Кулябки, дворяне; исторія рода, XIV, 1—10.
Куна, с. подол. г., им. дв. Слупицъ, XV, 563—570.
Куницкій, Кириллъ, кіев. викар., XV, 392—393.
Куракины, князья, XV, 402.
Курбскій, кн. А. М.. запад.-рус. полемистъ, переводчикъ и издатель, XV, 50, 237—238, 240, 243—259.
Курскъ, г., XIV, 468—469.
Кушниръ, Даніилъ, мліевскій ктиторъ; вирша о его сожженіи, XIV, 202—205.

Л.

Лавы, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 14—16.
Лажечниковъ, И. И., романистъ 40-хъ гг., XIV, 464—465.
Лазаревскій, А. М., авторъ многихъ изслѣдованій по исторіи южной Руси, XIV, 621—622. XV, 748—751.
Лазаревъ, Василій, запор. войск. толмачъ, XIV, 333.
Лазовскій, Ѳеодосій. владим. епископъ XIV ст., XVI, 511.
Лахтыновичи. князья, XVI, 506.
Лебедевъ, А. С.; рецензія на его «Разысканія въ ю.-рус. архив., XIV, 722—725.
Лебединцевъ, А. Г., протоіерей, членъ Од. общ. ист. и авторъ статей въ его изданіяхъ, XV, 347.
Лебединцевъ, П. Г., протоіерей, кіев. археологъ и историкъ, XIV, 202, 483—485, 493.
Лебединцевъ, Ѳ. Г., редакторъ «Кіев. Старины», XIV, 114, 795, XV, 732, XVI, 154, 504.
Левенцы, дворяне; исторія рода, XV, 445—451.
Левицкій, И. С.. совр малорус. беллетристъ, XV, 766.
Левшинъ, Платонъ, москов. митроп., XVIII—XIX ст., XV, 403.
Лелевель, польскій истор., XV, 459—450.
Леонтовичъ. Михаилъ, войсковой канцел., XVI, 684.
Леонтьевъ, М. И., кіев. ген.-губ., XVIII. ст., XV, 331—332, XV, 165, 391; 403, XVI, 381, 671, 672, 683.
Лещинскій, Филоѳей, сибирскій митроп., XV, 397.

Лизогубъ, В. И., черниговскій дворянинъ; стихотв. его, XIV, 414—419.
Лизогубъ, Андрей, конотопскій сотникъ, XIV, 9.
Лисаневичъ, Г. И., генер.-лейтен., XIV, 389.
Лобановъ-Ростовскій, кн. Я. И., малорос. генер.-губерн.; письма къ нему Д. П. Трощинскаго, XVI, 708—715.
Лобановъ, кн., флигель-адъютантъ, XIV, 710.
Лозка, Стефанъ, мозырскій маршалокъ, XV, 299.
Ломиковскіе, дворяне; исторія рода, XIV, 10—16.
Ломиковскій, Иванъ, ген. асаулъ, XVI, 686.
Лонгиновъ, А. В; о книгѣ его «Червенскіе города», XV, 146—149.
Лопань, р., XV, 465,
Лопухинъ, кн., генер.-лейтенантъ, XIV, 709—910.
Лукашевичъ, П. А., собиратель малоруск. думъ и пѣсенъ, XIV, 204.
Лукомскій, Стефанъ, яготин. сотникъ, XVI, 702.
Лукомье, с. полтав. губ., XV, 465.
Лыки, дворяне, XV, 239.
Львовъ, кн. П. Л., участникъ крымскаго похода 1687 г., XIV, 273
Лѣсники, с. кіев. у., XV, 40.
Лѣсницкіе, дворяне; исторія рода, XV, 459—455.
Лѣсовичи, с. кіев. губ., XV, 748—749.
Лянцкоронскій, Предславъ, гетманъ, XV, 6, 8.
Лясота, Эрихъ, дипломатъ имп. Рудольфа II, XIV, 42, 45 57—9, 66, XV, 295, 633.

М.

Мавроени, русскій посолъ къ Керимъ-Гирею въ 1770 г., XIV. 40—41, 59.
Маврокордато, молдавскій господарь, XV, 729.
Магометъ II, тур. султанъ, XVI, 25.
Мазараки, С. А., археологъ-любитель, XV, 764—766.
Мазепа, Адамъ, черниг. подчаш., XIV, 532, 763—765.
Мазепа, Иванъ, гетманъ; разсказъ о любовной его интригѣ, XVI, 522—355; объ операѣ Чайковскаго «Мазепа», XVI, 700—700; упом., XIV, 3, 7—13, 122, 405—406, 665, XV, 209, 304, 396, 398, 400, 401, 409, 448—449, 453, 522, 620, 749, XVI, 453, 507, 573.
Макаревскій, Ѳеодосій, епископъ екатеринослав., XIV, 821.
Макарій, антіох. патріархъ XVII в., XV, 300—301.
Максимовичъ, Григорій, барышевскій протопопъ, XVI, 1, 6.
Максимовичъ, М. А., историкъ, XIV, 851, XV, 7—8, 151—152, 188.
Максимовичъ, Степанъ, лубенскій полковникъ, XIV, 8.
Максимъ, кіев. митрополитъ XIII в., XV, 294.
Малиновскій, Платонъ, московскій архіеп., XV, 399.
Малицкій, Іероѳей, кіев. митрополитъ; XVI, 518.
Мамоничъ, Кузьма вилен. бургомистръ, XV: 350—455.
Мануйловичъ, Иванъ, глуховскій сотникъ, XV, 451.
Марковичъ, Андрей, лубенскій полковникъ, XV, 562.
Мартыновскій, Анатолій, могилев. архіеп., XIV; 832.
Марѳа Матвѣевна, царица; XV; 395.
Масальскіе, князья, XVI, 531.
Матишовка, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 5.
Махмудъ II, турецкій султанъ, XIV; 86.
Мацѣевичъ, Арсеній, рост. митр., XV, 396.

Мацѣевскій, славистъ, XVI, 299, 301, 304—301, 304—309, 318—329.
Мезиновка, с. ахтыр. у., XIV, 108.
Мелетій, александрійск. патріархъ, XV, 242.
Мелешковичъ, Семенъ, кіев. войтъ, XVI, 506.
Мелешки, дворяне, XV, 567—568.
Менгли-Гирей, крымск. ханъ, XV, 295, XVI, 510.
Меневичи, дворяне, XV, 296.
Мжа, р., XV, 482.
Мигура, Ал—дръ, изъ числа ученой печерской братіи XVII ст., XVI, 512.
Миткевичъ. Иванъ, сотникъ, XIV, 488.
Мизко, Н., екатеринослав. помѣщикъ и писатель 50-хъ гг., XIV, 821.
Миклошичъ, Францъ, изв. славистъ, XV, 456—457, 459, XVI, 269.
Миткевичъ, Іоасафъ, бѣлгород. епископъ, XVI, 121—123.
Милашевичъ, запорож. кошевой, XIV, 309 и слѣд.
Миллеръ, О. И., проф. СПБ ута, XIV, 243—244.
Милорадовичи, дворяне, XV, 748.
Милорадовичъ, Михаилъ, гадяцкій полковникъ, XVI, 394.
Мильцы, с., имѣніе Левенцовъ, XV, 448.
Милютинъ, Н. А., статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Пол.' XV, 146.
Милюшки, с., имѣніе Ломиковскихъ, XIV, 14.
Минихъ, графъ, фельдмаршалъ, XIV, 790
Мирополье, г., XIV, 475—477.
Мирославскій, Самуилъ, кіев. митрополитъ, XVI, 114, 400, 508, 517.
Мисловскій, Аѳанасій, печерскій архимандритъ, XV, 404, XIV, 516.
Митюра, Иванъ, сотникъ, XIV, 489.
Мицкевичъ, Адамъ, польск. поэтъ, XIV, 773—774
Михаилъ, кіевскій митрополитъ, XV, 390—391.
Михаилъ, юрьевскій епископъ XIII в., XV, 34.
Михаилъ Корибутовичъ, кіевскій каштелянъ, XV, 295.
Міусъ, р., XIV, 680.
Млины, с., имѣніе Левенцовъ, XV, 447, 449.
Млымскій, запорож. атаманъ XIV, 47.
Мнишки, дворяне, XV, 568.
Могила, Петръ, кіевскій митроп., XIV, 28, XV, 300, 303, 386, 390, 394, 400, XVI, 501, 513—514, 726—727.
Могилевъ, г. (наДнѣстрѣ), XV, 473.
Могиленко, гетманъ, XIV, 306—309.
Мокіевскій, Константинъ, бѣлоцер. полковникъ, XV, 627.
Мокрицкій, Григорій, офиціалъ кіев. уніат. митрополита, XIV, 203.
Мокріевичъ, Карпъ, генеральный писарь, XIV, 10—11.
Молочная, р., XIV, 662—663.
Мордовцевъ, Д. Л., совр. романистъ, XIV, 112.
Москвинъ, Арсеній, кіев. митрополитъ, XV, 615, 619, 621, XVI, 519.
Мочульскій, Ѳеоктистъ, архіеп. бѣлгородскій. XIV, 629.
Мошковскіе, князья, XV, 297.
Мстиславецъ, Петръ, первый печатникъ, XV, 238—239.
Мстиславскіе, князья, XV, 297.
Мстиславъ Изяславичъ, в. князь кіевскій, XIV, 661.
Муравьевъ, графъ, М. Н., виленскій генер.-губерн., XV, 180.
Мышецкій, кн., историкъ начала XVIII ст., XIV, 42, 46, 53.

Н.

Надеждинъ, журналистъ и ученый 40-хъ гг., XIV, 658.

Наливайко, гетманъ, XIV, 153—154.
Наполеонъ I, имп., XIV, 818—821, XVI, 489—490.
Нарбуты, дворяне, XV, 568.
Наумовичъ, Андрей, изъ числа кіево-печер. ученой братіи XVII ст., XVI, 512.
Неговскій, руководитель украин. кружка (1852—5 гг.) въ Харьковѣ, XIV, 102.
Негребецкій, Иларіонъ, печерскій архим., XV, 615, XVI, 516.
Нейманъ, Ц. Г.; о книгѣ его «Dumy ukraińskie», XV, 153—156
Немировичи, князья. XV, 298.
Немировъ, г., XV, 467.
Неплюевъ, Л. Р., окольничій, участникъ крымскаго похода 1687 г., XIV, 275—277.
Нестеровы, дворяне, XIV, 368
Никифоръ, печерскій архимандритъ XV в., XVI, 510.
Николаевичъ, Андрей, изъ числа печер. ученой братіи XVII ст., XVI, 512.
Николай, печерскій архим., XVI, 510.
Николай I, имп., XIV, 87, XV, 393—394, 398, 401—402, XIV, 167—168, 303, 628, 643—645.
Никольскій, Исидоръ, СПБ. митрополитъ, XV, 615, XVI, 519.
Никонъ, печерскій, игуменъ, XVI, 508.
Новаки, с., имѣніе Кулябокъ, XVI, 8.
Новицкіе, дворяне, XV, 628.
Новицкій, И. Ѳ., охочекомоп. полковникъ; портретъ его при XVI т.; замѣтка къ портрету, XVI, 194—198.
Новоборовая, с., старобѣл. уѣз., XIV. 106—107.
Нѣсецкій, авт. гербовника: «Korona Polska», XIV, 51.

О.

Овечьи воды, р., XV, 178.
Огульцы, с. харьков. губер., XV, 458.
Одинцевичи-Багриновичи, князья, XV, 297.
Одинцовы, дворяне, XIV, 750—751, 755, 758—759, XVI, 340,
Одинцовъ, И. Ѳ., о книгѣ его «Уніат. богослуженіе XVI и XVIII ст., XVI, 723—728.
Одоній, Филиппъ, попъ кіево-воздвиженской церкви XVI в., XIV, 489—492.
Олегъ, кн. рыльскій конца XIII в., XIV, 470.
Олелько Владиміровичъ, кн. кіевскій, XV, 294—295.
Олизаровскій, Т., польскій поэтъ, XVI, 769—770.
Ольгердовичи, XVI, 553—555.
Ольгердъ, XVI, 509.
Ольшана, с. харьков. уѣз., XV, 458.
Оранскій, Іосифъ, печер. архим., XV, 405, 615, XVI, 516.
Оранскій, Кириллъ, новомосковскій протоіерей, XVI, 821—822, 826.
Орель, р , XIV, 663.
Орликъ, Филиппъ, генер. писарь, XIV, 12, XV, 528, XVI, 759.
Орлова-Чесменская, графиня А. А., XV, 387—389, 393, 401, 638.
Орловъ графъ, М. Ѳ., декабристъ, XVI, 463.
Осколъ, р., XV, 482.
Остенъ-Сакенъ, графъ Ф. В., фельдмаршалъ, XV, 628, XVI, 638.
Остроградскій, миргород. полковникъ, XIV, 2.
Острожскіе, князья, XV, 295.
Острожскій, кн. К. И., XV, 390, XVI, 505—506.
Острожскій, кн. К. К., XIV, 162—164, 490, 492. XV, 50, 59, 67—68, 74, 238, 240—243, 250—253, 260—266.
Острожскіе-Лохвицкіе, ново-оскольскіе дворяне, XIV, 350—351, 355—362, XVI, 642—663.
Острожскій, И. О., записки его, XIV, 350—370, 561—569, 729—762, XV, 130—145, XVI. 330—368, 472—499, 621—663,
Острожское братство, XV, 156—162

Остряницъ, гетманъ, XIV, 585.
Отвиновскій, польскій мемуаристъ, XVII—XVIII ст., XVI, 522, 526, 533.
Очеретовье, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 5.
Очкинъ, П. Н., чиновникъ особыхъ поруч. при кн. Паскевичѣ, XVI, 453—544.

П.

Павловичи, дворяне, XV, 258.
Павелъ, діаконъ, спутникъ патр. антіохійскаго Макарія, XV, 300, 302, 633.
Павелъ I Петровичъ, имп., XIV, 332—333, XV, 139—142. 389, 723, 752, XVI, 354, 529.
Павши, южнор. дворяне, XV, 297.
Похвисневъ, харьков. предвод. дворянства, XIV, 732.
Праховъ, А. В., проф. спб. у-та, XV, 766—769.
Предримірскіе, дворяне, XV, 395.
Прозоровскій, кн. А. А., харьков. намѣстникъ, XIV, 564—565, XVI, 46, 55, 63, 343.
Прозоровскій, кн. П. С., кіевскій воевода, XVI, 551.
Прозоровскій, кн. Ѳеодоръ, юрьевскій воевода, XV; 743.
Прокоповичъ, Зосима, чернигов. епископъ, XV, 403.
Пронскій, кн. Ѳ. Г., кіев. воевод., XVI, 263.
Протасій, печерскій архим. XVI в., XVI, 511.
Пселъ, р., XV, 482.
Пугачевъ, Е., самозванецъ, XV, 365.
Путятичи, князья, XV, 297.
Пучковскій, Михаилъ, самборскій староста, XV, 736.
Пушкинъ, А. С., XIV, 399, XV, 662, 670—771, XVI, 461, 465—468.
Полоцкій, Дмитрій, кіевскій войтъ, XVI, 686.
Полоцкій, Симеонъ, изв. ученый XVII в., XV, 393.
Полянскій, Еремѣй моск. дьякъ конца XVII в., XIV, 275.
Поорница, с., имѣніе Ломиковскихъ, XIV, 11.
Порохня, Андрей, войсковой старшина, XV, 460.
Потаповъ, правитель воронежскаго намѣстничества; XV, 574—575.
Потебня, А. А., проф. харьков. у-та, XIV, 243—244, 255—161, XV, 486.
Потемкины, графы, XVI, 743.
Потемкинъ, свѣтл. кн. Г. А., XIV, 388, 740, 817, 824, XV, 389, 616, 728—729; XVI, 65—79, 79, 752.
Потоцкій, графъ Вацлавъ, XVI, 346.
Потребичъ-Гречаный, Ѳеодоръ, бунчуковый товарищъ, XV, 451.
Поцѣй, Ипатій, кіевск. уніат. митр. XV, 74—75, 249.
Падура, Тимко, бандуристъ графа В. Ржевусскаго, XIV, 767—768.
Палацкій, изв. чешскій ученый, XVI, 305.
Палій, Семенъ, козац полковникъ, XIV, 405, XVI, 322.
Парафіевка, с., имѣніе Ломиковскихъ, XIV, 11.
Паскевичъ, кн., варшав. намѣстникъ, XV, 16, 645, 668, XVI, 173—174, 303—304, 310, 450—454.
Пейсонель, француз. консулъ въ Крыму (1753 г.), XIV, 329.
Переволочна, м. полтав. губерніи, XIV, 44—45.
Перекопъ, с. харьков. губ., XV, 458.
Пересвѣтовъ, новооскольскій воевода, XIV, 358.
Пересѣчная, с., XV, 478.
Петровъ, Н. И., проф. кіев. академіи, XV, 189.
Петрушевичъ, А. С., галицкій историкъ, XVI, 728—730.
Петръ I Алексѣевичъ, имп., XIV, 356, XV, 304, 379 391, 395, 399, 406, 409, 450—451, 752, XVI, 178—182.
Пивоваровъ, кіевскій войтъ, XVI, 684.
Писаревичи, дворяне, XIV, 19.

Писочинскій, Иларіонъ, печерскій архим., XVI, 511.
Пишчевичъ, А. С., изъ его записокъ, XIV, 173—183, 387—394; объ его автобіографіи, XV, 727—731.
Плетенецкій, Елисей, печерскій архим., основатель кружка ученой братіи, XV, 299—300, 404, XVI, 506, 512—513.
Погодинъ, М. П., историкъ и публицистъ, XVI, 112.
Подлипное, с.. имѣніе Кулябокъ, XIV, 9.
Полевой, Н. А., изв. литераторъ, XVI, 469.
Поликарпъ, печерскій архиман. XVI в., 260—261.

Р.

Радзивиллы, князья, XV, 56, 59, 295.
Радзивиллъ, кн., Криштофъ, троцкій воевода, XIV, 142—144, 154, 159.
Радиловка, с., хорол. у., имѣніе Кулябокъ, XIV, 4, 5.
Радомля, м., XIV, 465.
Раевскій, П., авторъ многихъ разсказовъ и повѣстей, XVI, 738—741.
Разстебинъ о. на Днѣпрѣ, XVI, 60.
Разумовскій, графъ А. Г., XV, 762.
Разумовскій, графъ К. Г., гетманъ, XIV, 6, 343, XV, 532—533, 751, XVI, 182—183, 400—401, 672—673, 695—697, 743—746.
Рай, Василій, кіевскій намѣстникъ, XI, 490—492.
Раковицъ, Михаилъ, молдавскій господарь, XV, 443—444.
Рачинскій, проф., XVI, 835
Рачинскій, графъ Эдуардъ, XVI, 308.
Рей, Николай, польскій ученый XVI. в., XIV, 600.
Репнинъ, Н. Гр., малорос. генер.-губ., XVI, 581—582.
Ржевскій, москов. дьякъ, XIV, 47—50.
Рибопьеры, графы, XVI, 743.
Ризенко, Ѳедоръ, кіев. райца, XVI, 677—678.
Рогоза, Михаилъ, кіев. митр., XV, 298—289, XVI, 506, 512.
Рогозинскіе, дворяне, XV, 568.
Розенъ, баронъ, либреттистъ оперы «Жизнь за царя», XVI, 464.
Романовичъ, монастырскій сотникъ, XIV, 623.
Романъ, кн. галицкій, XIV, 487, XV, 340.
Ромны, г., XV, 470.
Ромодановскій, кн. Григорій, бѣлгород. воевода, XIV, 586—587,
Росоховатая, с., XV, 474.
Рось, р., XV, 482.
Ртищевъ, посолъ Іоанна IV къ кн. Д. И. Вишневецкому, XIV, 45, 48.
Ружинскій, кн. О. И., намѣстникъ кіев. воеводства, XIV, 490.
Румянцевъ, А. И., правитель Малороссіи, XV, 445, 491, 759—751, XVI, 579—581.
Румянцевъ, гр. Н. П., государств. канцлеръ, XV, 403.
Румянцевъ, гр. П. А Задунайскій, XV, 393—394, 399, 403.
Рутскій, Веніаминъ, кіев. уніат. митрополитъ, XV, 299
Рѣшетиловка, м. полтав. у., XIV, 816—817.

С.

Сабанѣевъ, Ѳ. А., археологъ-любитель, XV, 560—562.
Савичъ, Василій, лубенскій полковникъ, XIV, 8.
Савичъ, Семенъ, генеральный писарь, XVI, 586.
Саибъ-Гирей, крымскій ханъ, XVI,-42, 46, 58
Садыкъ-паша, см. Чайковскій.
Саксаганъ, р., XIV, 683.
Самара, р., XIV, 674—676, 680, XV, 171—173.

Самборы (Великій и Малый), с. конотоп. у., XV, 748—751,
Самойловичъ, гетманъ, XIV, 3, 11, 271, 274—276, XV, 394, 397, 446—450.
Самойловъ, генералъ, XVI, 67—68.
Саморядовка, с. суджан у., XIV, 478—479.
Самоткань, р., XIV, 682, XV, 173.
Сангурскій, Павелъ, черниг. обозный, XIV, 13, 14, 16.
Сангушки, князья, XV, 296.
Сапуновъ, А.; о книгѣ его «Витебская Старина», 4-й т., XIV, 786—789.
Сарницкій, польск. истор. нач XVI ст., XVI, 268.
Свидзинскіе, дворяне, XV, 568.
Свирскіе, дворяне, XV, 567
Свистуновъ, правитель харьков. намѣстничества, XIV, 563.
Свѣчка, Леонтій, лубенскій полковникъ, XIV, 491.
Святополкъ Изяславичъ, в. кн. кіевскій, XIV, 42.
Святославъ Четвертинскій, кн. Гедеонъ, кіев. митрополитъ, XVI, 182—190.
Святославъ, кн. липецкій, XIV, 470.
Святославъ Всеволодовичъ, в кн. кіевскій, XV, 170.
Святославъ Ярославичъ, в. кн. кіевскій, XV, 33—34.
Седневъ, м. черниг. губ., XIV, 44—45,
Сеймъ, р., XV, 471.
Сейсъ, соврем. оріенталистъ, XV, 349—355.
Селимъ-гирей, крымскій ханъ, XVI, 63—64.
Сементовскій, авторъ книги «Кіевъ и его достопримѣчат.», XV, 151.
Семенъ Александровичъ, кн. кіевскій, XV, 615.
Сенковскій, О. И., изв. литераторъ, XVI, 469.
Сенютовичъ, Іоанникій, печерскій архим., XV, 305, 396, 494, XVI, 575.
Сераціонъ, печерскій игуменъ, затѣмъ суздальскій еписк., XV, 402, XVI, 209.
Сербинъ, И. Ѳ., лубенскій полковникъ, XIV, 3.
Сигизмундъ I, король польскій, XVI, 261.
Сигизмундъ II Августъ, король польскій, XIV, 47, 50, 134, XV, 44, 56, XVI, 206.
Сигизмундъ III, король польскій, XIV, 149, XV, 6, 564—568, XVI, 512.
Сигизмундъ Корибутовичъ, князь, XVI, 353.
Симеонъ Олельковичъ, кн. кіев., XV, 294—292, XVI, 505.
Симоновскій, Петръ, бунчуковый товарищъ, авт. лѣтописи., XVI, 315.
Симонъ, суздальскій еписк. XVII в., XV, 44, 683.
Синюха, р., XIV, 674—576.
Синявинъ, адмиралъ, XVI, 49.
Скальковскій, А. А.; о книгѣ его «Исторія Новой Сѣчи», XIV, 794—796, XV, 732—735, XVI, 382—384; упом., XV, 521.
Скарга, Петръ, польск. проповѣдникъ конца XVI ст., XV, 51, 59—64, 221—252.
Скельскій (зѣньков. у.) монастырь, XVI, 392—398.
Скибенцы, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 9.
Скиргелло Ольгердовичъ, кн. кіевскій, XV, 294—292.
Сковорода, Г. С., украин. философъ XVIII ст.; біогр. фія его, XVI, 103—120.
Сколковичи, дворяне, XV, 297.
Скорина, ученый XV в., XIV, 660, XV, 237, 238.
Скоропадскій, гетманъ, XIV, 2, 12, XV, 402, 444, 459—450, 454—425, 574—575, XVI, 398—399.
Скуратовъ, П. Д., окольничій, XIV, 268.
Сластёнъ, А. Г.; разборъ иллюстриров. имъ „Гайдамакъ", XIV, 371—375.
Слоновка, слобода ново-оск. у., XIV, 350.

Слуцкіе князья, XV, 267.
Слупицы, волынск. дворяне, XV, 263—570.
Смирницкій, Антоній, воронеж. архіеп., XV, 400.
Смирнова, О.; по поводу воспоминаній ея о Гоголѣ, XIV, 381—387.
Смотрицкій, Г. Д., ученый конца XVI ст., XIV, 162—163.
Смотрицкій, Мелетій, архіеп. полоцкій, ученый XVII, ст., XV, 259.
Сновъ, р, притокъ Десны, XIV, 44, XV, 482.
Снопородъ, см. Самара.
Снѣгиревъ, собиратель народн. пѣсень XV, XI, 243.
Соколинскіе князья, XV, 297—298.
Софроній, печерскій архим. XVI в., XVI, 511.
Сошальскіе, дворяне, XVI, 136—138.
Сребницкій, Никодимъ, переяслав. епископъ XVIII ст., XVI, 115—116.
Срезневскій, И. И., изв. славистъ, XVI, 299, 316.
Срібненское (полтав. губ.) братство, XVI, 184—191
Ставрополь, г., XV, 480.
Стадницкій, графъ, соврем. польскій историкъ, XVI, 553—554.
Станиславъ - Августъ (Понятовскій) польскій король, XV, 554—565.
Старицкій, М. П., малоруск. драматургъ, XV, 187.
Стайки, с. надъ Днѣпромъ, XV, 474.
Стаховскій, Антоній, чернигов. архіеп., XIV, 574—575.
Стемпковскій, владимірскій староста, XIV, 827—828.
Стефанъ печер. игуменъ XVI, 508.
Стефанъ Баторій, польскій король, XIV, 139—148, XV, 58, 246, 257, 528, XVI, 322, 511
Стефанъ IV (Томара), молдав. господарь, XIV, 51.
Стогій, П. С., живописецъ-самоучка, XIV, 380.
Стороженко, А. П.; замѣтка о немъ, XV, 178—181.
Стороженко, А. Я.; монографія о немъ, XV, 1—25, 639—692, XVI, 299—329, 445—471.
Строгоновы, дворяне, XV, 401—402.
Стрыбиль, Филиппъ, кіевскій подвоеводій, XIV, 489—492.
Ступницкій, польскій историкъ, XV, 459.
Суворовъ, А. В., свѣтл. кн. Италій- XVI, 64—65.
Сугровъ Половецкій, г., XIV, 659.
Суджа, г., XIV, 475—477.
Сукинъ, кіев. губерн. XVIII ст., XVI, 771.
Сула, р., XV, 482.
Сурины, дворяне, XV, 296, XVI, 531.
Сухая, р., XVI, 46.
Сычевскій, Иванъ, кіевскій войтъ, XVI, 675—679.
Сѣлецкій, А. К.; о книгѣ его «Острожская типографія», XIV, 161—164.
Сѣрко, Иванъ, кошевой атаманъ, XV, 525, 530—531.

Т.

Танскій, Антонъ, кіевскій полковникъ, XV, 209.
Танскій, Василій, переяслав. полковникъ, XV, 176.
Тарловскій, Кириллъ, запорожск. попъ, XIV, 821—826.
Тарновскій, В. В.; рисунки Шевченка въ его собраніи, XIV, 402—409.
Тевяшовы, дворяне, XVI, 139.
Телебуга, ханъ Золотой орды, XVI, 470.
Тепловъ, Григорій, членъ малорос. коллегіи, XVI, 814—815.
Терещенко, А. В, историкъ-этнографъ, XIV, 37, XVI, 316—317, 320.
Терлецкіе, дворяне, XV, 568.
Тетеря, гетманъ, XVI, 306—307.
Тисменица, р., притокъ Днѣпра, XIV, 45.

Товкачевка, с. прилуц. у., XIV, 817—818.
Толочки, князья, XVI, 505.
Томары, дворяне, XVI, 116—121.
Тохтамышъ-гирей, кубанскій сераскиръ, XVI, 53.
Тризна, Іосифъ, печерскій архим., XV, 404, XVI, 514.
Трипольскіе, дворяне, XVI, 531.
Трилѣсы, с. васильков у., XVI, 759.
Трощинскій, Д. П., полт. губ. маршалъ, письма его къ кн. Я. И. Лобанову-Ростовскому, XVI, 708—715.
Трубежъ, р., XV, 149.
Туманскій, Осипъ, старшій войсковой канцелярист, XVI, 676—668.
Туптало, Дмитрій св., ростовскій митроп., XVI, 514.
Туръ, Никифоръ, печерскій архим., XV, 298—299, 397, 404, XVI, 506, 512.
Тышкевичи, графы. XV, 296—297.
Тясьминъ, р., XIV, 673.
Тятинскій, печатникъ XVI ст., XV, 239.

У.

Уголъ, р., XV, 169—172.
Украинцевъ, Е И., московскій дьякъ, XIV, 274.
Успенскій, Г. И., изв. писатель, XV, 267.
Успенскій, Филоѳей, кіевскій митроп, XV, 615, 621, XVI, 519.
Ухачъ-Охоровичъ, авторъ этнографич. замѣтокъ; некрологъ о немъ, XV, 186—187.
Уейскій, Ѳома, кіевскій бискупъ, XVII ст. XVI, 523.

Ф.

Федьковичъ, соврем. галицкій беллетристъ; его разсказъ «Довбушевъ кладъ», XV, 739—746; упом., XV, 736.

Х.

Халанскій, М. Е.; о книгѣ его «Волшебныя былины кіевскаго цикла», XV, 339—342; упом. XIV, 248.
Халецкіе, дворяне, XV, 298.
Ханенко, гетманъ, XIV, 10—11.
Харьковъ, г., XV, 489.
Хитцы, с. гадяч. у., XVI, 744—744.
Хмельницкій, Богданъ, гетманъ, XIV, 113—114, 407—408, XV, 7, 452—453, XVI, 154, 158—162, 306, 311—312
Хмельницкій, Юрій, гетманичъ, 452.
Ходкевичъ, Ал-дръ, XIV, 140, 150—152.
Ходкевичъ, Г. А., литовскій гетманъ, XV, 238—239.
Ходкевичъ, Юрій, жмудскій староста, XV, 44—45.
Холмское братство; разборъ его отчета за $188^4/_5$ г., XV, 546—552
Холмскій праздникъ 8 сентября, XVI, 561—567.
Хорватъ, І. И., екатеринослав. губ. XV, 731.
Хортица, о. на Днѣпрѣ; монографія, XIV, 41—90; упом., XIV, 663—664.
Хотомля, с. харьков. губ., XV, 465.
Хребтовичъ, Б. М., XV, 395.
Хребтовичъ, Мелетій, печерскій архим, затѣмъ владим. епископъ, XV, 405, XVI, 252—253, 506, 511—512.
Хрущовъ, Ѳедоръ, путивльскій воевода, XIV, 587.

Ц.

Цилюрикъ, Степанъ, лубенскій мѣщанинъ (1633 г.), XIV, 2.
Цѣпки, с. гадяч. у., XIV, 744.

Ч.

Чайковскій, П. И., соврем. композиторъ; объ операѣ его «Мазепа», XVI, 763—757.
Чайковскій, М. (Садыкъ-Паша).
Чарнолуцкій, бунчуковый товарищъ, XIV, 791, XVI, 670,

Чарторыйскіе, князья, XV, 250, 254—255.
Чарторыйскій, кн. Адамъ, XIV, 771.
Черниговъ, г., XV, 474, 482
Чертковъ, харьк. вицъ-губер., XIV, 596—597, 824, XV, 575, 576, 755—756, XVI, 72.
Чернякъ, Иванъ, полтавскій полковникъ, XV, 450.
Чубинскій, П. П., этнографъ, XIV, 114, 118, 261—265.
Чугуевъ, г., XV, 484.

Ш.

Шагинъ-Гирей, крымскій ханъ; монографія, XVI, 37—80
Шакловитый, Ѳ. Л., дьякъ, любимецъ царевны Софіи Алексѣевны, XIV, 269.
Шараневичъ, И., галицкій историкъ, XVI, 730.
Шафарикъ, чешскій ученый, XVI, 298—300, 317.
Шахъ, Яковъ, гетманъ, XIV, 66.
Шашковичи, дворяне, XV, 296.
Шевченко, Т. Г.; неизданныя его произведенія, XV, 207,—338, 410—442, 577, 612, XVI, 1—36, 199—251, 409—444, 589—626; библіографич. указатель о немъ, XIV, 670—582, 778—786; рисунки его и альбомы, XIV, 402—409; тревога надъ его могилой XIV, 708—728; объ иллюстрировав. А. Г. Сластеномъ «Гайдамакахъ», XIV, 371—375; упом., XIV, 439, XV, 198.
Шеинъ, А. Ѳ., боярин, участникъ крымскаго похода 1687 г., XIV, 268, 274—276.
Шейнъ, этнографъ, XVI, 163 и слѣд.
Шепелевъ, А. А., участникъ крымскаго похода 1687 г., XIV, 274, 276.
Шершневка, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 1, 4, 7.
Шереметевы, графы, XV, 379—391, 399, 405.
Шидловскіе, дворяне, XV, 130—135 144, XVI, 342, 475—476,
Шимковичъ, профес. витебской семинаріи, XVI, 166.
Шишаки, с., имѣніе Кулябокъ, XIV, 4, 5.
Шумлянскій, Кириллъ, переяслав. епископъ, XV, 400, 405.
Шумъ, Ѳедоръ, полковой хорунжій, XVI, 672.

Щ.

Щелкановъ, москов. дьякъ, XIV, 131.
Щепотевъ, Андрей, посолъ Іоанна IV къ кн. Д. И. Вишневецкому, XIV, 45, 48, 50.
Щербатой, кн. К. Ѳ., участникъ крымскаго похода 1687 г., XIV, 263, 474.
Щербацкій, Тимоѳей, кіевскій митрополитъ, XV, 612, 615, XVI, 400, 516.
Щербининъ, Е. А., харьков. губернаторъ, XIV, 85, XVI, 40, 42, 46—47, 51, 53, 132—134, 178—179, 752—753.
Щербицкій, Ѳ. В.; о книгѣ его «Виленскій Свято-Троицкій монастырь», XIV, 588—582.

Э.

Эварницкій, Д. И., авторъ историч. статей, XIV, 822.

Ю.

Юнгманъ, Іосифъ, изв. чешскій обществ. дѣятель, XVI, 317.
Юрій Всеволодовичъ (Долгорукій), в. кн. кіевскій, XVI, 253
Юрьевская, свѣтл. княгиня, Е. М., XIV, 816.

Я.

Яворскій, Стефанъ рязанскій митроп., XV, 398, 402.
Ягелло, король польскій и в кн. литовскій, XIV, 24.
Якимовичи, дворяне, XV, 296.
Яковъ Василидъ, молдав. господарь, XIV, 51.

Якубовичъ, Гервасій, переяслав. епископъ, XVI, 121—123.
Ямполь, г., XV, 466.
Яновъ, курскій вице-губерн., XIV, 758.
Янъ-Казиміръ, король польскій, KIV, 489, XVI, 311—312, 523—524, 533—534.
Ярославъ Владиміровичъ, кн. кіевскій, XV, 26, 148, 164.
Ярошинскіе, дворяне, XV, 568—559.
Ясинскій, Варлаамъ, кіевскій митрополитъ, XV, 394, 404, XVI, 411.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Иванъ, первый печатникъ, XV, 238—240.
Ѳедоровъ, Григорій, кошевой, XIV, 328, 323, 337, 347—348.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь и в. князь, 393, 751—752.
Ѳеодоръ Даниловичъ, кн. острожскій, XV, 284—5.
Ѳеоктистъ, печерскій, игуменъ, затѣмъ черниговъ. епископъ, XV, 405, XVI, 508.

Серединой-Буды отъехалъ, чрезъ которого и отъ мене писано писмо до Скоропадского о починки двора моего и о припасѣ дровъ и сѣна зъ Рубановки. Ординансы ея імператорского величества лейбъ-компаніи Романъ Струтинскій съ товарищи, 3 человѣками, пожалованы въ той-же лейбъ-компаніи віце-капралами.

Декабрь.

1. Рано ездили оба въ городъ, и Гудовичъ былъ въ сенатѣ, статсъ-канторѣ и въ іностранной коллегіи, а я на Камяномъ мосту купилъ кровать, ширмы и стуликъ, за которые дано 4 р.; да куплено 4 футра, двѣ чемровые и двѣ лапчатые за 42 р., такожъ хустку італіанскую за 1 р. 75 к., дорожную коляску за 70 р.

2. Писано писмо до жены чрезъ козака сотнѣ почепской Івана Ярошенка Сердюкова и чрезъ него-жъ посланъ къ ей осятеръ одинъ, десять стерлядей и бочонокъ въ 10 фунтовъ кавяру, за что все дано 4 р. 92 к.; да такая-жъ посилка чрезъ того-жъ козака отпущена и до Ѳедора Ширая, за которую дано 2 р. 88 к., и алембикъ мѣдный съ шапкою и трубкою посланъ-же. У канцеллириста Якова Тимофіева новорожденной дочерѣ Екатеринѣ былъ я воспреемникомъ съ женою секретаря штатсъ-канторы Якова Василіевича Пушкина, Сарою Макаріевною, и у него-жъ обѣдали, въ томъ числѣ и Лукомскій. По обѣдѣ туда-жъ прибылъ и Новоторжцовъ и доволно просидѣли. Кума дарила мене платкомъ и кошелкомъ. Я далъ родѣлѣ 3 р., бабѣ 50 к., попу, дякону и протчимъ церковникамъ 44 к.

3. Отпущенъ въ домъ мой пріездившій оттуду съ писмами расколничой слободы Воронка житель, Ѳедоръ Стрелцовъ и чрезъ него въ домъ-же посланы 2 футра чемровые, 2 футра лапчатые лисѣе, барило забитое, а въ немъ черевики, туфли и протчія нужные убори и 2 пари лихтаровъ мѣдныхъ съ щипцями, кровать и стуликъ, да ширми; тако-жъ фунтъ чаю, за которій дано 1 р. 50 к.; пару собакъ британскихъ, подаренныхъ мнѣ отъ графа Гендрикова, кобель зовется Щолчокъ, а сука—Лиска; для укриванья оныхъ собакъ даны двѣ попоны, а въ третую увинуты футры. За извозъ того всего дано Стрелцову 3 р. 50 к., да на кормъ собакамъ 50 к. Вечеромъ были у Івана Гамаліи. Писару графскому—50 к.

4. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и были у Теплова, которій намъ подарилъ по книжцѣ, изданной въ С.П.Бурхѣ, о торжествѣ тамо бывшемъ въ академіи прошлого ноября 26-го изъ окказіи презенства возшествія государини на престолъ россійскій. Обѣдали у Івана Гамаліи ради тезоименитства его и у него-жъ обѣдали брегадиръ Петръ Дмитріевъ Аксаковъ и Іванъ Александровичъ Горчаковъ. Въ вечеру ездили въ дворецъ, но въ туне. Куплены на два портища золотыхъ, а на одно серебрныхъ петлиць, въ которыхъ всѣхъ вѣсу 16 золотниковъ и $^1/_4$, дано за оные 6 р. 50 к. Служитель генералного асаула Валкевича Ѳедоръ Горѣлій отъехалъ, которому отъ мене и пашпортъ данъ на проездъ до Глухова и чрезъ него-жъ послано писмо до воеводи въ Орелъ, Сидора Перфиліевича Денисьева, о покупки двохъ или 3-хъ дѣвчатъ малолѣтныхъ крестянскихъ. Принесены изъ рентереи кормовыхъ сто рублей денегъ за ноябрь мѣсяцъ, изъ которыхъ взяли мы оба съ Гудовичемъ по 30 р., а осталные имѣютъ употреблятися на харчъ.

5. По утру ездили до віце-канцлера, а за нимъ и до канцлера, которіи оба съ канцлеровой квартери въ каретѣ віце-канцлеровой отъехали до дворця зъ докладами о нашыхъ общыхъ дѣлахъ стороны отправы графа Гендрикова и нашей, и зъ тѣмъ у графа Розумовского не мало позабавились они, а тамъ-же былъ Стефанъ Апраксинъ и докладъ поданъ. Отобралъ я отъ Барановского свои атестаты, которые поручалъ ему передъ симъ для представленія графу Розумовскому, прошеніе-же мое о дачи мнѣ жалованной грамоты взялъ графъ для докладу государини. Обѣдали мы у Вѣри Григоріевны, а съ нами и нѣкоторая княгиня Друцкая-Соколінская, съ мужемъ своимъ розведенная. Въ вечеру были у графа Гендрикова, которого я и кушать къ себѣ на завтре просилъ.

6. Послѣ обѣдни, слушанной въ дворцѣ, обѣдали у мене графъ Гендриковъ съ графинею, Горчаковъ, Лукинъ, Гамалія, Лукомскій, Зеленскій, а другіе разные послѣ обѣда поприходили, въ томъ числѣ Новоторжцовъ, да Максимъ Совѣтовичъ Чоглоковъ, которіи съ Горчаковымъ и до позна просидѣли. Въ вечеру-же присилалъ нарочного гофъ-маршалъ Семенъ Кириловичъ Наришкинъ звать насъ къ себѣ завтра откушать. Лукинъ по утру при поздравленіи хусткою мене подарилъ.

7. По утру были въ дворцѣ, где у графа Розумовского былижъ графъ Бестужевъ канцлеръ и докладъ подали, потомъ Стефанъ Апраксинъ. Мы потомъ отъехали до гофъ-маршала Наришкина и у него обѣдали Вѣра Григоріевна съ мужемъ, Лясавіцкій съ женою, Василь Лизогубъ и графъ Гендриковъ. Послѣ обѣда государыня изволила отъехать до Тройци Сергіева монастыря. Писмо до маіора Вайникова въ С.П.Бурхъ отослано къ Силиванову.

8. Обѣдали у мене совѣтникъ надворный Новоторжцовъ, секретаръ іностранной коллегіи Урилъ Ларіоновичъ Івановъ, секретарь штатсъ канторы Шишкинъ съ женою своею, а моею кумою, Сарою Макаріевною, которой подарены отъ мене платокъ дволичный и лента рожевая. Вечеромъ были у Барановского, но его не застали, а рано подали доношенія канцлеру о дачи синамъ нашимъ пашпортовъ.

9. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и перво были у Теплова, потомъ и у самого графа. Обѣдали въ квартерѣ, а вечеромъ были перво у Барановского, потомъ у графа Гендрикова, где застали генералъ-лейтнанта и кавалера Алексія Яковлевича Шубина, которій у него и ужиналъ, а графиня была на бархатномъ дворѣ у именинницы Анны Івановны Дубиновни Лясавицкой, а ужинали у Вѣры Григоріевны.

10. По утру были у канцлера съ протчими на поклонѣ. Обѣдни слушали въ дворцѣ при присутствіи імператорскихъ высочествъ. Обѣдали съ архіереями московскимъ, да вологодскимъ и архимандритами воскресенскимъ и сѣвскимъ и Добриною, старшымъ віленскимъ, и протчими у Вѣры Григоріевны, а вечеромъ были у Івана Гамаліи. Государыня изволила прибыть изъ Тайницкого по полночи во 2-мъ часу и при пріездѣ подалъ-де Соколовскій якуюсь челобитную и за то-де взятъ подъ караулъ. Саржантъ глуховскій отъехалъ ночью по почтѣ.

11. Рано были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли, а обѣдали у графа Гендрикова. По обѣдѣ знову были въ дворцѣ у духовника съ графомъ Гендриковымъ. Потомъ сами-жъ были у совѣтника Собакина и у него болѣе часа сидѣли. Въ С.-П.-Бурхѣ графу Петру Румянцову родилъся синъ Александръ.

12. Въ 9-мъ часу по полночи отъехали въ дворецъ и тамъ пробыли до 2-го по полдни, а между тѣмъ тамъ-же были канцлеръ

и Апраясинъ зъ докладами. Потомъ обѣдали у совѣтника канцелляріи Михайла Григоріевича Собакина, а съ нами Новоторжцовъ и секретарь малороссійскихъ дѣлъ Алексій Іосифовичъ Пуговишниковъ, да сестра Собакина и жена его. Сказовалъ мнѣ Петръ Мировичъ, что былъ Соколовскій рано у вице-канцлера и тамъ мене поносилъ.

13. Рано поехали въ дворецъ и тамъ по виходѣ канцлера отъ графа Розумовского былъ у графа-жъ Розумовского перво графъ Гендриковъ, потомъ и мы, а по обѣднѣ въ долгой залѣ, где и государыня изволила смотрѣть представлянной Апраксиномъ роты венгерской. По обѣдѣ ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и тамъ съ нимъ и съ Тепловымъ о нашихъ дѣлахъ розговоръ имѣли. Потомъ отъехали знову въ дворецъ, где превеликій былъ сездъ обоего пола знатныхъ персонъ, которіи какъ собрались, то вскорѣ государыня и ихъ імператорскіе высочества пришли въ болшую салу и тутъ, начавши отъ дамъ, всѣ, такожде мужскъ полъ, допущены были на прощаніи къ ручкамъ государыни и ихъ высочествъ. Потомъ, какъ государыня изволила пойти въ свои покои, то насъ позвано къ ихъ высочествамъ, у которихъ мы получили милостивую отпускную авдиенцію и двократно къ ручки были допущены.

14. По утру были у канцлера и съ нимъ въ дворцѣ и тамъ же обѣдали у Вѣры Григоріевны, купно съ полковникомъ полтавскимъ Андреемъ Горленкомъ и атаманомъ тамошнымъ Олховскимъ, вчора къ Москвѣ прибывшими, а въ 5-мъ часу по полудни знову были у канцлера, который перво у себе имѣлъ съ нами разговоръ и взялъ написанную рѣчь нашу, потомъ прибывъ съ нами-жъ въ дворецъ, представилъ насъ передъ государынею на отпускную авдіенцію, на которой говорена отъ мене рѣчь благодарственная за всякіе явленные Малой Россіи милости монаршіе. А на оную рѣчь отвѣтовалъ великій канцлеръ, потомъ насъ государыня жаловала къ ручки и милостиво къ намъ говорить сама изволила; послѣ, побывавъ въ аванъ-салѣ, отъехала въ соборные церкви въ Кремль.

15. По утру были у Петра Івановича графа Шувалова и съ нимъ, тако-жъ съ братомъ его, графомъ Александромъ Івановичемъ, прощались, при чемъ Петръ Івановичъ просилъ насъ приискать у себе и прислать къ Москвѣ въ домъ его, до управителя Антонія

Михайлова Маркевича, майстера, умѣючого робить смолцугу; а прибывъ въ дворецъ, съ многими кавалерами прощались, потомъ въ 12-мъ часу при исходѣ и съ графомъ Алексіемъ Григоріевичемъ Розумовскимъ простились и того-жъ времени государыня со всею своею ассистенціею изволила въ путь до С. П. Бурха подняться при палбѣ изъ многихъ пушекъ. Послѣ обѣда былъ у насъ полковникъ полтавскій Горленко съ своимъ атаманомъ, потомъ ездили до гр. Кирила Григорьевича Розумовского поздравлять его новорожденною вчора дочерью Елисаветою, а оттуду заездили къ Новоторжцову въ дворъ и въ коллегію іностранную, тако-жъ до Гамаліи и до графа Гендрикова, объявляя ему, что грамота на избраніе гетмана подписана государини собственною рукою, да и объ насъ и во всѣ полки особенные грамоты заготовлены.

16. Званы обѣдать до графа Михайла Ларіоновича Воронцова віце-канцлера и у него обѣдали съ графомъ Гендриковымъ, тамъ-же обѣдали Дараганъ и Жоравко съ женами, графъ Санти оберъ-церемоній-мейстеръ, жена камеръ юнгера Пимина Василіевича Лялина Дарія Матвіевна, Катерина Карловна Корфова и другіе. А передъ обѣдомъ были мы у канцлера и между протчимъ просили о сообщеніи въ академію наукъ для напечатанія нашей отпускной авдіенціи. Принятъ служитель Марко, родомъ изъ Лохвици.

17. По утру прислано до насъ отъ канцлера, чтобъ мы у него явились и потому, какъ къ нему прибыли въ 12-мъ часу, то онъ, призвавъ насъ въ свой габінетъ, вручилъ намъ объ отпускѣ нашемъ грамоту и еще 10-ть грамотъ-же въ полки, съ объявленіемъ, что для избранія гетмана отправленъ міністръ. Потомъ вручилъ намъ именемъ ея імнераторского величества подарки, а именно: каждому по алмазному перстню и по соболіому мѣху, а протчее, въ томъ числѣ и денги изъ коллегіи іностранной, видано быть имѣетъ. Стефанъ Лукомскій къ отъезду своему въ домъ простился съ нами. По обѣдѣ были у насъ Новоторжцовъ, секретарь Писаревъ и переводчикъ Данилевскій. Потомъ мы были у графа Гендрикова и данную ему іинструкцію и грамоту на обраніе гетмана читали. Послѣ ездили до графа Кирила Гр. Розумовского и съ нимъ видѣлись, да были у Гамаліи и у Лукина. Дочь Анна Теплову родилась. Канцлеръ по полночи отъехалъ до С.-П.Бурха.

18. Рано ездили до віце-канцлера и поздравляли его нынѣшнымъ празденствомъ рожденія ея імператорского величества, потомъ были и у графа Кирила Григоріевича Розумовского зъ тѣмъже, которій насъ и удержалъ у себе обѣдать съ другими многими своего полку ізмайловского и протчими офѣцерами. Послѣ обѣда игралъ онъ въ білеръ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицинымъ, капитаномъ своего полку, а между тѣмъ пришолъ къ нему генералъ аншефъ Василій Яковлевичъ Левашовъ, а мы отъехали. Въ вечеру были у насъ мимоездомъ до С.-П.Бурха дворцовые камеръ-лакей Петръ Стефановичъ Милорадовичъ и лакей Янковскій, а потомъ къ намъ-же пріѣхалъ канцеляріи совѣтникъ Михайло Григоріевичъ Собакинъ и доволно посидѣлъ.

19. Рано были у графини Маріи Андріевны Румянцовой и тамъ-же видѣлись съ сыномъ умершого генерала-лейтнанта Бібикова Петромъ Ивановичемъ. Потомъ заехали до архіепископа московского Платона Маліновского и, у него обѣдавъ, простились. Оттуду мимоездомъ у ігумена угрішского Іоана, а отъ него поехавъ въ слободу нѣмецкую, были у камергера Николая Андріевича Корфа и съ нимъ простились.

20. По утру были у віце-канцлера графа Воронцова, отъежджаючого въ С.-П.Бурхъ и простились съ самымъ и съ самою. Потомъ были у Стефана Ѳедоровича Апраксина, у Василія Яковлевича Левашова, у князя Івана Андріевича Щербатова и у князя Н. Юр. Трубецкого. Послѣ заехали въ коллегію іностранную и тамъ въ пріемѣ 2-хъ тисячъ рублей, данного намъ жалованья, росписались, якіе денги привозилъ росходчикъ на нашу квартеру, которому дали 5 р., да салдату 1 р. Обѣдали у графа Гендрикова съ Вѣрою Григоріевною, съ генераломъ Измайловымъ и протчими. Въ вечеру были у насъ полковникъ Танскій, да Александровичъ.

21. Рано были у князя Алексія Дмитріевича Голицина и у князя Івана Василіевича Одоевского, потомъ Гудовичъ одинъ въ штатсъ канторѣ, а у насъ по утру были Петръ Мировичъ и Михайло Ѳедоровичъ. Обѣдали у насъ два секретари штатсъ канторы и полковникъ Танскій. Вечеромъ ездили до совѣтника Михайла Григоріевича Сорокина, потомъ до подполковника Ликевича и съ женою его долго сидѣли, послѣ были у генералши Шиповой и съ нею простились.

1752-й ГОДЪ.

Октябрь.

5. По ранномъ обѣдѣ, віехавъ зъ Городища, прибылъ передъ вечеромъ въ Лѣсконоги. Тамъ уговаривалъ шинкаря Ѳедора Лукянова на господарство въ Лотоки, которому поступлено въ годъ 6 р. жита 3 осмачки.

6. Былъ у мене досмотрщикъ неводу гетманского Алексій Данилевскій, а по службѣ отъехавъ зъ Лѣсконогъ, прибылъ въ Новгородокъ и тамъ обѣдалъ; потомъ отъехавъ, прибылъ позно въ Комань.

7. Посилалъ осматривать шкоды въ сѣнахъ подѣланной, потомъ отъехавъ, заездилъ въ Юхновъ, а оттоль прибывъ въ Богдановку, тамъ обѣдалъ и уже надъ сумерки оттоль віехалъ. Мимоездомъ былъ въ гамаліевскомъ монастырѣ у архимандрита Карновича, а ночовалъ въ Маковѣ у Алексія Силевича.

8. Обѣдалъ въ Слоутѣ, а около вечерень прибылъ въ Глуховъ.

9. Рано перво въ генералной канцеллярiи, а оттоль въ дворцѣ былъ и ясневелможному поклонъ отдавъ, тамъ и обѣдалъ. Рано особливо у г. Теплова былъ.

10. Обѣдалъ у писаря генералного г. Безбородко.

11. Визитовали мене рано Петръ Горленко, Туманскій и хоружый артилерiи Кологривый. На службѣ были въ гетманскомъ монастырѣ и потомъ въ дворцѣ обѣдали, а по обѣдѣ вся музика iянструменталная играла. Въ вечеру былъ у мене Іванъ Гамалія.

12. Обѣдалъ въ домѣ, а въ вечерѣ визитовали мене писарь генералный и полковникъ гадяцкій Галецкій.

13. Обослалъ г. Безбородко табаку турецкого и два кавуны. По утру былъ у мене Іскрицкій. Сего числа прибылъ г. Скоропадскій въ Глуховъ, а вчора г. Кочубей обозный генералный, съ которимъ я у гетмана и обѣдалъ. Зъ Іваномъ Толстимъ видѣлись у Скоропадского. Писалъ я до Крижановского о мѣху соболіомъ.

14. Присланъ до мене ордеръ о присутствiи моемъ въ судѣ генералномъ и по оному сего числа первой разъ былъ у мене сотникъ кролевецкій Огіевскій и поступилъ мнѣ отпустить 3 тисячи цегли паленой по 1 р. 50 к., да 2 ганчарей и муровщика. Петро Гладуненко и Лаврінъ Цяпа отъехали въ Новгородокъ, а Петро къ

Городищу и чрезъ него писано къ женѣ, да къ Городискому и Свѣтловерскому и послана женѣ голова цукру.

15. Писалъ до обозного судіи и писаря полкового стародубовского за Гуриновскимъ и чрезъ него-жъ до жени при писмѣ посланы 2 кавуны и 2 головы цукру. По обѣдѣ ездилъ въ домъ гетманскій, а безъ мене былъ въ моемъ домѣ г. Якубовичъ. Еще чрезъ Гуриновского писалъ до Данила Городиского зъ посилкою виписѣ и реестра о Настусиномъ приданомъ и вѣдомости о перебраныхъ за порціи и раціи денгахъ и 20 аркушовъ бумаги.

16. Писалъ до зятя Савича и до дочерѣ Настусѣ и въ Товкачовку до старости. У Івана Гамаліи обѣдалъ. Ночью ушолъ былъ Іванъ Гадаренко и пойманъ.

17. Зъ говптъ-вахти онъ-же присланъ ко мнѣ и наказанъ. Я былъ у Якубовича и у него-жъ обѣдалъ. Надъ вечери докторъ Бокъ былъ у мене.

18. По утру я былъ у обозного генералного и смотрѣлъ въ его будинку новомъ печей. Ясне-вельможный слушалъ обѣдни въ монастырѣ, потомъ, при столѣ гетманскомъ откушавъ, слушали музики; а оттоль заездилъ я къ доктору Боку. Въ вечеру бывшему у мене Ѳедору Тищенку Ласкевичу, которій зъ братомъ своимъ старшимъ Артемономъ, опредѣленъ въ войсковые товарищи, вручилъ я свой дзигарокъ для направы въ Стародубѣ.

19. Обѣдалъ самъ одинъ въ домѣ, а вечеромъ былъ у Скоропадского. Писма получилъ и изъ Прилуки отъ Носенка и изъ Товкачовки отъ старости тамошнего.

20. По утру былъ у мене архимандритъ нынѣшній савинскій, бывшій новгородскій, Карновичъ. Обѣдали со мною Іванъ Рославецъ и Владиміръ Івановичъ Губчицъ.

21. Обѣдалъ у Скоропадского, а у мене Рославецъ и Губчицъ. Подводы пришли зъ Новгородка зъ тиномъ и зъ протчимъ, и оные-жъ отправлены въ Кролевецъ за цеглою.

22. Синъ гетману родился Андрей во 2-мъ часу по полдни. Я былъ послѣ полдня у архимандрита Карновича, а ночью зъ Скоропадскимъ у гетмана съ поздравленіемъ о рожденномъ сину и тамъ вечеряли. Дригантъ вороный припроваженъ въ Глуховъ.

23. Писаны писма въ С.-П.-Бурхъ до Карновича, до Войникова, до Андрея Милорадовича о библіи, до Губчица, до Вінклера

и до сина въ Киль, въ Москву до полковника Ликевича и до Александра Тихоновича Лукина.

24. Оные писма отданы Івану Скоропадскому, посилаючомуся по почтѣ въ С.-П.-Бурхъ, который надъ вечери и отъехалъ. По утру съехався у обозного генералного, съ нимъ всѣ поехали въ дворецъ и, графиню поздравивши, тамъ-же и обѣдали.

25. Литургіи съ гетманомъ слушали въ церкви св. Анастасіи, потомъ обѣдали у гетмана, по обѣдѣ музика играла, оттоль заездилъ до Гамаліи зъ Іскрицкимъ. Привезена цегла зъ Кролевця, а зъ Стародуба двѣ печи.

26. Привезена печь зеленая изъ Новгородка, начали пѣчь и коменокъ въ столовой ставить.

27. Архимандритъ Карновичъ простилъся, отъежджая въ путь свой.

28. Прибывшей въ Глуховъ матушцѣ гетманской отдали мы всѣ візиту въ дворцѣ. Отправленъ канцеляристъ Контицъ въ С.-П.-Бурхъ. Обѣдалъ я зъ Іскрицкимъ у Івана Гамаліи.

29. Писалъ въ С.-П.-Бурхъ до Карновича о отъездѣ отселя брата его архимандрита и о покупки на 2 покои бумажныхъ обоевъ, на одинъ 10, на другій осмъ штукъ. Позичилъ у Івана Гамаліи 20 р. денегъ. Писалъ до Георгія Носенка и до старости товкачовского противъ ихъ писемъ.

30. Посланъ въ Городище Василь Мовчанъ зъ писмомъ до Светловерского и до войта городиского. Присилка зъ Городища привезена. Посланъ приказъ до войта лѣсконозкого о взиманіи половыны рибы зъ 7 озеръ лѣсконозкихъ чрезъ смотрителя стану роговского Алексія Даниловского, жителя каменского.

31. Писалъ до Светловерского противъ его писма и при томъ послано до Городища штаба желѣза, 4 барилци, хрѣнъ, паперу 10 аркушовъ, шкура воловая. Обѣдалъ у гетмана и заездилъ къ Якубовичу.

Ноябрь.

1. Послѣ обѣдни, въ церкви св. Анастасіи слушанной, какъ прибыли въ домъ гетманскій, то было крещеніе сину его новорожденному Андрею. Воспріемниками были синъ его-жъ старшій Алек-

сій и матушка Наталія Демяновна. Потомъ обѣдали въ его генеральная старшина и генералъ маіоръ князь Кантимиръ съ женою своею Пассековою дочерью. Послѣ обѣда музика играла по италіанску. Дано Гамаліи газетъ 10 №.

2. Обѣдалъ у мене Занковецкій. Писаны писма до сотника новгородского о смоляникахъ и о сѣнѣ потровленомъ, до архимандрита Карновича въ завезенныхъ газетахъ 10 нумеровъ.

3. Послѣ обѣда былъ въ домѣ гетманскомъ, а оттоль заездилъ къ Якубовичу вечеромъ.

4. Поставлена вишніовка на ратафіи, корѣннямъ насипанная. Кровь пущалъ мнѣ Бокъ.

5. Отправленъ Лаврѣнъ Цяпа зъ даннымъ ему меморіаломъ и чрезъ него-жъ послано писмо до сотника новгородского зъ урядомъ о смоляникахъ и о награжденіи за подтровленое сѣно. Подводчикъ, зъ Городища бывшый, отпущенъ зъ писмомъ до Свѣтловерского. Привезена дробина и пшоно, и крупы зъ Товкачевки.

6. Отпущены подводчики товкачевскіе зъ писмомъ до тамошнего старости о присилки еще де-которой провізіи и денегъ. Сего числа Петръ и Яковъ Скоропадскіе, лейбъ-кирасирского полку корнеты, прибыли въ Глуховъ.

7. Гетманъ ездилъ на охоту стрелять тетеръ. Я былъ по утру въ генералной канцелляріи, и бунчучный и Божичъ были. Обѣдалъ у мене Гудовичъ, а я въ вечеру былъ у г. Скороподского и зъ синами его видѣлся.

8. Службы Божой слушали въ церквѣ св. Анастасіи, потомъ обѣдали всѣ мы у гетмана, въ томъ числѣ и дѣти г. Скоропадского и віце-капралъ лейбъ-компаніи Романъ Лукяновичъ Струтинскій. Послѣ обѣда играла музика, а зъ дворца заездилъ я до Валкевича. Іванъ Рославецъ, простясь, отъехалъ по утру зъ Глухова въ домъ свой.

9. Прибылъ Григорій Засулскій изъ Городища и привезъ отъ жены при писмѣ 20 р.

10. Пріехалъ куріевъ Шутенко и привезъ грамоту о поездѣ гетману къ Москвѣ, а ко мнѣ привезены писма чрезъ его-жъ отъ Вайникова, а чрезъ служителя Карновичового отъ Стефана Карновича. Я писалъ женѣ о томъ послѣ. Матушка гетманская отъехала зъ Глухова въ домъ свой.

11. Чрезъ Івана Гамалію, отъехавшого въ домъ, послано писмо къ женѣ съ писмомъ Карновичевымъ. Вечеромъ былъ у мене тафель-декеръ[1]) зъ новою свою женою, дочерью Пуховича.

12. Дому нашого глуховского посвященіе было. Обѣдали у мене Іскрицкій и Горленко, да войтъ новгородскій съ бурмистрами двома.

13. Въ вечеру заездилъ ко мнѣ есаулъ генералный Якубовичъ.

14. Призивано старшину генералную въ канцеллярію генералную для разсмотренія дѣла віце-капрала лейбъ-компаніи-жъ Романа Струтинского по утру. Обѣдалъ я зъ Гудовичемъ у Якубовича. Вечеромъ былъ у мене корнетъ лейбъ-кирасирского полку Петръ Михайловичъ Скоропадскій.

15. По утру былъ я у архимандрита кіево-печерского Луки, потомъ отъехавъ въ дворецъ, у г. Теплова съ Скоропадскимъ былъже. Послѣ обѣдни, въ церквѣ св. Анастасіи при гетманѣ слушанной, знову въ дворецъ ездили и тамъ-же у стола гетманского зъ печерскимъ архимандритомъ и съ протчими кушали. Послѣ полдня тотъ-же архимандритъ въ моемъ домѣ былъ и за прибытіемъ ко мнѣ есаула генералного Якубовича и полковника чернѣговского Божича долго въ ночь проседѣли, потомъ и къ архимандриту ездили. Оттоль возвратясь въ 11-мъ часу, легъ спать, но по полуночи жестоко занемогъ и жестоко-жъ поносъ и вомѣти приключились, отчего зѣло слабъ сталъ и для того

16. Весь день пролежалъ въ домѣ боленъ.

17. Потому-жъ и сей день изъ дому не віездилъ. Писалъ до жены, до зятя Рославця, до Городиского, до Андрѣя, до сотника погарского чрезъ Андрея Засулского. Вечеромъ билъ у мене сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла.

18. Ночью противъ сего числа утѣкъ Іванъ Гаптаренковъ возніця. Писано до старости товкачовского чрезъ служителя Петра Горленка, да въ Ямполь до Жуковского съ посилкою рюмки флазоечки и стекла битого.

19. По утру Григорій съ вышепоказанными писмами отъехалъ, а Самусенко пріехалъ и чрезъ Григорія-жъ послана къ

---

*) Конечно, гетманскій.

женѣ голова цукру. Обѣдалъ я у писаря генералного и потомъ былъ у гетмана.

20. Послѣ полдня былъ я у бунчучного, а потомъ у Якубовича. До жены писалъ чрезъ Самусенка объ немъ и съ посилкою писма отъ сина Василя, да до Городиского о присилки нѣкоторыхъ книгъ и писемъ.

21. Послѣ обѣдни зъ гетманомъ кушали два молодые князя Долгорукіе и мы. Оттоль заехавъ до Скоропадского, застали тамъ полковника миргородского Ѳедора Остроградского. Вечеромъ былъ у мене войтъ новгородскій съ обявленіемъ унѣверсалу гетманского, данного на учрежденіе тамъ въ Новгородку майстрату и права майдебурского. Вчора писаны писма въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, до Карновича и до сина, въ отвѣтъ на его писмо зъ Гамбурга писанное, но не отправлены по почтѣ.

22. У гетмана я зъ подскарбіемъ, полковникомъ миргородскимъ и Гудовичемъ и зъ протчими обѣдали. Оттоль заездилъ къ Якубовичу.

23. Отъехалъ Самусенко и чрезъ него писма до жены и до Городиского отпущены писма и хлѣбъ. Вечеромъ были у мене полковникъ миргородскій и обозный тамошный, да ассессоръ Яковъ Денисовъ. Чернецъ переяславскій Ілія обѣдалъ у мене.

24. Слушали обѣднѣ съ гетманомъ и генераломъ-маіоромъ и генералъ-провіантмейстеромъ княземъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Волконскимъ въ церкви св. Анастасіи, где проповѣдь преизрядную говорилъ капелянъ гетманскій. По обѣдѣ былъ до позна балъ, а при обѣдѣ пушечная палба и послѣ молебня производилась.

25. По тому-жъ, какъ и вчера, послѣ обѣдни и послѣ казанья было молебствіе при пушечной палбѣ, потомъ банкетъ у гетмана пребогатій зъ пушечною-жъ палбою, послѣ балъ и ужинъ.

26. Писалъ писма до жены, до Городиского и до Андрѣя, да до Лавріна Цяпы и самъ зъ двора весь день никуди не віездилъ.

27. Обѣдалъ у мене ямполскій управитель Ѳедоръ Прокофіевъ Жуковскій. Надъ вечери былъ я у полковника миргородского и простилъся съ нимъ, потомъ у Якубовича. Прибылъ зъ С.-П.-Бурха Іванъ Скоропадскій.

28. Прибылъ зъ писмами отъ зятя Ярема Дубянскій, чрезъ которого, отъехавшого

29 числа въ Городище, писалъ до жены, до Городиского и къ Самусенку съ копіею ордера, посланного до екзактора, о нетребованіи отъ маштъ другой индукты и евекты. Обѣдали у гетмана, где первой разъ видѣлься зъ брегадиремъ Ѳедоромъ Івановичемъ Коченевскимъ, которой сказовалъ, что синъ ему Николай родилься. Отписалъ къ зятю Петру Савичу, чтобъ пріездилъ до Глухова за два или три дни передъ Николаемъ.

30. Послѣ службы въ церквѣ св. Анастасіи молебствіе было при пушечной палбѣ, потомъ банкетъ при пушечной-же палбѣ и въ вечеру балъ.

Декабрь.

1. Прибылъ до Глухова преосвященный Ираклій Коморовскій, новопосвященный епископъ чернѣговскій, у которого и я послѣ полдня зъ Искрицкимъ былъ, а потомъ и до Искрицкого въ квартеру заездилъ.

2. Оный преосвященный у гетмана обѣдалъ, а у мене по утру былъ брегадиръ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій, а я обѣдалъ у Якубовича. По утру-жъ пріехали Андрей Свѣтловерскій и Лаврінъ Цяпа. Писано отъ мене до жены сторони Михайла Василіева, внука бывшого священника случевского Івана Гудова.

3. Еще писано отъ мене до жены зъ посилкою люстрины 15 локотъ, да о висилки подводъ въ Товкачовку по хлѣбъ, а до Городиского о нѣкоторыхъ писмахъ и книжкахъ—въ библіотецѣ приискать оные, и тѣ писма посланы чрезъ лѣсконозского человѣка. Въ вечеру былъ у мене преосвященный архіерей чернѣговскій Ираклій Коморовскій, да Василь Гудовичъ, а по утру брегадиръ Коченевскій отъехалъ зъ Глухова. Позавчора писалъ 2 писми до старости товкачовского о приуготовленіи хлѣба на подводы, зъ Стародуба прибыть имѣючіе. Да отпущены писма въ С.-П.-Бурхъ по почтѣ, прошлого ноября 20-го писанные.

4. Писалъ до жены о присилки шпалеръ синѣхъ и протчего и зъ тимъ писмомъ отправленъ

5. Данило компанѣецъ на Ямполь. Сего числа передъ свѣтомъ кухаръ Захарій умеръ и при церквѣ Василіевской погребенъ. Обѣдалъ у Якубовича зъ Оболонскимъ бунчучнымъ, а въ вечеру пріехалъ зять Савичъ зъ Настусею.

6. Сего числа многіе у мене обѣдали изъ бунчуковыхъ и другихъ, а вечеромъ были архіерей чернѣговскій зъ Якубовичемъ, обозцый генералный Кочубей зъ Тарнавскимъ.

7. Обѣдали я и зять Савичъ зъ Настусею у Якубовича, а вечеромъ всѣ были у архіерея чернѣговского, которій и говорилъ о сѣнѣ, забранномъ въ Комань.

8. Подводы товкачевскіе отпущены зъ писмами до старости тамошнего и до Качановского.

9. Въ канцеллярію генералную собирались о дѣлѣ, отдавать-ли грекамъ коси?

10. Обѣдалъ я у гетмана и подалъ прошеніе о переписѣ унѣверсала на пергаментѣ. Конѣ гетману приведены зъ Цариграда.

11. Обѣдалъ у мене Якубовичъ, а вечеромъ былъ я у економической канцелляріи.

12. Обѣдалъ у гетмана, а по утру докладъ былъ о дѣлѣ клеветномъ на меня Соколовсвого. Вечеромъ былъ у Скоропадского.

13. Послѣ службы Божой, въ церквѣ св. Анастасіи слушанной, где и графиня гетманша первый разъ послѣ родовъ была, обѣдали у гетмана, потомъ былъ до позна въ ночь балъ. Зъ Лѣсконогъ привезено рыбы и зайцовъ, а зъ Городища пріехали двѣ дѣвки и де-що попривозили. По утру отправленъ Лаврѣнъ Цяпа въ Комань.

14. Вечеромъ простилъся со мною при отъездѣ своемъ въ домъ до Лубень полковникъ лубенскій Іванъ Колябка и подарилъ мнѣ пороху немного.

15. Обѣдалъ у мене лейбъ-компаніи віце-капралъ Романъ Лукяновичъ Струтинскій. Сего-жъ числа подана отъ мене челобитная на войта погарского Клима Пѣсоцкого о перейшовшыхъ въ Погаръ зъ Курова Дуцка Халимоненка съ товарищы.

16. Послѣ болѣзны былъ въ судѣ генералномъ Скоропадскій. Я послѣ полдни былъ въ дворцѣ.

17. Писалъ въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, до Карновича и до секретаря академіи наукъ Петра Ісаевича Ханіна о газетахъ на 1753-й годъ, о календарѣ новомъ и о книгахъ вновь печатанныхъ, а въ Москву до полковника Ликевича, и тые писма отпущены чрезъ Романа Струтинского. Вчора при писмѣ до отца Іоана брата

послалъ для бѣдного Іосифа 3 р. чрезъ Андрѣя Дяченка. Сего числа позно прибыла жена зъ дѣтми.

18. Послѣ молебня былъ банкетъ у гетмана при пушечной палбѣ, а вечеромъ балъ. Ночью жестоко жена занемогла.

19. И сей день хоровала. Прибылъ полковникъ лубенскій.

20. Получено писмо отъ архіерея чернѣговского сторонн забратого сѣна въ Команъ. Прибылъ полковникъ гадяцкій въ Глуховъ. Я обѣдалъ у гетмана, а жена у Скоропадского.

21. Писалъ отвѣтъ къ архіерею чернѣговскому и до Рославцовъ о роздѣлѣ межъ ними и до старого Губчица и до Івана Покорского. Вечеромъ я былъ у Якубовича жены его именинници, а онъ у мене и полковникъ гадяцкій.

22. Жена съ дочерью Настею кланялась графинѣ и тамъ обѣдала купно зо мною, а рано былъ я самъ у обозного генералного Кочубея. Получилъ писмо изъ Гамбурха отъ сина о ево нещаслывомъ приключеніи.

23. Получилъ ордеръ о присутствіи моемъ зъ протчими въ генералной канцелляріи.

24. Въ 10-мъ часу по полночи віехалъ гетманъ къ Москвѣ при пушечной палбѣ. Вечерни и обѣдни слушали мы въ церкви св. Василія.

25. На всенощной были у св. Анастасіи. По утру поздравляли графиню и обѣдни слушали въ той-же церквѣ. Вечеромъ былъ я у Якубовича.

26. По утру были у мене Скоропадскій и полковникъ Апостолъ, а я у писаревой генералной и у бунчучного. Обѣдалъ у мене Гудовичъ; потомъ былъ у мене-жъ Герасимъ Демяновичъ (Стрешенецъ), тесть Жоравки, а у жены обозная генералная Скоропадская, Безбородкина, полковниця гадяцкая, Тарнавская и Томарина.

27. Писалъ писмо сину въ Киль, подъ № 2, и до Карновича въ Москву съ посилою 200 р. денегъ, да до полковника Ликевича и до Туманского. Съ графинею послѣ обѣдни кушали у нея.

28. Первый разъ были всѣ 4 мы, опредѣленные къ присутствію, въ генералной канцелляріи. Писма, вчора писанные къ Москвѣ, вручены отъ мене Павлу Миклашевскому, туда-жъ отъежджаючому, и ему-жъ вручилъ 200 р. денегъ для отдачи Карновичу за росписко.

29. По утру въ 10-мъ часу отъехала графиня гетманова къ Москвѣ, на обѣдъ и на ночь въ Полковничью Слободу.

30. Писаны писма къ парахіанамъ села Случевска и до сотника погарского о кандидатахъ на поповство до церкви случевской Петру Прокоповичу и Михаилу Васильеву Гудову, да въ домъ до войта перегонского о пенцѣ и о протчемъ, до атамана погарского Беляя о протестѣ войта муравьевского на старосту гримяцкого Михаловского за сѣно имъ погрибленное; до войта лѣсконозского о виправѣ подводъ въ Луку за хлѣбомъ и о пенцѣ; до господаря лотоковского Ѳедора Лукьянова о подводахъ-же въ Товкачевку.

31. Простился Гудовичъ при отъездѣ въ домъ до 1-го февраля.

1753-й ГОДЪ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. По утру былъ у Скоропадского и отъ него ездили всѣ до церкви св. Михаила, где обѣдни и молебня слушали. Вечеромъ былъ я у Якубовича и писмо писалъ въ Москву до Карновича чрезъ канцеляриста Чорнуцкого.

2. Послалъ писмо до Іосифа Гавриловича о прибытіи его въ Глуховъ. Івана Губчица жена была у насъ на обѣдѣ зъ Мариною Михайловою Есимонтовскою и отъехали: первая въ Борзну, а другая въ Стародубъ.

3. Въ нынѣшный день, по полученному отъ генералъ лейтенанта графа Петра Семеновича Солтикова писму о опасности отъ непріятелей, съездились мы въ генералную канцелярію и отправленія о нарядѣ 4-хъ тысячъ козаковъ изъ 6 полковъ для незапного походу велѣли учинить по утру. У насъ обѣдалъ Якубовичъ зъ зятемъ своимъ Ѳедоромъ Савичемъ и дочерью своею Маріею, а вечеромъ закрѣпили отправу рано опредѣленную въ полки.

4. По утру для тоей-же нужды были въ канцеляріи и отправленіе по тому-жъ дѣлали, а пришедъ въ домъ, какъ сталъ обѣдать, то въ кушаньѣ между бураками проглонулъ кость, которая, увязши въ горлѣ, чуть не привела мене къ смерти, и для вибитья оной зъ горла, какъ простые способы битьемъ въ плечи, ястіемъ скоринки, питьемъ воды, такъ и инструментовъ и пальцовъ клажею въ горло и чищеньемъ употреблены и чрезъ то въ отчаяніе, почитать, при-

веденъ былъ; однако-жъ единою токмо милостію Божіею въ живыхъ осталъся и заледво ночь тую переночевалъ. Того-жъ дни посѣщали мене болного перво полковникъ лубенскій Апостолъ, потомъ Скоропадскій зъ женою своею и Якубовичемъ. Отпущены писма чрезъ Заруцкого постъ-директора, одно къ Крижановскому въ Нѣжинъ о покупки тафи и бѣлокосу, да о ножахъ турецкихъ и о новомъ календарѣ, другое до митрополита кіевского въ Кіевъ.

5. Весь день и ночь лежалъ боленъ.

6. Ездилъ къ Василіевской церкви на службу, потомъ день и ночь лежалъ боленъ.

7. Жена ѣздила въ Годуновку.

8. Она-жъ послѣ полдня отъехала въ домъ. Сего-жъ числа послѣ полдня отправленъ въ Москву канцелярист войсковый зъ разными доношеніями.

9. Отпущено писмо до графа Мойсѣя въ отвѣтъ, другое писано за Даниломъ Біневичемъ въ Стародубъ въ щетную комміссію.

10. Послѣ выше означенного случая первый разъ зъ двора віехавъ, былъ въ церкви св. Анастасіи на службѣ, а послѣ полдня былъ у доктора Бока, у дѣтей Теплова и у полковника лубенского и Скоропадского.

11. Писаны писма подъ числомъ 8-мъ сего мѣсяця зъ поздравленіемъ нового году до господъ Романа Ларіоновича Воронцова и о Герасиму Антонову Новомлинскомъ, до Теплова, до Собакина и до Новоторжцова, да и до Фелинера о газетахъ, да до Василія Туманского и къ нему включенъ къ Фелинеру пакетець.

13. Получили ордери и писма зъ Москвы, въ томъ числѣ и я отъ полковника гадяцкого и зъ писмомъ до жены его, которое къ ней при моемъ писмѣ и отпустилъ, да и до оного полковника зъ посилкою писма отъ жены его писалъ. Вечеромъ былъ у мене Якубовичъ.

14. Письмо до полковнички гадяцкой отпустилъ до Стародуба чрезъ Тимоновича, туда отъехавшого. Сего-жъ числа Іосифъ Гавриловичъ въ Ляшковци, съ нами простясь, отъехалъ. Отданы денги Скоропадскому 350 р.

15. Сего числа отданъ синъ Іванъ въ наученіе учителю Георгію Александровичу графу Ранцеву, которому давать ежемѣсячно за науку по 3 р. Докторъ медицины и профессоръ історіи натурал-

ной Іванъ-Христіанъ Гебенштрейтъ, бывшій при домѣ гетманскомъ, надъ вечери посѣщалъ мене и прескрипцію на мои дефекти далъ. Противъ сего числа ночью канцеляристъ войсковый Тимофій Закровецкій преставился.

16. Оный-же канцеляристъ похороненъ при церкви св. Михаила. Сего числа прибылъ въ Глуховъ генералъ маіоръ Іванъ Ѳедоровичъ Глѣбовъ, простуючій отъ Новой Сербіи къ Москвѣ, которому я зъ полковникомъ лубенскимъ вѣзитъ отдавалъ, а Скоропадскій жену свою виправлялъ въ Стародубщину. Вечеромъ былъ у мене Чуйкевичъ.

17. Отправленъ въ Товкачовку Данило Городискій и съ нимъ компанѣецъ Данило-жъ. По полдни былъ у мене Павелъ Ломиковскій, а вечеромъ простилься я зъ докторомъ Гебенштрейтомъ.

18. Былъ вечеромъ перво у Якубовича, потомъ у Ломиковского.

19. Два толко мы зъ полковникомъ лубенскимъ были въ канцеляріи, а вечеромъ візитовалъ Івана Гамалію, къ которому тогдажъ пріездили Скоропадскій, Оболенскій, Апостолъ, Яковъ Марковичъ и Сангурскій. Настуся занемогла.

20. Обѣдалъ у Гамаліи, а потомъ былъ у Якубовича. Писалъ писма въ Москву до полковника гадяцкого и до Туманского, до которого въ ковертѣ включены до Собакина и до Новоторжцова писма и отправлены чрезъ человѣка Крижановского, посланного въ Москву по почтѣ.

21. Іванъ Гамалія у насъ обѣдалъ, а Настуся жестоко хоровала на фебру и горячку.

22. Получилъ писма зъ Москви отъ Галецкого. Вечеромъ посѣщалъ болную Настусю Іванъ Гамалія.

23. Писаны писма до жены, до Гуриновского и до полковници гадяцкой, съ посилкою пакета отъ ея мужа, и оные отпущены чрезъ человѣка отъ Івана Гамаліи въ домъ посланного. Обѣдали у насъ учитель графъ Ранцевъ зъ синомъ Павла Ломиковского и докторъ Бокша, потомъ зъ тими-жъ былъ у Гамаліи, которого синъ Николай тому-жъ учителю въ науку рекомендованъ.

24. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого Галецкого и до Карновича зъ посилкою трохъ ножовъ турецкихъ, а въ Санкт-Питер-Бурхъ до Вайникова чрезъ канцеляриста Занкевича, отправленного зъ козами дикими и зъ дрохвами въ Москву.

За оправу ножика того, що отъ Ѳедора Корецкого, дано Вейману 70 к.

25. Оные писма и ножи три въ пуделку чрезъ помянутого канцеляриста Занкевича отпущены къ Москвѣ.

26. Присланъ зъ Нѣжина чрезъ почтъ-мейстера Зарудного отъ Крижановского турецкій ножикъ и полскій календарь, которій отъ мене подаренъ Івану Гамаліи. Писалъ писма къ женѣ въ домъ о прибытіи еи, а до войта лѣзконозского о разныхъ дѣлахъ, да до полковника миргородского и до сотника миргородского-жъ о турецкихъ ножикахъ.

27. Пару ножиковъ отъ сотника миргородского Василя Зарудного получилъ. Жена изъ Городища пріехала въ Глуховъ.

28, 29, 30 и 31-е такъ прошли. Толко 31-го Искрицкій прибылъ въ Глуховъ, а я былъ у Горленка.

Февраль

1. Данило Покорскій зъ Іваномъ Рославцемъ прибыли въ Глуховъ и, взявъ съ собою зятя нашего Савича, отъехали въ Сварковъ для зговору внуки Якова Марковича Есимонтовской за оного Рославця.

2. По утру были у мене Іскрицкій и Горленко.

3. а въ вечеру Якубовичъ съ женою. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого Галецкого, до Туманского, до переводчика синодалного Політики о библіи, до Лобисевича, до Карновича, да въ Пітеръ-Бурхъ до Вайникова и до сина въ Киль, да посланы при писмахъ въ Стародубъ чрезъ Данила Покорского до Івана Гамаліи печатныхъ газетъ нумеровъ 11, а до Ѳедора Корецкого С. П. Бурскій на сей годъ календарь.

4. Оные писма отпущены въ Москву чрезъ жолдака Михаила Дерезенка, по почтѣ посланного. Писаны писма до полковника прилуцкого зъ посилкою газетъ печатныхъ, да до полковника миргородского съ посилкою писма нѣкоторому лѣкарю генерала Хорвата.

5. Сочинено доношеніе противъ мнѣнія, изъ суда генералного присланного.

6. Оное доношеніе отъ мене и Петра Горленка подписано и подано Скоропадскому и полковнику Апостолу.

7. Обѣдали у мене Горленко и Данило Требінскій, а надъ вечери былъ полковникъ Апостолъ и Чуйкевичъ, а я у Чуйкевича въ вечеру.

8. Отдалъ въ канцеляріи Скоропадскій оное наше доношеніе. Послѣ обѣда отъехалъ полковникъ Апостолъ въ домъ. Чрезъ отставного асаула сотнѣ погарской, перегонця, посланъ отвѣтъ до полковника стародубского противъ его писма о Аршавѣ. Ездилъ прощатся зъ капеляномъ гетманскимъ Корниліемъ Юзефовичемъ, отъежджаючимъ къ Москвѣ и ему-жъ далъ казань 8 печатныхъ и писанныхъ, а оттоль заездилъ до Якубовича.

9. Подалъ доношеніе Горленко въ генеральную канцелярію, рековуючи свой подписъ на общымъ доношеніи нашемъ учиненный.

10. Преосвященный митрополитъ кіевскій Тимофей Щербацкій въ 9-мъ часу передъ полуднемъ прибылъ въ Глуховъ и литургію и молебствіе служилъ въ церквѣ св. Михаила, а потомъ обѣдать изволилъ съ своими и обще зъ нами у г. Скоропадского, а при молебнѣ и при столѣ производилась пушечная палба.

11. Служилъ преосвященный въ монастырѣ женскомъ и на своей квартерѣ обѣдалъ.

12. Преосвященный служилъ въ Веригинской церквѣ. Потомъ у его на квартерѣ были мы зъ женами и водкою почтованы.

13. Его-жъ преосвященство служилъ въ церквѣ св. Николая, а по службѣ званные отъ бунчукового генералного Оболонского его преосвященство зъ своими и мы обѣдали у него, а по обѣдѣ зъ нимъ-же Якубовичъ и я были у подполковника Яблонского и у Сергія Дергуна, потомъ у Якубовича чуть не до полночи пробавили.

14. Послѣ службы Божой заехалъ ко мнѣ въ домъ его преосвященство и позавтрикавши отъехалъ въ путь свой къ Москвѣ, которого проводилъ я за двѣ версти. Сего числа прибылъ Гудовичъ въ Глуховъ. Надъ вечери была у жены моей Скоропадская.

15. Въ сей день отосланы графу Ранцову за ученіе сина нашого Івана за мѣсяцъ три рубли. Обѣдалъ у насъ Гудовичъ, а я весь день зъ дому не віездилъ послѣ невчасовъ.

16. По утру были обще зъ Гудовичемъ всѣ три въ генералной канцелляріи. Послѣ обѣда отъехали зять Савичъ и дочь Настуся до Ведмежого, а послѣ ихъ отъезду была у жены Попасова жена, Галецковна.

17. По утру отъехала жена въ домъ зъ Уліаною Скоруповною. Писалъ я къ полковнику гадяцкому въ Москву зъ посилкою писемъ отъ жены его и отъ повѣренного. Вечеромъ былъ у Ломиковского и у Якубовича.

18. Были всѣ трое въ канцеллярiи по утру, а у мене обѣдали Гудовичъ и Филипъ Гриневичъ, зять брата отца Івана. Писалъ до Гамалiи къ сину его Николаю.

19. Переведенъ въ дворъ нашъ онъ, молодый Гамалія, по возвратѣ его зъ Клепалъ [251]). Вечеромъ былъ у Скоропадского и игралъ въ карты зъ выграшемъ. Приехалъ Михайло Ханенко.

20. Званный до Скоропадского обѣдалъ у него, а потомъ былъ у Безбородкиной, писаревой генеральной, где видѣлъся и зъ женою переводчика Івана Андрiевича Данилевского, Елисаветою Алексiевною и у бунчучного генералного Оболонского; а вечеромъ у Скоропадского програлъ 47¾ к.

21. Знову обѣдалъ у Скоропадского и до жены писалъ о нѣкоторыхъ покупкахъ на ярмарку стародубовскомъ, а до лѣсконозского войта о присилки подводъ по овесъ. Принятъ въ служенiе Григорій Николаевъ Козловскій, рожинецъ переяславскій, которій въ Москвѣ 1751 году присталъ служить у Якова Почеки, асаула полку нѣжинского.

22. Писалъ писма въ Москву до Карновича, требуя отвѣту противъ прежныхъ 8 къ нему моихъ писемъ, а въ С. П. Бурхъ до г. Вайникова зъ посилкою бѣлокосу и тафы блакитныхъ по 10 аршинъ, которые писма и посилка отправлены чрезъ канцеляриста войскового Максима Руновского, сего-жъ числа по почтѣ отправившогось къ Москвѣ.

23. Тафель-декеръ гетманскій Гарасимъ Антоновъ Новомлинскій умеръ, нѣсколко дней толко на горячку хоровавши. Лаврінъ посланъ въ Воронежъ за пывомъ при писмѣ до сотника воронѣжского Андрея Холодовича и зъ денгами.

24. По утру отосланъ жеребецъ вороный къ повѣреному Василя Полуботка. Оный Герасимъ Новомлинскій похороненъ при церкви св. Михаила.

---

[251]) Село путивльскаго уѣзда, принадлежавшее женѣ Гамалѣи, рожд. Ан[illegible]

25. Писма отъ полковника Галецкого до жены его вручены служителю ихъ Кирилу Черняховскому для отсилки въ Стечну при моемъ къ ней-же писмѣ. Отъ мене писано въ Стародубъ до Івана Гамаліи о сину его Николаю, да до жены о нѣкоторыхъ покупкахъ въ ярмарку стародубовскомъ и посланы чрезъ человѣка изъ Клепалъ.

26. Послѣ полдня ездилъ до Валкевича и до Якубовича для прощанія, а до Городища отпущено на подводахъ зъ селъ новгородскихъ овса 33 осмачки и одинъ четверикъ.

27. Исповѣдалъся передъ отцемъ Яковомъ старикомъ, а на службѣ въ церквѣ св. Василія, по благости Божіей, удостоилъся сообщитись святымъ Тайнамъ. Писалъ въ Москву подъ числомъ 25-мъ сего мѣсяця зъ посилкою 2 писемъ отъ жены полковника гадяцкого къ нему, да до Туманского и до переводчика Фелинера о газетахъ, и тѣ писма вручены служителю Наталіи Демяновны г. Розумовской Полторацкому, по почтѣ до Москвы отправившемусь. Сего-жъ 27-го писалъ до жены чрезъ войта муравьевского о отпущенномъ одселя овсѣ и неупотребленіи зъ селъ новгородскихъ людей къ тамошнымъ работамъ, да чрезъ дѣвку Марью зъ посилкою писма отъ зятя Савича и стороны зятя Рославця, что наложено на владѣніе ихъ излишные порціи и раціи и о доправки денегъ 34 р. на Александровой Корецкой, а 3 р. на Івану Гамаліи за сина его.

28. При писмѣ до Івана Гамаліи посланы газеты нумеровъ 6, а именно: 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, да подъ вчорашнымъ числомъ писаны писма о Филипу Васильеву Гриневичу, отца Івана брата дочь Марію понявшомъ, кой нынѣ опредѣленъ въ кантакузинскіе маетности старостою, до войскового товарища Стефана Савича Лутая, до управителя чеховского Петра Мойсѣевича Левицкого, до сотника золотоношского Константія Леонтовича и до отца Іоана брата, и чрезъ того-жъ Гриневича посланы болному Іосифу 1 рубль денегъ.

Мартъ.

1. Асаулу полковому нѣжинскому Долинскому вручены 2 писма до полковника гадяцкого Галецкого отъ жены его, къ Москвѣ по почтѣ отъ отлучающемуся Учителю графу Ванцову еще за мѣсяцъ

которій въ семъ мѣсяцѣ 26-го числа окончилься, за науку сина нашего заплатилъ 3 р. Отослано въ судъ генералный доношеніе противъ присланного позву о озерахъ лѣсконозкихъ.

2. Писаны писма въ Прилуку до бунчукового товарища Димитрія Марковича о Марьѣ Бѣлченковой, вдовѣ товкачовской, въ Товкачовку до правящаго за господаря Якова Супруненка о тамошнемъ господарствѣ чрезъ подводчиковъ товкачовскихъ, солоды привозившыхъ. Гудовичъ у мене обѣдалъ. Племѣнникъ Михайло Ханенко подалъ доношеніе въ генералную канцелярію о принятіи его въ службу канцелярскую.

3. Оному велѣли быть у дѣлъ для писанья. Подводы товкачовскіе и чрезъ оные вчора писанные писма до Данила Городискаго о прибытіи его въ Глуховъ отпущены.

4. Дано на росходъ полтора рубля Андрію.

5. Пріехалъ полковникъ кіевскій Дараганъ и асаулъ Закревскій, зъ которими видѣлься я у Якубовича. Пріехалъ Іскрицкій. Захоровалъ синъ Гамалінъ.

6. Отпущенъ въ Товкачовку подводчикъ зъ писмомъ до управляющого за господаря Якова Супруненка о господарскихъ дѣлахъ тамошныхъ и чрезъ него-жъ кобила Качановского послана. Вечеромъ былъ у Скоропадского.

7. Послѣ полдня прибылъ полковникъ лубенскій Апостолъ и Данило Покорскій. Писалъ до жены чрезъ слюсаря Стефана Борисова и за нимъ до обозного и писаря стародубовскихъ.

8. Писалъ до сотника носовского Якова Шаулы о покупки ста или двохъ сотъ яблокъ свѣжихъ чрезъ людей Михайла Ханенка. Всѣ мы 4 были въ канцеляріи генералной.

9. Отпущено солоду 2 осмачки и 1 четверикъ, да 7 сувоевъ полотна, чрезъ подводы лѣсконозкіе, при писмѣ до жены въ Городище.

10. По утру былъ у мене Іванъ Покорскій и сказовалъ, что дочь наша Анна родила сина Ѳедора. Писалъ къ зятю Савичу писмо и посѣщалъ Якубовича болѣзнуючого. Еще дано на расходъ Андрію 50 к.

11. Обѣдалъ у Гудовича. Поданы 3 доношенія въ судъ генералный: 1-е о Корсаку стороны крѣпостей, 2-е о Дзвоннику и Самусенку, 3-е о войту погарскомъ стороны куровцювъ.

12. Въ вечеру приехалъ Данило Городискій зъ Луки и сказовалъ, что дядко Евстафій Никитенко преставилъся 4-го марта.

13. Отъ жены получилъ извѣстіе, что дочь наша Анна Іосифова Рославцева родила сина Ѳедора зъ 3 противъ 4-го числа сего мѣсяця.

14. Писалъ къ женѣ противъ еи писма и нѣсколко посуды деревяной и половину бѣлорибици отпущено, да до сотника погарского о Григорію Засулскомъ и до бунчукового товарища Антона Жоравки сторони кухаря уговоренного и задатокъ взявшого. Надъ вечери былъ у Якубовича, куда и Оболенскій зъ женою при мнѣ пріехалъ.

15. При писмѣ до Івана Гамаліи посланы три нумери газетъ: 10, 14 и 15-й. Привезены зъ Лѣсконогъ 26 лящовъ, бѣлизнъ 4 и одинъ сомъ.

16. Посланы писма до полковници гадяцкой отъ мужа и сина еи при писмѣ моемъ до жены, да до полковника стародубовского и до Кудринского писалъ о заборѣ сѣна и о протчемъ старостою Корсаковымъ, а о Незамаевскомъ, что пограбилъ и билъ людей куровскихъ, и оные писма, тако-жъ указы изъ суда генералного: 1-е до Корсака о присилки крѣпостей на мелници ворскіе, 2-е до сотника погарского о висилки въ Глуховъ атамана чаусовского Бобова зъ декретомъ, даннымъ чаусовцямъ на евдоколціовъ о завладѣніи ими чаусовского грунту, посланы чрезъ полкового стародубовского сторожа.

17. Приехалъ въ Глуховъ сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла, имѣючійся отправлять къ Москвѣ.

18. Ради тезоименитства гетманского отправлялся молебень соборный въ церкви св. Михаила, а потомъ былъ бенкетъ у г. Скоропадского при пушечной налбѣ.

19. Никуда не віездилъ я зъ дому, а вечеромъ былъ у мене Кирило Забѣла, которому и нѣкоторые прошенія представлены до г. Безбородка, писаря енералного.

20. Писалъ до жены о посилки въ Товкачовку 3-хъ или 2-хъ куфъ горѣлки и послано сукно сѣрое 48 локотъ и зъ тимъ, такожъ зъ даннымъ меморіаломъ, посланъ въ Лѣсконоги Лаврінъ Цяпа. Обѣдали у мене Георгій Белецкій-Носенко и войтъ новгородскій Афанасъ Томиловскій. Данило Покорскій по утру былъ при отъездѣ въ

домъ. Конь у мене вороностроκатій здохъ. Писалъ въ Москву до Карновича и до полковника гадяцкого чрезъ Кирила Забѣлу, да чрезъ него-жъ и давно писанные писма до г. Безбородка зъ доношеніемъ къ гетману о зачетѣ денегъ 44 р. и до Туманского зъ писмами-жъ до Ликевича и до Лукина посланы. Полтавскій полковникъ пріехалъ и послѣ обѣда долго сидѣлъ у мене.

21. Подъ часъ обѣда пріехалъ вѣстовой зъ писмомъ, что жена болна близъ смерти, чего для взявъ подорожную на 6 подводъ, отъехалъ зъ Глухова и перемѣня подводы перво въ Собичевѣ, а ночью въ Локоткахъ и въ Пироговцѣ прибылъ

22. Въ Новгородокъ свѣтомъ, а оттоль въ 8-мъ часу по полночи віехавъ и, перемѣня подводы разъ противъ Лѣсконогъ, въ другое въ Гримячомъ, прибылъ въ Городища въ 3-мъ часу по полдни и тутъ засталъ жену ели живую.

23. При писмѣ до Якова Супруненка отправлены 2 кухви горѣлки въ Товчачовку, изъ которыхъ въ одной становъ (*пробылъ*), въ другой становъ (*пробылъ*), и тимъ-же подводчикамъ данъ на свободный проездъ пашпортъ. Мало стало легче женѣ. Сотникъ погарскій мимоездомъ до Глухова былъ у мене, а атаманъ Беляй и обѣдалъ.

24. Писалъ до Гамаліи о сину его, да до Максима Шляхты о нѣкоторыхъ покупкахъ и о зробленью свѣчъ восковыхъ, на якіе покупки 4 р., а на свѣчи 19 фунтовъ послано воску чрезъ компанѣйця Матвія. Да въ Лѣсконоги писалъ до Лавріна о присилки живыхъ лящовъ и туда-жъ посланъ ладанъ и 3 свѣчки.

25. Оный компанѣецъ отъехалъ въ Стародубъ.

26. Знову жена жестоко занемогла разними алтераціями.

27. Писалъ въ Почепъ до бунчукового товарища Івана Губчица о висилки Ѳедора Козловского бѣжавшого и о порѣчкахъ и проч.; да до Василія Дунина Горковского о агрестѣ красномъ, о пивоніи повной и зіолкахъ, и о томъ-же до сотника мглинского и о Медведку чрезъ Косика. Въ Лотоки посланъ Гришко, зять Шупкого, о маштовыхъ деревахъ и о протчемъ. Въ Стародубъ послана куниця, старая лямпа и для викупу лихтаровъ 2-хъ и свѣчъ до Шляхти 1 р. 20 к., а Левонъ отпущенъ въ домъ.

28. Писалъ въ Глуховъ до Константиновича, канцеляристи судоваго, о атаману и войту чаусовскихъ, да до племенника Михайла Ханенка о дворѣ, чтобъ порядочно смотрѣли. Протопопъ погарскій

и Кочержинскій у насъ были и книжку рукописную мою протопопъ для переписи взялъ.

29. Компанѣецъ Лаврінъ Цяпа отпущенъ въ домъ до 1-го маія и объ немъ писано отъ мене до полковника Василія Чоснока и ему-жъ данъ пашпортъ и меморіалъ, что справить въ Лѣсконогахъ и въ Глуховѣ.

30. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка, поручаючи ему дірекцію надъ Яковомъ Супруненкомъ, учрежденнымъ отъ мене господаремъ надъ селами и футоромъ Рудовскимъ. Въ Глуховъ писалъ-же чрезъ людей Гамаліиныхъ зъ посилкою 6 сѣменъ огородныхъ.

31. Писма до Носенка и Супруненка и откритое до громадъ отпущены въ Глуховъ чрезъ Романа Остаповича Никитенка сина, зъ Луки приездившого, а чрезъ него-жъ и до Гаврила Баштового писано.

Апріль.

1. Отправлены городчане въ Стародубъ по дѣлу зъ гриніовцями о грунте заводскому, а войтъ чубаровскій туда-жъ за дворовыми нуждами посланъ.

2, 3, 4 и 5 такъ прошли.

6. Посланъ Матвѣй компанѣецъ за нѣкоторыми справками въ Стародубъ и зъ писмами до полковника о Костѣ, снѣцару погарскому, и до Івана Дащенка за книгами. Сотникъ погарскій зъ Глухова пріѣхалъ и привезъ ко мнѣ разные писмы, да и войтъ чаусовскій, поворотясь зъ Глухова, привезъ писма и газеты. Зъ Лотоковъ привезены птушки, и Гришко, туда посланный, возвратилъся.

7. Въ Курковичи дано двѣ колеси для поправы чрезъ сина Лимонкиного. Писалъ до Дергуна зъ отсилкою пакета полковници гадяцкой, а до Івана Лашкевича о бѣжавшомъ Ѳедорѣ Козловскомъ.

8. По благости Божіей сообщалъся святымъ Тайнамъ, а исповѣдалъся у попа дарієвского Василія, и жена и дѣти сообщались же святымъ Тайнамъ.

Слѣдующіе числа 9 и 10, да въ праздникъ.

11. Свѣтлого Воскресенія и 12, 13 и 14 пробылъ въ Городищѣ.

15. Отъехалъ для посѣщенія болного швагра Ѳедора Корецкого въ Левенку, где и самъ захоровалъ и цѣлую ночь былъ жестоко боленъ.

16. Былъ въ Стародубѣ для осмотру обветшалого двора и ночовалъ въ Хмеліовкѣ у Івана Хмеліовского.

17. Обѣдалъ въ Гриніовѣ у Ѳедоровой Шираевой, а на ночь прибылъ въ Городище. Отъ 18 по 28 число пробылъ въ Городищи.

28. Послѣ обѣда, простясь зъ женою и дѣтми, отъехалъ зъ синомъ Іваномъ къ Глухову и прибылъ на ночь въ Лѣсконоги.

29. Тамъ опредѣливъ атамана рибалского для полову рибы и поручивъ тамошнему атаману Яремѣ Юдицкому смотреніе, послѣ обѣда отъехалъ въ Новгородокъ и тамъ, бывъ въ монастырѣ у архіерея Арсенія, взялъ у него новоисправленную печатную библію для прочитанія, а оттоль прибылъ позно въ Комань.

30. По утру былъ у мене городничій Свѣржскій и обѣщавъ ехать до Глухова, простилъся со мною, а я, отобѣдавъ, поехалъ при великой снѣжной, дожчевой и вѣтреной непогодѣ и мало отдохнувъ конямъ въ Локоткахъ, какъ оттоль поехалъ, то подъ Слоутомъ встрѣтилъ едучого зъ Глухова асаула генералного Петра Валкевича, самъ-же, прибывъ въ Слоутъ, тамъ ночовалъ.

Маій.

1. Оттоль послѣ службы Божой отъехавъ, прибылъ до Глухова на обѣдню, а надъ вечери былъ у Скоропадского и у полковника Апостола.

2. Служителю (принятому сего году февраля 21-го) Григорію Козловскому дано 50 к., а въ Городищѣ лакейская сѣрая свита и двѣ пари рубашокъ.

3. Отпущены въ домъ служители зъ коньми при писмахъ до жены, до Городиского и до Андрея Свѣтловерского, и сѣрка послана.

4. Писалъ въ Москву до Карновича и къ сину съ благословеніемъ, да до Лобисевича чрезъ канцеляриста Ефрема Мироновского, и чрезъ него посланы 3 ножи турецкіе и пять рублей на покупку чая и бавовны.

5. Бабѣ Зѣнцѣ данъ въ позику 1 р.

6. Писалъ въ Москву до г. Теплова и г. Безбородка, да до канцеляриста Мироновского о нѣкоторыхъ еще малыхъ покупкахъ.

7. Оные писма отпущены къ Москвѣ чрезъ канцеляриста Шутенка, да писалъ до жены о Якову Пригаровскомъ и чрезъ него-жъ посланы 3 р. 4½ к. за масло, и до Городиского и до Андрія, да въ Лотоки до господаря Ѳедора Лукянова и войта Ѳедора Фурсова. Кухарю куплена шапка за 40 к., желѣза фунтовъ 19 за 38 к.

8. Отобралъ г. Скоропадскій часы тонпаковые зъ портретомъ и отдалъ оные сину своему Петру, которій купно съ другимъ братомъ своимъ Яковомъ послѣ обѣда отъехали, забѣрая путь къ Дерпту до своей команды лейбъ-кирасирского полку, яко того полку пожалованные корнеты.

9. Послѣ обѣдни былъ у мене асаулъ генералный Якубовичъ, а обѣдалъ у мене-жъ жолдацкій капитанъ. 10. Vacat.

11. Писалъ до Городиского о козаку чаусовскомъ Козмѣ Овдіенку. Вечеромъ былъ въ дворѣ гетманскомъ и у Ломѣковского.

12. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка и до господаря товкачовского Якова Супруненка о дѣлахъ тамошныхъ, да до жены въ домъ о Качановскомъ, съ посилкою 7 огурцовъ свѣжихъ. Послѣ полдня посѣщалъ болного Оболонского, потомъ Скоропадского, которій въ канцелляріи не былъ за болѣзнію на зубы.

13. Пріехалъ зъ Москви полковникъ гадяцкій Петръ Галецкій, а отправленному къ Москвѣ зъ конми гетманскими канцеляристѣ Пуховичу данъ отъ мене меморіалъ о покупки 2-хъ паръ перчатокъ болшыхъ, 2-хъ паръ малыхъ, 10-ти лимоновъ и 5-ти цитроновъ. Сидоръ швець отъехалъ до Ямполя, а Данило компанѣець посланъ въ Рубановку.

14. Писалъ до Лобисевича о покупки лимоновъ и цитроновъ. Полковникъ гадяцкій отъехалъ.

15. Новый войтъ лѣсконозкій на старомъ войту Костѣ Ковтунову доправленныхъ денегъ привезъ 2 р. 9 к.

16. Обѣдали у мене Григорій безносій и Андрей, племѣнникъ его Карновичи. Послѣ полдня былъ у доктора Бока и у Скоропадского. Зъ Москвы сержантъ Александръ Матвіевъ Несторовъ прибылъ въ Глуховъ.

17. Принятъ во услуженіе въ кухарскую должность Іванъ Половчевскій, которому въ годъ поступлено 10 р. и дано въ задатокъ 50 к. Сего-жъ числа отправлены въ Москву донощикъ, сибірского пѣхотного полку каптенармусъ Явскій, и оговоренные.

18. Отосланы учителю французкому за полмѣсяця 1 р. 50 к., да кухарю Матвію даны 1 р. 50 к., чрезъ которого и писмо дано до зятя Савича и дочерѣ Настусѣ.

19 Отпущенъ Сидоръ швець въ Городище и чрезъ него посланы писма до жены и до Городиского, а зъ Городища пріехалъ подводчикъ зъ Даниломъ Запорожцемъ. Кровь мнѣ пущалъ докторъ Бокъ зъ руки.

20. Писалъ до жены въ домъ о греблѣ на Судости, къ заниманью намѣренной, и о протчемъ, а до Городиского о книгахъ и зъ посилкою указу суда генералного о Самусенковыхъ и тестя его пожиткахъ въ полковую стародубовскую канцеллярію, и до Андрѣя о новыхъ шорахъ и о протчемъ, чрезъ Мартиненка. Данило Запорожець наказанъ.

21. Писалъ до Гуриновского о покупкахъ въ Ригѣ, а о дачи ему пашпорта зъ полковой стародубской канцеллярiи сообщенъ генералной канцеляріи ордеръ. Малій Запорожець Михайло жестоко убилъся.

22. Прибылъ въ Глуховъ Іванъ Рославець для своей свадбы, имѣючой быть въ Сварковѣ, и старый Іванъ Губчицъ, зъ которими отъехалъ былъ и я къ Сваркову, но опять назадъ возвратилъся. Зъ сего числа началъ принимать лѣкарства.

23. Обѣдалъ у мене Чуйкевичъ, вечеромъ и я у него былъ. Сотникъ Соболевскій отъехалъ въ домъ. Наши господа генералные и полковникъ лубенскій были въ Сварковѣ на свадбѣ. Я писалъ въ домъ до жены. Въ вечеру Іванъ Городискій наказанъ за пянство.

24. Пришли подводы зъ Товкачовки.

25. Новобрачные Іванъ Рославець съ женою своею Маріею Стефановою, дочерью Есимонтовсковною были у мене зъ хлѣбомъ и хусткою, которая сину Івану отдана. Компанѣець Гаврило Баштовый посланъ въ Юхновъ за тягненемъ озера и въ Комань о смоляникахъ зъ приказомъ.

26. Послалъ къ женѣ писмо отъ Карновича зъ Москвы писанное и копію писма сина нашего Василя къ нему писанного и

до атамана и войта лѣсконозкихъ писано о озерахъ и протчемъ. Сего-жъ числа оные новобрачные зъ своею веселною компанѣею обѣдали у мене, а потомъ ѣздилъ я къ нимъ за городъ.

27. Отпущенъ въ Товкачовку Данило Качановскій, которому дано 50 к. на дорогу, и чрезъ него посланы писма до Георгія Носенка и до господаря товкачовского Якова Супруненка. Да посланы писма до судіи полкового переяславского Константина Лисаневича и до сотника золотоношского Леонтовича о покупкѣ двохъ паръ камней до мелницъ и объ отсилки оныхъ въ Товкачовку. и оные писма отпущены чрезъ войта переяславского и писара майстратового. Старшій канцеляристъ Василь Туманскій отъехалъ въ домъ свой, которій привезъ мнѣ изъ Москвы пять фунтовъ чаю зеленого, за 9 р. купленного, якихъ ему еще не плачено.

28. Писалъ до жены чрезъ Івана Губчица о греблѣ на Судости, объ отсилки воловъ въ Товкачовку и о протчемъ, а въ Комань о смоляникахъ. Сотникъ сосницкій Филимонъ Шафонскій прислалъ осятра свѣжого и къ нему отписано.

29. Vacat. 30. Преосвященный епископъ переславскій Іоанъ Козловичъ прибылъ въ Глуховъ и имѣлъ служеніе въ женскомъ монастырѣ, которого потомъ візитовали мы на его квартерѣ. Сегожъ числа обѣдалъ у мене магистрата кіевского лавникъ Герасимъ Кувѣчинскій зъ канцеляристомъ.

31. Оный-же архіерей візитовалъ мене въ моемъ домѣ и поднесъ ікопу святителя Николая. Послѣ полдня полковникъ лубенскій Апостолъ отъехалъ въ домъ, а я вечеромъ отъехалъ-же зъ Глухова къ Богдановцѣ присланными отъ жены лошадми и ночевалъ за Слоутомъ въ полѣ.

Юнь.

1. Зъ ночлѣгу свѣтомъ поехавъ, прибылъ до Богдановки въ 8-мъ часу предъ полуднемъ и тутъ весь день пробылъ и уже ночью туда-жъ прибыла жена.

2. Оттоль послѣ обѣда отъехавши, отдихали лошадямъ въ Собичевѣ, а поздно уже пріехали въ Глуховъ.

3. Послѣ обѣда была у жены мой г. Скоропадская, а

4. Жена моя у ея обѣдала. Писаны въ Москву писма до полковника Ликевича, до Лобисевича и до Карновича и къ нему-жъ

отпущены 300 р. для пересилки къ сину нашему въ Киль; тѣ-же писма отправлены чрезъ к. в. Григорія Левицкого. Сего-жъ числа писаны писма въ Прилуку до полковника тамошнего съ посилкою указу изъ суда генералного о Княжыхъ Ланахъ, да о томъ-же до Георгія Носенка, до Качановского и до господаря Якова Супруненка, а зъ писмомъ суда-жъ генералного до архимандрита гамаліевского Пафнутія Биковскаго о тихъ-же Княжыхъ Ланахъ посланъ компанѣець Василь Орленко.

5. Оные писма отправлены чрезъ компанѣйця асаула Петра Чернявского, команды Грицка Биженка, въ Прилуку.

6. Писалъ до Евдокіи Гарасимовны Жоравковой о озерѣ въ Юхновѣ. Жена была у бунчучной. Ихъ высочествъ камердинери Михайло Власіевичъ Будлянскій и Василь Евфимовичъ Дараганъ, да капитанъ кадецкого корпуса Василій Ивановичъ Розумовскій и пажъ Александръ Якубовичъ прибыли до Глухова и стали въ домѣ гетманскомъ.

7. По утру онымъ гостямъ всѣ мы візиту отдавали и поччованы отъ нихъ водкою и виномъ, а обѣдали у Скоропадского ради воспѳминанія брака его зъ нынѣшнею женою, которому кончилось шесть лѣтъ. Писалъ до бунчукового товарища Івана Есимонтовского о двохъ садахъ желѣза до 2-хъ каменей млива.

8. Послѣ полдня былъ у насъ бунчучный Оболонскій съ женою, а потомъ жена моя зъ вдовою Бороздиною ездила въ дворецъ гетманскій. Господа камеръ-юнгери отъехали зъ Глухова къ Козельцю.

9. Послѣ обѣда жена отъехала до дому. Писалъ писма: 1-е до сотниковъ, полку стародубовского, Случановского о Левку Ярмущенку хмеліовскомъ, 2-е до погарского о 10 рубляхъ, женѣ Петра Гладуненка отъ Борковского належныхъ, 3-е до Ѳедора и Петра Савичовъ въ Ведмежее за Александромъ Остелецкимъ, чтобъ быть ему священникомъ въ Слоутѣ на половинѣ парохіи зъ братомъ своимъ, тамошнымъ священникомъ, Даніломъ Остолецкимъ, которихъ обоихъ отецъ есть Яковъ священникъ старый Остолецкій, 4-е до сотника золотоношского Леонтовича зъ посилкою ордеровъ изъ экономической канцеляріи до управителя чеховского Петра Левіцкого, до судіи замку гадяцкого Ставіцкого и до Филипа Гриневича, старости маетностей кантакузинскихъ, объ немъ самомъ; 5-е до асаула

генералного Якубовича о сину его нажу, отъехавшемъ въ домъ его, и оные до сотника золотоношского съ ордерами и до Якубовича писма отправлены сотнѣ золотоношской козакомъ Тимошемъ Строканенкомъ. Я сего числа въ канцеляріи не былъ.

10. Подано доношеніе отъ Смоляниковъ, что войтъ комапскій грунтовъ ихъ не попущаетъ. Былъ я въ дворѣ гетманскомъ и у Чуйкевича.

11. По утру переговорка была въ канцеляріи зъ Скоропадскимъ, безъ всякой причины на мене воставшымъ. Сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ Валкевичъ.

12. Бунчучный генералный былъ у мене на прощаньѣ при отъездѣ зъ Глухова въ свои маетности. Георгій Носенко прибылъ зъ Прилуки, а надъ вечери былъ у мене Гудовичъ.

13. По утру былъ у мене Павелъ Ломіковскій, а обѣдалъ у мене Данило Покорскій, По обѣдѣ ездилъ въ Борокъ и былъ въ лагерѣ компанѣйскомъ. Сего числа синъ родился Василь Василію Гудовичу въ Івантенкахъ.

14. Писалъ до жены чрезъ Лѣсконоги, да въ Лѣсконоги-жъ до атамана и войта о рибѣ, а въ Комань о грунтѣ Смоляниковъ и о каменьѣ. Былъ у мене Гудовичъ, и въ домѣ моемъ онъ получилъ вѣдомость о сину своемъ рожденномъ.

15. Писалъ въ домъ до Городиского зъ приложеннымъ писмомъ до Гуриновского въ Ригу о покупкахъ часовъ срѣбрныхъ и другихъ мѣлочей, да до Свѣтловерского о исправленіи поезду и протчего; тако жъ до архидіякона катедры митрополитанской кіевской Манасія Максимовича чрезъ попа василіевского Корнилія Афанасіева, въ Кіевъ отъежджаючого въ монахи. Прибылъ въ Глуховъ прапорщикъ Михайло Трощинскій, которій былъ въ кадетскомъ корпусѣ подпрапорщикомъ.

16. По утру зъ Іваномъ Гамаліею видѣлъся въ генералной канцеляріи, посля полдня отъехалъ Василь Гудовичь въ домъ свой. Оный Трощинскій былъ у мене, а послѣ и Іванъ Гамалія. Писалъ къ женѣ зъ посилкою 2-хъ головъ цукру, кофе въ шуфлядцѣ, мила, 3-хъ пѣрниковъ, старой опанчи, въ обрусецъ ввинутой, и возовой шкури и 5-ти барилець порожныхъ, а до Городиского зъ прилогомъ 2-хъ писемъ полковничихъ и что ему по оныхъ дѣлать, да до Івана Дащенка о футорѣ Потапенковомъ.

17. Тѣ писма и посилка отпущены въ Городище чрезъ сина Левона Насовки Булахового. Писалъ писма: 1-е до сотника новомѣского Андрея Силевича чрезъ козаковъ бовсуновскихъ, 2-е до асаула генералного Якубовича о строеніи двора его.

18. Писаны писма въ Москву до Стефана Карновича, въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, въ Киль до сина Василя съ извѣстіемъ, что прежде въ декабрѣ 27-го числа 200 р., а сего іюня 4-го 300 р. денегъ для пересилки къ нему отправлены въ Москву до господина Карновича.

19. Оные писма вручены канцеляристу войсковому Подгаецкому, посилаючомуся въ Москву при писмѣ до канцеляриста Максима Руновского.

20. Послѣ полудня ездилъ зъ Чуйкевичемъ для осмотру пожень, взятихъ до косбы зъ половини.

21. Оный канцеляристъ Подгаецкій отправиłся къ Москвѣ. Товаришъ войсковый Георгій Белецкій-Носенко отъехалъ въ домъ, которому отъ мене нѣкоторые приказаны дѣла, касаючіеся до Товкачовки и Рудовки. Бывшій кошовый Ігнатовъ Якимъ и протчіи запорожци помирились зъ сотникомъ миргородскимъ В. Зарудным.

22. Оный сотникъ простиłся при отъездѣ въ домъ, а въ канцелярію генералную прислано доношеніе зъ суда генералного о ихъ миру.

23. Послѣ полдня отъехалъ къ Рубановкѣ и прибылъ туда на ночь.

24. По обѣдни, въ Зазѣркахъ въ церквѣ вислушанной, званъ отъ бунчукового товарища Івана Стефановича Міклашевского въ домъ его, у него-жъ обѣдалъ. А послѣ полдня зъ Рубановки отъехавши, заездилъ въ Дунаецъ, потомъ позно прибылъ въ Глуховъ.

25. Писаны писма: 1-е до жены по жалобѣ бунчукового товарища Стефана Березовского на людей нашихъ лотоковскихъ, Демидовыхъ; 2-е до Городиского зъ посилкою нѣсколко писемъ по дѣламъ лотоковскимъ; 3-е до оного Березовского о томъ-же, и оные писма вручены сотнику стародубовскому 2-й сотнѣ Афанасу Случановскому.

26. Писалъ въ Нѣжинъ до Івана Комбурлѣя о ножѣ турецкомъ и о табакѣ, чтобъ купилъ и прислалъ оного.

27. Обѣдали у мене сотникъ почепскій Старосѣлскій зъ зятемъ своимъ Семеномъ Круковскимъ, за которымъ писалъ я інстанцію до полковника нѣжинского Петра Івановича Розумовского.

28. Отправленъ Лаврінъ Цяпа въ Новгородокъ и въ села за косарами. Писалъ въ Товкачовку о пшонѣ, крупахъ и о протчемъ до господаря тамошнего Якова Супруненка и отпустилъ тое писмо чрезъ Тимковского. Писалъ въ домъ до жены чрезъ хоружую сотничиху шептаковскую Уліану, Іосифа Яковлева жену, и чрезъ еи-жъ посланы до жены три головы болшіе цукру.

29. По службѣ Божой въ церквѣ св. Михаила и по молебнѣ производилась пушечная палба ради тезоименитства его высочества государя великого князя. Потомъ трактованы были у г. Скоропадского обѣдомъ при пушечной палбѣ, а по утру многіе и у мене были зъ поздравленіемъ.

30. По утру былъ у мене г. Скоропадскій, а надъ вечери былъ я у Валкевича и съ нимъ о дѣлахъ моихъ, въ судѣ генералномъ имѣючихъся, розговоривалъ. Писалъ къ женѣ чрезъ чаусовского человѣка о грунтѣ спорномъ зъ евдоколцями и о протчемъ, а до Городиского послалъ доношеніе зъ учиненною на ономъ помѣтою о дѣлѣ взглядомъ грунту того-жъ чаусовского человѣка заводномъ.

Юль.

1. Принятъ въ услуженіе пришовшый зъ Сосницѣ, а родомъ зъ Опошніого Данило Крамарчукъ.

2. Отправлено писмо до Стефана Евфимовича Карновича въ Москву чрезъ канцеляриста войскового Ілью Григоріева сина Шутенка и ему-жъ данъ меморіалъ о покупки коляски городовой и цуга шоръ чорныхъ. Писалъ въ домъ къ женѣ чрезъ войта муравьевского о каменьѣ 2 садовъ, за 13 р. купленномъ, и о присилки нѣкоторыхъ вещей, да до г. Городиского съ репремандомъ о дракѣ зъ Андріемъ Свѣтловѣрскимъ.

3. Прибыли косари зъ селъ новгородскихъ и отправлены при Гаврилу Баштовомъ на сѣножати, взятые для косбы зъ половины. Писалъ до Якубовича на его писмо въ отвѣтъ и врученъ оный канцеляристѣ Яновскому.

4. Ездилъ до Годуновки на свадбу до товариша войскового Костантія Острожского, которій дочь свою видавалъ въ Есмань за

сина Івана войскового-жъ товарища Коробки. Писалъ до Іосифа Закревского, асаула полку кіевского, на его писмо въ отвѣтъ о дѣлѣ его, въ судѣ генералномъ рѣшенное, на которомъ повѣренный его Михайло Заклевенскій подписаться въ неудоволствіи. Вечеромъ былъ у мене Василь Полуботокъ.

5. Отправленъ до Городища гончаръ Лаврінъ для передѣлки печей и чрезъ него писалъ до жены о невисилки косарей зъ сѣлъ новгородскихъ и о протчемъ, да до Андрѣя Свѣтловерского о томъ же гончару и о другихъ дѣлахъ, что надобно дѣлать. А чрезъ Пугачевского писалъ до бунчукового товарища Івана Губчица о дѣлѣ его, въ экономической канцеляріи имѣючемъся. Дѣло зъ Корсаками о мелницяхъ Ворскихъ слушано въ судѣ генералномъ. Послѣ полдня ездилъ на сѣнокосъ.

6. Писалъ къ полковнику стародубовскому Максимовичу о писмѣ до бунчукового товарища Михайла Ширая стороны грунтовъ городискихъ, гриневцями завладѣнныхъ и о дѣлахъ нашихъ въ полковой стародубовской канцеляріи имѣючихся. Оное-же писмо до Ширая въ Москву отправлено до Кирила Лобисевича при моемъ писмѣ и отдано для пересилки старшому канцеляристу Войнѣ экономической канцеляріи. Писалъ до сотника полку нѣжинского Афанасія Левіцкого на двѣ его писми въ отвѣтъ сторони брата его Григорія, къ Москвѣ отъехавшого, и сторони Сулиминой Гудовской, о которой передъ симъ отъ мене къ нему писано.

7. Вечеромъ былъ у Іскрицкого въ его квартерѣ, а позно былъ у мене Василь Полуботокъ.

8. Жестоко занемогъ племѣнникъ Михайло Ханенко, который и исповѣдовалъся передъ священникомъ, для чего и Чуйкевичъ пріежджалъ.

9. Ему-жъ, Михайлу, давано лекарство проносное. Подалъ доношеніе въ судъ генералный противъ отвѣту войта погарского съ товарищы о мужикахъ куровскихъ, въ Погаръ перейшовшыхъ. Писалъ въ домъ къ женѣ, чтобъ или она къ 15-му числу пріездила въ Глуховъ или мнѣ ехать въ Городище, да до войта новгородского, чтобъ послалъ въ Комань якого урядника и Кашиху, дабы отвела сѣножать, проданную одъ неи Джуренкамъ.

10. О томъ-же, о чемъ и вчера, писалъ до жены чрезъ бунчукового товарища Івана Есимонтовского.

11. Провезено тѣло покойного Григорія Скорупы, на возвратѣ изъ Ахтирки въ сумскомъ полку сего мѣсяця 7-го числа преставившогося. У Якова Марковича были крестины сину его, недавно родившемуся, Гаврилу, въ Сварковѣ.

12. Писалъ писма въ Москву до Новоторжцова и до Кирила Лобисевича зъ посилкою 2-хъ рублей 50 к. за газеты сего 1753-го года и въ С.-П.-Бурхъ до секретаря академіи наукъ, Петра Ісаевича Ханина, чрезъ сотника глуховского Демяна Турянского.

13. Писаны писма въ Козелецъ до полковника и до старшины полковой за племѣнникомъ Михайломъ Ханенкомъ, которій сего числа и отъехалъ въ домъ; да о раздѣлѣ между Рославцями, чтобъ учиненъ былъ, писалъ къ нимъ и до бунчукового товарища Івана Губчица съ посилкою и писемъ ихъ, ко мнѣ присиланныхъ. Тако-жъ писалъ о томъ-же и до жены. Послѣ полдня пріездилъ ко мнѣ бывшій кошовый Якимъ Ігнатовъ съ своею ассистенціею, а въ вечеру рекомендовалъ мнѣ атаманъ миргородскій Григорій Іосифовъ брата своего Михайла въ услуженіе. Подано доношеніе въ судъ генералной съ копіею купчой Корсаковой.

14. Господинъ прапорщикъ Михайло Трощинскій вечеромъ пріездилъ ко мнѣ проститись на отъездѣ своемъ къ Москвѣ.

15. Писалъ въ Товкачовку о дѣлахъ тамошнего господарства до Якова Супруненка и о присилки пшона, крупъ и сировъ чрезъ Алексія Петрушу. Василь Гудовичь прибылъ въ Глуховъ. Полковникъ запорожскій зъ своею ассистенціею прибылъ до Глухова, едучи за жалованьемъ къ Москвѣ.

16. Синъ Іванъ пошолъ учитись къ Козачковскому. Полковникъ запорожскій зъ протчими подалъ въ генералную канцелярію доношеніе зъ Коша отъ нового кошового. Писалъ къ женѣ и до Свѣтловерского, что послѣ Іліи отъехать имѣю въ домъ.

17. Синъ Іванъ лѣкарство на глисты принималъ, и послѣ полдня візитовалъ его докторъ Бокъ.

18. По утру былъ у мене зъ отклономъ лавникъ магистрату кіевского, Герасимъ Кувічинскій. Слушалъ я обѣднѣ въ церквѣ св. Анастасіи, где служилъ соборомъ протопопъ и молебствовалъ за гетмана, ради здѣланного и освященного сего дня въ той церквѣ иконостаса.

19. Призиванъ бывшій кошовый Якимъ Ігнатовъ зъ писаремъ бывшимъ-же Романовскимъ въ генеральную канцелярію, где обявленъ имъ ордеръ гетманскій и взята у нихъ подписка, что будутъ впредь по ордерамъ исполнять и обидимыхъ справедливостію довольствовать. По доношенію Василя озерского лотоковского писано отъ мене къ Данилу Городискому въ Лотоки, чтобъ о всемъ изслѣдовалъ, а до бунчукового товарища Якова Тарнавского въ отвѣтъ за нимъ-же на его писмо писалъ.

20. Послѣ ездилъ до Валкевича, где и г. Скоропадского засталъ, а синъ мой Іванъ у дочери его былъ.

21. Послѣ полдня былъ у мене господинъ брегадиръ Делятуръ, а потомъ я у поруччика Озерова долго въ ночь просидѣлъ. Писалъ чрезъ помянутого лавника въ Кіевъ до писаря майстратового Николая Рагуцкого о приисканіи крѣпостей въ книгахъ воеводства кіевсвого на маетности тотобочные, о которыхъ особливая записка дана, а другая о столнику рожанскомъ Яну Модринскому.

22. Писаны писма въ Москву до писаря генералного Безбородка, до Новоторжцова и до канцеляристи Руновского о цедулѣ канцелярской въ коллегію іностранную, о копіи челобитной Корсаковой посилаючойся, да до Карновича къ сину въ Киль на его 2 писми въ отвѣтъ. Сего-жъ числа отпущенъ нѣкоторой багажъ, а при ономъ дѣвка Марѳа и хлопець Сосновский въ Городище.

23. Г. Скоропадскій отъехалъ въ Дунаецъ, безъ которого одну експедицію какъ въ полки, такъ и въ Москву, за руками толко моею и Гудовичевою, отправили.

24. Не дождався я повороту изъ Дунайця г. Скоропадского, послѣ полдня въ 4-мъ часу отъехалъ зъ Глухова и прибылъ на ночь въ Слоутъ.

25. Оттоль рано поехавъ, слушалъ обѣдни въ Маковѣ, а обѣдалъ въ Локоткахъ, а передъ вечеромъ прибылъ въ Новгородокъ и тутъ ночовалъ.

26. Обѣдалъ въ Лѣсконогахъ, а ночью прибылъ до Городища.

27, 28, 29 и 30 пробылъ въ Городищѣ.

31. Былъ у мене въ Городищѣ протопопъ погарскій Петръ Кибалчицъ зъ писаремъ своимъ, попомъ Постриговичемъ.

Августъ.

1. По службѣ Божой было водосвятые при криницѣ, а по окончаніи палба производилась съ можчирей. Того-жъ часа пріехалъ зять Петръ Савичь.

2, 3, 4 и 5 числъ готовились къ исповѣди, и сего-жъ числа исповѣдывалъся я и зять Савичь передъ священникомъ Константіемъ Гилемъ.

6. По благости Божіей сообщались святой Евхаристіи.

7. Vacat. 8. Послѣ обѣда ездилъ на Василювку и тамъ ночовалъ съ синомъ Іваномъ.

9. Отправленъ компанѣецъ въ Глуховъ съ писмами до Дергуна, до Лавріна Цяпы и въ Москву до Лобисевича стороны газетъ 52 и 53 номеровъ не отосланныхъ. Была у насъ вдова Сулимова.

10. Рано пріехала панѣ Александрова Корецкая, а надъ вечери купно съ нею и жена съ дѣтми віехали къ Ахтирцѣ для богомолья Писалъ до Дергуна о доношеніи стороны Кашинского, посланномъ съ полковой стародубовской канцеляріи въ генеральную канцелярію.

11. Чинена проба здѣланной машины для битья свай на греблѣ дешковской. Посиланъ Городискій въ Погаръ.

12. Былъ у мене Кочержинскій, и сего-жъ числа писалъ до сотника глуховского въ отвѣтъ на его писмо, да до жены съ посилкою свиты и штановъ суконныхъ для кухаря Уласа, и оныя писма отпущены чрезъ козака сотнѣ глуховской куреня бѣлополовского Афанаса Скоробогатого. Сего-жъ числа городчане, съ помощію пригону нашого, забрали жита копъ 108 деревнѣ Гриневки жителей и склали оное въ гумнѣ Козловомъ.

13. Писано до войтовъ лѣсконозкого и команского и юхновского, да въ Случокъ и въ Курковичи о висилки работныхъ людей на греблю въ Дешковичи. Прибылъ хоружый полковый Григорій Данченко и сталъ на Ворѣ. Писалъ къ полковнику стародубовскому о доправляемыхъ на чиновниковъ денгахъ за 1751 и 52 года, чтобъ зачтено перебранными отъ комісаровъ 1751-го году 13 р. 40 к. денгами.

14. Оный-же хоружый отобѣдавъ у мене, отъехалъ обратно до Стародуба за другимъ сотникомъ, понеже шептаковского нѣтъ въ домѣ.

15. По утру отъехавъ въ Погаръ для ярмарку, былъ тамъ на службѣ Божой въ соборной Успенской церквѣ, потомъ были у мене духовенство и мирскіи чиновники. Обѣдалъ у сотника, а оттоль надъ вечери уже пріехалъ въ квартеру, а зъ квартери отъехавъ домой и гаразд уже поздно прибылъ.

16. Весь день пробылъ въ домѣ, а вечеромъ привезено въ Погару пяныхъ Шаповалця и Римаря.

17. Оные оба за свое пянство розками наказаны. Сего-жъ числа начали дѣлать новую греблю въ Дешковичахъ на Судости. Пріехалъ Гуриновскій.

18. Прибылъ знову въ Городище хоружый полковой Григорій Данченко зъ канцеляристомъ Усовымъ.

19. Прибылъ и сотникъ новомѣсскій Андрей Силевичъ, такожъ обозный полковый Григорій Юркевичъ, которіи всѣ у мене обѣдали.

20. Были Корсаки на Ворѣ и зъ высланными видѣлись. Написана отъ мене челобитная о покошенью сѣножатей муравьевскихъ Корсаковъ подданными гримяцкими и о томъ-же къ полковнику стародубовскому и о другихъ дѣлахъ, въ полковой стародубовской канцеляріи имѣючихъся. Писалъ до жены въ Глуховъ.

21. Писалъ въ маистратъ стародубовскій о долгу на Самусенку и Дзвоннику имѣючемся, чтобъ учинена крайная справедливость, въ силѣ указу суда генералного, и какъ за тиломъ дѣломъ въ маистратѣ, такъ и по имѣючимся въ полковой канцеляріи хожденіе имѣть Сидору Сосновскому—здѣланъ меморіалъ. Отъ Гуриновского присланы осталные денги и дзигарокъ новый въ 25 р. 30 к., кромѣ ланчужка.

22. Зъ вышепрописанною експедиціею отправленъ Сосновскій въ Стародубъ, а по обѣдѣ пріездила ко мнѣ Евпраксія Есимонтовсковна Максимовичева и старый Александеръ зъ Левенки, чрезъ которого даны 7 фляшъ отъ пуздерокъ для приробленя въ пуздерки и стекло битое хрусталное для передѣлки. Віехала жена зъ Глухова къ Ахтирцѣ.

23. Ездили высланные въ Гудовку для допросу о тамошней мелницѣ и оттуду вечеромъ возвратились. Іуліана Скоруповна Бо-

24. Чрезъ неи писалъ до Івана Городиского увѣщевателное писмо, чтобъ не пянствовалъ. Отправленъ Данило Городискій въ монастырь Чолнскій съ писмомъ до намѣстника тамошнего Ираклія Лятушевича. Висланные, вруча мнѣ репортъ о своемъ слѣдствіи въ судъ генералный и отъужинавъ у мене, отъехали ночью зъ Городища.

25. Василь Мовчанъ посланъ въ Стародубъ и чрезъ него до Гуриновского денги при писмѣ за дзигарокъ отправлены 25 р. 30 к., да на покупки 2 р.

26. Городискій возвратился, не заставши въ монастырѣ Чолнскомъ намѣстника, отъехавшого въ Кіевъ.

27. Писалъ писма: 1-е въ Глуховъ до Дергуна съ посилкою доношенія обозного Юркевича о дачи сину его за границю пашпорта и писемъ до Скоропадского, до полковника Апостола и до Безбородка писаря генералного; 2-е до канцеллириста Івана Яновского зъ посилкою репортовъ отъ висланныхъ, да зъ сотенного погарского правленія и отъ маистрату; 3-е въ Биковъ до управителя Якова Кондзеровского о долгу на Конону оробьевскомъ; 4-е въ Москву до Кирила Лобисевича о недосланныхъ нумеровъ 52 и 53 газетахъ, и съ тѣми писмами отправленъ въ Глуховъ Василь Мовчанъ, чрезъ которого и кафанъ слугѣ Дмитру посланъ. Сего-жъ числа отъехала дочь наша Анна зъ синомъ своимъ Ѳедоркомъ въ Барики, зъ которою и Запорожець Данило посланъ зъ писмомъ до сотника почепского Староселского о долгу на Григорію Карновичу, да и до зятя Іосифа Рославця о роздѣлѣ его зъ братомъ писалъ-же. Компанѣець Гаврило Баштовый посланъ въ села новгородскіе за висилкою перемѣнныхъ работниковъ на греблю дешковскую.

28. Писалъ подъ вчерашнымъ числомъ до сотника Случановского о Стефану кравцю повторе, чтобъ до его дѣла не имѣлъ.

29. Посиланъ Данило Городискій зъ приказомъ въ Дарієвскъ о недачи долѣ хлѣба и сѣна зъ покупленныхъ Оршавою тамъ грунтовъ.

30—31. По утру явились ко мнѣ полу-грекъ и турокъ, посланные въ Муравьѣ за инструкціею описовать сѣно, гвалтовно гримячанами покошенное. Сотникъ погарскій Соболевскій обѣдалъ у мене въ Городищѣ, а туда-жъ въ Муравьевъ и Городискій посланъ.

Сентябрь.

1. Писалъ въ Стародубъ до обозного полкового Юркевича зъ посилкою писма Дергунового, да до Сидора Сосновского съ ордеромъ до полковника о Кишинскомъ, и послано тое чрезъ Василія Мовчана. Отпущены работники, которые дѣлали бляховые шоры, и чрезъ нихъ писано до Сосновского-жъ о денгахъ, перебранныхъ зъ нашого владѣнія 1751-го года за раціоны 13 р. 40 к. Писалъ зъ пѣвчимъ до Гудовича Петромъ Доманскимъ, въ Глуховъ отъехавшымъ.

2. Заняли греблю въ Дешковичахъ самими нашими людьми а послѣ изъ околичныхъ селъ до 30-ти подводъ пріездили въ помогъ

3 и 4. Продолжали тую-жъ работу и здѣланъ переѣздъ по мостахъ на оную греблю.

5. Стали бить палѣ подъ клѣтку, и сего-жъ числа віехавъ я зъ дому къ Глухову, пріехалъ позно въ Чаусы и тамъ ночовалъ.

6. Оттоль послѣ полдня віехалъ и прибылъ на ночь въ Хилчичи, где и ночовалъ у священника тамошнего Петра Борсука.

7. Обѣдалъ въ Шатрищахъ въ домѣ тамошнего священника Стефана, оттоль въ переездѣ чрезъ Ямполь видѣлъся зъ управителемъ тамошнымъ Ѳедоромъ Жуковскимъ въ Гримячцѣ, а въ 11-мъ часу по полудни прибылъ въ Глуховъ.

8. По утру былъ у Скоропадского, а послѣ службы Божой у него-жъ и обѣдалъ. По полдни былъ у мене Гудовичъ и долго въ ночь проседѣлъ.

9. Былъ я въ канцеллярiи генералной и дѣла подписовалъ, а чрезъ отправленного куріера въ Москву писалъ до Карновича и до канцеллярiста Максима Руновского. Обѣдалъ у мене Гудовичъ.

10. Взялъ пашпортъ изъ генералной канцеллярiи для поездки въ Товкачовку на 3 подводы. Писалъ знову въ Москву до полковника гадяцкого и до Карновича, зъ включеніемъ отвѣтного писма отъ Крижановского стороны Андрѣя Карновича.

11. Весь день еще пробавилъ въ Глуховѣ, а по утру былъ у Валкевича.

12. По утру получены газеты зъ Москвы, и Скоропадскій получилъ ордеръ гетманскій зъ дозволеніемъ ему отъезду въ свои маетности на два мѣсяци. Я зъ нимъ въ церквѣ простилъся и,

отобѣдавъ у себе зъ судьею полковымъ нѣжинскимъ Кулаковскимъ и Козачинскимъ, по полдни въ 3-мъ часу отъехалъ зъ Глухова и отдихалъ лошадямъ въ Ярославцѣ. Оттоль по всходѣ мѣсяця віехавъ, прибылъ въ Мушинъ

13 передъ свѣтомъ, и тамъ перемѣня подводы и козаковъ, прибылъ въ Конотопъ въ 12-мъ часу. Тамъ отобѣдавъ, отъехалъ въ 4-мъ часу по полдни и прибылъ въ 9-мъ часу до Голюнки, где у сотника тамошнего Дембовского засталъ Георгія Носенка-Бѣлецкого.

14. Вислушавъ обѣдни въ Голюнцѣ, отъехалъ отътоль въ 12-мъ часу и, проехавъ въ Гайворонъ, на 19-й верстѣ отъ Голюнци попасовалъ коней въ степу. Оттоль-же поехавши, прибылъ въ Ичню поздно и тамъ сталъ квартерою у вдовы сотнички Стороженковой, Анастасіи Ивановны Романовичевны, где и отца еи, сотника монастириского, и матку засталъ.

15. Тамъ въ Ичнѣ отобѣдавши, поехалъ и при немаломъ дожчѣ прибылъ въ Товкачовку надъ вечери.

16. Писалъ до Якубовича о своемъ пріездѣ и въ Луку до Остапа Запорожця о прибытіи его сюда, а самъ по полдни ездилъ до футора въ Рудовку.

17, 18 и 19 за дождевою непогодою никуда не бывалъ.

20. Данило Качановскій наказанъ. А по полдни стадо пересматровалъ, изъ котораго взяты двѣ кобилы: одна гнѣдая бѣлокопитая и сивая, да лошаковъ четвертаковъ четири, а третяковъ два. Осталось-же въ стадѣ всѣхъ кобилъ, лошаковъ, лошицъ и сеголѣтковъ жеребятъ числомъ 58, въ томъ числѣ и дригантъ буланый, да двѣ кобилы приблудніе въ дворѣ товкачовскомъ.

21. Знову ездилъ на футоръ и какъ что тамъ строить росказалъ.

22. Полковникъ прилуцкій обослалъ фруктами и протчимъ, а потомъ и самъ у мене былъ зъ полковими писаремъ Александровичемъ и асауломъ.

23. О полдни віехалъ зъ Товкачовки и ночовалъ въ Ічнѣ.

24. Заездилъ зъ Ичнѣ до Іржавця, где чудотворная икона, обѣдалъ въ Фастовцяхъ, а ночовалъ въ Бахмачѣ.

25. Передъ обѣдомъ прибылъ въ Батуринъ и тамъ всякого строенія и полной мелници смотрѣлъ, а на ночь прибылъ въ Алти-

26. Въ Кролевцѣ отобѣдавъ у сотника и взявъ у Николая Калінского канавацу 15 локотъ и штуку полотна галанского за 8 р., заездилъ въ Подоловъ до Скоропадской, а оттоль поехавши, ночовалъ въ Обложкахъ.

27. По утру прибылъ въ Глуховъ и вечеромъ былъ у полковника лубенского.

28. Былъ въ канцеллярiи, да до жени писалъ и послалъ три сиры качкавалы и лѣкарства для сина Івана, при писмѣ до Городиского чрезъ компанѣйця Гаврила.

29. Знову писалъ до жены, зъ посилкою 3-хъ кавуновъ и двохъ сотъ слывъ венгерокъ, и до Городиского, да до полковници гадяцкой зъ 3 писмами отъ мужа еи, что все послано чрезъ Стефана Казрайского. Прибылъ войтъ новгородскiй.

30. Писалъ до полковника стародубовского на его писмо о войту чаусовскомъ стороны поруччика Кишѣнского и до Сидора Сосновского и до полковници гадяцкой, зъ отсилкою еще одного писма отъ мужа еи. Асаулъ генералный Якубовичъ пріехалъ въ Глуховъ.

Октоврiй.

1. Обѣдни слушалъ въ церквѣ св. Анастасiи. Обѣдалъ у мене Павелъ Скоруна зъ женою своею Анною Жураковсковною. Потомъ были у мене-жъ Якубовичъ, Гудовичъ и Чуйкевичъ, а я вечеромъ у Валкевича и Якубовича.

2. Оные писма, что до полковника стародубовского и протчихъ, отпущены чрезъ сторожа полiового въ Стародубъ, а о войту новгородскомъ опредѣлили держать его подъ карауломъ и писать объ немъ къ гетману.

3. Жолдакъ отправленъ въ Москву зъ дѣломъ о Марка Маркевича женѣ и о войту новгородскомъ. Писалъ до полковниковъ полтавского о винѣ, а до миргородского зъ подякованьемъ за присилку винограду. Да писалъ до жены, до Городиского и до Андрѣя чрезъ Михайла Iосифова, конюшого, зъ отсилкою лишныхъ коней и чрезъ него-жъ послано винограду гронъ 26, кавуновъ два, яблокъ сто, дуль сто, голова цукру и гусакъ соли.

4. Кухару Івану Половчевскому, въ зачотъ годового поступленного ему жалованья, дано 2 р., а передъ симъ ему-жъ дано 3 р.

Послѣ полдня были у мене полковникъ лубенскій и Гудовичъ и до позна просидѣли. У значного товариша Григорія Плюшка взятъ конь вороностроkатій до нашого цугу.

5. Прибылъ въ вечеру г. Скоропадскій въ Глуховъ и въ вечеру-жъ были у мене Якубовичъ зъ женою и синъ ихъ Александръ Якубовичъ, пажъ.

6. Писалъ писма въ Москву: 1-е до писаря генералного Безбородка сторони челобитной Корсаковой, подаванной въ іностранную коллегію 1751 г. маія 5-го о Перегонѣ и протчемъ, 2-е до Карновича, требуя извѣстія о сину и зъ посилкою приговора суда генералного по дѣлу брата его Григорія.

7. Оные писма отданы помянутому Павлу Якубовичу, отъежджаючому въ Москву, при которомъ и компанѣецъ Остапъ Голота команды Чернявского новонабранной отправляѣся.

8. Оный пажъ Якубовичъ отъехалъ къ Москвѣ, а полковникъ лубенскій г. Апостолъ зъ Скоропадскимъ до Подолова. Компанѣецъ Гаврило пріехалъ. Отданъ волъ для забитья и роспроданья рѣзникамъ глуховскимъ.

9. Сотникъ лубенскій Іванъ Огроновичъ прислалъ 10 кавуновъ, до которого писалъ и о деревахъ молодихъ сливъ венгерскихъ. Обѣдалъ у именинника Якова Якубовича, асаула генералного, зъ Чуйкевичемъ и Заруцкимъ, постъ-директоромъ. 9-го-жъ числа купленъ гай у козака села Берези Якова Павленка на зрубъ за 8 р. и дано ему въ задатокъ 4 р.

10. Обѣдали у мене Іваненко и Данило Ширай, а по полдни пріездилъ Ѳедоръ Чуйкевичъ и взялъ рукописную книгу о неудобь носимомъ игу. Полковникъ Лизогубъ возвратилъся зъ Скоропадскимъ.

11. Писалъ писма въ Москву до полковника гадяцкого зъ посилкою отъ жены его писма, да до Лобисевича о газетахъ. Вечеромъ былъ у Скоропадского. Писалъ-же и до жены зъ посилкою канавацу 15 локотъ и протчего, да до Д. Городиского на его писма. Антонія Ботарского жена умерла.

12. Писалъ до Городиского-жъ о присилки дѣла зъ Кишинскимъ, что у Сидора Сосновского. Оная Антонія жена похоронена. Вечеромъ былъ у Якубовича. По утру куріеръ пріехалъ зъ Москвы, другого туда отправили.

13. Объ отпуски обознаго и писаря полкового нѣжинскихъ опредѣлили и писару данъ меморіалъ нѣкоторые дробязки справить. Вчора и сего числа обѣдалъ у мене Михайло Стогоровичъ, а въ вечеру явился Іванъ Дащенко зъ писмами зъ Стародуба.

14. Прибывшый Іванъ Дащенко зъ писмами подалъ зъ козаками доношеніе въ генеральную канцеллярію.

15. У г. Якубовича обѣдалъ зъ Гудовичемъ, которому вѣдомость пришла, что внукъ ему отъ дочери его, а Ѳедора Савича жены, родился сего мѣсяця 9-го числа, Яковъ.

16. Явился въ Глуховѣ зъ Москвы прибывшый новоопредѣленный сотникъ ічанскій Іванъ Новѣцкій, откупщикъ полку прилуцкого, которому дана была подорожная зъ экономической канцеллярiи, но оная отобрана и подводъ не дано.

17. Писалъ до сина въ Киль, чтобъ на мои писма отъ 4-го мая, 18-го юня и 22-го юля учинилъ отвѣтъ и о своемъ поведеніи увѣдомилъ, да до господъ корнетовъ Петра и Якова Скоропадскихъ, чтобъ тое писмо до него по почтѣ чрезъ Ригу переслали. Писалъ въ домъ до жены и до Івана сина, зъ посилкою ему 2 цитронъ и 3 лимонъ, да до Городиского о имѣючемъ быть въ полковой стародубовской канцеллярiи на зимные мѣсяци рацій и порцій расположеніи, и тѣ писма отправлены чрезъ Лавріна Цяпу.

18. Велѣли писать до гетмана прошеніе о обидѣ отъ Теплова чрезъ сообщеніе присланное о порціяхъ на жолдаковъ по-казанное, и для того съежжались трое, а я не былъ за болѣзнію на поперекъ.

19. Такое прошеніе и при томъ фрукты, яблока и дули отправлены по почтѣ чрезъ жолдака въ Москву, а туда-жъ изъ экономической канцеллярiи отправленъ канцелляристъ ихъ по почтѣжъ, и до господъ Скоропадскихъ молодыхъ отъ отца ихъ посланы его и мои писма.

20. Посланы писма въ Стародубъ чрезъ Івана Дащенка до полковника по дѣлу зъ Кишинскимъ, о томъ-же и о другихъ дѣлахъ писалъ до писаря судового Григорія Гаевского и до Сидора Сосновского, да до сотника новомѣского Андрея Силевича о козакахъ старыхъ и заполскихъ Халіевичъ чрезъ Івана-жъ Дащенка. Обѣдалъ у Гамалiи съ Гудовичемъ, а послѣ у него-жъ были Скоропадскій и полковникъ Апостолъ, а у мене онъ-же. Гамалія и прежде

Якубовичъ. Обокрадено бунчукового товарища Михайла Іваненка служителемъ его.

21. Обослалъ мене Якубовичъ капустою нѣмецкою, а изъ канцеляріи прислано яблокъ 67, да поддуліокъ 30.

22. Послѣ полдня въ 2-мъ часу громъ былъ отъ запада. Пріехавшый асаулъ полковый прилуцкій, Никифоръ Белецкій Носенко, былъ у мене.

23. Послана челобитная въ полковый прилуцкій судъ на завладѣвшыхъ села Товкачовки посполитими грунтами, зъ сообщеніемъ именной вѣдомости и сенатского о непокупки такихъ грунтовъ запретителного указу копій, да о томъ-же и о прежней стороны Княжихъ Лановъ челобитной и подискихъ (с. Подища) грунтахъ, козаками завладѣнныхъ, писалъ до полковника прилуцкого Галагана и что по тѣмъ дѣламъ повѣрилъ я ходить товарищу войсковому Георгію Белецкому Носенку, или кому онъ повѣритъ; да чрезъ него-жъ писано и до Якова Супруненка въ Товкачовку, кой сего-жъ числа и отъехалъ въ домъ. Лаврінъ Цяпа пріехалъ зъ Новгородка.

24. Пріехалъ Стефанъ компанѣецъ зъ дому. Обѣдалъ у мене Гамалія, а вечеромъ былъ я у Скоропадского.

25. Писаны писма въ домъ до жены, до Городиского и до зятя Савича, а надъ вечери были у мене сины полковника гадяцкого Яковъ и Петръ, чрезъ которыхъ отданы писмо и пакетъ зъ картинами, да сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла.

26. По утру была у мене полковница гадяцкая и Іванъ Гамалѣя. По полдни былъ я у Якубовича и простилъся съ обоими. Отправлена жонка Варка въ домъ. Писалъ въ Москву до полковника гадяцкого и послалъ къ нему для подачи писма: 1-е отъ Якубовича до Безбородка, 2-е до Карновича отъ мене подъ завтрешнымъ числомъ.

27. Послано писмо до архимандрита печерского о обидахъ отъ попогорского (Поповой Горы) городничего и жителей Перелаза и Макаричъ, нашимъ лотоковскимъ и курчанскимъ людямъ починенныхъ. По полдни прибылъ Матвѣй компанѣецъ изъ Городища съ вѣдомостью о нещаслывомъ рожденіи Настусиномъ нежнвого сина, почему и отправлены въ домъ зъ писмомъ до жены и нѣкоторими лѣкарствами Лаврінъ Цяпа и Степанъ компанѣйци. Іванъ Гамалія вечеромъ былъ у мене, а въ Москву отъехалъ канцеллярист Пісоцкій ъ ними писмами.

28. Весь день пробылъ въ домѣ за своею скорбію. Вечеромъ былъ у мене лавникъ маистрату кіевского Герасимъ Кувѣчинскій зъ писмомъ отъ магистрату.

29. Вечеромъ были греки зъ Нѣжина, подавшіи доцошеніе на тамошнего полковника Петра Розумовского.

30. На сотництво лубенское подали кандидати выборы. Вчора купленный за два рубли казанъ желѣзный отданъ до валнѣ въ Рубановку чрезъ коваля Уласа.

31. Писаны писма въ Москву до Лобисевича о газетахъ, въ Прилуку до полковника Галагана о Дмитру Маленку, до судіи Огроновича о долгу хлѣбномъ на значковомъ товаришу Ѳедоренку и о Матвѣю Петрушѣ, въ Товкачовку до Алексія Петруши и до господаря Супруненка.

Ноеврій.

1. Оные писма отпущены чрезъ товкачовскихъ козаковъ Маленка и Петрушу и съ ними-жъ посланъ конь вороностроката попа Олшанского.

2. Писалъ до полковника переяславского на его писмо о репремандѣ. Петро компанѣецъ пріехалъ зъ писмами отъ жены и зятей.

3. Привезена риба зъ Лѣсконогъ и у мене обѣдали нѣсколко канцеляристъ.

4. Отправленъ Петро компаніецъ въ домъ зъ писмами до жены, до дворецкого и конюшого, да чрезъ него-жъ посланы 2 лимоны Настусѣ и закусокъ въ паперѣ дѣтямъ, да футро заячое сестрѣ Уліанѣ, 2 черные ножи сломаные и писмо въ Лѣсконоги къ Д. Городискому. Я принималъ лѣкарство въ конфектѣ и за тѣмъ не былъ въ канцеллярііи. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка о товкачовскихъ дѣлахъ.

5. Писалъ въ Москву до канцеляристы Максима Руновского о исходатайствованіи на канцелярскую цедулу, посланную въ коллегію іностранную, отвѣту о челобитной Корсаковой стороны Перегона и проч. Обѣдалъ у мене сотникъ батуринскій и канцеляристъ.

6. Сотникъ глуховскій Дамянъ Турянскій прислалъ пять сулій водки дубелганисной, зъ нашого цукру дѣланной, а отъ войтенка полтавского принесени 2 бочонки гданской водки.

7. Писалъ до Крижановского на его писмо при присилки отъ него покупленныхъ въ Нѣжинѣ футеръ двохъ лисѣхъ, трохъ заячихъ и трохъ штукъ габы, писанное ко мнѣ въ отвѣтъ.

8. Будучи званны ради тезоименитства г. Скоропадского, обѣдали у него всѣ здесь знатные, въ томъ числѣ и я, и до позна у него просидѣли. Сего-жъ числа о полдни господинъ генералный обозный Семенъ Кочубей, да Тарнавскій и Павелъ Міклашевскій прибыли въ Глуховъ изъ Москвы.

9. По утру былъ у мене Міклашевскій и подалъ писмо, отъ Михайла Ширая писанное, а въ 10-мъ часу предъ полуднемъ ездили мы всѣ 4 изъ генералной канцелярiи до г. обозного генералного съ отданіемъ ему візиты и тамъ и съ панею его видѣлись. Получилъ писма отъ гг. брегадира Коченевского и отъ полковника нѣжинского Розумовского, за нѣкоторымъ Богдановскимъ писанные. Писалъ я до Д. Городиского въ Лѣсконоги о рибѣ, тамъ наловленной и насоленной, и о протчемъ. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого зъ посилкою отъ жены его писма, да до Карновича и до Вінклера и до сина въ Киль; до Михайла Ширая на его писмо, чрезъ Міклашевского поданное. о забранномъ городчанами хлѣбѣ.

10. Оные писма для отправленія въ Москву по почтѣ вручены постъ-директору Семену Заруцкому и еще одно писмо до полковника гадяцкого, отъ жены его сего числа полученное. Въ 10 часу сехались мы трое, полковникъ лубенскій Апостолъ, Гудовичъ и я, въ генералную канцеллярію, потомъ прибылъ туда и бунчуковый товарищъ Яковъ Тарнавскій и объявилъ три ордери: 1-й ему, на его имя писанный, о забратьѣ всѣхъ писемъ и отпусковъ о нарядахъ, зъ Малой Россіи чиненныхъ, такъ по его комессіи несвѣдомыхъ, яко и по експедиціи строеній работнихъ людей и подводъ, и то все онъ тамъ-же и забралъ; 2-й о порученіи правленія въ генералной канцелляріи обозному генералному г. Кочубею и подскарбію г. Скоропадскому, а насъ объ отпускѣ въ домы; 3-й о дачи подорожныхъ отъ г. Теплова на почтовые подводы на щотъ лошадей економической канцелляріи, и мы послѣдные всѣ отпуски по нашымъ резолюціамъ закрепивъ, отъехали въ домы. Вечеромъ былъ я у г. Скоропадского.

11. Отправленъ Гаврило Баштовый зъ приказомъ до войтовъ юхновского и команского о висилки 5 одноконь подводъ и чрезъ него-жъ посланы писма до жены и до Д. Городиского. Іванъ кухарь и Іванъ Городискій наказаны за пянство. Въ вечеру были у мене перво Яковъ Тарнавскій, потомъ обозный генералный Кочубей и Стефанъ Тамара. Писалъ въ Товкачовку до Супруненка объ отъездѣ своемъ въ домъ и чтобъ прислалъ осѣнные денги въ Городище.

12. Писалъ до Якубовича, обявляючи о своемъ отпуску въ домъ, да до Якова Кондзеровского въ Биковъ о доправки денегъ 9 р. 8 к. на Конону Оробеевскомъ и отдано тое писмо въ экономической канцеляріи для отсилки до Бикова. Вечеромъ былъ я у Скоропадского, а обѣдалъ у Гудовича.

13. Обѣдали у мене канцеляристи Ілля Григоровичъ Шутенко и Лукянъ Огіевскій протоколистъ, да повѣренный Захарій Котляревскій. Вечеромъ былъ у г. Валкевича, асаула генералного и о дѣлахъ въ судѣ генералномъ имѣючихся съ нимъ говорилъ.

14. Обѣдалъ я у г. Скоронадского, а у мене канцеляристи Огіевскій, Шутенко, Городискій и два повѣренныи, Котляревскій и (*пробѣлъ*), да переводчикъ Петръ Семеновскій. Вечерялъ-же я въ домѣ съ Городискимъ и Шутенкомъ.

15. Подано доношеніе въ судъ генералный за моею и Алексія Покорского руками о добрахъ рубановскихъ, и доселѣ Міклашевскою Стефановою и дѣтми еи владѣемыхъ. Вечеромъ былъ у обозного генералного Кочубея и съ нимъ и съ бунчучнымъ Оболонскимъ простилъся, потомъ у Скоропадского зъ Валкевичемъ, съ полковникомъ лубенскимъ и съ Яковомъ Марковичемъ простилъся.

16. Въ 11-мъ часу предъ полуднемъ простились зъ Симоновскимъ и Шутенкомъ, віехавъ зъ Глухова, обѣдалъ въ Слоутѣ, а ночевалъ въ Москвѣ. Зоставилъ облѣгъ Оробьевского и Гаврила Баштового.

17. Обѣдалъ въ Пѣроговцѣ, а переѣздомъ чрезъ Новгородокъ заплатилъ за покупки справованные 18 р. 20 к. На ночь прибылъ въ Лѣсконоги.

18. Обѣдалъ въ Лѣсконогахъ, прибылъ на ночь до Городища.

19. Никуда зъ двору не бывалъ.

20. Ездилъ въ новопостроенную мелницю въ Дешковичи; жена зъ дѣтми по исповѣди сообщалась св. Тайнамъ.

21. Прибылъ козакъ съ писмомъ отъ сотника глуховского зъ урядомъ о дѣлѣ войта глуховского зъ Павломъ Калиниковымъ.

22. Отпущенъ оный козакъ съ отвѣтомъ къ сотнику и чрезъ него-жъ писалъ до Скоропадского зъ посилкою копіи указу о Теплову, да до Гаврила Баштового, чтобы имѣли осторожность около двора глуховского.

23 и 24 прожилъ въ домѣ и розданы деньги на пенку въ старіе села.

25. Были у насъ въ Городищѣ на молебствіи Стефанъ Кочержинскій зъ женою и пѣвчій, зять Криксихинъ, которые и обѣдали у насъ-же.

26. Отправленъ Городискій въ Стародубъ зъ писмами до полковника и до Подлузного для присутствія при расположеніи.

27. Ключникъ и мамка наказаны за сокъ лимонный. Григорій Гуриновскій надъ вечери пріехалъ и ночовалъ.

28. Оный-же по утру отъехалъ. Писалъ къ Городискому въ Стародубъ и послалъ вѣрючое доношеніе на имя канцеляриста полкового Николая Чернявского.

Декабрь.

12. Посланъ въ Глуховъ Лаврінъ Цяпа для свозу сѣна и дровъ и чрезъ него до сотника глуховского писано.

13. Данило Городискій рано, а жена по обѣдѣ отъехала до Стародуба.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ АВТОРА „ДНЕВНИКА“ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.

Въ имя пресвятыя, единосущныя, животворящія и нераздѣлимыя Тройцы, Отца и Сына и Святаго Духа аминь.

На память въ предбудущее время.

Создатель нашъ и Богъ, Господь Іисусъ Христосъ, Единородный Сынъ и Слово Отчее, въ спасительной своей евангельской проповѣди увѣщати насъ благоизволилъ: яко не вѣмы дня и часа пришествія Его и кончины жизни нашей, и потому должность намъ предлежитъ на всякое время усердно ему, Творцу и Искупителю нашему, молитись, чтобъ съ чистою совѣстію и истиннымъ покаяніемъ удостоились предстати предъ судомъ Его Божіимъ. Что и я ниже именованный, тогожъ Господа Бога и Спасителя моего рабъ, имѣя въ памяти и о неизвѣстномъ смерти моея часѣ по человѣчеству-жъ и о ежечасномъ приближеніи къ концу моего жытія всегда размышляя, ибо уже по благоволенію Зиждителя моего выпше шестидесяти лѣтъ жызнь мою провожду, будучи-жъ еще, по Его милосердію Божескому, при здравомъ и совершенномъ моемъ разсужденіи, а приводя себѣ повседневно на память смертность мою, разсудилъ заблаговременно сочинить остатной волѣ моей завѣтъ, или тестаментъ; которій да будетъ въ нижеслѣдующемъ порядки.

1. Исповѣдую предъ Создателемъ всея твари и Вседержителемъ Богомъ моимъ, такожъ всѣмъ, кому только вѣдати будетъ о томъ угодно, чрезъ сіе объявляю, яко я грѣшный въ истинной христіянской вѣрѣ, самимъ Христомъ Господомъ и избранными его сосудами, апостолами святыми, поставленной и отъ всѣхъ, во святыхъ почитаемыхъ, православнаго восточнаго исповѣданія учителей проповѣдуемой и благоузаконе-

ніями утвержденной, по сей моментъ житія моего твердо состою и въ той-же самой вѣрѣ умерти желаю.

2. Что подлежитъ до погребенія грѣшнаго тѣла моего, когда оное, по волѣ Живодавца нашего, съ душею розлучится, тое предаю въ волю и распоряженіе наслѣдниковъ моихъ, то есть жены и дѣтей, которимъ при томъ бити случится, и гдѣ оны похотять, тамъ да и погребутъ тѣло мое грѣшное, какъ-бы самого послѣдняго стану христіянина; ибо я, елико отъ мене, о томъ не брегу, гдѣ-бъ мое тѣло ни положенно было, имѣющееся обрѣстись въ день судный пришествія Христова съ надеждою радостною оному востанія и явленія предъ Искупителя нашего, которій въ удовлетвореніе правосудію Божію за грѣхи всего міра вседражайшую кровъ свою изліяти изволилъ; обрядовъ-же и церемоній никакихъ при погребеніи не требую; доволно будетъ и того, ежели что ради публичного церковного обыкновенія оставлено быть не должно, какъ-то и въ подаяніи къ церквамъ, особливо скуднымъ, и бѣднымъ нищымъ милостыни, и тое предаю въ разсмотрѣніе жены моей и моихъ наслѣдниковъ.

3. Женѣ моей Іуліянѣ, Петровой дочери, Корецковнѣ, которую понялъ я въ супружество дѣвицею и съ оною благословеніемъ Божіимъ прижилъ мужеска и женска полу дѣтей (изъ коихъ осталось два сына, Василій первородный и меншій Иванъ, а дочерей пять, изъ которыхъ двѣ выданы въ замужество за бунчуковыхъ товарищей, Анна за Іосифа Васильева сына Рославца, а Настасія за Петра Ѳедорова сына Савича, а три дѣвицы Марѳа, Ефросинія и Евдокія, протчіи же волею Божіею въ младенчествѣ преставились) завѣщеваю, какъ насъ Богъ сочеталъ былъ и по сочетаніи жила она со мною по се время чрезъ тридцать одинъ годъ честно, вѣрно, любительно и постоянно, такъ когда тому Господу угодно покажется окончаніемъ жывота моего розлучить насъ, дабы любовь и милость ко всѣмъ помянутымъ дѣтямъ нашимъ равную и попеченіе о оныхъ одинакое имѣла, ибо не можетъ она большей прислуги Богу и мнѣ, супругу своему, благодарности показать, яко когда сихъ, ихъ же далъ Богъ намъ супружества нашего плодъ, будетъ наставлять и утверждать и воспитывать въ страхѣ Божіи и во всемъ протчемъ содержать такъ, дабы оны Богу, государю и отечеству угодны быть могли, и исправляя ихъ ко всякому благочестію и честности; оные-жъ дѣти мои всѣ должны ей, матери своей, по смерть ея быть послушны и почитателны, а между собою содержать всегда взаимную любовъ и нерозривное согласіе, прилѣжа во всемъ благочестному и со всѣми ближними и далекими сродниками, свойственными и друзьями и изъ посторонными любителному обхожденію; вѣру-же и исповѣданіе

православной восточной церкви твердо и непоколебимо оны-жъ по жизнь свою да содержатъ, въ томъ ихъ особенно отеческою властію увѣщеваю.

4. А дабы по кончинѣ моей между тыми-жъ позосталыми наслѣдниками моими, помянутыми двума сынами, старшымъ Василіемъ, а меншымъ Иваномъ, и другими дѣтьми, и женою моею Іуліаною Петровною Корецковною не произошло иногда какое несогласіе, особливо о движымомъ и недвижымомъ имѣніи, которимъ мене Всевышній Богъ, по своему неизреченному милосердію, благословити соизволилъ за службы и за труда мои, а иное и общимъ съ оною женою моею стараніемъ приобрѣли; то и оного имѣнія моего распредѣленіе чиню по нижеслѣдующему:

Старшому сыну моему Василію, о которомъ я, по должности родительской, а по возможности моей, въ приличномъ воспитаніи его и въ обученіи доволно прилагалъ своего старанія и издержалъ на то кошту не мало,—онъ-же потому принялъ и военную службу у всемилостивѣйшаго государя нашего, его императорского высочества, государя великого князя, наслѣдника імперіи всероссійской и владѣтелного герцога слезвікъ-голстынского, и по высочайшей его імператорского высочества милости пожалованъ флигель-адьютантомъ и лейбъ-драгунского голстынского полку капитаномъ,—опредѣляю зъ выслуженныхъ мною селъ и деревень ниже выраженные, а именно: въ полку стародубовскомъ, въ сотнѣ новгородской, села *Льсоноги*, *Команъ* и деревню *Юхновъ*, да въ погарской сотнѣ села *Чаусы* съ скуплями, *Случевскъ* и *Доріевскъ*, тако-жъ деревни *Муравьи* и *Сопычи*, со всѣми принадлежностями, и скуплю всю въ деревнѣ *Лукинъ* зъ селидбами, огородами, полями и сѣножатьми и гаями, по обоимъ сторонамъ рѣки Судости будучыми (кромѣ старой рощи перегонской), такожъ скуплю въ селѣ второй сотни полковой стародубовской *Курковичахъ* съ дворомъ нашымъ тамошнимъ, и грунтами, гаями и сѣножатьми и зъ подсусѣдскими дворами, а въ сотнѣ новомѣсской за селомъ *Лотоками* двѣ слободки, *Николаевку* и *Кургановку*, со всѣми-жъ къ нимъ принадлежностьми, дворъ въ городѣ Глуховѣ жилый на улицѣ бѣлополовской, и два дворики, у жителей глуховскихъ Петра Коваля и Никифора Садовничого купленные, да въ полку прилуцкомъ полковой сотнѣ при селѣ *Товкачовкѣ* покупленные гаи и грунта, и въ сотнѣ переволочанской село *Подище* съ подданными и всѣми принадлежностьми, такожъ хуторъ Рудовскій, купленный, со всѣми къ оному прикупленными жъ грунтами и угодіями, и двома мельницами вѣтряными, и всѣмъ тымъ безъ изъятія, что въ универсалахъ гетманскихъ, на помянутыя села и деревни данныхъ, и въ крепостяхъ урядовыхъ на покупленніе всякія угодія изображено.

Сыну же моему меншему Ивану, полку стародубовского въ сотнѣ погарской при селѣ *Городищѣ* дворъ жилой со всякимъ строеніемъ и уборствомъ, съ гумномъ, огородами, съ мелницею и двома подданными, такожъ съ скуплями, что въ Городищи и въ Гриневцѣ за рѣкою Варенцою къ Борщеву и къ новой Варе и къ Даріевску будучими, да деревни *Перегонъ* и *Дешковичи* съ дворомъ тамошнимъ жилымъ, и съ землями пахотными и сѣнокосными, съ огородами, имѣючимись въ перегонскомъ и городѣцкомъ грунтахъ, и деревни жъ *Чубаровъ* и *Куровъ*, со всѣми къ нимъ принадлежностьми, и футоръ называемый Василювка со всѣмъ тамошнимъ грунтомъ, и съ слободкою *Василювкою* и съ млыномъ на речце Бозкой, такожъ дворъ шинковый въ Погарѣ, у тамошнихъ жителей, прозываемыхъ Сорокъ, купленный, и другій дворокъ неболшый Сенчиловскій; сотнѣ второй стародубовской въ деревнѣ *Случку* скупленные грунты, то есть пахотное поле, сѣножати и гаи, и въ тамошнихъ дворахъ живучіе люди; сотнѣ новомѣсской въ селѣ *Лотокахъ* и въ слободкѣ *Ивановкѣ* дворы наши со всѣмъ и на всѣхъ скупленныхъ селитбахъ мешкаючіе подданные въ Лотокахъ же, и въ Ивановкѣ млынъ на рекѣ Папужи, тамже недалече отъ Ивановки, о двохъ колахъ мучныхъ, а третомъ ступномъ; да дворикъ въ Батуринѣ на предмѣстью у батуринскихъ жителей, городничого сотенного Антона Мелешка и брата его Павла, 1750 году июня 6-го дня купленный; а мелници при деревни Дешковичахъ на рекѣ Судости состоящія, колъ мучныхъ шесть и одно ступное, онымъ обоимъ сынамъ моимъ пополамъ и тую греблю дешковскую оправлять и, что принадлежитъ къ онымъ мельницамъ, всякую надобность исправлять обоимъ имъ, сынамъ моимъ, равномѣрнымъ коштомъ и иждивеніемъ пополамъ-же; имѣющіяся-же на всѣ вышепрописанныя села, деревни, хутора, скупли и всякія грунты и угодія письменныя крепости, а именно высоко-монаршую грамоту на *Перегонъ* и *Дешковичи*, на *Куровъ* и *Чубаровъ*, правительствующого сената указы и универсалы гетманскіе и между гетманствомъ данные, да и на протчіе села и деревни универсалы-жъ гетманскіе, а на скупли и другія всякія грунта и угодія купчія записи урядовые и другіе письменные документы, должны отъ нихъ сыновъ моихъ разобраны быть порядочно, кои которому служать на тіе добра, какіе каждому изъ нихъ въ семъ пунктѣ выше сего прописанны и отъ мене легованны.

5. А поколь жена моя, а ихъ мать Іуліяна Петровна Корецковна въ живыхъ обретатся будетъ, то ей жыть въ домѣ нашемъ городецкомъ съ сыномъ нашимъ меншимъ Иваномъ и при себѣ дочерей дѣвицъ содержать по замужество ихъ, а на содержаніе ей по смерть еи и дочерей по замужество изъ вышеписанныхъ селъ и деревень должны ей

прислушать половинное число, а именно: изъ части старшого сына Василія села Чаусы и Случевскъ, деревни Муравьи и Сопычи, а изъ меншого Ивана деревни Куровъ и Чубаровъ и колъ двѣ мучныхъ на греблѣ дешковской, и половина ступчика, изъ купли въ Курковичахъ и Случку, да въ Лотокахъ скупли-жъ съ дворами, и хуторъ Ивановскій съ мелницею на Папужи, и слободки Николаевка и Кургановка, со всѣми къ онымъ селамъ и деревнямъ грунтами, селитбами, огородами, шинками, хлѣбомъ всякимъ и якія толко тамъ имѣются рухомости, яко то: казаны винничные и всякая посуда, скотъ и протчое, и всякіе-жъ зъ оныхъ на содержаніе свое и дочерей и на выпосаженье ихъ собирать доходы и прибыли имѣть; когда-же дочерей всѣхъ троихъ распорядитъ и повыдаетъ въ замужество, то и самой ей, по смерть еи, жыть въ дворѣ городецкомъ-же съ меншымъ сыномъ Иваномъ и владѣть ей же особенно деревнею Куровомъ и селомъ Чаусами зъ шинками и зъ тамошнею чаусовскою скуплею, тако-жъ скуплями въ Случку и въ Курковичахъ съ тамошними грунтами, дворами и людьми, и где она похочетъ винничный заводъ для своего собственного обиходу устроити, свободно ей будетъ; да ей-же и двома колами въ мелницахъ дешковскихъ и въ ступнику третою долею приходовъ владѣть по смерть свою; а изъ денегъ моихъ наличныхъ, кои могли-бъ быть по выданью дочерей моихъ въ замужество, и протчей движимости, взять ей по жызнь свою равную часть съ оными сынами моими опредѣляю.

6. Дочерямъ моимъ троимъ, дѣвицамъ Марфѣ, Ефросиніи и Евдокіи, быть при матери ихъ и жить съ нею неотлучно до того времени, покамѣсть Богъ дасть къ нимъ людей, имѣть же имъ свое содержаніе въ пропитаніи, одѣяніи и во всякихъ потребностяхъ, по разсмотрѣнію материнскому, зъ доходовъ того всего имѣнія моего недвижимого, которое выше сего въ 5-мъ пунктѣ матери ихъ и имъ до выдачи ихъ въ замужество опредѣленно и именно прописанно; такожъ должна быть выправа ихъ въ одѣяніяхъ, бѣльи и всякомъ приборствѣ дамскомъ, и въ серебрѣ, цынѣ, мѣди, поездѣ, лошадяхъ и въ протчемъ всемъ противъ того, якъ другіе двѣ дочери наши Анна и Анастасія выданны, въ чемъ оба сыны мои и отъ себе на тую-жъ выправу должны вспомоществованіе учинить, а сверхъ того каждой дочерѣ изъ нихъ дѣвицъ, при выдачи ихъ въ замужество, изъ наличныхъ моихъ денегъ по четыриста рублей и по пятдесятъ осмачокъ жита дать, да и выданнымъ уже въ замужество дочерямъ Аннѣ и Анастасіи додать еще по двѣстѣ рублей денегъ, а Аннѣ и пятдесятъ осмачокъ жита, понеже имъ обоимъ уже при сватбѣ отъ насъ по двѣстѣ рублей денегъ, а Анастасіи и пятдесятъ осмачокъ жита дано; чтожъ-бы имѣло быть еще за

выдачею оныхъ трохъ дочерей въ остаткѣ, въ серебрѣ, цынѣ, мѣдѣ и другихъ тому подобныхъ сосудахъ и въ хлѣбѣ, оное все роздѣлить между двохъ сыновъ пополамъ, а зъ тогожъ они имѣютъ и матерѣ своей, когда будетъ жива, по вышеобъявленному удѣлить надлежащую часть. Оружье всякое и приборъ, мужескому полу приличествующіе, такожъ конскіе и до поезду надлежащіе уборства, обоимъ сынамъ пополамъ. А понеже на меншого сына нашего Ивана не столько еще нашего кошту сойшло, сколько на старшого Василія, для того тому-жъ меншому сыну Ивану перстень съ бриліантами, отъ всемилостивѣйшей государини, ея императорского величества, жалованный мнѣ въ 1744-мъ году, когда обрѣтался я при высокомонаршемъ дворѣ отъ всей Малой Россіи депутатомъ, легую; ибо старшому сыну Василію достался былъ отъ мене перстень золотый, немалой цены, зъ болшимъ камнемъ синимъ шафировымъ, но оный имъ самимъ утраченъ; да и серебряный платъ деманажъ съ футляромъ и со всѣми въ немъ будучими сосудами, и часы мои карманные серебрянные томужъ сыну моему меншому опредѣляю. Чтожъ касается до лошадей, рогатого скота, овецъ и другой всякой живности и дробины, оставшихся послѣ выдачи въ замужество вышеименованныхъ дочерей моихъ троихъ, тое все, въ наличности будучее, имже сынамъ на двѣ ровныя части роздѣлить, изъ коихъ они по части и матцѣ своей удѣлить должны. Всѣмъ моимъ вышеписаннымъ, движимымъ и недвижимымъ, имѣніемъ, помянутымъ обоимъ сынамъ моимъ въ роздѣлъ означеннымъ, имѣютъ оны сами и наслѣдники ихъ владѣты и корыстоваться, и не токмо оного не потеряти марно, но еще старатися и присовокупити заслугою и трудами своими; а еслибъ которому изъ нихъ, сыновъ моихъ, либо ихъ наслѣдниковъ, приключилась при какой правилной нуждѣ необходимость, а не по суетратству, завести что изъ недвижимыхъ добръ въ закладъ или въ продажу, то на сторону никому не заводить, но долженъ братъ брату, или его наслѣдникамъ, таковое своего жребія имѣніе завести, а тотъ въ закладъ принять, либо и продажею заведенное заплатить ему имѣетъ, а за измертвіемъ другого брата безъ наслѣдія, сестрамъ своимъ или ихъ наслѣдникамъ тое-жъ имѣніе завести, закладомъ ли или продажею, повиненъ.

7. Если-жъ бы жена моя, а матка ихъ Іуліяна Петровна Корецковна, по волѣ Божіей, жизнь свою окончила, не повыдававши всѣхъ троихъ дочерей нашихъ дѣвицъ, или одной, либо двохъ въ замужество, но остался бы оные при ней въ дѣвичествѣ; то сыны мои оба должны оныхъ дочерей моихъ при себѣ содержать по ихъ замужество въ такомъ добромъ распорядкѣ и честномъ содержаніи, какъ бы они и при матери

живучи были содержани, якъ выше сего въ 6 пунктѣ обстоятелно изображено. А обнявши они-жъ сыны мои оба, послѣ смерти матки своей, всѣ недвижимыя добра, въ 4-мъ пунктѣ именно на каждаго съ нихъ росписанніе, и тые тако-жъ, что матери ихъ до живота еи въ 5-мъ пунктѣ было означенно, должны будутъ, сверхъ содержанія тихъ сестеръ своихъ дѣвицъ по вышепрописанному до замужества ихъ, когда которую прійдетъ и выдавать въ замужество, зъ такою выправою во всемъ выдавать непремѣнно, какъ въ 6-мъ пунктѣ жъ обстоятельно показано, тожъ повинны они чинить и другихъ выдаючи за-мужъ, о семъ ихъ обоихъ сыновъ моихъ Василія и Ивана подъ неблагословеніемъ Божіимъ и моимъ ролительскимъ накрепко увѣщеваю и приказую.

8. За женою моею Іуліаною Корецковною данъ былъ отъ покойнаго тестя моего, бунчукового товарища Петра Корецкого дворъ Самусенковскій, за городомъ на черниговской улицы въ Стародубѣ, близъ церкви Святого Духа имѣющійся, а отъ покойной тещи моей же Анастасіи Миклашевсковны другій малый дворокъ по той же улицѣ за церквою Аѳанасіевскою будучій, и понеже тые два дворы даны мнѣ были за оною моею женою, то хотя къ Самусенковому двору и мною нѣсколько плецовъ зъ строеніями и нѣсколько малыми шматами земли прикуплено и тѣмъ оной дворъ распространенъ, и состроены вновь моимъ немалымъ коштомъ хоромы и другая всякая пристройка здѣлана, однакожъ тотъ весь дворъ мой и другій, что за Афанасіевскою церквою, оставляются при женѣ моей; тако-жъ когда оной достанется еще что изъ материзны ея, о которой отысканіи стараться мнѣ она урядовие препоручила, то и оное должно быть при ней и въ ея полной волѣ, и изъ того всего, либо что и еще собѣ пріобрѣтетъ, да и что противъ вышепрописанного зъ моего движимаго имѣнія и изъ денегъ и серебра, зъ сынами подѣлившись, озметъ, кому она изъ дѣтей или на всѣхъ похощетъ что опредѣлить, въ томъ онажъ силна и волна остается; толькожъ и ея увѣщеваю, чтобъ двора нашего, на черниговской улицѣ будучого, мимо сыновъ моихъ Василія и Ивана, другому никому не отдавала, но былъ бы оный обоимъ имъ для пріезду и временного прожитія, которій и оправлять и содержать имъ общимъ же своимъ коштомъ надлежитъ; еслижъ бы она не распредѣлила жена моя того вышеозначенного своего имущества и изъ материзны, и не записала никому за своего живота, то по кончинѣ ея все оное должно ити въ равный раздѣлъ на сыновъ и на дочерей, подлугъ права, кромѣ селъ, мелницъ, скупель и другихъ грунтовъ и угодій, въ пятомъ пунктѣ по смерть еи толко означенныхъ, которіе должны возвратитись въ домъ мой и оста-

ваться при сынахъ моихъ, подлугъ росписанія на нихъ порознь, въ четвертомъ пунктѣ изображенного.

9. Брату моему родному, отцу Іоану Ханенку, священнику святоспаской козелецкой церкви, съ его женою и дѣтьми, имѣютъ сыны мои зъ оставляючогося имъ отъ мене наслѣдія, моими трудами и заслугами, по благости Божіей, набытого, дать денгами рублей пятдесятъ, ибо ему уже отъ мене самого дано пятдесятъ-же рублей, да и осмачокъ нѣсколько разного хлѣба зъ хутора Рудовскаго дать-же, такожъ и протчихъ свойственныхъ нашихъ, какъ-то по отческой, такъ и по матерной линіи, ежели которіи при своей скудости просить въ чемъ будутъ вспоможенія и вспомоществованія, не оставлялибъ по своей возможности, и еслибъ явились какіе доводніе на моемъ домѣ долги, оные по половинѣ поуплачивать исправно тѣхъ-же сыновъ моихъ увѣщеваю, да и всякихъ нищыхъ милостины подаяніемъ не запоминали-бъ, чтобъ на нихъ и наслѣдникахъ ихъ оное псаломническое слово исполнилось: *малъ бѣхъ, ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставленна, ниже сѣмене его просяща хлѣбы.*

10. Служытелей всѣхъ и служанокъ, кои при домѣ нашемъ одни зъ младенчества воспитаны и возращены, другіе, приставши къ намъ доброволно, служыли зъ уговора, а иные зъ респекту, наградить по разсмотренію, чтобъ они, если кои отлучитись отъ дому нашего похотятъ, отойшли безобидно и съ удоволствомъ, такожъ кои и за долги въ отслугу намъ зъ урядовъ отданны были и урочного времени не дослужили, то и тыхъ отпустить свободно, уступая то имъ безъ зачоту, чего не дослужили, и наградя по разсмотренію.

11. О маетностяхъ, въ 4-мъ сего тестаменту пунктѣ росписанныхъ на вышеупомянутыхъ двохъ сыновъ моихъ, Василія и Ивана, сочиненъ отъ мене особливо для всякого случаю въ открытомъ моемъ письмѣ сепаратній пунктъ и рукою и печатью моею закрѣпленъ, по которому во время случая, тамъ изображенного, должны сыны мои и ихъ наслѣдники исполняти во всемъ непремѣнно такъ, какъ и по сему тестаменту; ежелижъ у которого изъ тыхъ-же сыновъ моихъ не моглобъ, по волѣ Божіей, имѣтись наслѣдниковъ ни мужеска, ни женска полу, то по преставленіи бездѣтного должно все легованное ему отъ мене движимое и недвижимое прійти въ домъ другого сына моего, наслѣдниковъ имѣющого, или на тѣхъ же оного другого сына мужеска, либо женска полу наслѣдниковъ; а еслибы и у обоихъ не было наслѣдія, либо (чего не желаю) каковъ былъ негодный наслѣдникъ, то все имѣніе, кое послѣ ихъ останется, должно быть раздѣленно по равной части на всѣхъ пяти дочерей моихъ и на ихъ наслѣдниковъ.

12. А чтобъ по сему моему тестаменту (ежели въ предъ для какихъ резоновъ не дойдетъ въ чемъ мнѣ оного перемѣнить, или поправить, ибо въ томъ я себѣ по жизнь мою заховую, подлугъ правъ, свободу) во всемъ неотмѣнное по кончинѣ моей дѣлалось исполненіе, для того за эксекуторовъ или исполнителей и защитниковъ сего-жъ моего тостаменту именую и поставляю господъ знатныхъ бунчуковыхъ товарищей, мнѣ по женѣ свойственныхъ, Ивана Ивановича Бороздну и Петра Андреевича Миклашевского, да брата моего по матки двоюродного Константія Леонтовича, полку переяславского сотника золотоношского, которихъ и принять на себе оную должность по любви христіанской усердно прошу, уповая на ихъ добрую совѣсть, яко они сію мою остатную волю исполнити не приминуть. Оные-же господа эксекутори, ежелибъ, чего Боже сохрани, симъ моимъ тестаментомъ не довольствуясь, схотѣлъ кто и началъ что по смерти моей въ немъ перемѣнять, или въ чемъ либо къ перемѣненію сей моей остатной волѣ поступать, въ такомъ случаи, по моей въ семъ-же тестаментѣ поручаемой имъ господамъ эксекуторамъ полной мочы, имѣти будуть власть и силу у всякого суда и права такіе противные сему моему тестаменту поступки правнымъ порядкомъ отвращать и уничтожать. Всѣмъ же по сему исполняющимъ желаю высочайшого Божія удостоитись милосердія, а дѣтямъ моимъ всѣмъ и внукамъ Божіе, а при томъ и мое отческое благословеніе оставляю, да будетъ съ ними неотъемлемая милость Спасителя нашего.

13. Въ протчемъ заключаю сей мой тестаментъ тѣмъ, яко кто колвекъ изъ сродниковъ и ближнихъ, либо изъ коихъ ни есть посторонныхъ людей, по злобѣ ли какой приключившойся, или по нарочно умышленному устремленію и завзятю, озлобилъ и изобидилъ мене на чести и имени моемъ, либо на фортунѣ, то есть на имуществѣ, или въ чемъ нн есть иномъ, я таковыхъ всѣхъ обидителей моихъ отъ сердца моего во всемъ прощаю, взаемно-же аще и отъ мене кто таковымижъ образы озлобленъ и изобиженъ, то и я отъ таковыхъ желаю прощенъ быти всецушно; съ коими же въ судныхъ мѣстахъ о какихъ спорахъ земляныхъ, либо въ иныхъ заводахъ имѣются процесы, оные да раздрѣшатся судовымъ разсмотреніемъ и рѣшеніемъ, безъ вреда обоихъ сторонъ, совѣстнѣ. Всѣхъ такожде знающихъ мене издавна и доселѣ, да и всѣхъ вообще православныхъ христіянъ, ежели кому въ чемъ либо проступилъ словомъ или дѣломъ, всеприлежно прошу прощенія и о неоставленіи мене-жъ въ молитвахъ ко Всемилостивому Богу, которому и остатную жизнь мою и спасеніе мое, а при послѣднемъ издиханіи и духъ мой въ руцѣ Его предаю и препоручаю.—Сей мой послѣдней

воли завѣтъ или тестаментъ, будучи я по милости Божіей при добромъ, по состоянію лѣтъ моихъ, здоровьи и совершенномъ разумѣ и разсужденіи, сочинилъ 1759 году въ мѣсяцѣ декабрѣ 13 и къ оному печать мою приложа и свидѣтелей въ подписъ упроса, на ономъ же своеручно подписался. Оный-же тестаментъ, такожъ и въ откритомъ другомъ писмѣ сепаратній пунктъ написанный, на какомъ ни есть урядѣ вписать въ книги, а изъ книгъ и выпись въ домъ мой для сообщенія и господамъ эксекуторамъ къ вѣдѣнію и исполненію выдать соизволяю. Дѣялось въ Глуховѣ году, мѣсяца и числа выше сего означенныхъ.

На подлинномъ подписъ таковъ:

Ея императорского величества войскъ малороссійскихъ генералный хоружый Николай Даниловъ сынъ Ханенко рукою власною. (М. П.).

При сочиненіи сего тестамента и подписаніи оного власною рукою господина генералного хоружого, Николая Даниловича Ханенка, мы нижеподписавшиесь духовные и мирскіе персоны присудственны были и по изустному егожъ господина Ханенка прошенію на семъ-же тестаментѣ своеручно подписались и печати свои приложили.

Дому его ясневельможности капелянъ Корнилій Юзефовичъ. (М. П.).

Бунчуковый товарищъ Павелъ Ломѣковскій. (М. П.).

Бунчуковый товарищъ Василій Жураковскій. (М. П.).

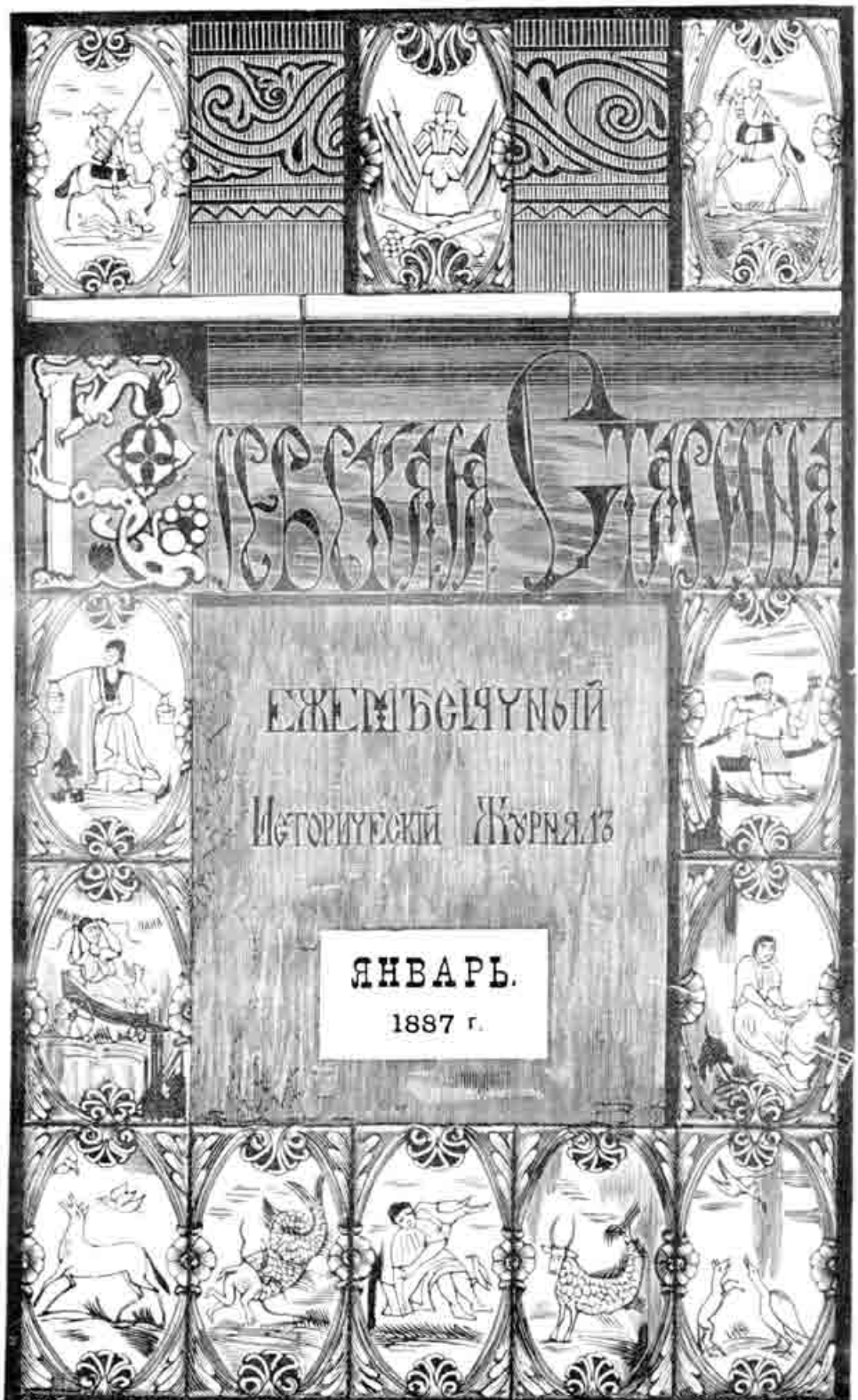
Бунчуковый товарищъ Стефанъ Кулябка. (М. П.).

Церкви святыя Анастасіи глуховской іерей Федоръ Бухновскій. (М. П.).

На ономъ помѣта такова:

1760-го году, февраля 21-го дня, вышепрописанный остатней волѣ завѣтъ отъ умершого хоружого войскового генералного, господина Николая Ханенка, о распридѣленіи движимыхъ и недвижимыхъ его добръ наслѣдникамъ, дѣтемъ его, сочиненный и отъ жены его господина Ханенка, госпожи хоружой генералной, Іуліяны Петровны, при прошеніи о вписаніи ового въ сотенные погарского уѣзду книги чрезъ брата оногожъ господина Ханенка, сотника золотоношского, господина Константина Леонтовича представленный, точно слово отъ слова въ книги сотенного погарского уѣзду подъ нумеромъ сто пятьдесятъ треттимъ вписанъ, чего въ засвидѣтельствованіе при приложеніи печатей и руками нашими на семъ тестаментѣ подписали:

Сотникъ погарскій Владимѣръ Соболѣвскій. Атаманъ городовый погарскій Афанасій Белякъ. (М. П.) (М. П.).



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая **Л. Штамомъ**.